

Виктор Акатов

ПЕПЕЛ ЧЕРНОБЫЛЯ

ДНЕВНИК ЛИКВИДАТОРА

ПАМЯТИ:

**ВАЛЕРИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА
ЛЕГАСОВА,**

**ВИКТОРА ПЕТРОВИЧА
ОВЧАРОВА,**

**ВСЕХ ПОГИБШИХ И УМЕРШИХ
СПАСАТЕЛЕЙ ЧЕРНОБЫЛЯ**

Виктор Акатов

**ПЕПЕЛ
ЧЕРНОБЫЛЯ.
ДНЕВНИК ЛИКВИДАТОРА**

РОМАН В ЧЕТЫРЕХ ЧАСТЯХ

ББК 84Р7
УДК 82 (93/94)
А 383 (Р 691)

Акатов Виктор. Пепел Чернобыля. Дневник ликвидатора.
– Роман в четырех частях. – М.: Издательские решения, 2021. –
366 с.: 7 ил.: 2 фотогр. **16+**
ISBN ...

Автор, являясь активным участником событий, дал глубокий анализ Чернобыльской катастрофы. В увлекательной форме подробно рассказал о наиболее важных этапах трагедии, раскрыл причины и последствия произошедшего, показал роль исторических фигур. С искренней болью и участием автор рассказал о жертвах аварии, погубленных и исковерканных судьбах жителей, детей, о героизме ликвидаторов.

Роман учит бдительности, рассказывает многое, чего не найти в учебниках, призывает сохранить чернобыльскую быль в памяти людской как жестокий урок и назидание нынешним и будущим поколениям. Взгляд автора, энергетика, ученого, писателя, честен и объективен, что подкрепляется прекрасным знанием истории энергетики и страны, широкой осведомленностью и авторскими исследованиями.

Книга предназначена для широкого круга читателей. **16+**

ISBN ...

© Виктор Акатов. Пепел Чернобыля.
Дневник ликвидатора. 2021.

Фото на 1-й стр. обложки из открытого источника:
https://spletnik.ru/blogs/kruto/136362_1986-god-v-tcvete-ili-kakim-byi-mir-30-let-nazad

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Однажды мне передали дневник ликвидатора Петра Русенко, с которым одно время мы были близко знакомы.

Дневник показался мне интересным и весьма полезным. Поэтому публикацию его я посчитал необходимой. Всё оставил, как было в рукописи, только соединил главы и подглавки в четыре части, добавил примечания.

Приятного чтения.

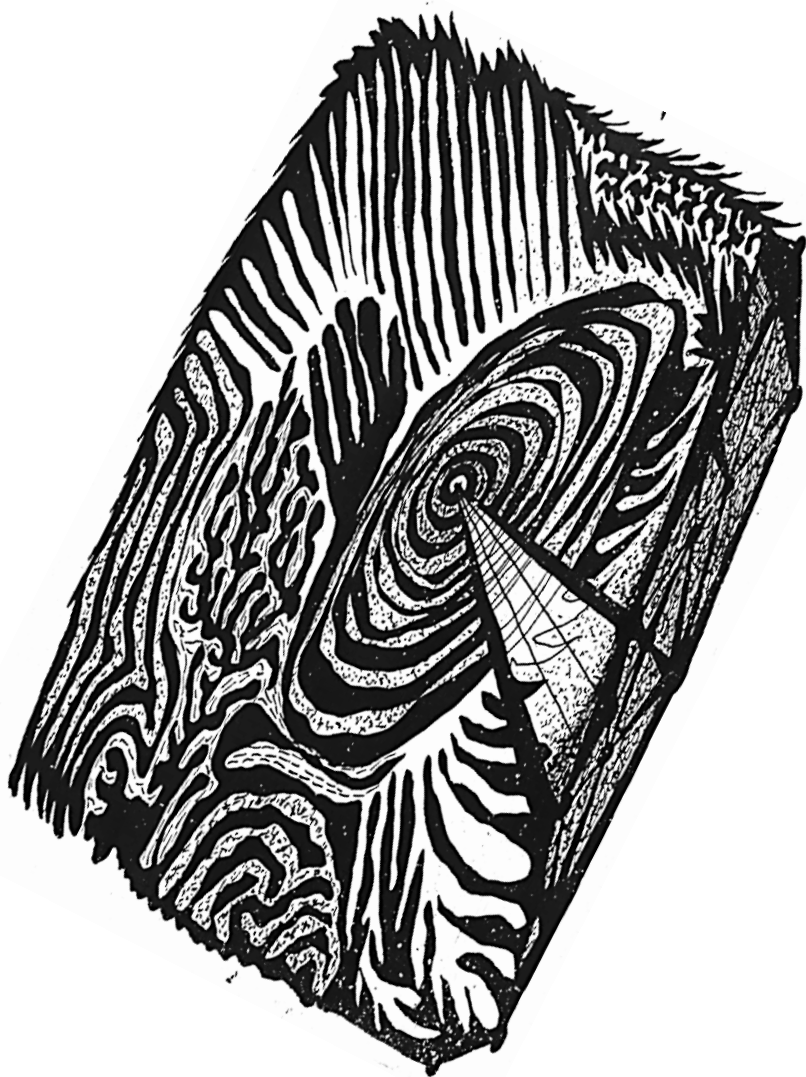
***Виктор Акатов,
писатель***

ПЕПЕЛ ЧЕРНОБЫЛЯ

**ДНЕВНИК
ЛИКВИДАТОРА**

ЧАСТЬ I.

**СЛЕД
ГОРЬКОЙ ПОЛЫНИ**

АВ

*Памяти первой жертвы, Валерия Ивановича Ходымчука, оставшегося
навсегда в чреве «Чернобыльского реактора».*

Глава 1. ВСПЛЕСК

18 августа 2005 года.

Начинаю вести дневник. Вернее, записывать то, что хочется или то, что просто необходимо запомнить. Идея дневника пришла мне после недавнего события. Что-то сильно зацепило меня. Видимо, важное, но что, пока я не понял. Потому и записываю, чтобы не забыть попозже разобраться.

Тот день потряс меня не тем, что случилось ранним утром в поезде, а тем, что произошло после. Я много ездил в поездах, много разного видел, однако такое – впервые.

Но обо всем по порядку.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Сев на московский поезд всего два часа до того, только начал засыпать, как поезд резко затормозил. Натужно, громко, со скрежетом металла, не желавшего подчиниться воле машиниста. Такое торможение может и мертвого разбудить. Сверху сыпались вещи. Люди соскакивали с полок. Слышались крики, шум, охи, ахи.

Ничего не понимая, я тоже вскочил. По привычке бросил взгляд на часы – 6 часов 14 минут. С грохотом накатывающихся друг на друга вагонов, состав, наконец, обмяк и остановился. Все прильнули к окнам плацкартного вагона. Рассвело. Не видно ни станции, ни полустанка, ни переезда.

Раздавались возмущенные возгласы:

- Почему остановились?
- Что произошло?
- Что это было?
- Чуть не убились!..

Мужчина, сидевший за боковым столиком, своим видом похожий на бывшего начальника средней руки, важно сказал:

- На перегоне что-то случилось.
- Может, кого задавили? – встревоженно спросила старушка, сидевшая напротив «начальника» и глядевшая на него.

– Этого не может быть, – безапелляционно сказал «начальник». – Увидев человека или машину на путях, машинист обязательно бы сигналил. А тут, поезд вон как тормозил, а никаких сигналов не подавал.

– Может, кто мину подложил, рельсы взорвал? Вона сколько раз уже показывали по телевизору, всё везде взрывают, страшно на улицу выйти.

– А ты и не выходи, бабуля, если ветра боишься, – усмехнулся суровый «начальник».

– Какого ветра?

– Ветра, который слухи разносит. Где взрывают? На юге. А где мы? В средней полосе. У нас здесь тихо.

– А если ещё вчера взорвали?

– Ну, ты, бабушка, даёшь! Тут поезда каждые двадцать минут следуют один за другим, то товарняк, то пассажирский, то электричка. Нет, взрыв бы слышали.

– А может пути разобрали, мину маленькую, негромкую подложили, чтоб только поезд под откос пустить, как в войну.

– Ты что, партизанила?

– Сама нет, мала была, с мамой жила в партизанском отряде в болотах под Гомелем. Батянька рассказывал.

– Тогда понятно, откуда страх у тебя. Врожденный. Сиди спокойно. Не было взрыва.

– Чего же поезд стал-то? – выпрашивала старушка.

– Чего-чего, – передразнил старушку «начальник» и отрезал, – Что-то другое... – потом, немного подумав, добавил. – Так значит надо.

– Чё надо? А если бы люди попадали с полок? – напала старушка на «начальника», как будто он был виноват в остановке поезда и возникшем из-за этого переполохе. – Поубивались бы мы тут. Чё? Так надо?

– Машинисту виднее, – назидательно сказал «начальник». – Наше дело – сиди и жди. Когда надо, поедет.

С верхней полки прыгнул парень в спортивном костюме и возмущенно заговорил:

– Не, мужик, так тормозить нельзя! Что, дрова везут?

– Вообще, обнаглели все. Что хотят, то и творят! – резюмировала сидевшая у окна напротив меня полногрудая круглолицая тетка, уминая за обе щеки яблоко. – Там наверху сидят, порядок навести не могут.

– Так кто там сидит? Раньше бы они в других местах сидели! – охотно подхватил тему «начальник». – В советское время такого не было. И быть не могло. Я чуть головой об угол не ударился. Прямо об железку.

– Это что! Я вот чуть с полки не слетел! – продолжал возмущаться «спортивный костюм». – Правильно, бабуся, говоришь, убился бы. Или инвалидом стал. А кто отвечать будет? Виновных-то и не найдут.

– Так никому нет дела. Что творится, что творится! – заохала тетка. – Во, времена!

– Раньше на железке, говорят, порядок был железный, – сказал «спортивный костюм», выставив вперед перед собой увесистый кулак.

– Чего же не быть железному порядку, когда его Железный Феликс и Железный Лазарь наводили с помощью ЧК, ГПУ, НКВД,¹ – сказал худой, совершенно лысый, болезненного вида мужчина, сидевший рядом с теткой. – Да так наводили порядок, что ещё сорок лет не только железка, а вся страна дрожала в страхе от их приспешников.

– Зато по поездкам часы сверяли! Ходили минута в минуту, – гордо сказал «начальник», – А без страха нельзя. Вот машинист, видать, светофор проспал. Переполоху натворил. А что ему за это достанется? Небось, и премии не лишат. А посадили бы парочку таких для острастки, другим бы неповадно было.

Бабуся, сидевшая как на углях, и всё время пытавшаяся вставить своё словечко, тут же наскочила:

– И никаких аварийев не было, никаких катастроф! Нельзя телевизор включить! То тут что-то случилось, то там. Ужас!

¹ Железный Феликс – председатель Чрезвычайной комиссии Феликс Эдмундович Дзержинский; Железный Лазарь – народный комиссар путей сообщения Лазарь Моисеевич Каганович (здесь и далее примечания даны Виктором Акавовым).

– Во-во! И убийств не было. И бандитов. И этих..., как их...мафии тоже не было, – сердито добавила тетка.

– Конечно, ничего не было! Ну как же! – саркастически воскликнул «лысый». – До перестройки у нас тишь да благодать была! А пароход «Суворов» на Волге в мост врезался и затонул. Между прочим, с людьми! А два корабля столкнулись на рейде на Черном море, один из них пассажирский. Сколько людей погибло? А скорый поезд под Уфой, как газовый факел, сгорел дотла. С людьми! Более пятисот человек заживо сгорели.

«Ну, вот все и проснулись, – подумал я. – Ох, эти разговоры в поездах! Наездился, знаю. Обычно распалются, навывсказываются, а потом дуются друг на друга или подерутся. Однако, «лысый» во многом был прав, но у меня он почему-то не вызвал симпатии. Правда «начальник» во сто крат более неприятен. Будут они теперь спорить до посинения, да на горло брать... А ведь ничего и не докажут друг другу. Так со своими идеями и останутся».

Однако, в этот раз всё развивалось не по привычному сценарию, не как обычно.

Состав стоял, как вкопанный. Не было слышно никакого движения. Но мои попутчики уже забыли о внезапной остановке поезда и внимательно смотрели на «лысого». А он, попеременно вглядываясь в глаза каждому из собеседников, всё допытывался:

– А как в тридцатые годы пересажали четверть страны, забыли? Сколько расстреляли! Да без суда и следствия. А ещё раньше лучших крестьян обозвали кулаками и семьи их рассеяли по стране. Большинство погибло. Или этого не было? А дело врачей после войны, космополитов, генетиков. Скольких сослали в лагеря! Мало кто оттуда вернулся. Это что, порядок?

– Ну, ты и закрутил! Мы же не о том, – примирительно проворчал «начальник».

– Как не о том? Вы же только что говорили, «порядок был, тишь да благодать». А какой ценой? Вот в Новочеркасске мирную демонстрацию расстреляли, что, не слыхали? А как подавили мятеж в Грозном в 56-ом, бунты в шестидесятых – в Кривом Роге, Павлограде, в других городах, в семидесятые – в Ташкенте, Чимкенте, Баку, в 86-ом – в Алма-Ате, Карабахе,

Тбилиси, Риге? А мятеж, который на боевом крейсере поднял политработник Саблин, отстранил командира и пытался увести корабль в Финляндию. А один пилот истребитель последней разработки угнал в Японию, а та передала самолет нашим врагам, американцам...

– Так это те, кто порядка не хотел, – назидательно возразил «начальник». – Кто считал, порядок нужен, тот не буянил.

– А наши танки в Будапеште в 1956, Чехословакии в 1968 году? Сколько людей полегло там, а сколько ребят сгинуло в Афгане? Может, вспомним, сколько судеб и надежд погубила так называемая Всесоюзная стройка БАМ, по которой один поезд в сутки ходит, добровольцы-комсомольцы до сих пор маются без работы и жилья.

– И это не то! – резко сказал «начальник».

– А то, что людей кидали правители, куда хотели? Это порядок? Небольшая горстка порядочных людей в 68-ом году вежливый голосок свой подняла, мол, так же нельзя, товарищи, танками на дружественную Чехословакию. А по их судьбам, как тракторами проехали, тюрьмами, психушками, будто они угрожали жизни этих правителей. А как душили экономическую инициативу?² Тюрьмой, где обрывались лучшие жизни, которых так не хватает сейчас.

– Они-то как раз и нарушали порядок! – побагровев, набычился «начальник». – Ещё больше надо было сажать, не было бы сегодняшнего бардака!

– Да и так сколько пересажали, выселяли целыми народами, отправляли на поселение без права возвращения. Куда уж больше? При царе это называлось – каторга и ссылка.

– Зато порядок был, – всё равно бубнил «начальник».

– А народ-то не согласился с таким порядком! А что и аварий не было? – не унимался «лысый». – Да сколько угодно! Только замалчивали, как и всё то, о чем я только что говорил. Сколько плотин обрушалось, оползни, сели. Скрывали. Постоянно занижали погибших в результате землетрясений в Ашхабаде, Ташкенте, Спитаке. Только после распада СССР это стало

² Уголовно преследуемая хозяйственная инициатива передовых руководителей; многие после 1985 реабилитированы.

известно. А пожары, помните, сгорела самая крупная гостиница «Россия» в Москве, а обрушения жилых домов, цехов предприятий, крушения поездов, затонувшие подводные лодки, падения эскалаторов в московском метро³? Или эпидемии чумы в Казахстане в 66-ом не было, а в семидесятые – эпидемии холеры, гепатита, туберкулеза. А погибший от смерча пионерлагерь под Костромой. А взрывы сотен ядерных зарядов «в мирных целях» не только в пустыне или в какой-нибудь тундре, но и в сердце страны, например, в Ивановской области⁴ всего в каких-то трехстах километрах от Москвы.

А сколько жизней унесла радиация на «Маяке» и реке Теча в Челябинской области, на Украине в Желтых водах, при взрывах ядерной бомбы у Тощих лагерей⁵, на ядерных полигонах Новой Земли, под Семипалатинском ...

«Начальник» вздрогнул, сурово посмотрел на «лысого» и строго спросил:

– Что ты знаешь о Семипалатинске? Я там был. Что ты знать можешь? Э-эх! – потом махнул рукой, уставился в окно, показывая этим, что больше говорить не хочет и считает дальнейший разговор бесполезным.

Остальные попутчики смотрели на «лысого» как будто в гипнотическом состоянии. От него действительно исходили какие-то флюиды и люди слушали этот неожиданный монолог, затаив дыхание. Эмоциональный всплеск «лысого» был такой силы и такой ненависти к тем, кто пытается забыть прошлое, что и в соседних отсеках вагона пассажиры как-то затихли. Многие придвинулись поближе к нам.

Все даже не заметили, как поезд тронулся. Мягко, осторожно он покатился, постепенно набирая ход. Тут же проплыл семафор, на котором горел зеленый свет.

³ В феврале 1976 г. в Москве сгорела гостиница «Россия! В метро 8.01.1977 г. произошло сразу три теракта, которых в СССР не было до этого почти 50 лет. За 1977-96 гг. в московском метро в девяти случаях погибло 19 и ранено 87 чел.

⁴ В Кинешемском р-не Ивановской области в 1974 г. Всего в СССР произведено около 100 подземных ядерных взрывов в мирных целях.

⁵ В Оренбургской обл.. В 1954 г. впервые в СССР проводились военные учения с реальным взрывом боевой атомной бомбы.

КОШМАРНЫЙ ПОРЯДОК

– А Чернобыль! Чернобыль! – вдруг возопил «лысый».

Я вскинул глаза на него. Действительно, что может знать этот тщедушный желчный человек о Чернобыле? Что? Чернобыль – это моя боль и мучение на всю оставшуюся жизнь. Что может знать, этот начитавшийся умник!?!..

– Знаете, сколько там пожгли людей!? – орал «лысый».

– Как пожгли? – удивленно спросила тетка.

– Постой, пожарники же не сгорели... – недоверчиво сказал «спортивный костюм», – Они ведь тушили...

– Да, тушили! Только после аварии все умерли. Нахватали по 400 рентген⁶ и больше. Доза «несовместимая с жизнью», как говорят медики, – с горечью произнес «лысый».

Я отрицательно покачал головой и негромко сказал:

– Вы не совсем правы. Из пожарных сразу умерло шесть человек, потом ещё несколько в течение года. Остальные выжили. Правда, на сегодня, из тех, кто тушил реактор, а не машинный зал, по-моему, уже никого нет в живых. Недавно умер бывший командир припятской военизированной пожарной части Толоконников, Герой Советского Союза.

– Да, какая разница! – распалившись, не мог остановить «лысый». – Всё равно умерли, могли бы остаться жить. Этот их командир, да, герой, его потом в Англию послали на лечение, так он был тогда в отпуске. На ночь уехал порыбачить на Припять. Сидел у костра с друзьями, а тут грохот, словно удар грома. В ту ночь была полная облачность. Глянул в сторону АЭС – а там зарево. Как был в портках, так и побежал на станцию. Возглавил тушение. А что было тушить? Вода из шлангов до реактора и не долетала – испарялась в воздухе. Там в реакторе температура была больше четырех тысяч градусов! И фон в несколько тысяч рентген! Зачем ребят гнали тушить реактор? А?

– Не знаю. А зачем? – спросил «спортивный костюм».

– Начальники должны были знать, что это бесполезно! Ребят только пожгли, а пользы никакой! Вот те, кто отстаивал

⁶ Рентген – единица дозы рентгеновского и гамма-излучений. Названа в честь немецкого физика В.К. Рентгена.

машинный зал, где были турбины, баллоны, емкости, баки, горючие вещества, – вот те действительно, сделали важное дело – отстояли машзал. Многие из них до сей поры живут. – И чуть подумав, с видом человека, исполнившего свой долг, а мне показалось, что просто выдохнувшись, «лысый» уже более спокойно добавил. – А ведь пожар мог перекинуться и на третий блок. Вот, тогда было бы два Чернобыля.

Я внимательно смотрел на «лысого». Возможно, моё отношение к нему было неверным, потому что в последних словах я почувствовал – он знал, что говорил. Наши взгляды встретились. На меня смотрели ясные, чистые, совестливые, подернутые пеленой глубокой грусти глаза неравнодушного человека. Мне показалось, эти глаза видели большую беду, близкое горе, страдали и всё ещё продолжают страдать. Несомненно, «лысый» был в Чернобыле. Его задела огульность, черствость, безразличие наших попутчиков. Наверное, оттого так и распалился.

«Лысый» тоже смотрел на меня, как будто что-то изучал во мне. И вдруг, облизывая пересохшие губы, хрипло спросил:

– Ты тоже там был? В пожарниках?

– Все там были пожарниками – тушили три источника и три составляющие части советской системы: самонадеянность партийной власти, изворотливость трусоватого чиновничества и извечное «авось» подневольных производственников.

– Во, сказал! – восхитился «лысый», обводя всех взглядом – Во, сказал, так сказал!

– Нет, не я это сказал. Один очень умный человек так сказал незадолго до своей смерти.

– А кто это?

– Академик Легасов⁷. И я с ним согласен.

– Ты его знал?

– Довелось работать с ним.

– Когда был там?

– В 86-ом, с мая по февраль следующего.

⁷ Валерий Алексеевич Легасов (1936-1988), академик, доктор химических наук, профессор. Был членом правительственной комиссии по расследованию причин и по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. По-смертно удостоен звания Героя России.

- Ого! Получается почти год.
- Если считать без перерывов, то полных 8 месяцев.
- А где работал? Что делал?

Но я не успел ответить, потому что в наш только что начавшийся разговор вклинился «спортивный костюм»:

– Стоп, стоп, стоп, дядя! Не уходи от разговора! Сам начал. Вот ты сказал, людей пожгли. Так? Т-а-ак. Но они же не сгорели в пожаре, просто облучились. Неча тут тюльку пороть!

И с видом человека, схватившего вора за руку, «спортивный костюм» победоносно окинул взглядом окружающих.

– Это тебя надо пороть, – охладил его «лысый», – пожгли, значит, получили дозу радиации больше установленной нормы. Переоблучили, то есть – пожгли радиацией. Таких людей тьма.

– Сто-о-оп! Опять на темноту берешь? – оскалился «спортивный костюм». – Какая тьма? Сколько пожарников могло там быть? Сто, ну, двести от силы. А ты говоришь, тьма.

– Какие пожарники! Да там вся страна перебивалась! – вспылал «лысый», – За первые четыре года через Чернобыль прошло более миллиона человек. Это что не тьма?

– А какая норма облучения? – поинтересовался подросток из соседнего отсека.

– Это, как считать, – сказал «лысый». – При работе на ядерном объекте в мирное время – четыре бэра в год. Бэр⁸ – это биологический эквивалент рентгена, почти равен одному рентгену. Поэтому больше пользовались рентгеном. В Чернобыле была установлена норма в 25 рентген, в шесть раз больше нормы мирного времени для работников атомных электростанций. Но очень многие эту норму перебрали.

– А разве не считают радиацию в кюри⁹ и в этих ещё, ну, как их... ага, в радианах? – опять поинтересовался малец.

– Не в радианах, ими измеряют углы, а в радах¹⁰. Сейчас применяют ещё грэи¹¹, беккерели¹² и зиверты¹³. Если учесть, что

⁸ Бэр – устаревшая единица измерения дозы излучения; то же, что и *зиверт*, но в сто раз больше.

⁹ Кюри – единица количественной оценки активности радиоактивного вещества. Названа в честь французских ученых Пьера Кюри и Марии Склодовской-Кюри. Один *Ki* = 3,7 *беккерелей*.

эти величины бывают микро, милли, кило, мега, можно в них запутаться! В рентгенах проще. Тем более все эти показатели являются его производными.

– А зачем так много показателей?

– Ну, как тебе сказать. Вот ответ из народного чернобильского «черного» юмора:

*Все начальники и члены
измеряли луч в рентгенах.
Но потом все дозы в бэр
перевел какой-то х..., простите, ... сэр,
чем навел большую смуту.
Чтоб народ совсем запутать,
он ещё придумал выверт –
перевел всё в грэй и зиверт.
А хоть даже в хвост и в гриву –
нам ведь только быть бы живу.*

Ну, теперь понятно?

– Да чего уж тут не понять.

ДОПРОС С ПРИСТРАСТИЕМ

– Ладно, пацан, помолчи, не мешай – взрослые говорят. Уважай! – и обращаясь к «лысому», «спортивный костюм» потребовал. – А ты, мужик, не отвлекайся!

¹⁰ Рад – единица поглощенной дозы излучения. Один $Rad = 100 \text{ эрг/г}$.

¹¹ Грэй – единица поглощенной дозы излучения, названа в честь английского ученого Л. Грэя. Один $Gr = 100 \text{ Рад}$.

¹² Беккерель – единица активности радиоактивных изотопов. Названа по имени французского физика А. А. Беккереля. Один $Bk = 1 \text{ распада в сек}$.

¹³ Зиверт – единица дозы радиационного заражения поверхности, территории. Названа в честь шведского ученого Г. Р. Зиверта. Один $Zv = 102 \text{ Бэра}$.

– Да-да, не отвлекайся! Не юли! – не сумев сдержать в себе раздражение, опять включился в разговор «начальник». – А то, такого напел! Будто вся страна в Чернобыле была.

– Вот именно, почти вся была. И сейчас есть. И долго ещё грязь чернобыльскую будет есть.

– Как это?

– Сейчас скажу, только не перебивайте. В среднем по статистике семья составляет три-четыре человека. Возьмем три. Надо добавить родителей обоих супругов и их дедушек и бабушек. У половины вышеперечисленных есть хотя бы по одному брату или сестре со своей семьей из трех человек, а у всех них вместе взятых как минимум по одному другу или подруге со своей семьей из трех человек. Получается не менее 70 человек. Наша статистика и социология не признают такое понятие, как «круг семьи». А зря. Ведь семейный круг это родственники и самые близкие люди, которые поддерживают отношения между собой и переживают друг за друга. На Востоке семейный круг считается не менее 300 человек. А теперь давайте сделаем следующий подсчет. Всего Чернобыль за первые четыре года облучил более 4 млн. человек...

– Не может быть! Враньё! – резко перебил «начальник».

– Может. Не то ещё может быть. Да сам посчитай. В Чернобыле работало не менее ста различных организаций, строители, монтажники, эксплуатация, ремонтники разного профиля, торговля, питание, милиция, различные оперативные группы практически всех министерств Союза, РСФСР, Украины, Белоруссии, всех отраслей промышленности, наука, транспорт, связь, снабжение, авиация, медицина и так далее. В среднем по тридцать – пятьдесят человек в каждой, хотя были и более тысячи. Менялись каждые две-три недели. Конечно, некоторые и больше работали в зоне, но это в основном руководители. Таких, мало было. Да вот перед вами такой, – «лысый» указал на меня пальцем и выдал только что полученную от меня информацию. – Вот он был там почти год.

Все удивленно посмотрели на меня. Я смущенно улыбнулся. Надо было что-то сказать, но «лысый» продолжал:

– За четыре года сто смен. Вот уже 400 тысяч человек. Плюс химические войска, части гражданской обороны, инженерные части, летный состав, стройбат, тыловые части, связь, даже пограничники были, а с учетом сменяемости каждые два-три месяца – ещё более 600 тысяч человек. В городе Припять проживало около 50 тысяч человек и в остальной тридцатикилометровой зоне столько же. Сложи всё и получишь миллион.

– Не спеши! Куда летишь? – остановил лысого спортивный костюм. – Не успеваю за тобой считать.

– Один миллион сто тысяч, – отчетливо произнес подросток. – На сто тысяч больше миллиона.

– Я же сказал – миллион! – уверенно сказал «лысый». – А сколько жителей облучилось за пределами черновыльскай тридцатикилометровой зоны? Если прибавить население, облученное радиационными осадками во всех областях Белоруссии, Северной Украины, в Брянской, Курской, Тульской, Орловской и других областях России¹⁴, то как раз и получится четыре миллиона. А теперь главное. В то время в СССР было 280 миллионов жителей. Ну-ка, хлопец, раздели на семьдесят.

– Это просто. Четыре миллиона.

– Четыре миллиона семей! И четыре миллиона облученных. Это значит, что в среднем черновыльская беда затронула каждый семейный круг. А на Украине, в Белоруссии, да в загрязненных областях России многие были облучены целыми семьями. Так разве не коснулся Чернобыль всей страны?

– Нет, не всех, – сказал «начальник». – В нашей семье никого не коснулся. Живем мы далеко, в Нижегородской области, у нас всё чисто – Чернобылю не достать!

– Ох, как достать! – сказал «лысый» и, взглянув на меня, спросил. – Звать-то тебя как?

– Петр.

¹⁴ По данным на 1994 г. только в России около 8 тыс. населенных пунктов подверглись радиационному загрязнению вследствие аварии на ЧАЭС с населением 2,7 млн. чел. Было заражено 59,3 тыс. кв. км территории.

– Меня – Николай. Значит, и познакомились. Вот, Петр подтвердит. В Хиросиме¹⁵ число умерших за все прошедшие годы превысило количество облученных во время взрыва в два раза. И уже пятое поколение продолжает страдать от той бомбардировки. И сколько ещё поколений будут нести в себе смертоносные гены? Никто не знает.

– Ну и что? – невозмутимо спросил «начальник».

– А вот что! Вся ли твоя семья живет рядом с тобой? Небось есть братья, сестры, дети, племянники, друзья, их родственники, живущие в других местах? Покопайся в головушке своей и найдешь, кто из них живет ближе к Чернобылю, чем ты, а может, кто из них и побывал в Чернобыле. Что, они тебе безразличны? Вряд ли. А дашь ли ты гарантию, что члены твоей семьи, дети, внуки, их дети не женятся на детях, внуках, правнуках облученных Чернобылем людей или их потомков? Не дашь? То-то! Вот и отравят они твой такой чистенький исконно нижегородский род. – Тяжело вздохнув, «лысый» добавил. – Нет, всех достанет Чернобыль. Всех! Это кара нам за то, что от Бога отступились. За то, что возгордились, решив жизнь строить по-своему, не по-божески. Теперь долго молиться надо, отмыться и каяться. Всем, всем, всем...

Николай опустил голову и что-то продолжал бормотать себе под нос. Он стал похож на выжатый лимон, выбросивший из себя всю свою кислоту наружу, и после этого обмякший от безнадежности своего дальнейшего существования. Как после изнурительного допроса с пристрастием.

Каким колким был только что этот человек, и каким теперь стал. Просто никаким. Глядя на «лысого», я подумал тогда: «А ведь он прав. Ох, как прав!».

МРАЧНЫЕ ПОДСЧЕТЫ

Старушка участливо спросила «лысого»:

¹⁵ 6.08.1945 г. в 8 утра на седьмой по величине японский город Хиросиму, а через три дня на город Нагасаки, были сброшены боевые атомные бомбы мощностью по 20 тыс. тонн в тротиловом эквиваленте каждая. Погибло и облучилось сразу, а также заболело лучевой болезнью впоследствии, в т.ч. в последующих поколениях – более 600 тыс. человек.

– Что ж ты так разволновался, милый? Стоит ли так сердать? Всего-то добрым словом помянули старое время, а ты так разошелся. Пошто злой такой?

– Да не злой я, бабуля! Просто живем мы не так. Быстро забываем, что было с нами, со страной. Вы же не молодежь, сами, небось, не на Луне жили, а забываете. Но многого и не знаете. Так как всё скрывалось. И про Чернобыль. Сколько душ пропало!..

– А где этот Чернобыль?

– Ты что, бабушка, про Чернобыль ничего не слыхала?

– Слышать-то слышала, а где он находится, подскажи.

– На севере Украины, в Киевской области, недалеко от того места, где река Припять впадает в Днепр.

– А от Гомеля далеко? У нас там тоже река Припять.

– Недалеко, около сотни километров. Чернобыль накрыл всю Гомельщину. К чему тебе Гомель? Родственники там?

– Не знаю. Может, кто и остался. Мы там жили до войны. Немцы село спалили. Жить было негде, подались на Урал. А сильный этот твой Чернобыль?

– Вот, бабуля, сравни. О Хиросиме слыхала?

– Как не слышать.

– Так вот, бомба в Хиросиме была первая, самая слабая, взорвалась на высоте 600 метров, к тому же сильный ветер в тот роковой для японцев день сравнительно быстро снес радиоактивное облако в океан. Хотя всё было уничтожено в радиусе четырех километров, но заражение почвы произошло только в радиусе не больше десяти... Слушай, пацан, это сколько квадратных километров будет? Как у тебя с арифметикой?

– Хорошо. Только это геометрия.

– Ладно, всё одно, математика. Так сколько?

– Сейчас, – паренек начал что-то считать в уме, потом говорит, – чуть больше трехсот квадратных километров.

– Запомни, бабуля, и ты, пацан. Сейчас нам это пригодится. В Чернобыле только зараженная тридцатикилометровая зона составляет... Сколько, пацан?

– А я уже догадался, что вы хотите сосчитать.

– Ну и ?

– Сейчас... м-м... Две тысячи восемьсот квадратных километров. Ну, чуть больше...

– Ё-моё! – воскликнул «спортивный костюм», – Это же почти в десять раз больше!

– В девять раз, – уточнил паренек.

– Видишь, бабуля, в девять раз. Так это только территория зоны отчуждения. В Чернобыле радиоактивные облака ветер разносил во все стороны света не менее месяца. Столько тысяч квадратных километров не забетонируешь, и в саркофаг не спрячешь. Добавь еще места, зараженные радиоактивными осадками в Белоруссии, Украине, России, наверное, 100 000 кв. км.

– Ого! Это же получается в триста раз больше! – выпалил паренек. – А вы сказали в сорок.

– Это я читал. После Чернобыля изучал всё, что смог найти о трагедии в Хиросиме. По погибшим в первый день Чернобыль не сравним. В Хиросиме и Нагасаки сразу погибло около двухсот тысяч человек. Один ученый писал, что Чернобыль в сорок раз больше нагадил. Может быть это по общей мощности радиационного заражения. Не знаю. По площади – в 300 раз.

– А сколько погибло в первый день? – спросил пацан.

– Двое. Затем в течение лета вроде ещё полсотни, а за год, слышал, больше 6 тысяч человек умерло, потом не знаю. Не говорят же. Правда года два назад была передача по телевизору о Чернобыле журналистки, помните которую похищали чеченские боевики... Забыл фамилию...

– Елена Масюк? – неуверенно спросил мужчина, сидевший рядом с мальчиком.

– Во, во! Точно, Елена Масюк. Так вот она говорила, что за годы после Чернобыля, это почти за двадцать лет, уже умерло триста тысяч человек.

– Это по 15 тысяч человек в год! – воскликнул мальчик.

– Ага. А в Хиросиме, я уже говорил, ежегодно умирают по пять тысяч. Там сразу облучилось больше трехсот тысяч человек и за шестьдесят лет столько же умерло. Тут интересная особенность – оказывается японцы в силу своей традиции редко меняют место жительства. Поэтому облученные в основном не уехали подальше от Хиросимы. А у нас облучилось больше че-

тырех миллионов человек и разъехались они по всем областям, аж до Сахалина.

– Это что же, и у нас столько же помрет, сколько облужилось в начале? – с недоверием спросил «спортивный костюм».

– Не знаю. Нет статистики, которой можно было бы доверять. Может быть, меньше, может, больше. Никто же правду не говорит. Всех по СНГ разметало. У каждой страны свои проблемы, да и смотрят они все в разные стороны.

– А если у нас такой же темп, как у японцев? – озаботился «спортивный костюм».

– Нет. Всё-таки медицина за шесть десятков лет продвинулась. Но у нас на огромной территории выпали радионуклиды тяжелых элементов, долгоживущие, некоторые распадаются сотни лет. Так что грязь черновыльская, наверное, уже расползлась по всей стране. Может всех затронуть. А если реактор окончательно не успокоят, то может быть и хуже...

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ

Возникшую паузу прервал «спортивный костюм»:

– А может ты всё врешь, парень?

– Слушай, Петр, ну хоть ты скажи ему. Что всё молчишь? Разве я не прав? Ты ведь там небось начальником был?

– Ну, был.

Мне так не хотелось говорить о себе. Вообще я не любил разговоры на черновыльскую тему, старался избегать их, а тут такое дело. Говорить не хочется и неудобно молчать. Тогда я решил переменить тему и сухо спросил Николая:

– А ты-то, где там был? В какое время?

Николай, немного задумался и, как бы нехотя, ответил:

– И был там,.. и не был...

– Это как? – удивился я.

– Да так, едрёна Мотя! – в сердцах воскликнул Николай.

– Брат старший был у меня там. Ещё в первые дни. Получил за один день больше ста рентген. Пошел на блочный щит управления какую-то документацию забрать, хотел что-то понять, как всё случилось. Лез по кабельному каналу, через какие-то обвалы... Там же тысячи рентген свистели! Ну, и сгорел...

– Кто ему разрешил?

– Да, никто. Сам так решил... Он же принимал четвертый блок в эксплуатацию. Вот, его и заело. Вину свою чувствовал. Сразу свалился. Я его уже в Москве нашел в Воробьевской клинике. Там находилось больше сотни ребят с Чернобыля и брат. Первые лежали в спецбоксах. Часто умирали. Иногда по два человека в день. Брат умер через четыре месяца.

– М-да!.. Глупо... Можно было обойтись без этой самодеятельности... А сам ты в Чернобыле был?

– Похоронил брата и поехал туда. А уже режим, не пускают. Ты, мол, кто такой, откуда, зачем? А я просто хотел отмотить грех, что на нашей семье висит. Если бы брат Виктор не принял блок в эксплуатацию, может, и этой аварии не было бы.

– Ну, это ты не заблуждайся. Не бери чужой грех на себя. Да и не было греха. Или тогда мы все во грехе. К сожалению... Николай, авария всё равно случилась бы. От той комиссии, что принимала блок, ничего не зависело. Трагические ошибки ученых и руководства атомной энергетики выявились после чернобыльской трагедии. И вообще. Блок должен был где-то взорваться. Мы все так тогда думали. Ожидали. На Ленинградской за четыре года до того точно такая же авария была. Это могло случиться и на Смоленской, Курской. Не при чем тут твой брат.

– Ну, не знаю. Только многие винили его. И мне этим тыкали. Потому я, по специальности механик, решил, что где-нибудь пригожусь. Пробрался в зону по какой-то тропе, попросился в строительную организацию, сказал, что местный, никого у меня нет, документов нет, деваться некуда. Поверили, приняли. Выполнял всякую работу, какую давали. На Новый год все уезжали по домам, ну и я попросился съездить в Киев на недельку передохнуть. Дескать, к дальним родственникам, а сам мотнулся домой к семье, в Пермь. Приехал, нарасказывался, возможно переволновался и на второй день инфаркт. Долго лечился. А документов, когда уехал, не взял! Всё, что было со мной, там и осталось. Числился-то не как командировочный, деньги получал на месте, документов у меня никаких не было, пропуск в зону с собой взял, но он куда-то задевался, так и не нашел. Сколько лет доказываю, что я – ликвидатор. Полное

название организации оказалось и не знал. Говорю, хозяйство Горбунова. А какого Горбунова, откуда он, и не задумывался, работал да и работал. Кадровые документы теперь где-то в другой стране, на Украине. Вот и получается, и был там, и не был... Ну, да ладно. А ты куда путь держишь?

– В Москву.

– По делам или отдыхать?

Я думал, говорить или нет. Почему-то не хотелось лукавить перед этим человеком. Но и при всех говорить, куда еду, тоже ни к чему, если знает, поймет, не знает, ну и ладно. Ответил коротко:

– Да, так, на Каширку.

– Во дела! – всплеснув руками, воскликнул Николай. – Я тоже туда еду. Ну ты даёшь! Вот это да! Правда я сначала мотнусь в Киев, один хороший человек помог разыскать организацию, в которой я работал, а потом тоже на Каширку, – и оглядывая попутчиков, грустно объяснил им. – Это Всесоюзный онкологический центр при Академии наук¹⁶. Последнее пристанище. Он находится на Каширском шоссе. Все, кто там побывал, называют его просто Каширка. Петро, а что у тебя? Операция была? Какой раз едешь?

– Оперировали, вот еду четвертый раз. До того лечился в Воробьевке в 87-ом и семь лет назад тоже. А ты?

– Шестой. Но все на Каширке. Теперь, наверное, надолго. Или... Вот, только надо документы выправить, чтобы моей любимой женушке пенсию после меня прибавили. Сказали, вышлют бумаги, а я решил сам съездить, а то мало ли что. Вдруг времени осталось немного...

НЕОЖИДАННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

¹⁶ Ныне Российский онкологический научный центр им. Академика Н.Н. Блохина Российской академии медицинских наук.

В вагоне стало тихо. Все опять прильнули к окнам, хотя там ничего необычного не было: лес, столбы, насыпь. Видимо, говорить никому больше не хотелось.

Так бывает: затронут тему, а она вон как выплеснется. А всем хочется покоя. Зачем своей бедой других нагружать. У них своих проблем, хоть отбавляй, и для них они важнее любого чужого горя. Всякому своя болячка больней. Как у Бунина:

*Зачем и о чем говорить?
Всю душу с любовью, слезами,
Всё сердце стараться раскрыть
И чем же? Одними словами...
Да и о чем рассказать?
При искреннем даже желаньи,
Никто не сумеет понять
Всю силу чужого страданья.*

Хотя у Бунина – «мужского страданья». Он это написал в дни сильнейшей депрессии, и в принципе верно для любого человека.

Люди преодолевают всякие напасти. Целыми гроздьями, одна за другой они сваливаются, превращая жизнь в беспросветную суету. И человек несет этот крест, который сам на себя взвалил. Зачем ему чужие проблемы?

Оттого мне стало неловко, что Николай и я потревожили попутчиков нашим разговором. Жаль, что и день начался с безрадостных черныбыльских воспоминаний, от которых все эти годы старался убежать. Ведь я родился в тех местах, там прошло моё детство. А потом эта трагедия. И слышать и думать об этом мучительно. Даже по прошествии почти двадцати лет.

Чтобы как-то разрядить ставшую натянутой обстановку, я пригласил Николая выйти в тамбур подымить, хотя сам не курю уже много лет. Вышли и погрузились в воспоминания, как друзья, не встречавшиеся целую вечность, почти до Москвы...

Только увидев, что уже проехали Мытищи, вернулись в вагон. Все были с нами очень приветливы, говорили, что волновались, куда мы делись, выглядывали в тамбур, там ли мы, что пора собираться, скоро Москва. Только «начальник» молчал, смотрел в окно, изредка косо поглядывая на нас.

Он первым вышел из вагона, насупившись, не сказав никому ни слова. Остальные очень трогательно прощались с нами.

Мы с Николаем собирались неспешно. Вышли на перрон, опять закурили, разговорились. Только решили идти к вокзалу, глядим, «начальник» возвращается. Подумали, наверно что-то забыл. Но он не стал заходить в вагон. Подошел, потоптался возле нас, потом вдруг говорит Николаю:

– Меня Василием Игнатьевичем зовут. Ты, Николай, того... Не держи зла... Знаешь... Иногда надо хорошо по мозгам получить... Вот мой адресок, – и он протянул Николаю вырванный из записной книжки лист. – На Каширке своей не задерживайся. Загубят. Приезжай к нам в Ветлугу. С женой. Здоровее мест нет на Земле. Поверь, не зря туда из Кирова переселился. Тоже кое-что прошел... Ну, и в Семипалатинске... На травах наших, родниках, на меду, в баньке мы из тебя всю эту дурь и злость черныбыльскую выведем, чтоб тебе и другим не мешала. А если помрешь, что ж делать. На природе-матушке помереть лучше, чем в больничной клетке. Чистым перед Богом предстанешь.

И не прощаясь, Василий Игнатьевич резко развернулся и пошел к вокзалу уверенной неторопливой походкой человека, только что совершившего важное и доброе дело.

Глава 2. ТОТ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

23 августа 2005 года

Когда я первый раз зашёл в эту палату, видимо, так устал от беготни по этажам, оформления и размещения, что поставив вещи у входа, сразу присел отдышаться. И снова полезли разные мысли в голову: «Вот опять эта больница, как сказал Николай, *«последнее пристанище»*. Нет. Такого не должно быть! Неужели жизнь может скоро закончиться? Господи, не дай Бог!» По коже пробежал озноб, как будто окунули в прорубь. – «Нет, нет, нет! Не хочу! Ещё много надо сделать! Не могу, не имею права! Позже, позже! Значительно позже-е-е! Лет хотя бы через десять!» И громко крикнул самому себе:

Вглядись внимательно в своё нутро:

*Ты – скорлупа или ядро?*¹⁷

Или размазня?.. Я резко встал и начал делать одно упражнение, которое всегда делаю в минуты отчаяния, когда в голову начинают просачиваться черные мысли. Это упражнение из системы японского целителя начала прошлого века Кацудзо Ниши. Надо встать на колени, сесть на пятки, положить руки на бедра и, наклоняясь всем телом из стороны в сторону, вправо и влево, на каждом наклоне максимально возможно вытягивать живот к позвоночнику. Таких наклонов надо сделать шестьдесят.

Я чуть изменил это упражнение, добавив в него психологический момент: в такт с наклонами стал громко говорить: «Я буду/ жить/ сто двадцать/ лет!». Говорить надо бодро, уверенно, представлять себя при этом молодым и здоровым. На полу это упражнение я обычно делал по утрам. А когда днем настигали страхи, сомнения, депрессия, либо посещали темные мысли, как сейчас, делал упражнение стоя и громко, вызываясь, как будто назло кому-то, кричал, меняя ударные слова: «Я буду / жить / сто двадцать / лет! / Я буду / жить / сто двадцать лет! / Я буду / жить / сто двадцать / лет! / Я буду/ жить/ сто двадцать лет!» И так далее... Конечно 120 лет не проживу. Просто эта цифра – образ, удачно вплелась в ритм. Уныние и нездоровые мысли после этого, как правило, исчезали. Вот и сейчас, выполнив двадцать повторов, с хандрой справился.

НАПУТСТВИЕ

Аккуратно разложил вещи в шкафу. Поставил на верхней полке фотографии родителей и сына Андрея с женой и дочкой. Вынул из чемодана иконки. Мне их подарила ещё перед операцией моя соседка по площадке, Гретта Витальевна, приглядывающая за квартирой в моё отсутствие. Весьма бодрая, жизнерадостная старушка, несмотря на свои восемьдесят два года.

Вот у кого надо поучиться присутствию духа в любой ситуации. Когда давала мне иконки, сказала: «Возьми, Петр Валентинович. Не можешь молиться, не молись. Говори с ними. Пусть иконки будут с тобой, оберегают тебя. А я буду молиться

¹⁷ Строчки из стихотворения «Наоборот» Иоганна Вольфганга Гёте.

за твоё спасение. Кто ж за тебя помолится. При живых жене и сыне остаться одному. Нехорошо бобылем жить. Я буду молиться, чтобы кто нашел тебя». Вспомнил я Гретту Витальевну и на душе стало легче. Вот человек – даже на расстоянии поддерживает!

Расставил на нижней полке иконки. Попытался помолиться, получилось искусственно. *«Ум ищет божества, а сердце не находит»*¹⁸. Неискренне. Не буду больше молиться, пусть стоят. Затем сел за стол, вынул из чемодана весь свой скарб, книжки, что взял с собой, газеты, журналы, сложил на столе. На широкий подоконник положил несколько пакетиков с овощами и фруктами, купленными утром у метро «Каширская».

Посмотрел в окно. Взгляд заскользил по нескончаемым крышам домов, теряющимся в дымке огромного города, между которыми угадывались улицы. Внизу, мимо клиники стремительно удалялось широкое Каширское шоссе, пока не скрылось вдали под железнодорожным путепроводом.

КРУГОВОРОТ

Вглядываясь в окно, я тогда подумал: «С какого же московского вокзала идет эта железнодорожная ветка?». Попробовал сориентироваться. Мне показалось, с Казанского, что стоит на Комсомольской площади, которую в народе называют «площадью трех вокзалов». Действительно, по обе стороны этой широкой, слегка вытянутой, площади, рассеченной пополам трамвайными путями, расположены Казанский вокзал с одной стороны площади, напротив, Ленинградский, Ярославский вокзалы.

Знаменитая площадь! Вот уже 37 лет я по несколько раз в год бываю на этой площади. Отсюда в восемнадцать лет начал свою дорогу в будущее, покинув родину детства и юности. С Казанского вокзала, отправился в неведомый Казахстан, на станцию Тюра-Там, в воинскую часть 12253, оказавшуюся главным военно-строительным управлением на космодроме Байконур. Там к своему возрасту я прибавил ещё четырнадцать лет очень интересной и напряженной работы.

¹⁸ Строка из стихотворения А.С. Пушкина «Безверие».

Уйдя из дома в 14 и женившись лишь в 29 лет, холостяковал полтора десятка лет. Женат был всего девять лет. Теперь опять пятнадцать лет один.

Услужливые мысли, как на ускоренной киносъемке, понесли в прошлое, замелькали точки на карте: Камчатка, Ужур, Капчагайская ГЭС, Восточный БАМ. Вспомнилась граница с Китаем в районе Жаланаколя, радиорелейная линия Фрунзе – Ош, ракетные комплексы на Северном Казахстане, под Костромой и Калугой, да ещё Монголия. Жизнь потрепала изрядно, обкатала со всех сторон. Потом атомная энергетика, пуск первых энергоблоков на Смоленской и Калининской АЭС. Три спасательные операции после землетрясений в Ташкенте, Спитаке, аварии в Чернобыле...

Когда работал на Калининской атомной, приезжал на другую сторону площади – Ленинградский вокзал. Через тридцать два года стал приезжать в Москву на Ярославский вокзал. Вот круг трех вокзалов и замкнулся.

Сколько ещё мне придется приезжать сюда? Или осталось немного? Господи, опять лезут эти мысли! Стоп-стоп! Не расслабляться! Как там у Губермана?

*Думать каждый день о черном дне, –
Значит, делать черным каждый день.*

Так, на чем я остановился? Ага. Утром приехал в Москву... Вышел из вагона с Николаем... Подошел Игнатич...

Мысли невольно возвратились к нашему утреннему разговору в поезде... Да-а! Со сколькими чернобыльцами я встречался за годы после аварии, но эта встреча была необычна. Я не во всем согласен с Николаем. Но его равнодушие, боль за всех и за страну тронули меня глубоко и не давали успокоиться. А еще этот Василий Игнатьевич! Я сам еле сдерживался, чтобы не сказать всё, что о нем думал. Николай сделал это с лету, хлестко, жестко, хотя и многословно. И тронул видать, не только меня... И вон под конец, как все обернулось!

ДНЕВНИК

Жаль, нет рядом таких Николаев, которые бы растолкали, разбудили, окатили ведром холодной воды, чтобы выпрямился

скукожившийся человек, поднял голову и увидел, что главное в жизни не суэта ради быта и мирских утех. И кто нам мешает жить по-другому, без ушата ледящей воды? Кто? Мы сами...

*Сним и хнычем, в виде спорта,
Не волнуясь, не любя,
Ищем Бога, ищем черта,
Потеряв самих себя.*

Это почти век назад про нас сегодняшних сказал Саша Черный. Видимо без людей, несущих правду в промытые властью и идеологией мозги, народ затухает. Такие Николай и есть Прометеи, Данко, пробуждающие и дающие свет жизни...

Жаль адреса Василия Игнатьевича не взял и фамилию у Николая не спросил...

Последние годы блекнут по сравнению с яркими дочерно-быльскими. Работа – дом, дом – работа, работа – дом и так далее. Карусель. Вот и сын вырос. Отдалился в заботах о своей службе, жене, дочке. Через столько лет, нашла Андрея его мать, то бишь бывшая моя женушка, бросившая нас ради своих утех и никогда эти годы не вспоминая о сыне. Наверное счастье закончилось, вот и потянуло назад, замаливать свой грех. А сын принял её, видать истосковался по материнской любви, даже стал редко писать мне. Возможно, я ему уже и не нужен. Значит, эстафетную палочку жизни, врученную мне когда-то моим незабвенным отцом, я передал дальше. Пост сдал, пост принял.

Что останется после меня? Память сотрется, вещи истреплются. А дневник сохранит Андрею частичку меня, расскажет ему, как мы жили, о чем-то предупредит, насторожит. В общем буду писать. Кроме того, дневник – это разговор с самим собой, когда нет другого собеседника.

ШРАМЫ

Уже шёл пятый день моего очередного пребывания на Каширке. Придя после ужина в палату, я присел к столу и решил перечитать то, что записал накануне. Через некоторое время постучали в дверь. С неудовольствием проворчал:

– Да-да, кто там?

Молчание. Не желая отрываться от чтения, я крикнул:

– Да входите же!

Медленно приоткрывая дверь и, как всегда стесняясь, вошла Татьяна и стала у порога. Мы не виделись полгода, после моего предыдущего приезда. Не ожидал ещё раз увидеть её.

Это была женщина на вид лет двадцати двух – двадцати пяти, невысокого роста, худенькая, с детским выражением лица и очень грустными глазами. На самом деле ей было уже за тридцать. Шесть лет назад при прохождении обследования в связи с беременностью у нее обнаружили опухоль. Тяжелая и опасная болезнь – лимфогранулематоз, т.е. лимфосаркома.

Рожать не разрешили. Сказали, умрешь до или во время родов. Но Татьяна хотела родить и родила. Потом лечение в Оренбурге. И, как часто это бывает, перед неистовым стремлением жить, болезнь отступила. Но не навсегда. Полтора года назад обнаружилась опухоль щитовидки.

В Оренбурге она отказалась от лечения и поехала без направления в Москву. Отец у нее умер от рака желудка через три года после аварии на Чернобыльской АЭС. Они жили в Припяти, отец работал в той смене, в которой произошла авария на 4-ом блоке, он был старшим инженером по управлению реактором первого блока. Тогда несколько человек с первого и второго блоков помчались на четвертый помогать ребятам. Все переоблучились.

Отец Татьяны не побегал. Её мама работала поваром в столовой на станции. Родители сразу решили бросить всё и уехать подальше от этого взрыва. В Орске под Оренбургом жили родители отца, туда они и бежали. Но Чернобыль всё равно догнал. Отец умер, Татьяна лечилась от злокачественной лимфомы. Дети остались с мамой. Муж, чтобы прокормить семью, нанялся на заработки в Подмоскovie к одному из бывших орских крутых.

За полгода, что не виделись, она осунулась, сникла.

– Это я. Здравствуйтесь Петр Валентинович! С приездом!

– Здравствуйтесь, Татьяна! Ну что встали у двери? Проходите, присаживайтесь. Не думал, что вы ещё на Каширке.

– Я, Петр Валентинович, только вчера узнала, что вы приехали. С утра караулила, да, наверно, в обед пропустила. Я вас очень ждала. Как хорошо, что вы приехали.

— Я тоже рад вас видеть. Но, в то же время, не обижайтесь, и не рад. Потому что вы всё ещё здесь.

— А вы моё второе письмо получили?

— Да. А вы моё?

— Да, храню. Спасибо вам, что поддерживаете меня.

— Вы же писали, что скоро выпишетесь, потому я и не думал вас здесь застать. Какие у вас новости?

— Последние анализы незадолго до выписки вдруг резко ухудшились, меня задержали. Было опять полное обследование, появилась ещё одна небольшая опухоль неподалеку от преддверия, сейчас прохожу новый цикл химиотерапии. Если не поможет, будут оперировать. Как думаете, Петр Валентинович, будут грудную клетку вскрывать, а?

— Наверное. Но вы не бойтесь, под наркозом ведь.

— Я операции не боюсь. Жаль, грудь всю искромсают. И так шрамы на шее, в паху, еще и на груди будут. Муж разлюбит.

— Ну, и у меня шрамы. Видите, какие крупные на шее, да ещё на животе, ноге. У тебя на шее косметический шов, под бусами не видно. Женщинам всегда косметические швы делают.

— Конечно, в одежде да под бусами не видно. А дома. Зачем я ему вся изрезанная, да еще больная?

— А вы нагишом перед ним не ходите. Лишь, когда темно.

— А он любит смотреть на меня обнаженную.

— Татьяна, да Толя любит вас любую. Мне даже кажется, что он вас любит больше, чем ваших детей. Как они, как мама?

— Устает. Помочь некому. Дедушке уже восемьдесят, Саша в подготовительном классе в детсаду, Мариночка дома, нет мест в детсаду. И все мама. Нет, я не выдержу. Брошу всё.

— Татьяна, помните певица была Майя Кристалинская. Она еще всегда в шарфике ходила, шею прикрывала. Такой мягкий приятный голос. Песни задушевные пела.

— Конечно! Говорили, что ей в какой-то хулиганской банде шею порезали, вот она и скрывала шрам под платочком. Тогда, наверно, косметические разрезы не умели делать.

— Нет. Это глупые слухи. Она была больна, так же как и ты. У нее тоже был лимфогранулематоз. И щитовидку ей резали, и грудь, и облучали не раз. Тридцать лет она боролась с болез-

нюю. И пела. Да как пела! У вас есть, как минимум, столько же. Вам здесь лежать не больше года. Потом вернетесь. Еще внуков нянчить будете. Я вам подарок привез.

НЕ ВСЁ ПОТЕРЯНО!

Я открыл шкаф, вынул большой пакет и подал Татьяне.

– Это вам. Возьмите, раскройте.

– Ой, Петр Валентинович, это же картина!

– Да.

– А чья?

– Неважно.

На самом деле картина была предназначена не ей. Эту линогравюру попросил меня привезти мой сослуживец по Байконуру, живущий в Подлипках под Москвой Сережа Петюнин. Как-то он увидел репродукцию этой картины одного костромского художника в каталоге выставки, она ему очень понравилась. Попросил заказать копию для него. Но сейчас мне показалось, что эта картина Татьяне нужнее. Он не обидится. Я ещё ему копию закажу.

– Петр Валентинович, странная эта картина. Завитушки, завитушки... Я не понимаю. В ней какая-то тайна, что ли?

– А вы всмотритесь получше, внимательнее.

– Да... вижу. Это же рыбацкая сеть! Только запутанная, штопанная-перештопанная, сушится на берегу реки. Наверно, только после рыбалки, с новыми дырками. А как название?

– Посмотрите на обороте.

– «Не все потеряно!»...

– Вот-вот. Не всё потеряно! А знаете почему?

– Не совсем понимаю...

– Можно сеть распутать, заштопать, новую сплести наконец. Главное, чтобы река не обмелела и рыба в ней не перевелась. Не все потеряно, пока река жизни несет свои воды в будущее.¹⁹ Ваша река жизни – это ваши дети, мама, бабушка, ваш Толя. Вы нужны им. Я недавно читал у одного нашего костромского философа, что жизнь человека ему не принадлежит, что

¹⁹ Здесь и везде в рукописи подчеркивания сделаны Петром Русенко. Видимо эти мысли ему запали в душу, когда перечитывал написанное..

жизнь любого человека принадлежит не ему, а его детям, супругу, родителям и всем тем близким, кто нуждается в нем, и не только материально, но и кто нуждается в его заботе, ласке, любви, совете, поддержке.

Мы ведь живем ради своих детей, родных. Когда им плохо, плохо и нам, и мы стараемся помочь им, а если нас нет, кто им поможет? И мне стала очень близка эта мысль. Подумайте об этом. Вы нужны детям, мужу, маме, бабушке. Не хандрите, крепитесь!

Лицо Татьяны немного просветлело. Она порывисто встала, подошла ко мне и неожиданно поцеловала меня в щеку. Как давно никто не целовал меня! Тем более молодая женщина.

- Петр Валентинович, я пойду. И так помешала вам.
- Отчего это вы взяли?
- А вы, по-моему, письмо писали.
- Нет, не письмо. Это запись одной встречи, которая произошла в поезде в день моего приезда в Москву. Очень запоминающаяся беседа, захотелось записать по свежим следам.
- Дадите почитать?
- Не знаю, ведь это как бы дневник. Ну посмотрю, может быть, кое-что и дам почитать.
- А разве в дневники записывают беседы?
- Да что хочется душе, то и записывают. Здесь канонів нет. Это же дело личное, для себя пишешь.
- А о чем был разговор?
- О, это была непростая встреча! Говорили про нашу страну, про память, Чернобыль...
- Ой, я стараюсь о Чернобыле не думать.
- Старайся, не старайся, а он в нас сидит и будет сидеть до конца наших дней.
- Да уж. Но как тяжело с этим жить! Нет дня, даже часа, чтобы Чернобыль не напомнил о себе.

Н А Ч А Л О

После небольшой паузы, я спросил:

- Слушайте, Татьяна, хочу уточнить. Когда авария произошла, вам было лет 12 или 13?

– Тринадцать. Заканчивала седьмой класс. Так его и не закончила. В восьмой класс в Орске взяли без документов.

– Что вы помните из тех первых дней после аварии?

– Помню только первый день, второго дня у нас не было. На всю жизнь запомнила. До сих пор в голове крутится.

– Как вы узнали об аварии?

– Утром не хотелось вставать. Была суббота. Думала поваляться в постели. Но проснулась рано от гула голосов на кухне. Встала. Дверь на кухню закрыта. Говорят авария какая-то. Потом, как сейчас всё помню, папа и говорит: «Помнишь, Сергей Степанович (это наш сосед), в 83-ом году выброс был у нас на станции. Тогда всю траву скосили, хотели даже наши знаменитые розарии срезать. Тоже молчали, а люди по улицам ходили, дети бегали. Никто ведь не знал. Так, небольшая нештатная ситуация. А потом онкологическое отделение в медсанчасти создали». – «Григорий (это мой отец), но выброс тогда был небольшой». – «Да, небольшой. А улицы две недели пожарными машинами поливали. Неспроста. А сейчас, что малый выброс? Блок-то разрушен. Думаю была не утечка радиоактивности, как в 83-ом, а выброс ядерного топлива из реактора. Может быть и до города долетело. Тикать надо, Сергей Степанович!»

Я не все поняла. Но так захотелось разузнать побольше, а может и поделиться услышанным. О предыдущем выбросе я не знала. Мне значит тогда было десять лет. И что такое мыть целый город, я тоже не понимала.

– Это значит... – хотел я разъяснить, но Татьяна перебила меня и нервно продолжила свой рассказ.

– Теперь знаю. А тогда я оделась, сбегала вниз, взяла в колясочной свой велосипед. И поехала к школе. А там уже было много ребят, в том числе и из нашего класса. Почему мы тогда к школе бросились? Не знаю. Все пересказывали друг другу, что знали. Помню, Васька Телицин говорит, что ночью слышал sireны пожарных машин, проснулся, посмотрел в окно – над станцией пламя огня, а в небе малиновое зарево и заключил: «Такая красотища!» Это потом мне отец объяснил, что малиновое свечение происходит при излучении в несколько тысяч рентген. Если бы мы знали, что это такое! А тогда, кто был на

велосипедах, все поехали на мост смотреть пожар. Многие и пешком на мост приходили. Мостом мы называли путепровод через железную дорогу. С него отчетливо был виден разрушенный реакторный куб, гигантский, выгнувшийся на север столб черного дыма и клубы белого пара. Зрелище завораживающее! Блок был как на ладони. Многие, и дети, и взрослые, приходили тоже поглазеть. А там ведь было опасно.

— О-хо-хо, Татьяна! Куда же вы полезли? Это, наверное, только у нас когда происходит беда, то на неё бегут посмотреть. В других местах – убегают, побыстрее и подальше...

— Все дети были на улицах, – продолжала Татьяна, – кто не уехал с родителями на дачи. Малыши играли в песке, в речке купались, гоняли в футбол, на мост бегали. А город уже был накрыт смертью. Что стало с ними? Ничего ни о ком не знаю.

— А что еще помните?

— А еще в тот день, много свадебных кортежей по улицам разъезжали. Апрель теплый был. Ничего худого не предвещал. Как всегда машины с молодоженами ездили в сосняк к памятному знаку цветы возлагать. Через мост ездили. Отец меня на мосту нашел. Дома такая взбучка была! Он кричал на меня, а потом обнял и заплакал. Папочка уже тогда понимал, что мне и ему, и нашей семье предстоит пережить.

Татьяна достала из кармана платочек и продолжила:

— В тот же день отец не пошел в ночную смену. И никому ничего не сказав, вечером погрузились в наш жигуленок и поехали в Киев. Не доезжая Иванкова, нас остановила милиция. Куда, откуда? Папа что-то им говорил. Пропустили. Отец долго потом смеялся: «А дозиметров-то у них нет, дозиметров нет!» Но на окраине Киева нас дальше не пустили. Папа свернул, и мы поехали на станцию Ворзель, где в Доме отдыха мы когда-то отдыхали всей семьей. Папа сказал: «Бросаем машину, она все равно грязная, ее уже не очистить от радиации. Надо бы и вещи бросить». Оставили при себе документы, фотоальбомы, минимум одежды (потом в Орске всё закопали за городом) и поехали на электричке в Киев, оттуда уже к бабушке с дедушкой.

Приехали в Орск нервные, обессиленные. Я совсем стала слабая, ничего не хотелось делать. Началась школа, училась еле-

еле на тройки. А ведь в Припяти я была отличницей, председателем совета пионерской дружины школы. В Орске меня сразу включили в совет дружины. Потом ругали везде, родителей вызывали, отец кричал. А я не могла. Мне стало как-то совершенно все равно. Пошли двойки. Оставили на второй год. В девятом классе тоже два года просидела. Школу бросила, работала посудомойкой у мамы в столовой.

Если бы не Толя, так бы и осталась девятиклашкой. Ой, как я его крепко полюбила! А он всё говорил мне: «не кончишь школу, разлюблю». Ну, я и пошла в вечерку и одновременно в ПТУ учиться на повара. Хорошо еще мама помогала. В двадцать один год после ПТУ вышла замуж за Толю. Три года боялась иметь детей. Но потом окрепла, работала поваром в кафе. Многие говорили, беременность укрепит здоровье, да и семью. Ну, я и решилась. И хотя обнаружили опухоль, я все равно родила, мне тогда казалось, что с Толей я победила и Чернобыль. Вторую беременность тоже требовали прервать, я не смогла – очень уж Толенька хотел детей. Вон как все обернулось. Лишь бы на детях не отразилось!

Глаза у Татьяны опять заблестели.

– Думали убежали от Чернобыля, оказалось, что нет. Ни папка, ни я. Что будет с мамой, с детьми?

– Вот потому и говорю вам, нюни не распускайте. вы теперь много знаете. Выкарабкивайтесь! На первом этаже видели, продают книги по медицине, здоровому образу жизни, целительству. Я в прошлый раз купил несколько штук. Все прочитал. Так вот, там говорится, что главное – это иммунитет, а его состояние зависит от нашего питания, образа жизни, физических нагрузок и нервов. Изучайте, боритесь, потом ваш опыт поможет и вашим детям. Это у меня жизнь закончилась, я свою миссию выполнил: сын – взрослый, я уже никому не нужен. А ты – в самом начале. Плюс вы имеешь великое счастье в своих руках – Толю. Любовь – самое сильное лекарство. Любовь вас вылечит, она и вылечит. Дорожите Толей! Не всё потеряно!

– Спасибо, Петр Валентинович! Я на седьмом этаже в пятой палате. Будет время заходите. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, Татьяна!

А ночи-то беспокойные. Воспоминания изъедают. Лечение тревожит. Врачи на Каширке сплошь кандидаты да доктора наук. Пациенты склонны доверять тем, кто обладает значительно большими знаниями. Если имеются ученые звания, степени, то доверие безоговорочно. Как жить, если не доверять знающим?

Но история с Чернобылем научила меня не верить научным кумирам. Они исписали все учебники, что не может реактор взорваться, а взрыв произошел.

У меня хватит сил и терпения, чтобы как Мюнхгаузену, тащить себя за волосы из болота. Только вот зачем мне это? Теперь незачем... Стоп!.. А может теперь дневник и есть моя цель? Если каждый, кто много знает важного об этой беде, напишет, может, это научит людей, как не создавать подобные проблемы.

Да. Надо написать об истинных причинах и виновниках чернобыльской трагедии! Это всё ещё замалчивается. Если вернусь домой с Каширки, обязательно напишу.

Глава 3. РОЗОВЫЙ СЛЕД

26 августа 2005 г.

Продолжаю. Тогда я вышел на галерею, которая на каждом этаже опоясывала темно-серого цвета двенадцатиэтажное здание онкоцентра. Темная безлунная ночь.

*Я вновь один – и вновь кругом
Всё та же ночь и мрак унылый.*²⁰

Вот и я вновь один, и мгла вокруг, и душу скребут отголоски разговоров с Николаем и Татьяной. Но эта ночь – в Москве, а не в Припяти, когда я первый раз приехал туда после аварии. Духота жаркого безветренного московского дня сменилась ночным прохладным ветерком, постепенно очищавшим столицу от отравляющих газов машин и заводов. Где-то внизу, уставший от напряженного суматошного дня, отсыпался огромный, великий город. На чистом от облаков небе мерцали мириады звезд. Почти полностью просматривался ковш Большой

²⁰ Строчки из стихотворения С.Я. Надсона «Над свежей могилой».

Медведицы. Призывно и надежно светила Полярная звезда. Вспомнилось из Владимира Высоцкого:

*В небе висит, пропадает звезда –
Некуда деться!*

Вон их сколько! На всех хватит. Насыщенные сочной ярко-красной пульсацией крупные звезды в окружении множества более мелких звездочек образовывали удивительные скопления. Всё небесное пространство пересекал Млечный путь и взгляд погружался в его манящую пелену. Зачем столько звезд? Может потому, как говорил Маяковский, что всем нужно по звезде? И чтобы она была рядом, грела, бодрила, воодушевляла. Но у меня никогда не будет такой звезды. Чернобыль оскотил меня, кому я такой нужен? Значит, остается только смотреть на звезды...

ПОЛЕТ

Я сел на стул, запрокинул голову и устремил свой взор в манящую, завораживающую глубину созвездий и галактик. Чем дольше я вглядывался в звездные скопления, тем больше они превращались в моем воображении в необыкновенный цветник. Небо стало представляться огромной клумбой, а Млечный путь – созвездием роз. Вдруг вспомнились розарии доаварийной Припяти.

И понесла меня память, полетела по этому, притягивающему к себе, розовому следу, на мою первую родину, в места моего малолетства и отрочества.

Туда, где в ночь с 25 на 26 апреля 1986 года в трех километрах от современного прекрасного города-цветника Припяти произошла крупнейшая в мире и тяжелейшая по своим последствиям ядерная катастрофа. Туда, куда я потом вернулся, чтобы принять участие в спасении моего родного края.

Именно с таким чувством в 1986 году, накануне Дня Победы, я спешно ехал по срочному вызову в Москву. Там в министерстве энергетики наконец-то получил долгожданное направление на Чернобыльскую АЭС, куда я рвался с первых дней, когда услышал об аварии. Как торопился я на подмосковный военный аэродром Чкаловский! Добирался первым грузовым бортом в аэропорт Борисполь и, не останавливаясь в столице

Украины, как птица, летящая домой на гнездовье, пронесся через цветущий Киев в Чернобыль.

Разместили меня в бывшем общежитии техникума. Переодевшись в белый рабочий костюм, надев на голову белую шапочку, прикрепив на шею, как колье, только на суровой нитке, пропуск со штампом «ВЕЗДЕ» и нацепив на лацкан куртки накопитель гамма-облучения, устремился на предоставленном для меня бронетранспортере в Припять, чтобы поскорее увидеть то, что я так боялся увидеть, – пустой город.

ВОЙНА

На въезде в городок атомщиков расположился неказистый вагончик. Рядом шлабгаум. Это милицейский КПП – контрольно-пропускной пункт. Вокруг города временное ограждение в несколько рядов колючей проволоки по железобетонным столбам выше человеческого роста.

И вот я в Припяти. Проехали по улицам. Безлюдно, пустынно, бесхозно. Из темноты выступают огромные серые прямоугольники бывших жилых домов, мрачных, без света в окнах, как без лица. Тускло и приглушенно светят редкие уличные фонари, как будто лишь для того, чтобы слегка обозначить улицы. Не город, а привидение. Город-призрак.

И вдруг выскакиваем из этой темноты в море огней на центральной площади в районе горкома партии и гостиницы «Полесье». Здесь кипит жизнь.

В горкоме располагалась Правительственная комиссия. Подъезжали и отъезжали легковые и грузовые машины, бронетранспортеры. Вбегали и выбегали люди в военной форме, штатской и специальной одежде. В здании непрерывно проходили заседания, совещания, споры по возникающим проблемам, мозговые атаки, встречи руководителей и специалистов.

Туда-сюда по коридорам носились усталые люди с воспаленными от бессонницы глазами – небритые мужчины, небрежно одетые женщины. Внешний вид теперь не имел смысла, главное было выполнить быстро и своевременно то, что поручалось. Сроки исполнения заданий устанавливались с точностью до часов, а то и минут. Здание напоминало штаб в условиях бое-

вых действий. Беспреданно звонили телефоны, люди кричали в трубки, как будто от силы этих криков можно было ускорить исполнение срочных и важных заданий. Без устали стучали клавиши печатной машинки, не умолкая, стрекотал телетайп.

В здании и вокруг него по всему было видно, идет война. Нешуточная война. Такая, какой не приходилось вести никому. Не было знаний, опыта – ни своего, ни чужого. Противник близко. Рядом. Повсюду. Но незаметен. Он окружал со всех сторон. Этот коварный враг нападал на каждого, кто прибывал в зону и цепко держал каждого за горло. И нельзя было от него отбиться, потому что он был невидим. А надо победить, хоть и с удавкой на шее. Это – война. Необычная, ненормальная, неправильная, но война. Так эту спасательную операцию и называли – «война».

Во всем проглядывались фронтовые обычаи, военная беспрекословность, штабной лексикон, армейский жаргон. Всё, что было за пределами зоны, называлось «*Большая Земля*». Жили и работали по законам военного времени. В общем, «*a la guerre comme a la guerre*» – на войне, как на войне.

Всю ночь во всех окнах горел свет. Штаб работал. Под его руководством в эти первые дни было сделано много чрезвычайного, неотложного, беспрецедентного. В цейтноте времени организовывались и осуществлялись беспрецедентные работы по заглушению реактора, уменьшению радиоактивного излучения из жерла разрушенного блока. Были приняты важнейшие по своим последствиям решения. Введенные в зону воинские части разных родов войск вместе с гражданскими организациями различных министерств и ведомств работали на пределе своих возможностей.

ЧЕРНОГОРОДСКИЙ

Принял меня Валерий Петрович Черногородский, часто и впоследствии приезжавший отдельно или вместе со своим шефом, зампредом Правительства СССР, Иваном Степановичем Силаевым, который нередко замещал председателя правительственной комиссии Бориса Евдокимовича Щербину.

Валерий Петрович был человеком удивительной судьбы, передовых взглядов. Даже значительно либеральней и демо-

кратичней молодых либералов и демократов первой волны. Эти его черты совмещались с пониманием, что наскомом ничего хорошего сделать нельзя, не в пример младореформаторам и иным птенцам из ельцинского гнезда. Они, по сути, являлись неолыбшевиками, потому что использовали те же методы, что и большевики: *«сейчас и быстро; до основания, а затем; люди – средство, умные – помеха; мы – всё, остальные – ничто»*. Хотя их называют либералами и демократами, они таковыми никогда и не были, ибо их методы и не либеральны, и не демократичны. Из-за них благородное слово «демократ» в нашей стране приобрело негативный оттенок.

Валерий Петрович был истинным реформатором, основательным и мудрым, решительным, расчетливым, но и принципиальным. Ещё работая в косыгинском правительстве²¹, Валерий Петрович организовал создание первого в СССР акционерного общества с государственным капиталом.

Именно ему через четыре года после чернобыльской аварии первое Правительство новой России поручило разработку никогда не существовавшего в нашей стране закона о конкуренции и назначило его первым руководителем соответствующего федерального органа. Валерий Петрович хорошо разбирался в людях и привлекал к делу толковых, умных, современно мыслящих специалистов. Но совершенно незаслуженно его сняли с работы в 1992 году, только потому, что он не давал согласия на акционирование на условиях, выгодных небольшой кучке чиновников государственного концерна «Газпром», который ранее возглавлял заместитель председателя правительства, знаменитый «искажитель» русского языка и любимый персонаж пародистов, Виктор Степанович Черномырдин, в конце того же года на целых шесть лет ставший премьером правительства. Он-то и добился снятия Валерия Петровича с должности.

Прошло время и правота той позиции Валерия Петровича подтвердилась сполна. Но дорогая цена заплачена: понадоби-

²¹ Косыгин Алексей Николаевич (1904-1980), председатель Совета Министров СССР в 1964-80 гг. В конце 60-х – начале 70-х гг. пытался осуществить реформу управления народным хозяйством и перевод государственных предприятий на хозрасчет с поощрением экономической инициативы.

лось десять лет, чтобы только начать попытку сделать деятельность «Газпрома» прозрачной и постепенно взять под контроль расходование средств этой вырвавшейся из рук государства монополии. Многие прогрессивные и весьма актуальные даже сегодня начинания и замыслы Валерия Петровича в сфере государственного управления и развития бизнеса до сих пор не реализованы правительством и его пятью приемниками.

В те периоды, когда Черногородский приезжал в Чернобыль, работать с правительственной комиссией было проще и продуктивнее. Он умел держать дистанцию. Когда я с Валерием Петровичем общался, то порой казалось, что уже давно знаком с ним и можно переходить на ты. Но редко кому он позволял называть себя Петровичем. Когда разговор переходил с бытового на деловой, сразу же возникала какая-то невидимая преграда, которую и наглые люди не могли перейти, даже если до этого они были на ты и называли друг друга по имени. Таким и остался Валерий Петрович в моей памяти.

Принимая меня, он быстро, без проволочек выполнил все необходимые формальности, доходчиво ввел в курс дела, разъяснил стоящую передо мной задачу, дал ряд наставлений, важных производственных и бытовых советов. У нас как-то сразу сложились добрые, деловые отношения.

В первом же разговоре обнаружилось, что Петрович тоже был из этих мест, наши деревни находились всего в двадцати километрах друг от друга. Кто знает, может мы когда-нибудь и пересекались раньше, тем более что в разговоре выявились общие знакомые. После Чернобыля с Валерием Петровичем мы встретились только однажды. Через двенадцать лет совершенно случайно мы столкнулись в Москве. Забыв друг друга по фамилии, мгновенно узнали по лицу. Он к тому времени сильно осунулся, поник душой, лицо было серого, болезненного цвета. Всё переживал, что его выкинули из обоймы, лишили участия в перестройке страны, о которой он мечтал ещё с косыгинских времен. Пусть земля ему будет пухом, а память о нем в сердцах благодарных коллег – елеем на его страждущую душу.

ЛЕГАСОВ

Валерий Петрович представил меня своему тезке академику Валерию Алексеевичу Легасову, члену правительственной комиссии, отвечавшему в ней за принятие решений по укрощению взбесившегося реактора. Также он был первым заместителем директора Курчатовского института Анатолия Петровича Александрова, одновременно президента Академии наук СССР.

Другой заместитель Александрова, Евгений Павлович Велихов, самый молодой академик, каковым стал в 38 лет, был известен многим. А о Легасове я не слышал, что вообще-то было неудивительно, ибо Валерий Алексеевич был химиком-теоретиком, а практических разработок ядерной промышленности, проектов атомных реакторов и их эксплуатации не касался. Этим занимались Курчатов, Александров, Доллежаль, Славский, Велихов и др.

Легасов на вид был нескладным, мягким, совершенно штатским человеком. В белом халате и белой шапочке, как принято одеваться оперативному персоналу на ядерных объектах, Валерий Алексеевич выглядел естественно, если бы находился в лаборатории, но здесь, в почти армейской обстановке, да ещё и в здании горкома партии, казалась неуместной такая внешность, и само его присутствие.

Однако, это было на первый взгляд. Эти десять дней видимо потрясли его так, что передо мной сидел не добрый профессор, каким он был в дочернобыльское время, а командир генеральского уровня. Речь его была отрывистой, четкой, я бы даже сказал, экомной. Ответов от меня требовал точных, прерывал отступления, не сбивался на темы, не связанные с направлением его деятельности в Чернобыле и со стоящей передо мной задачей. Я сразу же проникся уважением к нему. Это был человек-разум. Он вселял уверенность. Познакомившись со мной, с опытом моей предыдущей деятельности, Легасов, не теряя времени, ввел меня в курс ситуации на блоке. Его высказывания были исчерпывающи и понятны. Закончил беседу Валерий Алексеевич неожиданно:

— Так. Официальная часть закончена.

И вдруг, как-то переменившись, уже другим тоном сказал:

– Петр Валентинович, не могли бы вы на минуту задержаться. Есть один вопрос. Вы не возражаете?

И это уже был завлаб, добрый, ласковый профессор.

– Я полностью в вашем распоряжении.

– Скажите, Петр Валентинович, как энергостроитель, что вы знаете о воздействии радиоактивного излучения на бетон? Только честно. Меня многие уверяют, что этот фактор для бетона незначителен и им можно пренебречь.

– Непосредственно, не знаю. Вот вода вода может агрессивно воздействовать на бетон, особенно если в ней есть растворенные соли. Насколько мне известно радиация повышает кислотность воды, тогда...

Не дав мне продолжить, Валерий Алексеевич всплеснул руками, вскочил со стула и заходил по комнате.

– Ну вот, я так и знал! А они мне говорят, что это можно не учитывать, пренебречь за малостью.

– Так об этом во всех учебниках написано.

– Дело здесь не в учебниках. И не в их знаниях. Я сейчас пойду, им скажу, что вы мне сообщили, а они и не будут это отрицать. Почему вы заговорили о воде? Вы что, уже побывали на блоке? Или вам уже рассказали, что там происходит?

– Нет, на блоке не был, и что там происходит не знаю, – я был в недоумении. – Хотелось бы скорее побывать.

– Успеете. Так вы ничего не знаете?

– А что я должен знать?

– Весь блок залит водой, особенно нижняя часть, как строители называют, несущие конструкции. А вода на блоке вся радиоактивная! Понимаете? Значит... со временем бетон будет разрушаться. Так?

– Естественно. Куда же ему деваться. Он и от простой воды разрушается, если нет гидроизоляции. Да ещё как!

– Охо-хо! Видите! Когда я спрашивал их о воздействии радиации на бетон, они имели ввиду лишь само излучение, а о воде не подумали. Знаете, как это называется?

– Не догадываюсь.

– Охватить весь круг проблемы. У вас получилось.

– Ну, Валерий Алексеевич, по одному случаю не судят.

— По одному случаю судят и надолго, могут и расстрелять. Оценку одному факту тоже можно дать. А вот человеку как личности оценку дают по совокупности его действий. Бывает оценивают люди, бывает оценку дает время. Вы тоже получите свою.

— Согласен. Надеюсь положительную.

— Посмотрим. Здесь человек быстро проявляется. Прошу вас, Петр Валентинович, каждый вечер после заседания комиссии заходить ко мне пока будете здесь.

— Валерий Алексеевич, а что же произошло на станции?

— Произошла ядерная катастрофа всемирного масштаба.

— Но так в газетах не пишут.

— Напишут. Всё напишут. От истины никуда не деться.

— А в чем причина?

— Это ещё надо понять, — и по-военному сказал. — Разберемся. А теперь всё. Больше не задерживаю вас. До свидания.

По-моему последние фразы он говорил автоматически. Его пронзительный ум уже занимался чем-то другим. Не обращая на меня внимания, он сел за стол и начал что-то писать.

Вот так я познакомился с этим великим человеком. Валерий Алексеевич раньше всех разгадал загадку чернобыльской трагедии и понял истинную причину этой катастрофы. Он первым назвал чернобыльскую аварию *«ядерной катастрофой всемирного масштаба»*. Прошло время, и власть была вынуждена с этим согласиться. Легасов первым сказал, что надо было делать в той экстремальной ситуации, и начал создавать систему, чтобы такие аварии не могли повториться. Он выдвинул идею и подготовил создание Института безопасности. Но директором его не поставили. К этому времени Легасов власти был не только неинтересен, но, видимо, даже опасен. Той власти.

Через год с небольшим после аварии, мы повстречались с Валерием Алексеевичем в Воробьевской клинике. Это был другой Легасов. Неимоверно уставший, измотанный, бледный. В голосе его звучала печаль и страдание. В те дни и в нескольких следующих встречах, пока я находился в Москве, мы с ним о многом говорили. Об этом тоже надо будет написать.

Вера в то, что можно многое сделать, чтобы не было аварий с тяжелыми последствиями, в Легасове постепенно угасала.

Ему мешали, его не хотели слушать. К задуманному и созданному им Институтом безопасности не подпустили. Не могли простить того, что он говорил правду о Чернобыле. Боялись честного человека.

Когда Валерий Алексеевич узнал, что многие годы работал рядом с теми, кто был настоящими виновниками аварии, его исключительно совестливая душа не выдержала узанного им кощунства, лжи и, конечно, глумления над ним. Он добровольно ушел из этого кошмарного мира, потому что посчитал и себя виновным. Он сам себя осудил, не дождавшись оценки временем, приняв на себя чужой грех и на следующий день после второй годовщины чернобыльской трагедии покончил жизнь самоубийством. Простите нас, неразумных, дорогой Валерий Алексеевич!

Мы всё ещё не дождались осуждения истинно виновных. Хотя бы моральной оценки. Об этом я тоже напишу.²²

ОВЧАРОВ

Вечером следующего дня выходя из горкома, на лестнице, я столкнулся с Виктором Петровичем Овчаровым, моим давним знакомым по работе на оборонных объектах. Вместе с ним мы пускали испытательный ядерный реактор под Новосибирском, пускали первый блок Смоленской АЭС. Именно по его совету я перешел на работу в атомную энергетику. Да и потом мы нередко встречались.

Виктор Петрович был исключительно эрудированным человеком, профессионал с высокой буквы. Ещё в 1957 году, только окончив институт, работая в Миассе, ему пришлось участвовать в ликвидации последствий ядерной аварии в Кыштыме на комбинате «Маяк» под Челябинском.

Это была первая ядерная авария, когда радиоактивность распространилась на огромное пространство за пределы санитарной зоны предприятия. Также это была первая ядерная авария из всех в СССР, о которой стало известно стране только после аварии на Чернобыльской АЭС. Тогда взорвалась бетонная

²² Действительно, позднее об этом Петр Русенко написал в главе 19 «Страх» в конце подраздела «Просчеты в расчетах».

емкость с высокоактивными материалами на хранилище радиоактивных отходов из-за выхода из строя системы охлаждения емкости. Мощность взрыва 100 тонн в тротиловом эквиваленте, а мощность излучения 150 рентген в час. В районе Кыштыма создали Опытную научно-исследовательскую станцию Министрства среднего машиностроения, под названием «Совхоз».

После Миасса Виктор Петрович работал на каких-то испытаниях, затем перешел в атомную энергетику. Был начальником реакторного цеха, зам. главного инженера на Курской АЭС. Потом Москва, начальник отдела, зам. главного инженера ВПО «САЭ»²³, главный инженер «Союзатомэнергоналадка». Чернобыль встретил в должности зам. руководителя Госатомэнергонадзора.

Виктор Петрович был совершенно бесконфликтный человек, не карьерист. Его мягкая ровная речь, почти без интонаций, была очень конкретной и информативной. Болтать попусту не любил, больше молчал. Когда говорил, что и как надо исполнить, делал это неназойливо, но убедительно. Если же с ним не соглашались, не спорил, не стремился взять горлом или приказать. Просто спрашивал: «Вы подпишетесь под только что произнесенным вашим заявлением?». Говорят никто ни разу такого не написал.

Последние годы перед чернобыльской аварией ни один пуск блока не обходился без его участия. Он, как никто, умел очень полезно подсказать то, что нужно делать в первую очередь, в какой последовательности и, главное, как. Собственно, в этом я и сам убедился, когда он привлек меня к участию в пуске первого блока Смоленской АЭС с блоками такого же типа, как и на ЧАЭС.

При встрече в Припяти Виктор Петрович без всяких церемоний спросил, где я остановился. Узнав, что в самом Чернобыле, сразу же предложил мне поселиться у него. Он проживал там же, но в небольшом домике неподалеку от здания райис-

²³ Всесоюзное производственное объединение «Союзатомэнерго», правопреемник главного управления (главка) «Главатомэнерго» Министерства энергетики и электрификации СССР.

полкома, где происходило множество различных заседаний, в том числе и заседания правительственной комиссии. Там можно было встретиться с нужными руководителями и специалистами, что было весьма удобно, и я, разумеется, согласился.

Кстати, бывший директор этого, так называемого, «*кыштымского совхоза*» приезжал в Чернобыль. Неделью жил с нами в нашем домике. Много рассказывал о той злополучной аварии. Ему было уже за семьдесят, но выглядел он ещё крепким человеком и высказывал очень здравые мысли. Приехал по собственной инициативе, добиться, чтобы его заслушали на заседании правительственной комиссии. Опыт его был бесценным. Виктор Петрович говорил, что и предложения его были весьма полезны. Но прием ему оказали сухой, не прислушались к советам и срок пребывания не продлили.

Однако, это будет позже. А тогда, в первый мой день приезда в Чернобыль после аварии, мне больше всего хотелось побродить по Припяти. Времени было мало. За пять дней до заседания правительственной комиссии с моим вопросом надо было многое успеть. Сразу же отправился на станцию. Так и включился в чернобыльский водоворот, закрутивший меня по февраль 1987 года.

МЕРТВЫЙ ГОРОД

На четвертый день мне опять предстояло допоздна проработать на АЭС. Несмотря на это, я постарался выехать из Чернобыля раньше обычного. Мои мысли в который раз крутились вокруг Припяти, по которой я так и не походил. Удастся ли когда ещё побывать здесь? Тогда я не знал, что задержусь в Чернобыле надолго, и думал, что через два дня мне придется покинуть зону. Перед поворотом на атомную станцию я не утерпел и скомандовал солдату-водителю ехать в Припять.

— Петр Валентинович, почему вы повернули на Припять? Правительственная комиссия позавчера выехала из Припяти. Теперь там делать нечего, — воскликнул Виталий Сергеевич Глухов, зам. начальника отдела капитального строительства одной из АЭС, вместе со мной вызванный правительственной комиссией для участия в рабочей группе по определению устойчивости разрушенного блока и организации строительства бу-

душего объекта "Укрытие", которое журналисты назовут "Саркофагом".

— Вам да, нечего. А мне есть.

— Там никого нет, не с кем что-либо решать.

— Вы зачем за мной увязались? Сидели бы в Чернобыле, готовились к заседанию правительственной комиссии. Наш вопрос будет слушаться завтра в 14-00.

— Так меня в ваше подчинение назначили. Куда вы, туда и я. Думал, вы на блок едете, решил с вами пораньше, а вы зачем в Припять свернули?

— Чтобы не растерять прошлое.

— Как это?

— Сохранить город хотя бы в своей памяти.

— Почему?

— Потому что через некоторое время будет поздно.

— Вы что думаете, что город снесут?

— Не знаю. Но таким, каким он был, город уже никогда не будет. И никому здесь не жить.

— Что-то вы очень пессимистичны, Петр Валентинович. Закончим с аварией, вернутся люди. Ещё пятый и шестой блоки закончим строить. Всё будет замечательно! Как всегда.

— В этот раз не получится.

— Почему?

— Потому что период полураспада некоторых радионуклидов длится более сотен лет. И ещё потому, что надо верить не газетам, а знать, что произошло.

— Авария произошла.

— Может я и ошибаюсь, но я верю Легасову, а не газетной болтовне. Произошла ядерная катастрофа, Виталий Сергеевич, и пострашнее Хиросимы. Давайте помолчим. Сейчас будет Припять.

Предъявив пропуска, мы въехали в город. Я попросил водителя не спеша проехать по пустым улицам. Остановились в центре. Теперь здесь тоже стало безлюдно и тихо. Я вышел из бронетранспортера. Подошел к клумбе с розами.

Мне приходилось бывать в Припяти раньше. Пожалуй никогда я так не восхищался каким-либо населенным пунктом, как

этим красивым, стройным, элегантным городом. Меня радовала его продуманная застройка с широкими тенистыми улицами, чудными розариями. Я любовался светлыми лицами жителей этого юного города, казавшегося из-за большого количества детей огромным детским садом.

Теперь город необитаем. Пустынен и безмолвен. Звнящая тишина, гнетущая и зловещая, рвала душу и сердце.

Уже покинуто здание бывшего городского комитета единственной тогда в стране партии, где с 22 часов 26-го апреля непрерывно заседала правительственная комиссия, которая вчера передислоцировалась в Иванков, расположенный по дороге на Киев за пределами 30-ти км. зоны. Покинута гостиница.

Лишь недавно в этих двух последних в городе зданиях бурлила жизнь. Но говоря военным языком, основные оборонные редуты были созданы. Надо было переходить к наступлению. В этих условиях штаб – сердце спасательной операции, не мог больше работать на износ. Так можно потерять управление. Потому правительственную комиссию и передислоцировали.

Теперь и эта последняя жизнь ушла из цветущего города. Только на лестнице из валяющегося шланга вытекала вода и тихо скатывалась по ступенькам, напоминая о том, что ещё два дня тому назад люди, входящие в здание, обмывали обувь, чтобы не заносить радиационную грязь внутрь здания.

А раньше город действительно был, как цветник. На центральной площади огромные клумбы радовали глаза прохожих множеством цветов и особенно роз. Вдоль всех тротуаров длинными рядами, как в строю, стояли деревья в окружении подрезанных кустарников и клумб. Во дворах бегали дети всех возрастов, звон ребячьих голосов слышен был далеко. Всюду на велосипедах сновали взрослые и дети. По проезжей части улиц взад и вперед сновали чистенькие, опрятные легковые машины последних моделей. По тротуарам шли припятчане, молодые, бойкие, светлые, гордые за своё дело, довольные жизнью и работой. Город цвел, источал аромат счастья и довольствия. Теперь всё в прошлом.

ПОСЛЕДНИЙ СТОРОЖ

Над крышами домов уже поднялось свежее солнце и его лучи прикоснулись к нежным лепесткам роз. Я смотрел на них:

*И день сиял, и млели розы,
Головки томные клоня...*²⁴

Их еще окружало тонкое восхитительное дыхание, и они пленяли своей нежностью. Мне захотелось сорвать одну розочку на память. Я было уже дотронулся к стеблю, но меня остановил грубый окрик:

— Ты ще робышь, паскуда? Рваты розы нэ можна! — это орал выбежавший из здания горкома коренастый мужик пожилого возраста в темно-синей хлопчатобумажной робе.

— Почему это нельзя? Кому они теперь нужны? — возмутился я. — И что вы тут командуете? Кто вы такой?

— Ты нэ выкай на мэнэ? Выкай у своему институте. По-наихалы! Чого прыпэрлысь?

— Не хамите! Я член правительственной комиссии, — соврал я, не объясняя же ему, что я всего лишь руковожу рабочей группой при правительственной комиссии. — Вы кто? — повысив голос, требовательно спросил я мужика.

— Я сторож.

— Какой ещё может быть здесь сторож? — спросил подошедший Виталий Сергеевич.

— Як, якый! Завхоз горкома партии, колы позавчэра уезжав, наказав мэни слэдиты, щоб вокруг був порядок.

— А сколько вас сторожей? — уточнил я.

— Я одын.

— Как так?

— А ось так. Колы людэй из Прыпэяти увозылы, я сторожив, а тых сторожив, кого не було на дежурстви, тэж увэзлы. Більше нэма, кому сторожуваты.

— Как вас звать?

— А тэбэ? Хто ты такый? Дэ твои докумэнты, щобы мэнэ спрашюваты?

— Меня зовут Петр Валентинович Русенко, — я показал ему свой пропуск.

²⁴ Из стихотворения «Розы» И.А. Бунина

– Добрый пропуск. Вэлыкий начальник, колы всюду машеш проходыты. Добрэ. Мэнэ зовуть Михайло Ондрийович.

– А где вы ночуете, если вы один сторож? – поинтересовался Глухов.

– У горкоми. Як авария случилась, я вси ночи сторожував, а днэм дома отдыхав. Тэпэр у горкоми живу, смэнщикив нэма.

– Но в городе жить нельзя! Это опасно! Вас всё равно должны менять, – сказал я.

– Завхоз казав, що колы вси повернуться, даст мэни отгулы. Тоди пойду до сына на Курську АЭС.

– Завтра я в правительственной комиссии подниму этот вопрос. Что за головотяпство оставить на бессменное дежурство человека, да еще в опасной зоне! – не на шутку возмутился я. – Этот ваш завхоз вообще нормальный человек? – спросил я.

– О, цэ вэлыкий чоловик! Бэз нього першый сэкрэтар ничёго не ришае. Як завхоз скажэ, так ото и будэ.

– Ладно. Оставим это, – я попробовал перевести тему на другое и, как бы шутя, спросил, будучи уверенный, что моя просьба теперь уже не получит отказа. – Ну теперь-то можно сорвать хотя бы одну розочку? – но замысел мой не оправдался, потому что Михаил Андреевич был начеку:

– Ни-ни. Колы вси будут срываты, ни одниеи розы не будэ. Завхоз менэ зысть, з роботы выжэнэ. А потим люды прыидуть, а розив нэма. Як у ных на души будэ? Дужэ погано.

– Михаил Андреевич, никто уже сюда не вернется, – с грустью сказал я сторожу. – И никто не будет здесь жить.

– Нэ можэ такого буты! Нэ можэ! Мэни завхоз обещава, що через недилу вси повэрнуться.

– А когда людей вывозили, им что говорили? На три дня? Прошло тринадцать дней. Да неделю дал ваш завхоз. Он что специалист? Он ядерщик? Энергетик? Молчите. То-то. Город весь заражен радиоактивностью. Здесь всё радиоактивно – и дом, и дороги, деревья, и цветы... – и тут я осёкса, потому что вдруг осознал – розы-то ведь тоже радиоактивные!

Я посмотрел на Глухова. Он словно прочел мои мысли:

– Петр Валентинович, что, и розы тоже радиоактивные?

– Да. Всё-всё. Всё, и даже розы. Вот так-то. А я хотел взять розочку себе на память. Как трудно привыкнуть к тому, что всё здесь отравлено. – Я вздохнул и перевел взгляд на сторожа, спросил его. – А где ваша семья, Михаил Андреевич?

– Нэма. Баба тры годы тому назад помэрла. А сын робыв тут на станции, та год уже начальником якогось цеху на Курьскій станции робыць.

– Ну вот что, Михаил Андреевич. Данной мне властью я вас освобождаю от вашей работы, – опять я соврал, но надо же было как-то увезти старика отсюда. – Как ваша фамилия?

– Зубэнко, – ответил ошеломленный сторож.

– Так вот, гражданин Зубенко, – построже сказал я, – сейчас мы вам выдадим на руки приказ о вашем освобождении от работы, вы закроете здание горкома, пойдете домой, заберете нужные вещи, документы, и на нашем бронетранспортере мы увезем вас в Иванков, поедете к сыну. Закрывайте горком.

– А приказ?

– Пока будете закрывать, я напишу. Действуйте!

Сторож несколько неуверенно, но всё-таки подчинился и пошел в сторону горкома.

– Петр Валентинович, что вы делаете! – воскликнул Глухов, когда сторож отошел на некоторое расстояние. – Вы не имеете права решать такие вопросы!

– А имею ли я право оставлять здесь человека на верную смерть? Через неделю у него будет лучевая болезнь. Если её уже нет. Знаете, Виталий Сергеевич, меня на Байконуре так учили: если столкнулся с проблемой, бедой, не оставляй её другому, решай сам. Я мучиться буду до самой смерти, даже от того, что не буду знать, что случилось с этим человеком. Человеком! Вы лучше-ка идите помогите ему.

Опешивший от такого натиска, Виталий Сергеевич пошел следом за сторожем.

А я достал из папки чистый лист бумаги и написал на нем следующий текст:

ПРИКАЗ № 17 от 11.05.1986 г.

*В связи с радиационно опасной обстановкой в городе Припяти,
взятием города под полную охрану милицией
при к а з ы в а ю :*

*Сторожа Припятского городского комитета Компартии
Украины гражданина Зубенко Михаила Андреевича освободить от
исполнения обязанностей по охране здания горкома и направить его
на постоянное место жительства к сыну в город Курчатова Курской
области.*

*Член Правительственной комиссии
по городу Припяти*

n\п

П. Русенко

Когда сторож и Глухов вернулись, я вручил Михаилу Андреевичу приказ.

— А где печать?

— Моей подписи достаточно. Завтра в Иванкове решим все ваши проблемы. А сейчас садитесь в бронетранспортер, езжайте за вещами, а я вас здесь подожду.

ГРИМАСЫ СУДЬБЫ

Конечно, я блефовал. Но почему-то был уверен, что действовал правильно. Машина отвезла нас с Глуховым на станцию, а потом я попросил водителя отвезти сторожа в Иванков с моей запиской, чтобы его отправили к сыну в Курчатова. Кстати, с Михаилом Андреевичем я передал привет своему двоюродному брату Семену, который работал на Курской АЭС. Когда через несколько дней я позвонил Семену, он сказал, что Михаил Андреевич заходил, передал от меня привет, но очень ругал меня из-за того, что я увез его из Припяти. И сокрушался, кто же будет ухаживать за розами.

Тогда на правительственной комиссии случай со сторожем обсуждали. Председатель комиссии Борис Евдокимович Щербина распорядился проверить Припятъ, не остался ли там ещё кто-нибудь по такой же дурости каких-нибудь «завхозов», а может, по собственной глупости или беспечности. Мои действия в отношении сторожа Щербина одобрил, хотя на комиссии все вдоволь посмеялись над моим приказом.

Когда успокоились, Борис Евдокимович предложил ввести в Припяти службу коменданта города. Тогда комиссия ре-

шения не приняла, но в последствии к этому вопросу вернулись, и решение последовало. И тут случилась такая штука – пришлось мне в течение двух месяцев побывать в шкуре коменданта этого мертвого города. До сих пор не знаю, почему выбор пал на меня. Может, случай со сторожем сыграл какую-то роль?..

Я стоял на галерее онкоцентра, всматриваясь в звездное небо, но память всё ещё держала меня в Припяти.

Помню, подумал тогда, что вот сейчас увезем Михаила Андреевича, и город станет совсем пустым. Исчезнут и розы. Кто будет следить за ними? Смотрел я на них теперь уже совсем по-другому, ибо внутренне никак не мог согласиться, что розы – радиоактивны. Они ещё не все завяли. И даже пахли. Но уже было понятно, что и эта последняя жизнь в прежде энергичном городе скоро угаснет насовсем.

Через три месяца после моего посещения Припяти будет принята программа снятия дерна полностью со всей территории города и вывозки этого грунта в могильники. Силами нескольких батальонов гражданской обороны грунт будет удалён на глубину до 15 сантиметров. Вместе с ним выкорчуют все цветники, в том числе и розарии. Руководить этой нерадостной работой выпало мне.

Тогда стояло жаркое безоблачное лето. К осени все розы и другие цветы засохли, полегли под ветрами, заросли сорняком. Пока были клумбы, ещё жила какая-то надежда, что на следующий год, может всё образуется, и город вновь зацветет. Но с началом снятия грунта эта надежда растаяла, как кусочек сахара в стакане чая, оставив о себе лишь след в виде сладкого послевкусия. Видеть это было тяжело, не хватало душевных сил. Пусть и необходимое дело, а ощущалось оно, как противоестественное, варварское. Правда, деревья оставили. Всё равно город стал безликим, лысым. Взгляду не за что зацепиться. Серость и тишина. Мертвый город.

В конце 86-го в Чернобыль приехал и мой двоюродный брат Семен, тоже на ликвидацию аварии. Поведал мне грустную историю. Михаил Андреевич разминулся со своим сыном Игорем. За два дня до его приезда Игорь самовольно выехал в Припять за отцом. Но узнав, что отец уже у него дома в Курчатове, в

безопасности, добровольно решил остаться в зоне. Игорь посчитал, что сейчас нужнее на блоке, он ведь прежде работал на ЧАЭС и знал то, чего, естественно, не могли знать приезжие специалисты. Встретились отец и сын через несколько месяцев, но не в Курчатове, а в Москве, в Воробьевской клинике, где Игорь лечился после переоблучения, и куда через некоторое время привезли его отца. Зимой Михаил Андреевич умер на руках у сына.

Позднее я познакомился с Игорем. Правда при печальных обстоятельствах – на похоронах Семена. Брат, хоть и двоюродный, но был для меня дороже всех других родственников. Тогда-то Игорь и рассказал, как умирал его отец. Михаил Андреевич всё время просился в Припять, кричал, чтобы отпустили, чтобы он смог утеплить свои любимые розы к зиме, а зима-то уже была в разгаре. Он верил, что розы будут жить и будет жить его любимый город.

Но нет теперь в живых ни города, ни Михаила Андреевича, ни его мужественного сына, ни моего любимого брата. И никогда уже не будет тех роз...

АФИШИ И ЛОЗУНГИ

Припять окончательно стала жить совсем другой жизнью. Через некоторое время в городе расположилась немногочисленная комендатура, попозже разместился штаб «Припять», а в конце 1986 года постепенно начали занимать подходящие здания, подвергая их специальной обработке и реконструкции, структуры нового Объединения «Комбинат», который с 1987 года взял в свои руки управление 30-ти километровой зоной.

Когда вывезли всех жителей, у города словно вырвали сердце. Нет людей. Нет машин. Закрыты магазины. Кафе и столовые тоже. Дом культуры, городок аттракционов, гостиница, административные здания – всё обезлюдило. Потускнели, запылились, оборвались плакаты, вывески, объявления – эти осколки прежней жизни. Кое-где ещё висели щиты с афишами.

Странные афиши. Вот уже небывалая беда поразила город. Полным ходом идут спасательные работы. Действует штаб.

Война покатила. А ещё висели афиши о мероприятиях на 30-ое апреля и Первомайские праздники.

Вот на афише приглашение на дискотеку, которая должна была состояться 30 апреля: «Воскресенье. Дискотека «ЭДИСОН». Начало 20-00». Думал ли Эдисон, что таким образом впишется в историю? *Дискотек в этом городе уже никогда не будет.*

На другой афише объявление о гастролях местного ансамбля: «По средам 16, 23, 30.IV. играет рок-группа ПУЛЬСАР. Вечера танцевальных программ». Слова-то какие! – Эдисон, Пульсар, как насмешки.

Третья афиша: «Вечер отдыха «Хорошее настроение». 3 мая. Ждем Вас в танцевальном зале ДК». Помню шутка гуляла с черным юмором, чернобыльская(!): *«Эдисон, Пульсар – плохие приметы, обещают хорошее настроение, а приносят беду».*

У всех бывших жителей Припяти уже никогда не будет хорошего настроения.

Эти дни для припятчан, для жителей зараженных мест, для ликвидаторов, для всей страны навсегда стали *Днями скорби и памяти*. Правда один раз в год, один день. Память потихоньку растворяется в сегодняшней суете.

На крыше одного жилого здания стоял смонтированный из огромных букв лозунг на украинском языке: «ХАЙ МИРНИЙ АТОМ БУДЕ РОБІТНИКОМ, А НЕ СОЛДАТОМ!». В переводе на русском звучит почти так же, как и на украинском языке: «Пусть мирный атом будет тружеником, а не солдатом!».

Не стал мирный атом на Чернобыльской АЭС хорошим работником. Лозунг приобрел обратный смысл. Однажды, уже в октябре, кто-то заклеил в первом слове этого лозунга вторую букву листом бумаги и на ней написал букву «У». Получился совсем другой смысл. И эта другая буква как бы поставила большую жирную точку многому, что нас тогда окружало, с чем мы связывали свою жизнь. Стало горько, очень горько.

На одном девятиэтажном жилом доме тоже из огромных букв был лозунг: «СЛАВА ПАРТИИ!». Когда мыли дезактивирующими растворами кровлю этого здания, решили демонтировать конструкции, на которых были смонтированы эти буквы, потому что они мешали работать на крыше. Демонтировали

первую букву. Ребята работают. Вдруг внизу какие-то крики. Хлопцы посмотрели вниз. Там шум, гам, но о чем, не слышно. Потом к ним на крышу влетел какой-то долговязый майор, показывает удостоверение оперативного работника особого отдела, то есть кэбээшник, и орет на них:

— Я вас посажу! У нас нормальная партия! Никакой лавы нет! Это антисоветчина!

Они ничего не понимают.

— Какая лава?

— Где антисоветчина?

— Черт возьми, в чем дело?

Наорались друг на друга, потом выяснилось, что лозунг без первой буквы снизу стал читаться, как «ЛАВА ПАРТИИ!». А майор оказывается курировал Припять, чтобы не дай бог чего-нибудь не натворили в покинутом городе. Перепугался майор, по-моему, не меньше их. Наверно, сам понимал, что лава партии давно уже накрыла всю страну, но открыто об этом оповещать было опасно. С трудом объяснили ему, что к чему. Спиртом закрепили свою невиновность. Но успокоился он, лишь когда вернули букву на место.

А вот у горкома партии висел стенд с портретами передовиков производства. Над стендом лозунг на русском языке: «ВО ИМЯ КОММУНИЗМА ВОССЛАВИМ РОДИНУ СВОЮ». Здесь тоже однажды кто-то похулиганил, заклеил в четвёртом слове первую и третью буквы. Получилось «ВО ИМЯ КОММУНИЗМА ОСЛАВИМ РОДИНУ СВОЮ». Это уже не смешно. Потому что действительно *на алтарь построения коммунизма чернобыльская трагедия легла судьбой и честью нашей советской Родины*. Меня до сих пор не покидает ощущение, что развал Советского Союза начался с той чернобыльской аварии... А может и раньше.

Надо об тоже написать.²⁵

РОЗОВЫЕ ВИДЕНИЯ

²⁵ Петр Русенко, видимо, серьезно изучал этот вопрос и высказал свое мнение в Главе 22. «Отсчет».

Я всё ещё стою на галерее... Но на самом деле мысленно там, в Припяти, стою у клумбы с розами. Пытаюсь восстановить и сохранить в своей памяти их бывшее величие и удивительный запах. Затих и окаменел бывший город мирного атома. Не слышно ребячьих голосов. У подъездов валяются велосипеды всяких мастей, стоят пустые детские коляски. На веревках многих балконов и у домов висят уже пересохшие, запыленные, зараженные радиацией детские пеленки, распашонки, трусики, маечки, взрослое бельё. Ощущение, как будто всё просто на минуту замерло. Сейчас где-то прозвучит колокольчик или пробьют часы, и всё опять придет в своё привычное движение. И жизнь снова забудет фонтаном радости и любви. И зацветут клумбы. И всё вновь наполнится розовым запахом счастья.

Но нет. Теперь это уже не произойдет никогда. Мои глаза заморгали, к горлу подступил комок. Я представил себе растерянных припятчан, уезжавших в неизвестность, но еще не знавших об этом. Им говорили, что всего на три дня, но оказалось навсегда. Что они испытали через три дня?

Увиденная картина мертвого города и то, что мне ещё предстояло изведать и испытать на моей родине детства, после отъезда из Чернобыля будут долгое время мучить меня по ночам своими изнуряющими видениями. Каждый день я просыпался в поту и до утра не мог заснуть. Только и мечтал, чтобы кончился этот непрекращающийся кошмар, хотелось просто испариться.

*Дай мне исчезнуть в черной мгле –
В Раю мне будет очень скучно,
А ад я видел на земле.*²⁶

Только изредка, когда уже светало, в моей памяти проявлялись, как розовый след, картинки из прежней Припяти, наконец, засыпал на короткое время, и то, лишь потому, что мне казалось, чернобыльский кошмар – лишь сон, ничего не было, всё в порядке. Окончательно проснувшись, медленно приходя в себя, опять осознавал, что всё было и никогда ничего не вернется назад. И так изо дня в день, многие месяцы, годы. Как я не сошел с ума?

²⁶ Строчки из стихотворения «Молитва» Саши Черного.

И вот сейчас Припять меня не отпускает. Я всё ещё там. Но нет уже розариев. Город пуст. Навечно, как в «Сталкере». По периметру, как мумия бинтами, опутан колючей проволокой и рубежом сигнализации, чтобы в этот склеп под открытым небом не пробрались непрощенные гости, бомжи и мародеры.

Проход в бывший город только по специальным пропускам, запаянным в пластик, чтобы можно было смывать с них радиоактивную пыль. На каждом пропуске проставлен штамп, свидетельствующий об объекте, на который разрешен проход. На пропуске, висящем у меня на груди, стоит оттиск крупными буквами «ВЕЗДЕ». С этим штампом я могу быть в любой точке закрытой 30-ти километровой Чернобыльской зоны.

Но нет пропуска в прошлое. Никаким штампом нельзя разрешить возвратиться в доаварийную Припять.

Лишь затаился в памяти, как Млечный путь, состоящий из звездочек-осколков былого, розовый след посреди темного небосвода, будто черная дыра, безвозвратно втянувшая в себя былую жизнь и утраченную страну.

Глава 4.

ЗОВ ПРОШЛОГО

30 августа 2005 г.

Сегодня на обед давали борщ. И как назло назвали его украинским. Не терплю, когда непонятно какое варево, даже отдаленно не похожее на борщ, называют украинским. Любое национальное блюдо надо делать серьезно, чтобы не обидеть человека, не только знающего, каким оно должно быть, но прежде всего человека этой национальности.

Нет. Ничего националистического в моем мозгу не возникло. Просто с украинским борщом у меня связано многое. И память о детстве, о маме,.. о Чернобыле и... о Маше... Ах, Маша, Маша!..

Это тяжело вспоминать... Захотелось побыть одному. Оделся и пошел погулять в парк у клиники.

БОРЩ

Вот и опять осень. Моё самое любимое время года. Сколько их ещё будет? Осенью хорошо дышится и думается. Тихо, свежо. Я брожу по аллеям, а под ногами шуршит осенняя листва. Желтые и красные листья напоминают разводы на поверхности ядерного борща. Желто-красные осенние листья в Машиных волосах... Нахлынувшие воспоминания снова берут меня в плен...

Многие варят и любят украинский борщ. Но какой он настоящий, знают далеко не все. Это божественное яство! Настоящий украинский борщ может быть только летом и только в украинской деревне. Это – замечательная гармония цвета, вкуса, запаха, души и застолья. Это – великая соразмерность, состоящая обязательно лишь из свежих овощей, кусочков слегка обжаренного после варки свиного мяса, луковой заправки со шкварками, крестьянской сметаны, в которой ложка стоит и не падает, красного душистого перца, поварского мастерства и колыхающегося над тарелкой ароматного и призывного пара. Тот, кто знает и любит это, ни с чем не сравнимое блюдо, поймет. Ничто не сравнится с настоящим украинским борщом!

В детстве, живя в деревне Шепеличи, когда к ней ещё не приставили слово Старые, потому что недалеко начали строить Новые Шепеличи, я имел возможность есть это замечательное сельское блюдо очень часто. Мама любила готовить, как она говорила «хохлацкий борщ», любила доставлять наслаждение семье. Что может быть желанней для женщины, всецело посвятившей себя своим любимым мужу и детям, как угодить им? Мама делала это с великой любовью и душой.

Был целый ритуал приема этого превосходного блюда. Ели его с мелко-мелко нарезанным и растертым в ступке чесноком. В еще обжигающий бульон, с красно-желтыми разводами плавающих на поверхности томата и жира, опускали стручок красного перца, разминали ложкой и выдавливали из него жгучий огонь южного солнца. На краюху ржаного хлеба старательно укладывали тонко нарезанные ломтики сала. И наслаждались. Ну, а если к борщу еще была чарка горилки, то восторгу взрослых не было предела. Казалось, что все прелести мира здесь, в этом замечательном блюде...

Перед глазами предстали лица уже давно покойных мамы и папы. Вспомнились наша деревня и нечастые обеденные застолья, когда все собирались вместе...

Вспоминаю, как хотелось в Чернобыле попробовать настоящего борща. Ведь я был у себя дома. Родная природа, недалеко родная деревня. Всего восемь километров от Припяти. Восемь километров от моего детства. В общем есть всё. А борщ отведать нет возможности. В Шепеличах на тот момент уже никого не было. Куда всех увезли, никто не знал.

Тогда тоже стояла осень. Первая после аварии. Сентябрь позолотил деревья. Пожухлая трава скрывалась под пестрым ковром из желтых и красных листьев, вот как сейчас. Хотя стало прохладнее, дыхание лета еще было осязаемым. Особенно днем.

Накануне мне кто-то сказал, что в Караван-сарай, так мы тогда называли огромный склад, приспособленный в Чернобыле под столовую, самую большую столовую во всей зоне, и потому ставшую для всех, в некотором роде, достопримечательностью, приехала из днепропетровщины бригада поварих с раздатчицами, посудомойками, уборщицами и прочим обслуживающим персоналом. Каждые две недели во все столовые приезжали бригады из разных областей страны. Но в этот раз особый случай – приехали из города, где я когда-то учился в институте. В самом городе жил мой отец и в сорока минутах езды на электричке в соседнем районе – моя сестра со своим трудным семейством. Захотелось встретиться с земляками, поболтать, разузнать, как поживает город моей юности.

ЗЕМЛЯЧКА

В тот же день вечером, возвращаясь со станции, заехал в Караван-сарай. Зашел с рабочего входа и, попав в пустой, длинный, замызганный коридор, призывно протрубил:

– Эй! Кто здесь, земляки? Признавайтесь!

Открылась дверь, и в коридор вышла полная, в белом халате, хохлушка, лет сорока, и с мягко по-украински пропела:

– Ой, хлопэць! Да чого ж ты тут крычышь? Чы ты начальник вэлыкый? Так тут я начальник. А ты, хто такой?

– Я в Днепропетровске жил. Вот хочу с земляками пообщаться. А вы из самого Днепропетровска будете?

– Ой, гляды на нього! Да таких землякив тут, як мух у свынарныку – жужжать, аж в ушах гудэ.

– Тытяна Мыколавна, да будэ вам! Вжэ всех хлопцев повыгонялы. Ни соби, ни другим, – это сказала решительно вышедшая из другой двери невысокого роста, черноволосая, смуглая женщина и, обратившись ко мне по-русски, произнесла:

– Я в этой бригаде одна из Днепропетровска, остальные – из районов. Проходите, будь ласка.²⁷

В комнате не было никого. Мы познакомились. Её звали Елена Сергеевна. Она работала была заведующим столовой. Днепропетровская бригада приехала всего три дня тому назад. Но оказывается Елена Сергеевна уже отработала две недели. Её попросили поработать ещё две недели вместе с бригадой из Днепропетровска. Она согласилась с условием, что после отпустят домой.

Елена Сергеевна оказалась хорошей собеседницей. И вскоре, как два старых приятеля, мы вспоминали наш город, какие-то события, известных людей. Нашлись даже общие знакомые. Лена рассказала о своей жизни в Днепропетровске, где она родилась и провела всю свою жизнь. Была семья. Но... муж вместе с сыном погибли в дтп, на гололеде столкнулись с трактором, за рулем которого был пьяный водитель. У Лены заблестели глаза. Я постарался успокоить её, перевел разговор на другую тему. Потом она расспрашивала меня. Я рассказал ей о рано ушедшей из жизни моей маме, о ещё здоровствовавшем тогда отце, сестре, о своем деревенском детстве.

Вот тут-то как раз всё и началось...

Вспомнив, как сестра отменно готовит, особенно украинский борщ, и невольно размечтавшись, я сказал:

– Да! Вот, что я хотел бы в этой черныбыльской кутерьме отведать, так это настоящий украинский борщ. Только это не-

²⁷ Проходите, пожалуйста. (с укр. яз.).

возможно. В столовой ведь нельзя так приготовить – все из консервов, а надо свежие овощи, сметану. Да и получится ли на тысячу человек приготовить так вкусно, как это можно сделать только дома на семью в пять, ну десять человек?

– О, нет, Петр Валентинович! – несколько обиженно возразила Елена Сергеевна. – Вы ошибаетесь. Добрый борщ, можно и на тысячу порций приготовить. Нужно только душу в него вложить. А свежих овощей и мастерства у нас достаточно.

Она порылась в какой-то папке, вынула листок и что-то записала в нем. Потом сделала еще какие-то записи в ученической тетрадке и сказала:

– А вы приезжайте к нам в воскресенье на обед. Будет, как вы говорите, настоящий хохляцкий борщ. Зайдите ко мне, вместе и пообедаем.

Я не придал тогда значения этому слову «вместе». Но горячо ответил:

– Конечно же зайду. Такой подарок!

– Добрый борщ будет. Увидите, – и мило добавила по-украински. – Побачытэ.

Уже была полночь. Я проводил Елену Сергеевну по темному Чернобылю до общежития, где жила их бригада. Ещё два раза до воскресенья я заходил к Елене Сергеевне в «Каравансарай». Эти встречи были пожалуй единственным светлым следом, который оставил в моей душе Чернобыль. Правда есть ещё один, но он слишком тесно связан и с ней, и... с этой страшной историей...

Прощаясь Елена Сергеевна опять напомнила:

– Не забудьте. Завтра. Вместе пообедаем.

– Обязательно буду. Спокойной вам ночи, потому что только в полночь совершаются чудеса и сбываются мечты...

Я продолжал прогуливаться по парку. Под ногами шуршала опавшая осень. В желто-красных листьях мерещились разводы свежего украинского борща, безумные глаза Маши и Володи, милое лицо Елены Сергеевны. Где вы сейчас Лена?..

Да пора идти домой. Ну вот, назвал больницу домом. Как быстро мы привыкаем к новым обстоятельствам. Да и к новым людям тоже. Как давно никто из женщин меня не целовал, не

обнимал... Но у меня никогда уже не будет женщины. Потому и думать на эту тему не стоит.

Глава 5. СЕТИ НЕВЕДЕНИЯ

2 сентября 2005 г.

Вот так Каширка опять вернула меня в Чернобыль. Как однажды писала Анна Ахматова, *«рухнул в себя, как в пропасть»*.

А пропасть эта глубокая. И нет уже сил бежать от Чернобыля. И не хочется жить в северянинском *«сне неразгаданном»*. Свой сон я знаю. Имя ему Чернобыльская зона. Поневоле начал опять туда возвращаться. Может быть, она меня зовет для чего-то? Для чего?..

Эти ночные кошмары, постоянный уход от чернобыльских тем... Бежать от Чернобыля нелегко. Или это бег по кругу?

Всё, стоп! Хватит! Если Чернобыль так настойчив, может быть он неспроста стучится ко мне? Жаждет что-то сказать? Может, я что-то забыл там, в зоне, и она хочет мне напомнить об этом? Если забыл, то что?.. Или кого?.. Ответов нет... Чернобыльский след в моей душе постепенно поглощает след розовый.

Может, и не надо сопротивляться, коль так судьба распорядилась? А что если эти воспоминания не случайны? Стоп-стоп! Это уже мистика. Тут же всплыли слова Николая: «Всё может быть. Не такое ещё бывает!». Согласен, но только не мистика. А память, услужливая память, снова понесла меня в зону.

МАГИЧЕСКИЙ ЧАЙ

И вот сижу я на диване в нашем чернобыльском домике. Вечер. Одиннадцатый час. Я только что приехал с блока. Переоделся, умылся, присел на диван. Устал. Виктор Петрович колдует у плиты, заваривает чай. У нас договоренность, кто раньше приходит, тот и заваривает чай первым. Я это делаю по-

обычному, а Виктор Петрович совсем по-особенному, говорит по-ненецки. У него этот чай – магический.

После Кыштымской ядерной аварии таким чаем его отпала одна старая ненка, на квартире которой он был постояльцем. Виктор Петрович совсем слег. Видимой болезни нет, а тело обмякло, не слушается и страшная апатия. Ненка спросила его, мол чего маешься, сынок. Он ей сказал про радиацию. Она не поняла, а он ей объяснить не смог. На завтра она пришла и сказала, что была у их ненецкого предводителя, не помню, как он называется, может шаман. Он тоже не знал ничего про радиацию. Но сказал, коль это зло, то его надо выгонять, иначе душу отравит. Зло боится добра. А добрее молока, отданного оленихой человеку, ничего не может быть. Если нет оленя, и корова пойдет. И научил её делать магический чай. Ненка этим чаем и отпоила Виктора Петровича. Мистика? Может быть. Но Виктор Петрович очень верил в этот чай.

Вот и сейчас Виктор Петрович делает свой чай. Сначала он кипятит воду, потом кипятит молоко. Ошпаривает кипятком чайник, наполовину заливает кипяченое молоко и сыплет в чайник по две чайных ложки черного и зеленого чая и ещё щепотку красного перца. Потом закутывает чайник в полотенце, накрывает чем-нибудь потеплее и оставляет настаиваться чай минут на пятнадцать. Потом доливают кипятком и разливают чай по стаканам. Перед употреблением этого магического чая надо попросить у Бога здоровья, пить чай горячим без сахара и каких-либо прикусок. Сразу после приема чая надо выпить 20-30 грамм водки и лишь через полчаса можно начинать кушать. Такой чай пьётся натошак. Виктор Петрович говорил, что только благодаря этому чаю он ещё жив. Бывая на атомных станциях, он всегда пил чай по-ненецки. Отличался здоровьем, редко болел.

Выпили мы чай, водочку, ждем, когда можно начинать ужинать. Я спросил:

– Слышь, Виктор Петрович, а когда произошел Кыштым, у тебя уже была семья?

– Да. Дочери как раз год исполнился.

– Семья тоже попала под радиацию?

– Слава Богу нет. Они тогда на лето уехали в Адлер к моему отцу и ещё не вернулись. Дал телеграмму, чтобы пока не возвращались. Потом позвонил. Кстати чуть не посадили за эту телеграмму, мол раскрыл государственную тайну.

– Ничего себе государственная тайна! Как же по-другому было сообщить, что нельзя ехать?

– Меня директор спас. Убеждал режимников, что я ведь не указал по какой причине. Они отвечают: «А если много людей дало бы такие телеграммы, то на Западе сразу бы поняли, что у нас что-то не так». А он им: «А сколько было таких телеграмм?» Они проверили все телеграфы, нашлась только одна моя. Просто к сентябрю уже все дети вернулись домой.

– Но ведь уже был 1957-й год. Во всю шла реабилитация репрессированных, начиналась хрущевская оттепель.

– Реабилитация реабилитацией, оттепель оттепелью. А разве кто-нибудь отменил тогда охоту на «врагов народа»? Нет. Шпиономания, по-моему, и сейчас многим застит глаза.

– Виктор Петрович, а увозили люди свои семьи, когда случился тот взрыв в Кыштыме?

– Никто не увозил. Никто и не знал, что произошло.

– Работники комбината ведь знали.

– Ну, некоторые, может быть, и увезли, но это было трудно сделать, жили-то за колючей проволокой, как в зоне. Собственно, это и была зона. Её ещё Берия организовал, когда ему поручили создать атомную промышленность. Он же один из создателей ГУЛАГА, вот и организовал такие места по типу лагерных зон. Их шарашками называли. А твой Байконур, что не зона? Тоже весь за колючей проволокой. Без специального разрешения не въедешь и не выедешь. И чтобы в анкете даже под микроскопом всё было чисто. А в Кыштыме жители окружающих населенных пунктов и знать ничего не могли, потому что работники комбината не имели права ничего говорить. Все ведь были засекречены, за разглашение – зона, но другая, эковская.

– Мне рассказывали, что здесь, после черновобильской аварии ещё до поголовной эвакуации, работники АЭС срочно увозили свои семьи подальше от Припяти. Много таких было? Их сейчас дезертирами называют.

- Нет, единицы. Но сделали правильно. Ждать эвакуации нельзя было.
- Думаешь, убежав, они не пострадали?
- Вряд ли. А вот дети все будут болеть.
- А взрослые?
- Если на блоке не были, может и пронесет.
- А нас с тобой?..
- Не пронесет...

СЛЕД ГОРЬКОЙ ПОЛЫНИ

Повисла пауза. Я задумался, а потом вспомнив про ненецкий чай, спросил Виктора Петровича:

- А твой магический чай, что не поможет?
- Не поможет. Здесь не простой выброс. Ядерная авария с открытием активной зоны. Просто чуть дольше протянем, если этот чай пить регулярно. И на том спасибо ненке. От Кыштыма всё-таки след небольшой был. А здесь во много раз больше.
- Что ты имеешь ввиду под следом?
- Так в атомной промышленности, в экологии и метеорологии называют радиационно зараженную территорию. После Кыштыма пораженную территорию называли Восточно-Уральским радиоактивным следом. За полсуток радиоактивное облако прошло в северо-восточном направлении над Челябинской, Свердловской, Тюменской областями, образовав радиоактивный след площадью более примерно 20 тысяч квадратных километров.
- А чернобыльский след сопоставим с Кыштымским?
- Нет, по площади, пожалуй, раз в десять меньше.
- А как здесь его назовут? Чернобыльским?
- Не знаю. Вряд ли. Скорее Восточно-Европейским, по источнику и основному очагу.
- А может всё-таки назовут Чернобыльским следом?
- Чернобыльник – горькая полынь. Получается след горькой полыни.
- Горше некуда.
- Кстати, Петр Валентинович, знаешь, кто понял первым, что произошло на Чернобыльской АЭС?

- Как кто? Работники станции.
 - Какой?
 - Как, какой? Чернобыльской, конечно.
 - Нет, это, к сожалению, не так. Первым догадался о раскрытии активной зоны Поздышев Эрик Николаевич.
 - Так он в Десногорске, директором Смоленской АЭС тогда работал. Что, он в тот день здесь в командировке был?
 - Нет, у себя.
 - Не понимаю...
 - А вот так, по радиационному следу первым догадался и первым сообщил на самый верх.
 - Вот это да! Надо же, километров, наверно, за триста первым догадался! А на месте, что, не могли сообразить?
 - Могли, да страх обуял. А может, и догадались, так опять же страх сковал мозги. Это я про руководство говорю. Дежурный персонал быстро всё понял. На своей шкуре. Н-да... Вот Валера Ходымчук там и остался. Реактор стал его могилой. А Шашенок тогда же погиб. Вчера после аварии первый человек умер, пожарный, и сегодня трое, один из них – Саша Акимов.
 - Да ты что? Сашка Акимов? Ай-яй-яй!... Я знал его. Да и с Ходымчуком был знаком. Толковые мужики были.
 - Не говори. Эх! Вот такая беда!. Давай выпьем.
 - А ненецкий рецепт?
 - Да пошел он к черту! Сколько ещё ребят уйдет? Сколько нас останется через год? Через пять?
- Мы тогда ещё не знали, что ребят умрет много. Через два дня будет самый страшный день – в муках покинут этот мир сразу четыре наших товарищей.
- Через два года после аварии уйдет из жизни и Виктор Петрович. На этот раз след всё-таки догнал и его в расцвете творческих сил. За два года он заболел только один раз. Поднялось давление. Положили в больницу. На выходные попросился домой. Встал на стул, чтобы взять с верхней полки книгу и упал. Просто остановилось измученное сердце.
- След горькой полыни горек и черен, стоек, и неотвратим.

ЗА РЕБЯТ!

А сейчас, в моей памяти, Виктор Петрович ещё живой, сидит рядом со мной за столом. Сегодня воскресенье. Четвертое воскресенье после аварии. Объявили выходной день. Вернее полдня. Хоть чуть отдохнем. Всего две недели в Чернобыле, а замотался. Дает знать радиация. Виктор Петрович больше измотан.

Я приехал около 16-00, немного раньше его. Хотел заварить свой обычный чай, но потом передумал и попробовал сделать чай по-ненецки. Пусть Виктор Петрович подкрепитсЯ. А вместо водки достал коньяк. Выпьем чайку, коньячку, поужинаем и звалимся спать до утра. А там опять в бой.

Виктор Петрович смакует свой чай. Говорит, что немного не такой, как надо, но вкусно. Ещё бы не вкусно – я добавил меда, чтобы крепче спалось. Думаю, не повредит. От коньяка ради выходного Виктор Петрович не отказался. Решили даже повторить, так сказать предаться страстям:

*Внимай страстям, и верь, и верь,
Зови их всеми голосами.*²⁸

- За что выпьем, Виктор Петрович?
- За здоровье.
- За здоровье, так за здоровье. Как говорил у нас на Байконуре известный балагур, заводила и тамада майор Слава Мешков: «В доброй компании готов выпить за что угодно, за любой тост. В плохой – молчу, и водка в горло не течет – спазм настроения»
- А у нас-то с тобой нет «спазма настроения»?
- Нет. И компания добрая. Еще Славка говорил: «Выпивка и спешка несовместимы. Неторопливая выпивка – благо. Выпивка в спешке – вред себе и народному хозяйству, ибо это – пьянка».
- Ну ваш майор философ! Что он ещё вещал?
- Чаще всего повторял: «Выпить, но не поговорить, это всё равно, что не выпить».
- Это верно. Давай, за здоровье.
- И твоё.

²⁸ Строчки из стихотворения Александра Блока «Через 12 лет», стих № 3.

– И тебе не чихать.

Выпили, крикнули, занюхали хлебом, закусили, расслабились. Сидим, то ли обедаем, то ли ужинаем, непонятно. Время перепуталось. Виктор Петрович, улыбаясь, говорит:

– Петр Валентинович, коль такая пьянка, давай ещё по одной. Только водки.

– За что выпьем?

– Слушай, может?..

Мы переглянулись. Я угадал мысль Виктора Петровича:

– За них, за ребят. Мы об одном и том же подумали.

– Неудивительно. Я бы за них каждый день по литру пил, лишь бы жили, – с горечью сказал Овчаров.

– Да уже 16 хлопцев ушли из жизни. А Валеру Ходымчука и похоронить невозможно, так навсегда и остался в реакторе. Сколько ещё потреям?

– Много, очень много. И мы там будем.

– Не каркай.

– Да, давай за то, чтобы ребята остались живы. А кого нет, пусть земля будет им пухом.

– Пусть.

Встали, выпили, постояли, чуть закусили... и... протрезвели. Не пошел ни коньяк, ни водка. Потому что голова так и не выключилась. Легче всего, наверное, выключить электростанцию, чем переполненную заботами голову.

СОРНЯКИ

Воспоминания о наших вечерах с Овчаровым согревают душу. Как его не хватает сейчас! Он рассказывал много интересного, неизвестного мне, говорил о будущем, иногда делал прогнозы. За два десятка лет, что мы были с ним знакомы, я не помню случая, что бы он ошибся в своих предсказаниях.

Но однажды ошибся.

Как-то мы сидели с Виктором Петровичем поздно вечером, рассказывали друг другу, что у кого за день произошло. Потом я задал вопрос, мучавший меня с первых дней приезда в Чернобыль:

– Виктор Петрович, вот всё хотел тебя спросить, а нужно ли было останавливать первый и второй блоки? Третий понятно,

всё-таки с четвертым блоком одно здание. Но первый и второй? Они же могли работать. Здания герметичные. Внутри уровень радиации увеличился незначительно. Сразу из системы вывести четыре блока миллионника – это такой удар по энергосистеме. Как она выдержала, не развалилась, удивляюсь.

– Не знаю, почему блоки вырубили. Третий надо было заглушать. Это верно. А те два ни к чему. Со страху очевидно вырубили их. Уровень фона внутри, конечно, увеличился. Но это можно было быстро отмыть.

– Ну напугались, обделались, можно теперь трусы помыть, высушить, начать всё сначала и блоки включить.

– Можно-то, можно. Но кто же признается, что обделались. От них на километр вонять будет, не признаются. Бюрократ – это порода такая: быстро прививается, трудно выводится. Как сорняк огородный.

– Ну, объявили бы, что, дескать, в результате успешного проведенных мероприятий стало возможным введение в строй первого и второго блока. Трусы бы выбросили, парадную одежду надели, торжественные мероприятия провели, всякие реляции огласили бы. Газеты трубят. Глядишь, награды даже дали бы. А про вонь скажут, что и не было её вовсе. Это, мол, происки западных борзописцев.

– Эх, Петр Валентинович! Верно ты всё описал. Так оно и будет. Только позже. Может и не в 1986 году.

– А почему не сейчас?

– Потому что боялки ещё не отбоялись.

– Какие?

– Ну, например. Как объяснить, что во время самой крупной в мире ядерной аварии радиационная опасность была объявлена более, чем через неделю после аварии. По-моему, даже уже после твоего приезда в Чернобыль, – взволнованно ответил Овчаров. – Ты же знаешь, по действующему порядку директор любого предприятия является начальником гражданской обороны этого предприятия, руководитель района – начальник гражданской обороны района, соответственно, так и в области. Они и должны были объявить радиационную опасность. Но ни директор станции, ни руководители города, райо-

на, области этого не сделали. Не предупредили людей, что надо делать. Оставили в неведении.

– Может, не хотели Первомайский праздник омрачать?

– Наверное. Только после майских праздников разрешили это сделать, когда об аварии на Чернобыльской АЭС уже знал весь мир, а сотни тысяч наших людей от этой опасности уже пострадали и даже выходили на Первомайские демонстрации по всем городам страны. Кто-то же должен за это ответить? Вот какая боялка!

– Ну, это-то никому не сойдет.

– Сойдет. Директор – не ядерщик. Кто-то его продвигал, протезировал, назначал, контролировал работу станции. А ещё знаешь, что выявилось? Оказывается, на ЧАЭС несколько лет практически не проводились учебные и практические занятия по повышению квалификации персонала. Вместо учебы выдавали такой бегунок и соответствующий работник оббегал указанных в нем руководителей, а те ставили свои подписи, что якобы провели занятия, приняли зачеты или экзамены. Удобно. Всех устраивало и все молчали. Часть оперативного персонала хоть изредка посылали на другие станции на стажировки. А остальные практически не повышали свою квалификацию. Но кто-то же проверял станцию, докладывал, что всё в порядке, награждали директора, заместителей, руководителей среднего звена, работников, саму станцию. Это же сколько людей в головотяпстве, кумовстве и беззаконии завязано! А всем жить хочется. Потому, думаю, круговая порука и теперь всех спасет. Это же сорняки, они крепко держатся за завоеванную почву.

– Нет. Не может такого быть, чтобы это сошло! – воскликнул я. – Сам говорил, такого ещё не было и вряд ли будет.

– Всё равно сойдет, ещё как сойдет. Круговая порука – это не только, когда руки по кругу держат друг друга, это ещё, когда руки идут кругами и втягивают в свой круговорот тех зависимых, от которых может исходить угроза их кругу. Сам посуди, какая сейчас сдержанная информация в газетах, по телевидению. Стрелочников найдут, их и накажут. Может быть, накажут сурово, напоказ всей Европе. Отмываться-то надо.

ИНФЕКЦИЯ

Тот разговор о сорняках однажды у нас с Виктором Петровичем продолжился. Я спросил его:

– Виктор Петрович, послушай, но блоки-то всё равно надо пускать. Что может этому мешать?

– Здесь дело не в реакторах. Тут другая проблема. Скорее даже беда.

– Что ещё?

– Когда население Припяти эвакуировали, то большинство специалистов: дежурный и оперативный персонал, дозиметристов, работников цехов, ремонтников, ну и всех других – вывезли. Из домов поподъездно выгоняли всех подряд из своих квартир. Ни на кого не смотрели. Хотя предупреждали, кого надо было не трогать. Куда кого увезли, толком не известно. Смены оголились. А блоки без обслуживания оставлять нельзя. Нет. С ущербными больше чем наполовину сменами блоки не пустишь. Теперь, как всегда, будем преодолевать трудности, созданные нами же. Такая вот русская забава – создавать трудности, потом их мужественно преодолевать.

– А может, это борьба человека с самим собой?

– Это одно и то же. Вот смотри. Со всех атомных станций и многих тепловых вызывают сейчас специалистов. Прежде всего нужны ребята в дежурные смены на блочные щиты управления, в другие дежурные службы. Нужны различного профиля ремонтники, реакторщики, турбинисты, вентиляционщики, слесари, электрики, связисты, механики, дозиметристы, электронщики, монтажники, сантехники. Все эти люди до аварии жили в Припяти. Но их в один день вывезли и рассыпали по стране, как бусы. Многие уехали к родственникам, у кого на это были деньги. Много семей разъединилось. Теперь ищут друг друга.

– А как же было по другому, Виктор Петрович? Население ведь под сильнейшим облучением находилось 36 часов и более. Припять ближе всех к блоку. А из деревень только через две недели последних увезли.

– Думать надо было сразу! Ведь были же штабы гражданской обороны. Такая ситуация должна была прогнозироваться. И по специалистам можно было всё продумать. Ведь всех знали,

кто где живет. За ночь можно было всех оповестить. Можно было предупредить милицию, военных, что при предъявлении пропуска для прохода на станцию, таких оставлять. Оставшихся вывезти в зоны отдыха, пионерлагеря, дома отдыха, профилактории. И возить их потом на работу. Что сегодня и делается. Только это теперь в основном командированные с разных станций. Вся страна здесь.

– Но всё равно пришлось бы менять людей, когда местные работники дозы набрали бы.

– Конечно. Но хочешь – не хочешь, даже если надо было бы сразу всю эксплуатацию менять, делать это необходимо только постепенно. А так приезжают новые люди, не всегда нужного профиля, специальности, уровня, опыта. Здесь они прежде не работали, специфику не знают, нужно время на вработывание. Кстати, многие отказываются возвращаться. Сейчас им становится всё понятнее, что произошло. И рисковать они уже не хотят.

– По-моему, даже начинается радиофобия.

– Радиофобия – это естественная реакция людей. Это нормально и понятно. Если бы говорили правду, ничего не скрывали, тогда люди меньше бы боялись. Но от того, бояться люди или не бояться, опасность-то всё равно никуда не делась. Поэтому нельзя людей обвинять в радиофобии.

– А если радиофобия это всего лишь ответная реакция на сокрытие правдивой информации? Некоторые уже на воду дуют. Страх людей одолевает там, где и страшится нечего.

– Во-во. Страх с сорняков опыляет простых людей.

– Тогда это не радиофобия, а инфекция.

– Сорняки всегда портят огород. Их выкорчевывать надо.

– Виктор Петрович, что-то ты сегодня суров, как никогда. Тебя послушать, так всё ужасно.

– Да, ужасно. Знаешь Петр Валентинович, Чернобыль нам ещё откроет такие вопиющие факты. Не так ахнем!

Пройдет время, и я много узнаю безрадостного об истории страны, нашей науки, атомной промышленности, энергетики. Беседы с Виктором Петровичем, встречи с Валерием Алексеевичем Легасовым, Евгением Ивановичем Игнатенко, с другими

весьма осведомленными людьми, изучение ряда прежде засекреченных материалов открыли мне глаза. И я не ахнул. Нет. Я возопил! Боже! Если ты есть, зачем допустил всё это?

Теперь, когда я ухнул в пропасть воспоминаний, наберусь сил и об этом тоже напишу. Только бы хватило времени.²⁹

Спасибо Виктору Петровичу. Это он опускал меня с небес наивности на нашу грешную землю. Но тогда в Чернобыле я ещё многого не знал, не догадывался, да и не задумывался. Поэтому недоверчиво посмотрел на Виктора Петровича и продолжал его выспрашивать:

– Но блоки-то всё равно пустят?

– Конечно пустят. Но не скоро. Года через два-три. Не раньше. И только первый и второй. Думаю, третий не будут вообще пускать, законсервируют. Вот в этом Овчаров и ошибся.

ИСЧЕЗНУВШИЕ СЕТИ

К своему пессимизму Виктор Петрович добавил ещё:

– Понимаешь, столько вновь и вновь вскрывается бед, что голова кругом идет. Вот, например, в дежурных и ремонтных мастерских не оказалось в полном объеме эксплуатационной документации, а исполнительных схем вообще почти нигде не обнаружили. На территории станции, в некоторых цехах, в Припяти, на водопроводных, тепловых и канализационных сооружениях шаром покати, как Мамай прошел. Спрашиваем у тех, кто остался: «Как же вы работали без точных схем?» Отвечают: «По памяти. Кто же знал, что такое случится».

Да-да. В этом я сам вскоре убедился, когда меня кинули на город Припять комендантом. Два месяца адской работы по восстановлению систем электроснабжения, водоснабжения, бытовой и ливневой канализации, очистных сооружений, строительству системы перехвата грунтовых вод. Всё могли сделать быстрее, если бы были в местах размещения дежурного персонала, в ремонтных мастерских исполнительные схемы.

Пришлось лезть в архив филиала Ленинградского проектного института «Гидропроект», организации, проектировавшей ЧАЭС. Этот институт подчинялся знаменитому Минсредмашу –

²⁹ Об этом Петр Русенко напишет в Части III. «Causa causalis».

министерству среднего машиностроения, под названием которого скрывалось одно из самых секретных ведомств страны, занимавшихся всем, что было связано с использованием атома в военных и мирных целях. В это ведомство входил и Институт атомной энергии им. Курчатова и НИКИЭТ, которые и разрабатывались все ядерные реакторы для военных и мирных целей.

Филиал «Гидропроекта» находился в километре от четвертого блока. Фон больше десяти рентген. Света нет, в архиве пыль вековая. И вот мы с фонарями шарим по всем полкам, не зная классификации, нумерации проектов, что, где лежит, каталога нет. Шерстим архив наобум. А время идет, облучение увеличивается... Исполнительных схем не нашли.

Поехали в УКС³⁰. Там погром, вообще ничего найти нельзя, даже не нашли место геодезической службы, где должны храниться контрольные экземпляры исполнительных схем коммуникаций. Вернулись в филиал «Гидропроекта», снова стали рыться. Наконец наткнулись на нужные полки. Нашли. Вынесли. Поехали в Припять. Сравниваем с местностью, а половины коммуникаций не обнаруживаем.

Проект и его реализация – это две разные вещи. Даже несколько насосных станций и трансформаторных подстанций оказались смещенными против запроектированного.

Надо делать новые схемы сетей. Сначала было необходимо снять копии с чертежей, чтобы на них затем делать корректировку. По сути это означало заново делать исполнительные схемы, которые эксплуатация города должны были вести регулярно. Эта обязанность была установлена законодательством.

В зоне мы не нашли ни одного исправного копировального аппарата. Все почему-то были просто взломаны, что-то из них добывали. И это несмотря на то, что любые множительные аппараты в те времена находились под строгим учетом КГБ. Боялись, что на них будут размножать антисоветскую литературу. Правильно боялись. По всей стране ходили размноженные тек-

³⁰ Управление капитального строительства Чернобыльской АЭС, осуществляло функции заказчика-застройщика.

сты запрещенной литературы и самиздата. Например, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицина я весь прочитал в переснятых копиях

Был ещё один способ размножения чертежей, варварский. Сначала копировали чертежи на прозрачную кальку через стекло, подсвечивающееся снизу лампами. Затем копировали с кальки контактным способом на специальную светочувствительную бумагу и проявляли эту бумагу в парах аммиака в широкий жестяных тубусах. Называлось это синькованием. Однако нужно было иметь много чертежников. На всё это ушло бы не меньше трех месяцев. А времени было всего две недели.

Конечно, мы не стояли на месте и методом так называемого «тыка», то есть постепенно, вслепую, восстанавливали одну нитку сетей за другой. Но дело продвигалось медленно. Оставалось слишком много белых пятен, совсем непонятных участков. Например, где проходит напорный канализационный коллектор? По рельефу, по расположению канализационных сооружений он где-то должен быть в одном месте, но мы его не находили нигде. Такого рода проблем было немало. Особенно в тех микрорайонах, где продолжалось строительство города. Железобетонные конструкции, металл, арматура, строительный мусор, песок, гравий, щебень, всё вперемежку. А под ними скрывались коммуникации.

Поэтому сразу же параллельно мы обратились в оперативный штаб министерства обороны и попросили сделать аэрофотосъемку АЭС, города и прилегающих к ним территорий в масштабе 1 к 500, то есть в одном сантиметре 5 метров. Это обычный масштаб для схем коммуникаций. Но для аэросъемки, чтобы такой масштаб сделать надо было слишком низко и небыстро лететь, что было невозможно. Они сумели выполнить фотографирование в два раза большем масштабе. Это уже была победа. Как летчики выкрутились, не знаю?! Спасибо им.

Потом чертежи проектировщиков и аэрофотоснимки мы повезли в Киев. Из одного комплекта копий снимков собирались склеить общую схему коммуникаций, а из второго – раздавать бригадам части общей схемы для работ на местности.

Но в Киеве никто не брался копировать, объем огромный. Да и боялись. Мол разрешение надо. А времени нет бегать по

различным ведомствам, в местное управление КГБ и объяснять очевидное. В Чернобыле всё решалось быстро – там война. В Киеве мирное небо, размеренная жизнь. Что им до каких-то неряшливых, чумных ликвидаторов, в одинаковой одежде, как из зоны. Плюс, нас боялись – мол, *«они радиоактивные»*.

И тут, слава Богу, я вспомнил об одном своем знакомом. Дело давнишнее.

Ещё лет восемь до Чернобыля, служил у нас в управлении на Байконуре солдатик Саша Шипко. Хороший паренек, незлобивый, безропотный. Был он оператором множительной техники. По службе я часто приносил ему материалы для размножения. Узнал, что он мой земляк. Так и познакомились. Именно он по частям тайно и размножал «Архипелаг ГУЛАГ», другие запрещенные книги, которые нам доставлялись самолетами из Москвы в коробках с чертежами из московского «Военпроекта». Этот багаж был военным и потому не досматривался. Перед окончанием Сашиной службы, взял у него киевский адресок.

Как вспомнил о Шипко, сразу побежал в Минэнерго Украины, звонить домой. Рассказал жене, где может быть записная книжка. Через полчаса перезвонил – адресок нашелся, Саша жил где-то на окраине Киева за Троещиной. Нашли. Он на работе, в типографии. Мы к нему. Встретились. Такой же худой, неряшливый, но стал деловым. Он был удивлен, что такой человек его нашел, очень обрадовался и никак не мог поверить. Всё тащил нас в ресторан, где работала его мама.

Объяснили ему ситуацию, ресторан потом, сейчас нужна помощь, где и как можно сделать эту работу. А он говорит, я сам сделаю. Только не выдавайте меня. Отправил к себе домой, а в пять утра появился с дружкой и пятью неподъемными коробками с копиями. Мы и сами не догадывались, какую огромную работу замыслили. Помогло то, что в его типографии стояла достаточно мощная по тем временам техника. Потом через правительственную комиссию я вызвал Сашу в командировку к нам в штаб «Припять», где с его помощью создали первое множительное бюро в зоне. Там в зоне он и остался работать до конца своих дней. Жаль, очень жаль. Как он нас тогда выручил!

В общем с копиями мы вернулись в Чернобыль. Склеили один комплект и разложили на полу в спортзале одной из школ. На снимках было главное, ради чего мы это делали – точки люков на тротуарах и мостовых были видны четко. То что мы уже выяснили, нанесли на эту схему, корректируя по люкам. А остальное восстанавливали по этой большой схеме, выходя на ранее неизвестные места. Нам пришлось вскрыть более тысячи люков.

И вот в результате мы создали реальную схему коммуникаций. Обнаружились также все пожарные гидранты, решетки и люки ливневой канализации. Это было особенно важно, чтобы эффективно и более мощно мыть город от радиации. Требовалось осуществить почти одновременный забор воды 70 пожарными машинами и слить, по сути, залповый сброс этой воды, смешанной с дезактивирующими растворами в ливневую канализацию. Правда до этого надо было удалить воду из всех водопроводных, ливневых и канализационных насосных станций, да просушить все двигатели в них, сделать ревизию запорной арматуры. В общем, хватало делов.

ВКЛЮЧЕНИЕ

Чтобы включить все насосы в работу надо было ещё подать электроэнергию. Тут ситуация оказалась труднее и опаснее.

Дело в том, что на большинстве трансформаторных подстанций, сокращенно ТП, тоже не оказалось схем. За время, пока город был обесточен, все ТП были раскрыты, многие приборы, выключатели, кнопки разбиты. В некоторых ТП были следы лежбищ бомжей.

Для сравнения: если прорыв на водопроводе, то через некоторое время это обнаружится, так как вода выйдет из-под земли на поверхность, и место аварии станет видно. А вот если на ТП включить рубильник, а на линии перерезан кабель или эта линия просто не была до конца смонтирована, то в ТП произойдет взрыв, оператор может лишиться рук, глаз и даже жизни.

Включить требовалось сорок ТП. Надо дезактивировать город, мыть дома, крыши, улицы. Времени не было. Поэтому мы пошли, как говорится другим путем, широко применявшемся в СССР, – путем проб и ошибок.

Нашли пустую металлическую бочку из под цемента, вымыли её, высушили, срезали верх и низ и разрезали пополам. Получился большой щит, как у крестоносцев. Посередине вырезали небольшое отверстие, потом брали багор, просовывали его в дырку, и прячась за этот щит, упирались багром в нужный рубильник. После этого что было сил с закрытыми глазами надавливали багром на рычаг и таким образом включали фидер. Только четыре раза мы ошиблись, в результате чего четыре раза испытали на себе силу и яркость взрывов от коротких замыканий. Но наша доморощенная защита спасала.

Вот так, на собственной шкуре я узнал, в каком состоянии находилась эксплуатация сетей в городе и на станции до аварии. Но это будет потом. А когда мы разговаривали с Виктором Петровичем, я не мог поверить, что на атомной станции, как говорили тогда локомотиве советской науки и техники, может быть такая бесхозяйственность и беспечность.

Вместе с тем. Несмотря на то, что я описал выше, блоки пустили значительно раньше, чем предполагал Овчаров. Первый блок ввели в эксплуатацию в октябре 1986 года, второй – 30 ноября 1986 года. Причем именно этот день почему-то стал негласным «Днем ликвидаторов последствий аварии на Чернобыльской АЭС». Особенно широко отмечают этот день чернобыльские общественные организации Москвы. Как-то приглашали. Через год и третий блок пошел в работу. Но это уже точно было ни к чему – там уровень радиации оставался ещё очень высоким, смены работали в ужасных условиях.

Чернобыльская АЭС опять стала действующей. Я до сих пор не знаю, победа это или беда. Первый блок проработал 10 лет, третий – 13 лет, второй блок заглушили через пять лет – из-за пожара в турбинном цехе. ЧАЭС после аварии выработала электроэнергии ровно столько, сколько и до аварии.

Почему же ошибся Овчаров?

Сейчас я знаю ответ на этот вопрос.

Виктор Петрович недооценил удивительную способность «сорняков» быстро приспосабливаться к изменяющимся условиям, когда им угрожает возможное уничтожение. Они в таких случаях ни на чем не постоят, а вывернутся наизнанку, перели-

цуются, но покажут, какие они молодцы и если бы не они, то было бы ещё хуже. Апофеозом явилось их стремление создать нечто вроде праздника: «Мы победили!», а значит получить награды и премии, стать в ряд с истинными ликвидаторами. Но ликвидацией последствий аварии на ЧАЭС ещё три года занимались сотни тысяч человек, в основном военные. Во многих местах Украины, Белоруссии и западных областях России до сих пор работы по дезактивации территорий не закончены.³¹

И главное, Виктор Петрович не придавал значения стремлению советского руководства показать всему миру, что у нас всё нормально, мол, ничего не произошло, вот видите, станция опять работает. А то, что один блок не действует, так, у кого не бывает.

Глава 6.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РОМАН

4.09.2005 г.

Последние дни я только и думал о предстоящем обеде. Каждый раз спешил, как на любовное свидание, на встречу с... Леной? Или с украинским борщом? Хотя, по правде говоря, и с Леной тоже. В общем, с обеими.

ЦАРСКИЙ ПОДАРОК

В назначенный день я направился прямо в кабинет Елены Сергеевны. А её не было. Рабочий стол был выдвинут на середину, сервирован на две персоны. Я поторопился выйти, подумал, перепутал комнату. Стал в коридоре, пытаюсь сообразить, где находится та тесная комнатка, в которой обычно мы разговаривали.

— Пётро Вылэнтыновичу, вы вжэ прыхалы?

Я обернулся. Это была Елена Сергеевна.

— Я никак не найду ваш кабинет, — и запоздало поздоровался. — Здравствуйте, Елена Сергеевна.

³¹ Эта запись Петра Русенко сделана по состоянию на 2005 год. В главе 20. «Дезинформация», в подразделе «Пленники» Русенко приводит таблицы, подтверждающие это высказывание.

– Так ось вин. Проходьтэ, будь ласка, – и она показала на комнату, из которой я только что вышел.

– Я уже заходил туда. Там для кого-то накрыто.

– Петр Валентинович... Ну... Вы не обидитесь, если мы с вами пообедаем вдвоем. Я ведь тоже часто не успеваю поесть. А тут такая удача с земляком посидеть, поболтать. Будет ли ещё время. Вы не возражаете?

– Как-то неудобно. Могут увидеть. Что подумают?

– Вы же сами согласились вместе со мной пообедать.

– Я думал, в зал вместе пойдем кушать.

– А я подумала, что вместе, значит вдвоем...

Елена Сергеевна покраснела и, глядя в сторону, сказала:

– Извините, меня дуру. Пойдемте, Петр Валентинович, я вас провожу в зал.

– Что вы, Елена Сергеевна! Это вы меня извините! Я просто не ожидал такого двойного подарка. Счастлив вместе с вами пообедать! Извините меня! Это я дурак. Надо было сразу догадаться. Здесь в Чернобыле совсем зачерствел.

– Ну, вот и добрэ, – обрадовалась хозяйка. – Проходите.

Обед удался на славу. Я съел три миски борща. Ещё бы! Надо же понимать! Где? В Чернобыле! Настоящий украинский борщ! Да ещё с такой прелестной дамой! Вдвоем! Прямо, как в ресторане, – столик на двоих в отдельной ложе. Правда, сервировка: общепитовские тарелки да граненые стаканы на сложенной пополам белой простыне, за однотумбовым письменным столом в обшарпанном кабинете. Зато какие ощущения! Я горячо благодарил Елену Сергеевну, восхищался борщом и всячески её хвалил.

– Дорогая Елена Сергеевна. Вы мне сегодня сделали царский подарок. Я здесь скоро уже полгода. Впервые почувствовал радость, даже какое-то давно не ощущаемое убагодворение. Не мог представить, что в этой ненавистной зоне, погубившей край моего детства, могут быть такие счастливые моменты.

ВДВОЁМ

– Всё пройдет, зарубцуется, Петр Валентинович. Будет ещё счастливое время. Помните, у Пушкина:

*В день уныния смиришь:
День веселья, верь, настанет.*

– Нет. Веселья у меня теперь никогда не будет. Коль вы заговорили стихами, я тоже процитирую, но шекспировское:

*В страданиях один исход –
По мере сил не замечать невзгод.*³²

Вот этим и живу.

– А помните, у Шота Руставели:

*Не оценишь сладость жизни,
Не вкусивши горечь бед.*³³

Это о нас с вами. наших товарищах. И о всех людях вообще.

– О чем вы говорите, Елена Сергеевна? Вот мы с вами здесь отдыхаем. И огромное спасибо вам за это. До гробовой доски буду помнить этот прекрасный день. А мои ребята сейчас вкалывают и не знают, как я в это время наслаждаюсь жизнью. Вы не обижайтесь, Елена Сергеевна, но борщ-то приготовлен только для нас двоих. Не так ли?

– Обижаюсь. Борщ мы с девушками сварили для всего спецзала. Просто мне хотелось вдвоем... Вы так красиво рассказывали о борще, нашем национальном блюде, и с грустью о вашей родине, что мне захотелось хоть чуть отогреть вашу душу.

– Простите, ради Бога! Каким же я стал неуклюжим болваном! Извините меня, я не хотел вас обидеть... А скажите... можно как-то сделать так, чтобы накормить моих ребят этим замечательным борщом?

– А чего же нельзя. Сколько вас?

– Сорок человек.

– Так. Отдельного зала я не найду. Спецзал освобождается только в 15 часов.

– О, нет. Для нас это уже поздно.

– Тогда, ладно. Давайте мы праздник сделаем не только для ваших людей, но и для всех, кто питается в Караван-сарай.

³² Из трагедии Уильяма Шекспира «Отелло, венецианский мавр».

³³ Шота Руставели, «Витязь в тигровой шкуре»?

Только это можно будет сделать лишь в следующее воскресенье.

– О, Елена Сергеевна! Вы – фея, богиня!

Расчувствовавшись, я вскочил и поцеловал её. Она зарделась, заулыбалась, и, стараясь сохранить строгость, тихо проговорила:

– Не надо, Петр Валентинович. Это наша работа – давать людям энергию жизни, приносить радость хотя бы от пищи.

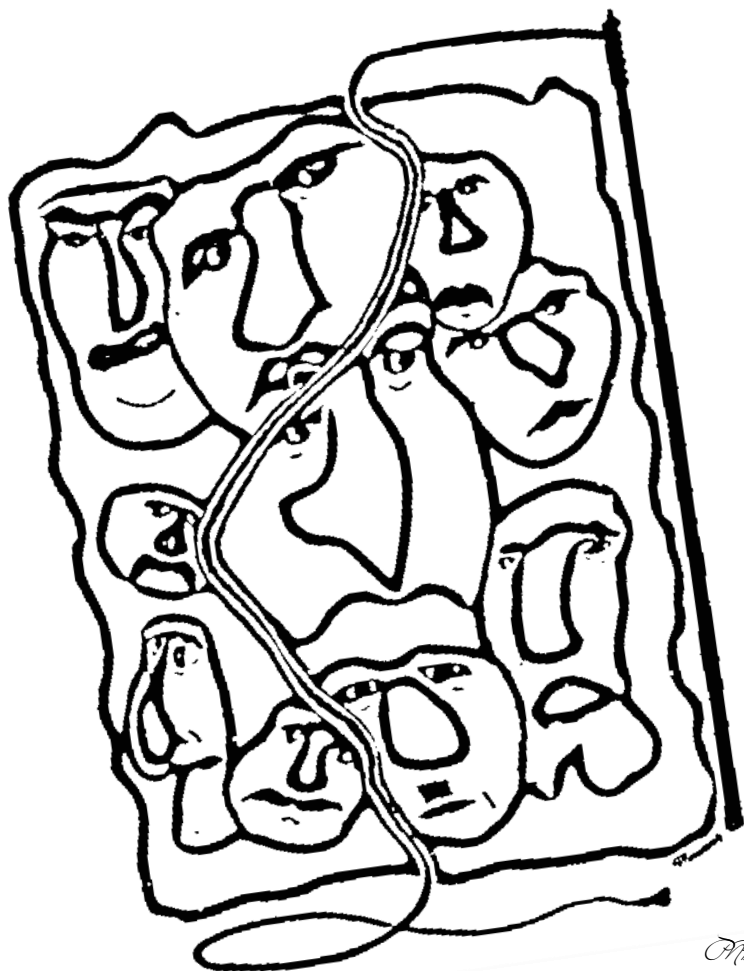
– Спасибо дорогая Елена Сергеевна! Вы чуткий и добрейший человек.

– В общем привозите своих в воскресенье. Не забудьте. А сами и так заходите, когда время будет.

– Обязательно зайду.

Часть II.

ОТЧАЯННЫЕ ОТКРОВЕНИЯ

«Грехи и грешники».

Глава 7. ЛЮДИ И ЗВЕРИ

6.09.2005 г.

Обычно, после ужина, обитатели нашего этажа собирались в вестибюле пообщаться, посудачить, посмотреть телевизор. Если ничего интересного по телевизору не было, то беседовали, рассказывали друг другу о себе, о своих болячках, процедурах, родственниках, проблемах. С одной стороны, эти разговоры чересчур настраивали на больничный лад, а с другой, общение помогало.

Посиделки

В этот раз вместо новостей по всем каналам шли только передачи о каких-то выборах, кандидатах. Одни обещания. А что человек в жизни сделал, на что способен – об этом ни слова. Тошнота. Смотреть было нечего. Потому телевизор выключили, я собрался уходить, но подошла Татьяна.

– Добрый вечер! Что телевизор не смотрите?

– Только что выключили, – сказал я, – ничего интересного.

Напротив сидели двое и о чем-то тихо беседовали. Мужчина, Илья Кузьмич, среднего роста костлявый лет пятидесяти с легким пушком ещё не выпавших волос на голове, был весьма интересным собеседником, манерным и саркастичным. Сидевшая рядом с ним Екатерина Евдокимовна была старше его, далеко за шестьдесят. Как и у большинства женщин, которые проходят лечение на Каширке, голова у неё покрыта платком, скрывающим отсутствие волос.

В париках здесь ходить не разрешают. И правильно. Мне очень нравится смотреть на лица женщин, которые по этой причине ходят в платочках. Когда платок надевается на причёску, то это не всем идет, а порой, даже старит женщину. Платок на женской безволосой голове не обнажает недостатки лица, а наоборот, выделяет достоинства и делает черты лица нежными, милыми, приятными. На мой взгляд, может быть, непросвещенный и отсталый, женщина в платочке на голую голову выглядит женственнее, как Нефертити. Правда, мне не приходилось ви-

деть лысую женщину без платка. Может быть, это бы мне и не понравилось.

Подъехал на инвалидной коляске Борис, высокий худой молодой человек с голым черепом. Его готовили к сложнейшей операции по пересадке костного мозга. Он уже прошел два цикла химиотерапии. Но не унывал, старался держаться беззаботно, весело, бодро. Я посмотрел на Бориса и подумал, а мужчин полная лысость делает мужественнее и интереснее. Не зря женщинам нравятся лысые мужчины.

– Господа, а почему ТиВи не смотрим? – спросил Борис.

– Ничего нет интересного, – сказала Татьяна. – Только что выключили. Одна политика.

– Не люблю политику. Все врут и красуются.

Подошла Ира, тоненькая, как тростиночка, девочка лет пятнадцати, бедное создание... Она редко улыбалась, лицо её всегда было строгим, сосредоточенным. Ира оглядела всех, посмотрела на телевизор и спросила:

– А почему телевизор не включаете?

– Ничего нет интересного, – сказала Татьяна.

– А почему бездельничаете? – спросила Ира.

Иногда казалось, что у неё совсем нет чувства юмора, не по годам серьезная девочка.

– Давайте поговорим о чем-нибудь, – предложила Ира.

– О чем, Ируха? – спросил Борис.

– Ну, не знаю. Пусть кто-нибудь что-то расскажет интересное. Только не книжное, а из жизни.

– Ну, это не по моей части, – сказал Борис. – Молод, зелен. Ничего со мной ещё не происходило.

– И мне тоже нечего рассказывать, – сказала в свою очередь Татьяна. – А что есть, то неинтересно – одни слезы.

– Пусть старики что-нибудь расскажут, – предложил Борис. – Наверно Ленина видели, с Буденным воевали или фашистского языка брали.

– Борис, какую ты чушь несешь, – возмутилась Татьяна. – Их тогда на свете не было или маленькие были..

Илья Кузьмич спросил:

– Борис, а когда ты сказал: «С Буденным воевали», кого имел ввиду, красных или белых?

– Ну конечно красных, кого же ещё?

– Понимаешь, Боря, с Буденным воевали белые против красных. Но с Буденным воевали и красные против белых. Все с Буденным воевали. Одни с ним вместе, другие с ним, но против него. Ньюансик, уважаемый, Борис, а разница огромная.

– Ну, вот вы и расскажите нам что-нибудь, о Буденном...

– Не могу, голубчик. Плохой я рассказчик. А потом, что мне рассказывать? Про дебет- кредит? Я же бухгалтер. Что у нас может быть интересного?

– А финансовые аферы, кражи, нападения? Потом менты, погоня, суд, тюрьма – продолжал подтрунивать Борис.

– Ты что? Акстись! Никогда, ничего такого. Боже упаси!

– А вы? – Борис обратился к Екатерине Евдокимовне. – Расскажите, как руководили цехом, выполняли планы.

– Ну, Боря, ты и шутник, – засмеялась Екатерина Евдокимовна. – Какой я начальник. В колхозе тридцать лет ишачила агрономом. Потом сын в город забрал помогать внуков воспитывать. Теперь могла бы правнучку нянчить, а приходится здесь лежать. Вот и весь сказ.

– Видишь, Ирка, какие у нас рассказчики. Давай станем на колени, будем Петра Валентиновича просить. Он у нас последний остался. Все уже всё рассказали. А Петр Валентинович всё время всегда молчит и молчит. Вот он нам поведает, как за станком стоял, деталь важную точил. Или как в Афгане с духами воевал, то есть с ними или против них. Может расскажет, как в космос летал... Вот так, Ируха-горюха, и наговорились.

– Борис, а ты зря так, – сказала Татьяна. – Петр Валентинович может многое рассказать, если захочет. Он начинал на заводе и действительно работал на космодроме. А ещё Петр Валентинович в Чернобыле спасателем был почти с самого начала. А это не менее страшно, чем в Афгане.

– Снимаю шляпу, Петр Валентинович, – галантно раскланялся Борис, как можно это сделать в инвалидной коляске. – С нетерпением слушаем-с.

– Ну, Татьяна, вы мне такую рекламу соорудили, выше Останкинской башни. Не знаю, право, о чем рассказывать, в космос не летал, да и рассказчик я тоже никудышный.

Таня тихо попросила:

– Петр Валентинович, расскажите, пожалуйста, о Припяти, о том, что было после аварии.

– Вы же говорили, что не хотите слышать о Чернобыле.

– Не хотела. Но вы мне рану растеребили. Теперь хочется всё-таки узнать, что было там после нашего отъезда.

– После какого вашего отъезда? – спросил Борис. – Вы что тоже были в Чернобыле?

– И родилась, и выросла, – ответила Татьяна. – И дожила там до чернобыльской трагедии. Мы всей семьей в тот же день уехали, а по сути бежали. Теперь хочу знать, что было после.

БРАТЯ МЕНЬШИЕ

Значит я Татьяне растеребил рану? А мне мою рану растеребил Николай. Сколько лет я убегал от этой темы, от разговоров о Чернобыле. А оказывается убежать не получается.

– Петр Валентинович, коль мы узнали, что вы были в Чернобыле, то давайте об этом поговорим, – сказал Кузьмич.

Все стали просить меня. Так не хотелось. Это же не о пирамидах Египта или афинском Акрополе рассказывать. Тяжелые воспоминания. Я ещё раз попробовал перевести беседу в другое русло, но все настаивали на Чернобыле.

Пока уговаривали, Ира вдруг задала простенький вопрос, и я невольно начал отвечать на него, постепенно втянувшись, в первый за многие годы разговор о Чернобыле.

– Петр Валентинович, а скажите, когда люди уезжали из Припяти, они забрали с собой всех кошек и собак? Никого не оставили? Наверно, во многих домах были аквариумные рыбки, птички, хомячки, черепашки. Всех с собой увезли?

– Нет, Ирочка, никого брать с собой было нельзя. Не разрешали. Конечно, люди кого смогли, увезли с собой. Но как взять крупную собаку. В автобусах и так места не хватало. Как взять с собой аквариум или большую клетку с птичкой?...

– Но рыбок можно было в банку с водой поместить, птичек в маленькие клетки, хомячков в коробочки, они же все мни-пусенькие, – растерянно промолвила Ира.

– Наверно, можно было, если бы не спешка. Автобусов не хватало. На сборы времени почти не выделили. Говорили, что вывозят только на три дня. С верхних этажей шли милиционеры, солдаты, торопили людей выходить. Некогда было. Хотели за один день вывезти всех жителей из города. Это правильно. Более того, это надо было сделать сразу, в ночь аварии, а не через 36 часов. Все же думали, что скоро вернутся.

– Получается, много животных осталось в квартирах...

– Да, много. Лучшие всех выживали кошки, особенно если им удавалось выбраться из квартиры. Рыбкам, птичкам, черепашкам не повезло. Мы это видели во многих домах. А вот хомячки выжили, размножились необыкновенно. Были здания, которые прямо кишели хомячками, они же быстро плодятся. Правда, к осени их всех поели крысы, которых развелось не меньше.

– А собаки, которые остались? – спросила Ира.

– Лично видел только один случай, когда оставили собаку в одной квартире.

– Она умерла?

– Нет. Прожила в квартире около двух месяцев.

– Ее спасли?

– Пожалуй, да. По городу собак уже тогда бегало много, стаями. Дичать начали. Прислали специальных охотников для истребления собак. Интересно, охотников собаки издалека угадывали и убегали, а к другим людям подходили близко. Приставали, выли, просили еды. Если их отгоняли, оскаливались, громко лаяли, рычали грозно, казалось, могут напасть. Когда сбивались в стаи, то и нападали.

– А та собака?

– Мы часто слышали один и тот же лай, такой хриплый, глухой, откуда-то сверху в районе двух домов. Непонятно было откуда. Один охотник говорит, где-то в квартире собака. Начали искать. Вычислили дом, подъезд, квартиру. Девятый этаж. Пошли мы с понятыми и слесарем, который должен был вскрыть

квартиру. Открыли дверь, а на нас как прыгнет какое-то чудо лохматое. С перепугу показалось огромное. Из квартиры злование. Это была собака непонятной породы, то ли исхудавшая московская сторожевая, то ли волкодав какой-то, непонятно. В общем, собака ринулась вниз, а на встречу поднимались охотник и наши ребята, полюбопытствовать, что тут у нас происходит. Ну, псина их испугалась и рванула вверх по лестнице, убежала на крышу. Мы за ней. Она увидела нас, да как сиганет с крыши. Ну, думали конец собаке. Подбежали к парапету, глянули, а собаки не видно. Сбежали вниз. Город тогда так зарос, что трава местами была выше человеческого роста. Очевидно, это смягчило её приземление и спасло ей жизнь. Примятая трава указывала, что собака куда-то убежала.

– Вот это да! – вскрикнул Борис. – Она же метров тридцать пролетела! И не разбилась.

– А вы ее потом видели? – уточнила Ира.

– Нет. Вернулись в квартиру. Вонюща. Вся мебель погрызена, ящики вывернуты, холодильник пустой, везде валяются клочья шерсти, обрывки ткани, опилки. Думаю, если собака такое выдержала, то и после прыжка выжила.

– А собак все-таки извели? – спросил Илья Кузьмич.

– Нет. Просто зимой они сами ушли из города. Мне говорили, что к следующей осени в городе их уже не было. А вот по селам собаки до сей поры бегают.

– А кошек в городе много осталось? – допытывалась сердобольная Ира.

– Очень много. Они всегда жили рядом с человеком. Поэтому липли к нам, старались пролезть в помещения, где мы работали, где жили. А кошки-то радиоактивные. Мы от них отбивались. Но человек существо сердобольное, тем более, в тех условиях. Возьмет да и покормит одну кошку. Через десять минут их уже стая за кормящим увивается. Вечером, когда стемнеет, помню, из города выезжаешь, на поворотах фары машины скользят по тротуарам, обочинам, а там сотни желто-красных огоньков светятся. Это в темноте глаза кошачьи отсвечивают от фар. Фантастическое зрелище, как будто звездное небо под колесами, аж голова начинает кружиться. Как-то раз поехали по

городу с фонарями считать кошек. Насчитали больше тысячи. Сами себе не поверили.

- Наверно, кошки всех крыс поели, – сказал Борис.
- Наоборот. Были случаи, крысы на кошек нападали.
- Так надо было уничтожать крыс! – сказал Кузьмич.
- Мы их и травили. Из Киева приехал специальный санитарный отряд проводить дератизацию, то есть уничтожение мышей, крыс, любых грызунов. Привезли походную военную кухню на два котла. В первом котле разводили какое-то ядовитое варево. Каждый день им привозили одну-две туши коров, свиней или овец из числа невывезенных радиоактивных сельскохозяйственных животных местных колхозов и с частных подворий. Санитары резали мясо. Складывали во второй котел. А из первого заливали мясо этим варевом. Два дня настаивали, потом ходили по подвалам и специальными крюками разбрасывали куски отравленного мяса. Работали они в специальных противочумных костюмах. К осени крыс стало меньше. Кстати и кошек поубавилось, они ведь тоже ели ядовитое мясо и отравленных крыс.

- Господи, это же везде валялись крысы, кошки! Разлагались, вонища. Фу, мерзость! – с отвращением воскликнула Екатерина Евдокимовна.

- Это правда жизни, уважаемая Екатерина Евдокимовна, – урезонил её Илья Кузьмич. – Всюду, где происходят природные катаклизмы (именно так он произносил -изьмы), катастрофы, через одну-две недели, если ничего не делать, не убирать, будет такая же мерзость.

- Вы правы, Илья Кузьмич, – поддержал я его. – В Чернобыле спохватились только через три месяца. Хорошо, что в тридцати километровой зоне населения уже не было, только ликвидаторы. Ну, а мертвых крыс и кошек санитары собирали.

- И что сжигали их? – спросил Борис..

- В начале да. Потом запретили. Зверье было радиоактивным, и дым станет радиоактивным. Их в могильники отвозили и засыпали их там

ЗУД НАЦИИ

— А что такое могильники? — спросил Борис.

— Вообще, это серьезные подземные сооружения. Но в Чернобыле некогда было их строить. Потому просто рыли огромные котлованы. Туда всё сваливали и бульдозерами присыпали, пока весь котлован не заполнится. Могильников много рыли, сотни. В них сбрасывали загрязненную технику, машины. Сначала просто сбрасывали. Потом копры привезли, стали пресовать, только после этого хоронить. Привозили мебель и оборудование из учреждений, учебных заведений, магазинов, столовых, кафе, а также мешки с крупами, сахаром, инвентарь, в общем, всё.

— А из жилых квартир тоже всё вывезли в могильники? — настороженно спросила Татьяна.

— Нет. При мне этого не делали. Только осенью стали очищать балконы и лоджии жилых домов. На них чего только не было. У нас ведь балконы часто выполняют функцию кладовок, сараев. Что жалко выбросить, то на балкон. Всё это тоже стало радиоактивным, пыль садится, потом сдувается, происходит радиоактивный пылеперенос. Мы дома мыли. Поливали специальными растворами и крыши, и стены, чтобы уменьшить радиоактивность зданий, а тут балконы фонаят больше, чем стены.

— А как квартиры вскрывали? — спросил Борис.

— Зачем? — опешил я.

— Ну, чтобы на балконы проходить.

— А-а! Нет, квартиры не вскрывали. Это было запрещено — частная собственность. Нас бы обвинили в воровстве, мародерстве. С этим было строго. Балконы очищали снаружи. На телескопических люльках поднимали солдат и они скидывали вниз всё, что было на балконах. Кстати, вспомнил забавный случай. Это произошло в самом начале. Всё стеклянное с балконов спускали вниз в мешках. Один солдат сверху кричит: «Здесь самогонный аппарат! Может не надо сбрасывать?». Снизу солдаты кричат: «Ложи в мешок! На веревке спускай! Осторожно! Мы его в часть заберем, будем из организма вымывать радионуклиды! Осторожно опускай!». Хохот, галдеж. Командир вмешался, заставил сбросить аппарат. А аппарат серьезный оказал-

ся: бак двойной, змеевик сложной конструкции, штуцера, патрубки, краники, врезки для манометра, термометра, воронка-очиститель. Мечта самогонщика! Потом в каждом доме на балконах обнаруживали до десятка самогонных аппаратов всевозможных конструкций.

– Странно, – произнес незаметно подошедший и стоявший за моей спиной Эдуард Евстигнеевич, грузный мужчина лет сорока пяти в спортивном костюме ярко-красного цвета. – На атомных станциях люди ведь хорошо зарабатывали, Пожарный, больше, чем где-либо, разве кроме Севера. Зачем же они гнали самогон? Хватало им зарплаты, чтобы купить хорошую водку, вино, чем пить какой-то суррогат. Неужели жадность при таких деньгах?

– Это, голубчик вы наш, Эдуард Евстигнеевич, – элементарный атавизм! – воскликнул Илья Кузьмич, возможно, привыкший из-за своего отчества смягчать букву «з». – Знаете ли, культура самогонования – древнейшее ремесло! Ну а культура питания в нашем народе, как вы, надеюсь, знаете, особая. И есть еще много людей, которые предпочтут самогон хорошему, в красивой бутылке алкоголя. Это не экономия денег. Нет. Это – гул предков, зуд нации. Возможно, и желание как-то выделиться. Хоть за самогонование тогда могли посадить, а всё же варили. Неистребим в человеке авантюризм, игра с огнем. Ну а, как сказал бы Маяковский, водка и мы – близнецы братья, говорят водка – подразумевают нас, говорят о нас – подразумевают водку. Это вечно с нами! Хотя в других странах пьют гораздо больше нашего, но культурней, чем мы, не дебоширят, не дерутся, не валяются, не костерят любую власть, не выясняют: «Ты уважаешь меня, или нет?». С другой стороны, с водкой совершается много сумасшедших, порой безумных, часто и губительных поступков.

– А скажите, дорогой Петр Валентинович, – обратился ко мне Илья Кузьмич, – вы часто выпивали в Чернобыле?

– Частенько. Но только вечером после работы. 25-50 миллилитров спирта или водки, либо стакан красного вина, лучше всего «Кабернэ». У нас на эту тему много было прибауток.

– Например?

- Да сейчас, наверно, и не вспомню.
- А если напрячься?
- Как же напрячься? Со стаканом водки в руке вспомнил бы. Хотя... Ага, вот такая прибаутка, на украинский манер:

Хочишь выпить Кабернэ?

Нэ!

Хочишь водки?

Вжэ нэ лизэ в глотку.

Можэ выпьешь спирта?

Налывай пив-литра.

- Ну и шуточки! А ещё? – спросил Борис.
- Да, была такая частая поговорка, как молитва:

Мы пьём не токмо от обиды

за взрыв, но Господа моля,

мы пьём для вымывания нуклидов

и очищенья организма для!

– О, это клево! – воскликнул Борис. – Надо запомнить: «мы пьем для вымывания нуклидов и очищенья организма для».

– Если часто пить, могли и спиться! – сказал Эдуард Евстигнеевич, присевший на диван рядом с Ирой.

– Нет, не могли. Конечно, кому-то иногда хотелось напиться, чтобы отойти от этого чернобыльского ада. Однако, пили, как правило, только одну порцию, вечером, и не каждый день.

– Ну, если в меру – это хорошо, – сказал Эдуард Евстигнеевич. – Всё, что в меру – не во вред. Опасно безмерье, приверженность к крайностям. Вот их-то в нашей жизни хоть отбавляй. Они губят, а не водка.

– Не очень-то согласен, – прокряхтел Илья Кузьмич.

– А вы что же, Илья Кузьмич, в молодости не пили? – вызывающе спросил Борис.

– Выпивал, как не выпивать. Помню, когда учился в институте, у нас в комнате в общежитии жил Костя Шестухин с филологического факультета. Интеллектуал, зануда несусветный. Всё нам читал отрывки из учебников по различным предметам. Вовлекал в дискуссии. Как-то они изучали Вагантов.

Мы недоуменно переглянулись.

– Ваганты – это в Западной Европе, по-моему, где-то в 12 или 13 веке, такие бродячие нищие студенты. Тогда же стипендий не платили. Вот они бродили по городам, исполняли всякие комические, любовные или застольные песни. Этим и жили. Много песен у них было и вольнодумных, и антицерковных. Потому официальная церковь их преследовала. Костик учил Вагантов вслух, нас заставлял проверять его. До сих пор кое-что помнится, особенно, шухарное. Вот: *«Без возлюбленной бутылки – / Тяжестъ чувствую в затылке»*. Или вот ещё вспомнил: *«Без любезного винца / Я тоскливей мертвеца»*.

Тут Эдуард Евстигнеевич в тон Илье Кузьмичу добавил:

*Ручки зябнут, ножки зябнут –
Не пора ли нам дерябнуть.
Не послать ли нам гонца
За бутылочкой винца.*

– Нет, это не Ваганты, – возразил Илья Кузьмич. – Это уже современное народное творчество. Но корни оттуда. Не только русские пили и радовались этому. Пили и перепивались во всех странах. Но клеймо пьяниц осталось на русских.

– Надо же! Почти тысячу лет тому назад и тоже клево! – воскликнул Борис. – И про дерябнуть, тоже класс! Ну деды дают! Может ещё что вспомните?

Все рассмеялись.

– Нет, достаточно! – остановила нас Екатерина Евдокимовна. – Мужики есть мужики. Что малое, что старое. Самая любимая тема – выпивка.

На этом мы и разошлись по палатам.

ПЛЕСЕНЬ

По-моему на следующий день или через день после вечерних новостей Екатерина Евдокимовна задала мне вопрос:

– Скажите, Петр Валентинович, мародерство в Чернобыле всё-таки было или нет?

– А как же не быть!? Вначале и бомжей было много. Они из Киева, из других мест устремились в Чернобыль. В столовых в зоне кормили бесплатно. Одежда у гражданских была всякая,

у кого что, и, конечно, мятая, грязная. Вот бомжи под видом рабочих просачивались в столовые и питались. Три раза в день! Ни одному бомжу до сегодняшнего дня такое не приснится. И жить было где – выбирай любой пустующий дом. Для бомжей зона стала курортом. Правда, когда выявили несколько таких псевдоработяг, ввели талоны на завтраки, обеды и ужины. Тогда же разделили тридцатикилометровую зону на двадцатикилометровую, десятикилометровую и пятикилометровую подзоны. На пропусках стали ставить штампы на право проезда в эти зоны, а также на проход в город Припять, на станцию, в здания, где размещались различные организации, службы, оперативные группы и представительства. Как на режимном объекте.

– Понятно. Убрали бомжей. А кому они мешали? – сокрушаясь, спросила Екатерина Евдокимовна.

– Свободное передвижение бомжей показало, что так же свободно в зону может проникнуть кто угодно. А вдруг враг, да взорвет что-нибудь? Хотя страшнее того апрельского взрыва было трудно что-то придумать. А вдруг кто-то выведает секреты, которые власть тщательно скрывала от мировой общественности и своего народа? Это нашим правителям казалось особо опасным.

– Да-да, больше от своего народа! – неодобрительно воскликнул Илья Кузьмич. – Ну, и конечно от Запада. Это у нас, как всегда водится. Что же стало с бомжами, убрали их из зоны?

– Нет, их и не выгоняли. Просто поставили перед выбором, самим уйти или остаться работать. Большинство осталось. Пошли трудиться, в основном в строительство, где нужны были люди без особой квалификации. Их брали, а о зарплате они даже не спрашивали, им бы еду да жильё. Что ещё надо простому бомжу или бичу³⁴? Их оформляли на работу, заполняли, как положено, новенькие трудовые книжки, начисляли зарплату. Со временем они заработали стаж по вредности, получили льготы. Потом, как ликвидаторам, дали вне очереди квартиры, многие обзавелись семьями, после пятидесяти лет оформили пенсии. Так что Чернобыль их спас. Конечно, потом стали болеть, неко-

³⁴ Бич – по начальным буквам – «бывший интеллигентный человек».

торые умерли. Но до Чернобыля у них ведь такая жизнь была, что на долгожитие они и не рассчитывали. А тут жильё и в каком ни на есть достатке остаток жизни провели.

– Интересно получается, – заметил Эдуард Евстигнеевич, – бомжи единственные, кому авария во благо обернулась?

– К сожалению, не только. Были такие, мы их называли «мертвыми душами», приедут на один день, по краю зоны где-то проболтаются, отметят командировку, а потом льготы получают наравне с теми, кто там месяцами работал, переоблучился. Иные догадливые клали накопитель на некоторое время там, где фон побольше, а на следующий день подбирали. По накопителю получалось – набрали больше нормы, им командировки закрывали и домой, как говорится, малой кровью. Некоторые вообще передавали накопители в места, где мощно фонило и тот же результат. Были и такие «мертвые души», просто передавали командировочные удостоверения для отметки или просили вписать их в ведомости на зарплату. А когда ввели удостоверения участников ликвидации аварии, вообще началась торговля этими удостоверениями.

– Во, подонки! – воскликнул Борис возмущенно.

– Это же нелюди! – сказала с не меньшим возмущением Екатерина Евдокимовна. – За счет беды наживаться!

– Потом на всех чернобыльцев подозрение пало, – сообщил я ошарашенным собеседникам. – Скольким проверкам, какому унижению подвергают все эти годы настоящих спасателей и жертв Чернобыля из-за этих подонков!

Я мог бы рассказать и про липовые документы, которые некоторые находчивые махинаторы начали фабриковать прямо в зоне, различные бланки, печати, вызовы, телеграммы, письма, выписки из реестров об уровне облучения, справки о льготах, ведомости на зарплату, почетные грамоты. Господи, чего только не творили! Одни свои жизни гробили, другие тут же рядом поставили на поток продажу льгот. Мы не раз вылавливали такие поддельные документы ещё будучи в зоне. А сейчас сколько их гуляет по стране? Как теперь очистить истину от плевел? Наверно, уже невозможно, как нельзя из сыра «Дор-Блю» выковырять плесень.

Я не стал говорить об этом и многом другом, что отравляло и отравляет до сих пор души настоящих спасателей. Потому решил перевести разговор в другое русло. Но опять не удалось.

Взломщики

– Давайте о чем-нибудь более веселом поговорим.

– Нет, нет! Вы же ничего не рассказали о мародерах! – напомнила Екатерина Евдокимовна. – Я просила о мародерстве, а вы о бомжах. Конечно, история про бомжей очень интересна. Ну, а мародеры, наверное, тоже были?

– Мародерство конечно было, как при любых катастрофах. И, как всегда, раздолье для мародеров было особенно в первые дни. Когда мы восстанавливали все системы жизнеобеспечения города, посетили все комнаты дежурного персонала, ремонтные мастерские, инженерные службы города, везде была страшная разруха. Из столов ящики вытрясены, шкафы распахнуты, все содержимое вывалено. Погром. Даже сейфы все вскрыты. Не ключами, а ломami или еще чем-то.

– Какая же сила нужна, чтобы сейфы так взламывать?! – возмутился Илья Кузьмич.

– Да, действительно. При этом нам не попался ни один не взломанный сейф. Думаю, это дело рук мародеров. Была какая-то волна, наверное, в самые первые дни. А вообще мародерство было разное. Мы различали четыре вида этих воров: бывшие, командированные, наезжие и транспортные. Бывшие – это, кто раньше жил в городе, селе. Они знали, что есть у соседей, то и забирали. В селах 30-ти километровой зоны соседей чистили свободно, таких редко ловили. В населенных пунктах, попавших на отселение, но за пределами зоны, мародерство было просто повальное, к осени в деревенских домах телевизоров, холодильников, газовых и электрических плит совсем не осталось, забирали даже чугунные кольца с печей – они хрупкие, часто кололись и потому в те времена были в дефиците. Охраны-то ведь нигде не было. А чтобы в город Припять попасть, надо было разовый пропуск получить. Пройти в город просились, чтобы взять документы, бумаги, фотографии или что-нибудь другое.

Для мародеров главное было предлог придумать. Из бывших многих ловили, некоторых судили.

– А как их можно было поймать? – спросил Борис. – Город-то большой, что вы за ними следили?

– Бывало и следили. Подозрительных сразу брали на контроль. У некоторых вещи проверяли. Мол, зачем вам это? Или почему в заявлении на получение разового пропуска у вас об этой вещи ни слова? Заглянем в сумочку, а там что-нибудь другое. Вот этих любителей чужих квартир и передавали в милицию. Если кто до 17-00 не возвращался на КПП, начинали розыск не только в городе, но и по всей зоне. Находили. Бывали такие, что перекидывали вещи целыми мешками через ограду – больше всего хрусталь, фарфор, керамику, чешское стекло, зеркала – то, что было тогда в моде. Они думали, поверхность гладкая, блестящая, значит легко отмыть от радиации, стало быть не поймают. Когда однажды случайно таких накрыли, пограничники сделали по ограде рубеж охранной сигнализации и по периметру города объездную грунтовую дорогу со следовой полосой.

– Ой, Петр Валентинович, давайте конкретный случай, – потирая руки нетерпеливо сказал Борис. – Я же говорил, погоня, менты, мордобой.

– Ну, вот один характерный случай, – начал я. – Дама, такая статная, раньше бы сказали благородных кровей, прошла в город за документами. Вернулась не скоро. Сумочка на плече по виду вроде бы стала побольше. Начали задавать, казалось, безобидные вопросы. Нервничает. Решили продолжить. Попросили показать документы, за какими якобы она ходила. Дама сумочку чуть приоткрыла, двумя холеными длинными пальчиками аккуратно достала паспорт и какие-то две бумажки. Паспорт она раньше показывала, а на бумажках какие-то беспорядочные записи, на документ не похожи. Дама говорит, что это очень важные бумаги, что-то лопочет, непонятно. Тут Сашка Сливин, находчивый был, как вдруг заорет: «Что это вы здесь на столе разложились! Мне работать надо! Через час донесение в штаб нести! А ну всё отсюда убирайте!». И с этими словами как ша-рахнул рукой по столу и всё, что на нем было, смахнул на пол.

Заодно и сумочку. «Ох, ах! Что вы делаете! Не хулиганьте!» – запричитала дамочка. Но было поздно. Когда Сашка увидел, что сумочка чуть приоткрыта, что-то блеснуло, ну он и догадался смахнуть её, а из неё колечки, цепочки, кулончики, брелочки и вывалились.

Борис восторженно воскликнул:

– Ого! На грани фола. Как в детективе! А ещё?

– Ну, вот такая была ситуация. Однажды утром прошел КПП respectable мужина, за документами. Уже обед, а его всё нет да нет. Решили проверить. Взяли милиционера. Подошли к дому. Слышим стук. Подкрались потихоньку. А он топором дверь к соседу рубит, двери двух других соседских квартир уже вскрыты. Повязали его, как говорится, с поличным. Хотя не сразу. Он в раж мародерский так вошел, что не хотел выходить из образа, махал топором, пока милиционер пистолетом ему не пригрозил.

Екатерина Евдокимовна всплеснула руками:

– Надо же, как обманчива внешность!

– Душенька! – обратился к ней Илья Кузьмич. – Человек – это великая тайна, которая никогда до конца не будет разгадана. И я, и вы, и все. Человек многолик. В различные моменты он неодинаков, бывает противоречив и даже диаметрально противоположен. Есть только несколько истинных оценок человека: добр он или недобр, разумен – неразумен, справедлив – несправедлив, совестлив – несовестлив, полезен – не полезен, равнодушен – неравнодушен. Эти оценки сливаются в одно мерило человека – праведен он или неправеден.

– Илья Кузьмич, я согласна, – сказала Татьяна, – но давайте мы ваши проповеди потом послушаем, а сейчас пусть Петр Валентинович продолжит. Я ведь припятчанка, мне хочется знать, что же там было после того, как меня увезли.

– Танюша, это не проповеди, – одернула её Екатерина Евдокимовна. – Как прекрасно сказал Илья Кузьмич! Праведно или неправедно. Это же самое главное в жизни!

Илья Кузьмич поднял руки вверх и, улыбаясь, примирительно сказал:

– Девочки не ссорьтесь! Как всегда, все правы.

– Петр Валентинович, да вам рассказы надо писать! – сказал Борис. – Наверное, ещё много чего было? Расскажите.

– Ну, был совсем другой случай. г\Где-то до обеда прошел мужчина лет шестидесяти. Уже 16 часов, его нет. Пошли с милиционером по адресу. Дверь приоткрыта. Тихо заходим. Он лежит в одежде на двух-спальной кровати. Спит. Разбудили. Говорим, пора уходить. Он вскочил, извиняется, мол, хотел просто последний раз в своей квартире побыть, и уснул. Спрашиваем, где сумка, документы, за которыми приехал. Показал. На всякий случай милиционер его обыскал, всё нормально. А он говорит: «Вот, последний раз побывал, где был счастлив. Последний раз. Катя умерла недавно, была на блоке в день аварии. Не спасли. Оставьте меня, я здесь хочу умереть. Без Кати жить не смогу». Ну, что делать? Отправили мы его в Иванков. Через неделю он вернулся с направлением на работу в наш штаб «Припять». Что делать, взяли, но с условием, жить в Чернобыле и в квартиру свою не заходить. А через какое-то время он пропал. В Чернобыле не ночевал. На всякий случай решили посмотреть его квартиру. Смотрим, лежит. Пощупали пульс, мертв. В руке пустая баночка из-под лекарства, сейчас не помню какого. Отравился. Потом мы узнали, он был мужем Евгении Лузгановой, единственной женщины, смертельно облученной на блоке в первый день. Её вся станция знала.

Екатерина Евдокимовна перекрестилась:

– Пусть земля будет ей пухом. И ему тоже.

– Жаль этого мужчину, – произнесла Татьяна. – Наверное детей у них не было. Оставаться одному не хотелось

ТОРГОВЛЯ СМЕРТЬЮ

По-моему дня через два я опять зашел в рекреацию посмотреть новости по телевизору. После чего подошедший Илья Кузьмич спросил меня:

– Вот вы давеча рассказали нам интересные истории. А скажите, голубчик, кто такие наезжие и транспортные?

– В зону можно было попасть по разным тропам, – начал я издалека. – Пока пограничники не сделали ограждение всей тридцатикилометровой зоны, это вообще было легко. Потом

наезжие стали проникать, скрытно прячась в грузовых машинах, железнодорожных составах, да и просто перекусывали проволоку на ограждении зоны и проникали в неё. Они действовали небольшими группами по два-три человека и работали по деревням. Этих тоже редко ловили. А вот транспортные – эти крутые были. Дело в том, что в гаражах граждан и организаций осталось много машин, более десяти тысяч. Было принято решение эти автомобили из гаражей убрать, гаражи дезактивировать, машины использовать в зоне до физического износа или невозможности их применения из-за чрезмерного радиационного загрязнения, после чего хоронить в могильниках.

– Эх, и на машинах люди потеряли! – грустно сказал Эдуард Евстигнеевич. – А ведь машины тогда дорого доставались людям. Были семьи, которые годами отказывали себе буквально во всём, чтобы накопить на машину. Впроголодь жили.

– Зато, как потом перед всеми шиковали, – съязвила Екатерина Евдокимовна. – Покупка машины была престижем.

– Без разрешения владельца автомобиля не имели права использовать! – заявил Борис. – Нарушение прав собственности.

– В те времена, Боря, слово собственник было ругательным, – разъяснил Илья Кузьмич. – Да и спрашивать кого-то, я думаю, было абсурдно.

– Конечно, не спрашивали. Решение было принято и всё, – пояснил я. – Бывшим владельцам автомобилей полагалась компенсация за утраченную машину. Суммы небольшие, но их выплачивали в Киеве. Стоимость машин определяли инспектора ГАИ в зависимости от марки, состояния машины и степени износа и выдавали справки об этом.

– Не овца, хоть клочок шерсти, – съехидничал Кузьмич.

– За машины спасибо надо сказать владельцам. Ведь благодаря этим машинам была решена серьезная проблема обеспечения транспортом организаций, работающих в зоне. Иначе пришлось бы завозить в зону тысячи машин, а потом их хоронить в могильниках. Машины дополнительно нумеровали, наносили крупные цифры сверху на капоте, кузове и сбоку на дверях, чтобы нельзя было их вывезти из зоны. Как машина начнет чрезмерно фонить, меняли на другую. Многие руководители по

несколько раз машины меняли, не жалели – не свои же. Да ещё шиковали, у кого модель навороченнее. Я выбирал только один раз. Толя Патышев, мой водитель из Дирекции строящейся Костромской АЭС, посоветовал взять «Жигули» 2-й модели, ВАЗ-2102. На ней мы проездили весь срок пребывания в зоне.

– А почему не взяли «Волгу»? – спросил Борис. – Это машина представительского класса.

– Машина мне нужна была для работы, а не для выпендрежа. Да и слова «представительский класс» мы тогда не знали. А выбрали из практических соображений. Вторая модель ВАЗ-2102 была по форме кузова типа «Универсал», то есть удлиненный четырех-дверный седан. В высоком заднем багажнике можно было возить инструмент, спецодежду, различные материалы. Она была и легковой и одновременно полугрузовой. Удобная машина. К тому же переднее сиденье откидывалось. Вставали рано. Не позже шести уже выезжали на объекты. А домой приезжали часов в девять-десять вечера, бывало и позже. Пока поешь, новости помотришь, подведешь итоги за день, набросашь задачи на следующий день и уже час-два ночи. Недосып был ужасный! Отсыпался в машине. Толя Патышев приделал какой-то рычаг к переднему сиденью, чтобы быстро одним движением руки оно откидывалось и я мог спать. Куда ни еду, сажусь в машину, команду, куда едем, Толя сиденье откидывал и хотя порой всего лишь пятнадцать минут ехать, но я засыпал мгновенно. Сейчас бы так!.. Чтобы на различных КПП дежурные не мешали спать, свой пропуск со штампом крупными буквами «Везде» у меня лежал на груди. Дежурный по КПП посмотрит, пассажир спит, а на груди лежит пропуск, и пропускает.

– Как же так? – несогласно спросил Борис? – Надо же на КПП выходить из машины, предъявить пропуск, проверяющий сверит лицо с фотографией и т.д. А ночью как? Вдруг подстава?

– Где ты, Боренька, такой лексики набрался? – спросил Илья Кузьмич.

– В книжках, в кино.

– Жизнь, Боря, не как в кино, да и не как в иной литературе, особенно в последние годы. Много выдумки, как вы гово-

рите, фэнтези. Не научно-популярной фантастики, а просто фантазии.

— Боря, там все были на пределе возможностей, — продолжил я. — поэтому подходили ко многим вопросам с пониманием, без лишних проволочек. Праздно шатающихся там просто не было или я их не видал. Первые недели, уже май, тепло, а то и жара, а с питьевой водой была жуткая проблема. Привозили из-за 30-километровой зоны. Вот в багажнике мы постоянно возили три-пять ящиков с бутылками минеральной воды «Нарзана» или «Боржоми». На рабочих местах воды не хватало. Приеду, раздаем ребятам. Часто отключали воду и в общежитии. Бывало, умывались минералкой, и еду на ней иногда готовили. После отъезда Овчарова из Чернобыля, водитель Толя Патышев разместился со мной. Толя классный водитель был... Машину всегда держал наготове. Не то, что наездники.

— Вы говорили «наезжие», — поправил Илья Кузьмич.

— Это мародеры. А наездниками мы называли московских таксистов. Потребовалось огромное количество водителей. Из Москвы, из других таксопарков присылали сотни шоферов. В таксопарках ремонтом занимались слесари и механики гаражей, таксисты только баранки крутили. В чернобыльской зоне мастерских-то не было. А таксисты ремонтировать машины не умели, да ещё на улице, в мороз, под дождем. Вот мы их и прозвали наездниками. У них чуть машина захандрит, сразу меняли на другую, тем более что машин хоть отбавляй. А Толя ухаживал за машиной, как за невестой, в любую непогоду, в любых условиях сам ремонтировал. Он ведь с молодости так привык. Учили его водители, прошедшие войну, разруху, не знавшие не то что теплых, никаких гаражей, тем более сервисного обслуживания. В арсенале у водителей тех времен были такие находки, что ни один ученый муж не догадался бы, как оживить машину, когда та или иная запчасть вылетала, а взять другую негде. Такое придумывали, так изворачивались, что сейчас в книгу рекордов Гиннеса запросто попали бы. Толя рассказывал, как бывало на тридцатиградусном морозе на трассе станет машина и никто не поможет, только сам и выкручивайся. Таких водителей, как был Толя Патышев, я больше не встречал.

– Он жив? – спросила Екатерина Евдокимовна.

– Нет, он погиб в Чернобыле. Когда меня уже вывели из зоны, Толя ещё оставался работать с моим сменщиком Гришей Здановичем. Гриша навещал меня в Москве, в Воробьевке, рассказал, как это случилось... Бензовоз потерял тормоза и летел, такая кошмарная бомба, прямо на растворобетонный узел. Толя как раз ехал за Здановичем и обгонял бензовоз, а водитель бензовоза высунулся из дверей кабины, машет рукой и кричит, что тормоза отказали. Толя убыстрил ход машины и подставил свой жигуленок боком под бензовоз. Да видать не рассчитал. Бензовоз развернуло, он перевернулся и взорвался. Пламя настигло Толю аж за пятьдесят метров от места взрыва. Не успел отбежать. Ценой своей жизни спас растворо-бетонный узел и десятка три людей.

– Н-да. Грустная история, – сказал Илья Кузьмич. – А много людей погибало в самой зоне?

– Не знаю. Думаю, как и на любом производстве, бывали травмы, и со смертельным исходом. Но много или мало не знаю. По мере освобождения гаражей, машины свозили на огромную площадку в квартале, где были расположены коммунальные организации Припяти, на территорию бывшего рынка. Машины по степени радиационного загрязнения распределяли по организациям. Вся эта операция шла месяцев пять, с июля по ноябрь. Оформление машин осуществляли днем. А ночью... А ночью некие люди разукomплектовывали машины. Бывало и гаражи вскрывали. Машины-то стоят открыто, подходи, выбирай, что надо. И потекли запчасти, заметьте, радиоактивные запчасти, из зоны. Возникли группировки. Действовали нагло, агрессивно. Стали даже машины целиком вывозить.

– А что же вы делали, Петр Валентинович? – строго спросил Илья Кузьмич. – Надо было ловить, пресекать. И гаражи надо было освобождать постепенно.

– А как? Сначала дали срок освободить гаражи за две недели. Не успели. Потом постоянно торопили. Одно время на каждом заседании правительственной комиссии касались этого вопроса. Машины вытащили, а когда приедут владельцы, никому не известно. Куда, кого после аварии вывезли ведь никто

толком не знал. Многие разъехались по родственникам. Ими в Киеве специальная группа занималась – искали по всей стране. А мы ждали. Вот машины и стояли на открытой площадке. Её конечно охраняли. Но милиционеры менялись каждые две недели, приезжали со всех концов страны. Наладить нормальную работу просто невозможно было. Ночью милиционеры спали. Временщики. А порой и сами помогали транспортным мародерам. В комендатуре всего пять человек. С ног и так валились, а тут ещё ночью надо было караулить охранников. Только уже в сентябре, когда поймали нескольких, чуть улучшилась ситуация. Но по селам вскрывали гаражи, разукomплектовывали машины, возможно и вывозили.

– Сколько же таким образом радиоактивных материалов по стране растаскали! – сказал Эдуард Евстигнеевич.

– Вы правы. Из-за этого происходили просто дикие случаи.

– Расскажите! – опять начал потирать руки Борис.

– Нет, Боря, погони не будет. Тут другая, но страшнее история. Помню, как-то написали в киевской газете, что у одного товарища дочь лет пяти заболела лейкемией. Для детей это самое страшное заболевание, агрессивное, быстротекущее. Журналисты стали кричать, мол, в Киеве радиационный фон значительно выше, чем говорят власти, вон уже дети серьезно заболевают. Начали расследование. А выяснилось, что этот товарищ у кого-то купил по дешевке запчастей: колеса, коробку передач, карбюраторы, мосты, ну что-то в этом роде, и свалил всё в сарае на даче у Святошино. Запчасти были из зоны, радиоактивные. Всё лето дочка с мамой провели на даче. Девочка бегала, пряталась, играла и доигралась благодаря безмозглому папеньке. Правда, этот случай помог выявить одну из банд.

– Цена поимки чересчур велика! – заметил Кузьмич.

– А что стало с девочкой? – спросила Татьяна.

– Не знаю. Если выжила, всё равно думаю судьба у неё незавидная, мается, как ты, как другие. Может и здесь была.

Повисла долгая пауза. Екатерина Евдокимовна молча встала и ушла, даже не попрощавшись. За ней Ира. Борис сказал: «Спокойной ночи!» и тоже уехал на своей коляске.

– Ну что ж пойду и я почивать, – сказал Илья Кузьмич. – Спокойной ночи, Петр Валентинович. Доброй ночи и вам, Татьяна. Пойдемте Эдуард Евстигнеевич.

Я тоже попрощался с ними и пошел в свою палату.

На удивление спал хорошо. Ничего не приснилось. Утром встал бодрым. Пожалуй, впервые хорошо выспался. Странно...

Глава 8. ЧЕРНЫЙ ДЖИНН

9.09.2005 г.

Помню, однажды, как обычно, придя с ужина, прилег. До программы «Сегодня» оставалось минут сорок. Начал читать свежую газету и заснул. Разбудил меня стук в дверь и голос Бориса:

– Петр Валентинович! Вы придете?

Я вскочил, посмотрел на часы!

– Конечно, Боря сейчас приду.

ОГОВОРКА

У телевизора собрались: Екатерина Евдокимовна, Илья Кузьмич, Эдуард Евстигнеевич, Борис и Ириша. Увидев меня, Ира выключила телевизор. Илья Кузьмич церемонно в шутку объявил:

– Наша, так сказать, каширская зона в сборе. Ждем-с. Хотим побольше узнать о зоне чернобыльской.

– Да зачем вам всё это? Что своих проблем нет?

– Конечно, есть. И ваши рассказы, отнюдь не водевиль. Но знать-то надо, голубчик вы наш Петр Валентинович. Иначе темными предстанем перед Всевышним. Он спросит не только, что делали, но и где были, что знаем, что видели, что думаем, страдали ли, помогали ли, какие следы на Земле оставили? А мы оказывается грешны, ибо ничего не видели, не слышали или не слушали, мыслей нет, и следов после нас нет. Что подумает Господь? Скажет, не люди вы, и райские кущи не для вас. А Будда, так тот ещё и добавит: пусть назад возвращаются и в телах пресмыкающихся пребывают, пока не научатся видеть, слышать, думать и сострадать.

Все рассмеялись. Только Ира удивленно спросила:

– Почему вы смеетесь? Илья Кузьмич правильно сказал. Что говорил Петр Валентинович, я впервые слышала. О Хиросиме постоянно говорят. О Чернобыле только в праздник.

– Ирочка! Ты, наверное, имеешь ввиду не праздник, а годовщину со дня чернобыльской аварии, – поправила Иру Екатерина Евдокимовна. – Это не праздник, а День памяти.

– Простите. Я неверно сказала. Конечно, День памяти.

– Ничего, Ирочка, ты просто оговорилась, – сказал я, подошел и сел рядом с ней, потом обнял и поцеловал Иру.

Как я мечтал, чтобы у меня была дочь. Вот такая, умная, сердобольная, пытливая, красивая. Могла ею быть Маша... но она далеко... И никогда не будет у меня дочки. А вернется ли ко мне Андрей с внучкой, теперь неизвестно.

Ира виновато посмотрела на меня и тихо сказала:

– Извините, Петр Валентинович.

– Ну что ты, Ирочка. Всё нормально. Кстати, нельзя сказать, что о зоне ничего не пишут. Только пишут в специальных журналах или толстых книгах наукообразного порядка и малыми тиражами. До простых людей эта литература не доходит. Поэтому многие правду о зоне не знают. Последнее время у организаций, работающих в атомной энергетике, появилось много денег, так они во всю тратят их на рассказы о якобы существующей в народе радиофобии и сказки о безаварийности атомных объектов. При этом не говорят правду, почему произошла авария, что сделано для предотвращения подобных. Пока существуют тайны, будет существовать недоверие.

Как известно, больше всех атомных станций во Франции, вырабатывают почти 70 % всей электроэнергии. Там при каждой станции работает общественный совет, без которого руководство станции не может сделать ни одного шага. Каждый общественный совет, а не станция, выпускает бюллетень. На государственном уровне также действует общественный совет по атомной энергетике. Всё открыто, гласно на деле. А у нас только призывы, мол, всё должно быть открыто и гласно.

– Ну вот, Петр Валентинович, вы и включились, – сказал Илья Кузьмич. – С чего начнем? Нет, вернее, с кого начнем?

– Можно мне, – спросила только что подошедшая Татьяна.
– Петр Валентинович, я слышала, что в условиях радиации растительность очень бурно растет и даже достигает больших размеров: трава, деревья, овощи, яблоки... – и несколько взволнованно добавила. – Наверно там сейчас и розы огромные?

– Тех роз, что были при вас, нет. Вы помните, Припять была как сплошной цветник и розарий. Но все цветы погибли.

ОПЯТЬ АРИФМЕТИКА

Задумавшись на минуту Татьяна снова спросила?

– А на следующий год розы ожили?

– Возможно на следующий год они и отрасли бы, но на всей территории Припяти срезали грунт и увезли в могильники.

– Имеете в виду дёрн? – уточнил Эдуард Евстичнеевич.

– Да, дёрн. Это была тяжелая работа. Снятием грунта занимались несколько батальонов гражданской обороны. Тогда в Припяти мы пожгли не меньше людей, чем на крыше маззала.

– Не может быть! – воскликнул Борис. – Уровни радиации даже несравнимы.

Я подумал: «Надо же, как получается! Поздышеву не верили, когда он первым сообщил, что на Чернобыльской АЭС произошла авария с выбросом ядерного топлива. Легасову не верили, когда он говорил, что блоки чернобыльского типа просто не должны были существовать. Вот недавно и Николаю не верили попутчики в поезде, что в стране в среднем каждая семья обожглась Чернобылем. Все такие неверующие! Не может быть, не может быть. Прав Николай, когда говорил: «Не то ещё может быть, если будем беспечны».

Таково наше обыденное сознание – отказывается понимать то, что не согласуется с личным опытом, имеющимися знаниями. У нас чаще крайности: или уверения, что всё в порядке, ничего не может быть, или переполох, слухи, страхи вплоть до нереальных фантазий. Критический взгляд не выработан. Чаще на первом месте стоят честь мундира и сохранение кресла. Правда у нас наказуема. Да и чему верить? Независимых орга-

низаций нет³⁵. А им-то и могли бы поверить. Вот и гуляют по стране различные домыслы, рассказы людей, порой в зоне и не бывавших. Слышал, якобы в Москве появилась организация героев Чернобыля, которая даже раздает такие звания. Звучит, как анекдот.

Как преодолеть барьер естественного неверия? Как не прослыть лгуном? Чем дальше мы отдаляемся от Чернобыля, тем труднее эта проблема усваивается. Вообще, такое происходит с любыми значительными событиями истории. История делается не вчера, а когда это кому-то нужно. Кто-то зажигает не звезды, а фитили слухов, домыслов, фантазий! Порой, история уже и не история, а сплошная мифология.

Я думал, как убедить этих людей, что не развожу туры на колесах, что действительно так и было. Вспомнил, как Николай, убедил всех попутчиков, что Чернобыль облучил четыре миллиона человек. Кстати, на самом деле, – значительно больше. Он предложил всем вместе с ним сделать простой расчет. Я решил тоже воспользоваться его способом убеждения:

– Ты прав, Борис. Уровни общего излучения несопоставимы. Но давай посчитаем, сколько от этой радиации могли получить те, кто непосредственно работал на снятии грунта в Припяти, и сравним с количеством людей, работавших на крыше машзала. Грунт солдатики собирали лопатами на глубину 15 сантиметров и сносили его в кучи. Образовывались такие пирамиды земли высотой до двух с половиной метров, внизу диаметром метров пять. Это более тридцати кубометров грунта. Потом эти кучи вручную грузили в самосвалы. Один квадратный дециметр дерна излучал тогда в среднем 10 миллирентген в час. Были участки и до 50 миллирентген. Конечно, это немного, чепуха! На крыше машзала излучение было местами до ста рентген. Ребят выпускали на крышу в специальной одежде, строго по минутам, чтобы в сумме они не могли набрать 20 – 25 рентген. А в Припяти – чепуха, какие-то 10 миллирентген! В 5 – 10 тысяч раз меньше.

³⁵ Русенко говорит о событиях конца 1980-х годов. Верно, в те времена независимых общественных, неправительственных организаций в стране не было.

– Ну вот, я же сказал несопоставимо, – Борис нетерпеливо поспешил подвести итог.

– Не гони коня, когда речь не твоя. Здесь-то как раз и таится уязвимое место. Вот какая тут штука: таких дёрнышек в каждой куче было не менее двадцати тысяч, значит, куча излучала не менее ста рентген. Теперь сопоставимо?

– Этого я не учел.

– Но ещё учти, ребята работали без спецодежды и не поминутно, как на блоке, а по четыре часа в день. И это не всё. Днем жара стояла за двадцать пять градусов. Солдатики раздевались до трусов. От малейшего ветерка поднималась. Но пыль-то радиоактивная(!). К тому же, персональных дозиметров солдатам не выдавали. Обычно был один дозиметр на взвод. А где командир взвода? Понятно не у куч, не у машин, а где-нибудь в сторонке, в тенечке. В общем, в первую неделю не меньше сотни солдат в два-три раза перебрали установленную норму облучения. Потом опомнились, стали кучи поменьше делать, чаще людей менять, строже осуществлять дозиметрический контроль. Площадь города и прилегающих территорий, где снимали грунт, составляла семьдесят гектаров, грунт удаляли с площади более десяти гектаров. За смену человек убирал в среднем пять квадратных метров с учетом погрузки его в кучи, а потом в машины. Работали по неделе. Вот и считай. Более трех тысяч солдатиков прошли через снятие грунта в Припяти и вокруг него. И на крыше 3-го блока и машзала работало столько же. Так что везде было трудно и опасно.

РЫЖИЙ ЛЕС

Наступившую паузу прервала Ира:

– Теперь ничего не растет в городе?

– Нет. Хотя деревья не вырубали. Они не все погибли.

И тут я обратился к Татьяне:

– А вы помните сосновый лес рядом со станцией и городом? Тянулся на два километра и шириной был, наверно, более полукилометра. Как вы его называли?

– Сосняк, бор. Как же ещё его называть?

– А мы называли его «Рыжий лес». Так он во всех документах, на картах обозначался после аварии. Теперь его нет.

– Как, нет? Сожгли что ли?

– Нет. Когда произошла авария, один из языков радиации ударил по сосняку. Лес погиб на корню. Сосна выдерживает тысячу рентген. Значит, удар был сильнее.

– Да. Это был красивый лес, – мечтательно проговорила Татьяна. – У нас дома сохранилась фотография, где папа, мама и я сидим на опушке, а сзади стоят сосны. Стволы толстые, ветви отходят в разные стороны горизонтально, как распростертые руки. И только кончики ветвей устремлялись вверх. А воздух напоен смолистым запахом. Мама всегда говорила: «Пойдем в бор здоровье и силу набирать».

– Да, у вас сосны не такие, как на Севере. У нас сосны высокие, тонкие, стройные. Недаром их называют корабельными или мачтовыми. А в Припяти они невысокие, коренастые, но чувствуется в них сила и мощь. Лес был чистый, светлый. Любимое место гуляний и отдыха горожан. Помню, на одной сосне осталась с войны немецкая виселица.

– Там таких три сосны были. У одной был сооружен мемориал в память о замученных фашистами.

– Теперь леса нет. Сохранили только этот мемориал. Дело в том, что лес сам стал источником радиации, фонил нещадно, местами сосны излучали до 50 рентген в час. Когда мы ехали на станцию или в Припять, то лес проезжали на максимальной скорости. Очаг по территории получился большой, почти сто гектар, в полтора раза больше площади Припяти. Уровень обшей радиации от «рыжего леса» тоже стал сопоставим с излучением на четвертом блоке, разумеется после того, как реактор заглушили. А лес стоял открытый, на семи ветрах, и радиация с него разносилась во все стороны. Как его заглушить? Сначала действительно хотели сжечь. Для этого даже печь огромную начали сооружать. Но отказались от этой затеи, подсчитав, что с дымом распространение радиации усилится. На следующий год лес в основном спилили, и захоронили в могильниках, а всю территорию замыли песком.

– Как это замыли? – спросил Борис.

– Поставили на реке земснаряд, намыли песок. И нет теперь ни рыжего леса. Теперь огромный песчаный холм...

– А скажите, Петр Валентинович, куда же звери, птички делись из леса? – озабоченно спросила Ира.

– Многие звери и птицы после выброса радиации заболели, потом умерли. Из «рыжего леса» выжившие постепенно ушли, улетели. Лес изнутри неестественный – стволы будто свежие, а иголки коричневые, трава пожухлая, лесных цветочков нет, не слышно птичьего гомона, стука дятлов, стрекота кузнечиков, гудения шмелей, не пристают комары. Какая-то нереальность, как на незнакомой планете. Стоит вроде бы лес, крупный, мощный, но рыжий и тишина вокруг... Если Земля когда-то погибнет, то она будет выглядеть, наверно, так. Н-да... А некоторые птицы на следующий год вернулись, приспособились жить в этом другом, но всё-таки родном мире. Сейчас некоторые старые люди, в основном пенсионеры, возвратились в свои деревни, потому что жить пожилому человеку на чужбине тяжело. Родное место хоть и опасное, но всё же родное.

Я взглянул на Иру, у неё глаза увлажнились, лицо печальное. Посмотрел на Татьяну – и у неё глаза блестят. И Екатерина Евдокимовна держит в руках смятый платочек.

– Ну вот, девчонки, я вам настроение и испортил.

– Нет, просто лёса жалко, – сказала Татьяна.

– А мне зверюшек жалко, – всхлипнула Ира. – Как им теперь там, в этой черной зоне?

– В чернобыльской зоне, – поправил я Иру.

– Нет, в чёрной, самой чёрной! – заупрямилась Ира.

– Ладно. Хватит на сегодня. Я лучше пойду. Со мной общаться, примета плохая – хорошего настроения не будет.

– Нет, Петр Валентинович, позвольте вам ещё раз сказать, что вы не правы, – заявил Илья Кузьмич. – Да это нелегко слушать, горько. Но мы должны знать. Особенно молодежь. Пусть слезы в глазах, но будут помнить. Своим детям передадут, заинтересуют детей, учтут в своем воспитании, глядишь наши потомки будут осмотрительнее, осторожнее.

РАСКОРЯКА

– Петр Валентинович, вот мы всё расспрашиваем вас, – сказала Екатерина Евдокимовна, – А, может быть, вы расскажете то, что сами пожелаете?

– Замечательно! Это было бы даже интересней, не по нашей воле говорить, а по своей, – поддержал Илья Кузьмич.

Я задумался.

– Что вам больше всего запомнилось, то и расскажите, – пытаюсь помочь мне, предложил Борис.

– Да я, право, не знаю о чем рассказать. Что ни говорю, всё грустно получается... – размышлял я вслух... – Может о братьях наших меньших, о тех, кого люди приручили, о домашних животных продолжим разговор. А?

Первой Ира, а потом и другие поддержали мою идею.

– Тогда, если позволите, расскажу одну удивительную историю. Когда после аварии сгоняли со всей зоны оставшийся, разбежавшийся по лесам зараженный скот на убой, видать, не весь собрали. То ли животные сами сбежали, то ли сердобольные хозяева отпустили их на свободу. Нередко встречался блуждающий скот, коровы с быками, кобылы с жеребцом, свиньи, кабанчики...

Где-то в конце мая бросили меня на санитарную обработку техники. На это время мне передали в подчинение наспех смонтированные в первые недели пункты усиленной санитарной обработки машин и техники от радиационного загрязнения. Совершенно они назывались ПУСО. Поручили организовать работы по модернизации и расширению этих пунктов с целью улучшения качества санитарной обработки транспорта и техники, переезжающей в менее загрязненную зону. Располагались ПУСО рядом с КПП соответствующей зоны.

Как-то на один из таких пунктов забрела корова. Худющая, грязная, не мычит, а ревет. Вымя большое, видимо распирает. Два задних соска усохли, как мизинцы, а два передних – нормальные. Солдаты сказали, что, наверное, кто-то её поддаивал. Зачем, непонятно. Пить молоко нельзя – оно же зараженное. Корова излучала больше двадцати миллирентген. А может, доили, чтобы корове муки облегчить? Ребята говорили, что на

каком-то объекте её приказали сдать на убой, а солдатам жалко стало и они корову прогнали подальше от беды. Наши «пусошники» прогнать коровку не решились – лезет к людям, ревет.

Когда я узнал о корове, сказал, чтобы отправили её к «скотарям», ну, к тем, кто занимался убоем и захоронением зараженного скота. Солдатики стали отговаривать меня. Один уж очень просил: «Пусть живет. Мы к ней не подходим, только остатки еды приносим. А доится она почти сама. Надо только чуть помочь ей». – «Как, сама? Не может такого быть!» – «А вот увидите». Ну, пока я обследовал ПУСО, как и где размещать новое оборудование, прибежал тот солдатик и кричит: «Доится! Доится!» Мы за ним пошли смотреть. За сараем, прислонившись к дереву, несчастная коровушка выгнулась в три погибели и приспособилась сесть в рытвинку на хвост, больно небось. Передними копытами уперлась в землю в раскоряку, задние ноги вытянуты вперед, а между ними лежит раздувшееся вымя, и пытается корова сжать вымя. Голову опустила, как могла, верхнюю губу вытянула, глаза налились, красные от напряжения, вот-вот вывалятся из орбит. И действительно, из сосков какая-то жидкость сочится. Солдатик орет: «Видите, доится!». Думаю, солдатик лукавил, наверное, и сам её поддаивал, но поза коровы вызвала уважение.

– Бедная животное! Это надо же так! – сочувственно проговорила Екатерина Евдокимовна.

– Ну, не знаю. Да может ли так корова изогнуться? – засомневался Эдуард Евстигнеевич. – Надо будет это проверить. Выпишусь, поговорю с соседом-ветеринаром.

– А я верю, – сказал Борис. – Помните, в кинофильме «Особенности национальной охоты», когда корову в бомболюке истребителя хотели перевезти. Она была подвешена вместо бомбы. Пилот нажал кнопку сброса «бомбы», то есть коровы, и она должна была выпасть. Когда вернулись на аэродром, открыли бомболюк, а корова оказывается не выпала. Уперлась в небольшие выступы по бокам и стоит. Ещё кто-то сказал: «Ишь как раскорячилась». А командир полка на это заметил: «Захочешь жить, не в такую раскоряку станешь». Так что я верю.

Все рассмеялись, вспомнив этот эпизод из фильма.

– А что было дальше? – спросила Ира.

– Отменил свой приказ. Такая жажда жизни заслуживала награды. Наказал, чтобы раз в день доили, но в специальных костюмах. Кстати корова спокойно дала себя доить, по-моему, даже с благодарностью, хотя выла, когда доили, пуще прежнего. Возможно у неё уже был мастит, но ребята раздоили её. Молоко выливали за забором. А через несколько дней в образовавшейся молочной грязи появился небольшой кабанчик, вернее домашняя свинья. Через несколько дней ещё двое свинюшек откуда-то пришли. Вороны и воробьи прилетели. Зона ожила. Многие, проезжая ПУСО, пока отмывали их машины, подходили к ограждению и смотрели на это пиршество, как в зоопарке.

Я замолчал

– А потом? – тихо спросила Ира.

– А что потом. Всё когда-то кончается, особенно если оно неестественно. Корова однажды умерла. Слава Богу, своей смертью. Отмучилась. Свиньи какое-то время отходами со столовой питались, но когда похолодало, ушли куда-то.

– Наверно, тоже потом умерли, – предположила Ира.

– Всё живое когда-нибудь умирает, – сказала Екатерина Евдокимовна. – Кто-то раньше, кто-то позже. Главное, помните, как сказал Илья Кузьмич, чтобы всё было праведно, по-божески.

– А как птицы? – Ира продолжала спрашивать меня.

– А вороны и воробьи так и остались жить на том ПУСО. Их ещё больше стало. Люди любили кормить их, наблюдать, как они деловито клевали пищу, которой здесь для них было в избытке. Что интересно, вороны не пытались стащить кусочек у воробьев, как это обычно бывает в городе, а воробьи не болтались у ворон между лапами. Мирно жили они между собой.

– Наверно, беда их сдружила, – сказал Борис, – т.е. зона.

– Не беда и не зона, – назидательно возразил Илья Кузьмич, – а избыток пищи.

– Я и говорю, для кого зона – беда, а для кого – находка.

– Это всегда так, – согласился Илья Кузьмич. – Как с далекой старины ещё подметили – нет худа без добра. Любая беда одним обернется горем, а кому-то удачей. У миллионов людей

горе, а бомзам повезло. Одни страдают, а другие на их страданиях наживаются. Одним черная беда, другим золотая руда.

ЖАРГОН

На следующий день вечером собрались всё те же в нашей каширской зоне. Начал Илья Кузьмич:

– Петр Валентинович, расскажите ещё что-нибудь о зоне.

– Ну что о зоне говорить. Зона, она и есть зона. За колючей проволокой. Везде посты, проверки, режим. Людей тьма, военные, гражданские, спуют, бегут, едут – в общем, как в Вавилоне. К тому же люди постоянно менялись раз в две-три недели, а то и каждую. Сегодня решаешь вопрос с одним представителем организации, а завтра замена приехала. Надо работать с другим, вводить его в курс дела, разъяснять что и почему, опять что-то доказывать. А он только приехал, ничего не понимает, что ему толкуют. Не смекает, боится. Время не терпит, надо задание выполнять. Бывало плюнешь в сердцах да и найдешь решение проблемы без этого представителя. Если кого первый раз видишь, всегда одни и те же вопросы: «Ты кто? Откуда? Вместо кого?». Чтобы не тратить времени, в зоне расцвело кличкотворчество. Всем давали кликухи.

– Ну, вы скажете, кликухи. Наверное, это были просто прозвища, – заметила Екатерина Евдокимовна.

– Разумеется, безобидные прозвища. Просто в той кутерье, постоянной нехватке времени надоедало произносить длинные названия организаций. Постепенно язык стал упрощаться.

– Вот так от русского языка ничего и не останется! – воскликнул Илья Кузьмич. – Всё сократят, как американцы, даже имена, всех на «ты» переведут, иностранными словечками заменят наши слова – и нет могучего великого русского.

– В принципе – да. В каждой профессии есть свои сокращения. – согласился Эдуард Евстигнеевич. – Постепенно некоторые из них переключаются в обычный язык. Сегодня больше всего сокращений приходят в наш язык из сленга молодежи, компьютерного мира, от байкеров, с дискотек и так далее. Недавно в книжном магазине видал «Словарь молодежного

сленга». Заглянул, а там 12 тысяч слов! Это же другая страна, ничего не понять!

– Вот и вы, голубчик Петр Валентинович, приложили руку в Чернобыле к извращению русского языка, – подвел итог Илья Кузьмич. – Сами сказали, что не понимали друг друга.

– Да это так. Но с чернобыльской зоны, по-моему, ни одно сокращение, ни одна кличка в народ не перешли, – не согласился я. – Они в зоне остались и умерли. Кроме, пожалуй, слов чернобылец и ликвидатор. А вообще, слов такого типа в зоне придумывалось и применялось не счесть сколько. Ну, вот, например, взять такие: лагерники, зеленые, пароходчики. Небось думаете, лагерники – это заключенные, зеленые – борцы за экологию, пароходчики – моряки речные? Нет.

– А кто же? – спросила Илья Кузьмич.

– Это их так по месту жительства обозвали. С проживанием прибывающих людей в первый год были серьезные проблемы. Все воинские части были расквартированы за пределами зоны в палаточных городках. Гражданских сначала временно размещали в Чернобыле, бывшем районном центре. Чего ни в коем случае нельзя было делать – это же зона повышенной радиации, всего в 16 километрах от взорвавшейся атомной станции. Вот тогда впервые и появилось слово «чернобылец», под которым понимались размещенные в Чернобыле. Только через пару лет этим словом стали называть всех, кто работал в зоне, жил на зараженных радиацией территориях.

Начали селить людей и за пределами зоны. На Киевском водохранилище – в каюты пристыкованных друг к другу пароходов. Этот поселок назвали «Белый пароход», отсюда и прозвище жильцов – «пароходчики». В конце лета 1986 г. на берегу Днепра вне зоны срочно смонтировали из немецких сборных домиков типа «Бранденбург» хорошо обустроенный поселок, который получил название «Зеленый мыс». Их жителей прозвали «зелеными».

Многих работников станции, не уехавших или вернувшихся в зону, разместили в бывшем пионерском лагере. Раньше он носил название «Сказочный». Но теперь в нем была не сказка, а жестокая, как сказала Ириша, черная быль. Лагерь распола-

гался на самом краю зоны. Людей там было много. Их так и называли – «лагерники». Пытались прозвать «сказочниками», не привилось.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ПАРОЧКА

Как и положено лагерникам, жили они скученно, удобства никаких. Здания хоть и добротные, но как-то всё было серым, унылым. Плакаты, надписи выцвели, везде бурьян. Одно время его косили, потом высохшую траву жгли, костер по вечерам делали и сидели возле него. Психологическое состояние в лагере было гнетущее. Многие поселенцы ничего не знали о судьбе родных. Кто-то раньше бывал в этом лагере со своими детьми. Могли ли они представить, что будут жить здесь без детей, без семьи? Каково им было? Картина удручающая.

– Вместе легче переносить общую беду, – сказал Борис.

– Не знаю. Не был в их шкуре, хоть непродолжительное время жил в этом лагере. Им, возможно, было труднее всех других, ведь они потеряли любимый город, близких, свои судьбы. Конечно, общее у них было и как-то объединяло – это Припять, доаварийная жизнь, станция, а потом – авария, зона, лагерь. Со стороны их судьбы может быть кому-то и покажутся похожими. Но у каждого беда своя, горе своё, особенное, личное. А с такой судьбой, какая выпала на их долю, не то что жить тяжело, смириться невозможно.

Знаете, в лагере на всех заборах были приколоты записки. И на деревьях, и на стенах зданий. Просили сообщить о своих детях, супругах, родителях, друзьях. *“Если кто видел того-то..... знает что, сообщите в такой-то барак, общежитие или по телефону...”* Один вид массы этих записок навел на смятение в наши души. И даже те, у кого в зоне близких не было, читали записки на всякий случай, а вдруг кого-то знаем, сообщим... В лагере обстановка была тягостная... И жить там было невыносимо...

Я призадумался. Надо рассказать что-нибудь поинтересней. В памяти всплыла одна история. Я спросил:

– Вот вспомнил одну историю. Рассказать вам об одной необыкновенной парочке?

Все одобрительно закивали головами.

— Однажды, не бог весть какое событие случилось. Но как оно встрепенуло всё поселение! Представьте себе – в лагерь забрел... кто бы вы думали?... гусь. Да-да, гусь! Самый обыкновенный. Крупный, гордый, осанистый. К себе не подпускает, шипит, шею вытягивает, норовит ущипнуть, но не уходит, льнет к людям. Откуда взялся? Ночи стали холодные, вот и потянулся к теплу. Какая была радость в лагере!

Все старались покормить гуся, задобрить, втереться к нему в доверие, чтобы разрешил погладить его. Отдали для него небольшое помещение со входом с улицы, наносили сена, набросали несколько ватников, внизу двери пропилили прямоугольное отверстие для прохода, нашли где-то цинковое детское корыто, налили воду и так далее. Кормили от души, каждый что-нибудь нес. Через некоторое время гусь понял, что бояться ему нечего, он здесь хозяин. А коль хозяин, то появились у него и любимчики, которых подпускал к себе. Другие часто подолгу просто молча смотрели на гуся, на то, как он вел себя с людьми, как ел, как брызгался в корыте.

Многие стали разговорчивее, рассказывали друг другу о своих встречах с различной живностью. Кто-то раньше держал на своем подворье или летом на даче домашних птиц, животных. Кто-то бывал в зоопарках. Были охотники, рыбаки. В общем разговорились бедолаги-лагерники. Лица людей немного просветлели, души чуть-чуть обмякли. И то хорошо. Гусь этот объявился, как привет из доаварийной жизни и потому стал дорог каждому. Имя дали ему – Гриша. Об этом гусе лагерники везде болтали, и в автобусе, и на работе, и после работы. Помоему вся зона знала об этом необычном жильце пионерлагеря. Люди часто спрашивали: «Как Гриша поживает?» Все очень привыкли к нему.

— Он тоже умер? – угрюмо, заранее с этим примирясь, спросила Ира.

— Нет, не умер, Ирочка. Через некоторое время он просто исчез, пропал... Ребята всю округу прочесали, искричались. Какое было горе для лагерников! Это надо было видеть. Лагерь затих, помрачнел, насупился. Я ещё тогда подумал, лучше бы

Гриша вообще не приходил. Опять утрата. Но через три дня бежит какой-то огромный бородач и кричит: «Вернулся! Вернулся! Гриша вернулся!». Выбежали, смотрим, а из-за здания пищеблока идет наш гусак, ещё более гордый, чем прежде, а следом за ним гусочка, тоже важная, топает, вертит во все стороны головой, видимо в недоумении, куда это Гриша её привел. Но всё равно безропотно топает за ним Радости не было конца. Этот день был почти, как праздник. Так в лагере появилась единственная семья. Наверное, самая красивая семья в зоне.

Я замолчал, боясь продолжать. Посмотрел на Иру, на Татьяну, на Борю. Они радостно улыбались. Лица наших старших собеседников светились умилением. И я твердо решил не продолжать.

— Спасибо, что так долго терпели меня. Теперь всем спать. И я пойду отдыхать, немного устал. Всем хороших снов.

ДЕМОН

Не дожидаясь просьб остаться, я резко встал и быстрым шагом удалился в свою палату.

А что мне было делать?

Концовка этой истории, как все черныбыльские истории, была печальной. Гусочка недолго прожила в лагере, наверно облученная была, умерла. Женщины плакали. А как Гриша по своей гусарочке плакал! Положил свою длинную шею на её бездыханное тело и выл, тихо, протяжно. Никогда не думал я и не слышал, что гусь может выть. Хоронили гусочку, как родного человека. Гриша тосковал, ничего не ел. Пытались его и поить, и кормить. Ничего не помогло. Через неделю Гриша умер. Лагерь рыдал. Я не знаю, что эти измотанные люди сильнее пережили, аварию, потерю близких или смерть этой удивительной гусиной пары.

Потому не стал я договаривать эту историю до конца. Закончил на счастливой ноте. Пусть мои друзья спят спокойно. Хватит им того, что они слышали от меня за эти дни. У них своих бед и проблем хоть отбавляй...

Я подошел к своим иконкам, что стояли у меня на полке. И как-то неожиданно для себя спокойно перекрестился. Смот-

рел на образа Спасителя, Иоанна Предтечи, святого Пантелеймона:

– Да, святые отцы, вы правы. У всех чернобыльских историй горький конец. Иного и быть не может, потому что зона – это злой демон, всех перемалывает и отмечает своей черной печатью, как сказала Ирочка, черной былью.

А может это знак Всевышнего? Крупнейшая в мире рукотворная катастрофа произошла в местечке под названием Чернобыль.

Чернобыльник, чернобыль (ударение на «ы») – полынь обыкновенная, *Artemisia vulgaris*.

Артемизией полынь названа в честь своего противоречивого свойства: силы жизни и силы смерти. Это слово в древнегреческом языке означало «убийственная, сильная, владетельная». Полынь и лечила, и убивала. Возбуждала нервную систему, убивала глистов, малярийного комара. Но из-за неправильного применения полыни могли произойти сильнейшие галлюцинации, конвульсии, судороги вплоть до остановки сердца. У беременных женщин полынь вызывала выкидыши. От полыни заболел и умер скот.

Не случайно этим именем была названа греческая богиня Артемида, то есть «владычица, сильная», – богиня охоты и живой природы, владычица зверей и богиня Луны. Артемизией Храброй была названа в 4-ом веке до нашей эры сестра и жена Мовсола, царя эллинов Карики. Артемизия после смерти Мовсола в честь него построила в Галикарнасе роскошную гробницу, названную в последствии по его имени мавзолеем. В войне против Афин в битве при острове Саламине она проявила необыкновенное мужество, чудеса храбрости и необычайную жестокость с врагами. В полыни издревле соединилась жизнь и смерть.

Полынь обыкновенная в народе называлась чернобыльником или чернобылем. Народ в этой траве отмечал более всего её черное начало, *черную быль*. Как бы в противовес полыни метельчатой или божьему дереву, очень полезной деревенской траве. Полынь обыкновенная, то есть *vulgaris*, пожалуй, самая опасная из всех видов полыни. Латинское прилагательное *vul-*

garis означает «*простейший, грубый, пошлый*» и одновременно противоположное понятие «*общенародный*», потому что образовано от латинского *vulgus* – «*толпа, народ, чернь*».

Вот так в слове Чернобыль переплелись понятия жизни и смерти, храбрости и жестокости, грубости и любви, власти и народа, войны и мира, Бога и Дьявола, животворящей природы и злого начала. Теперь это слово содержит в себе и апокалипсическую противоположность: с одной стороны, полмиллиона людей, восемь веков живших и с надеждой смотревших в будущее на этой плодородной и красивой земле, а с другой стороны, черную быль миллионов людей, обожженных трагедией 1986 года.

Неужели по замыслу Дьявола тайный смысл этого слова копил в себе силы и вырвался наружу, как черный джинн, обрета свою катастрофическую суть?

Чернобыльская зона – это как-будто демон, вырвавшийся из-под пяты самовлюбленного человека, каждый день напоминающий ему, что не человек – властелин мира, а Природа. Ты же, человеке, всего лишь малая часть её. Кто попирает этот закон, тот всегда будет наказан. Но несправедливо, что наказывая за ошибки и преступления одних, расплачиваются своими жизнями тысячи, а порой и миллионы других людей, кто живет по законам Природы.

Святые отцы, скажите, мы ещё чего-то не понимаем?

Ясно, что человеку необходимо усмирить свою гордыню, чтить Природу, как Бога, внимательно вчитываться, всматриваться в неё, оберегать и лелеять. И что? Только после этого откроется нам смысл этой кажущейся несправедливости?

Что скажете, святые отцы?.. Ждете, когда мы сами поймем?..

Господи! Сколько же чернобылей ещё надо пройти, чтобы не было этих чернобылей!? ...

Глава 9. СЕДЬМОЕ НЕБО

14.09.2005 г.

Вчера у меня брали пункцию костного мозга, уже третий раз за четыре года. Немного неприятно, и чуть голова кружится, но отсидишься возле процедурной на диванчике, и пройдет.

Когда сидел в коридоре, подошел Илья Кузьмич:

— Что это вы, голубчик Петр Валентинович, здесь сидите? У вас лицо бледное. Не плохо ли вам?

— Да нет, уже лучше. Пункцию делали. Вот отхожу.

— Ну, отходить не следует. Надо приходить в себя и идти в палату отлеживаться. Вообще-то они должны были вас отвезти хотя бы в кресле-коляске. Вам же ещё на два этажа подниматься.

— Нет, всегда своим ходом.

— Да, кстати, чуть не забыл. Приходила Татьяна, не застала вас, хотела что-то вам сказать, а потом попросила меня и Бориса, когда увидим вас, передать, чтобы вы к ней обязательно зашли. У неё для вас какое-то важное сообщение.

Илья Кузьмич пошел дальше по коридору, а я встал и неровной походкой направился к лестничной клетке.

ВСТРЕЧА

Таня сидела на своей кровати.

— Что случилось?

— Ничего. Вам передали, что я заходила?

— Да. Илья Кузьмич. Сказал, какое-то важное сообщение.

— Петр Валентинович! У нас на этаже в другом крыле, где мужские палаты, оказывается три чернобыльца лежат. Представляют себе? Три! А я и не знала.

— Вот это да! Я на других этажах выспрашивал, никого не было. А на твоём не стал, на тебя понадеялся.

— А я не догадалась. Случайно узнала. Сегодня ещё один поступил. Такой строгий дядька. Его весь персонал знает, он уже здесь не первый раз. Когда заходила в ординаторскую к своему лечащему врачу, а там сидит этот дядька. Врач и говорит: «Вот, знакомьтесь, ваша коллега, тоже чернобылька». Я

удивленно сказала: «А я думала, что одна здесь из Чернобыля», а врач говорит: «Что вы, Таьяна! У нас трое чернобыльцев в мужском крыле». – «Вот это да! Сколько здесь лежу и не знала». – «Ты же по другим этажам бегаешь». – «Я не бегаю, а навещаю знакомых на восьмом и девятом этажах, с кем раньше там лежала, и сестричек, с которыми подружилась». – «А под носом своих проворонила». – «Давно они поступили?». – «Двое – недели две, третий – уже неделю как». Представляете, Петр Валентинович, сколько лежу на этаже, должна бы всех знать, а так опростоволосилась.

- Ты уже с ними познакомилась?
- Да, но имен ещё не запомнила.
- Ничего. Пойдем знакомиться.
- Они в 20-й и 28-й палатах, а сегодняшний – в 17-й.
- Ну и начнем с 17-й, она по ходу движения ближе.

Сразу за сестринским постом – двухместная палата. Заходим. Мужчина, сидевший на койке, увидав нас, встал. Мы уставились друг на друга, опешив от неожиданности. Подошли, обнялись, как старые добрые друзья. Татьяна спросила:

- Вы что знакомы?
- Таня! Это вы знакомьтесь – вот Николай, – сказал я, улыбаясь. – Да-да, тот самый Николай, о котором я вам рассказывал, и о нашей с ним встрече в поезде.
- Неужели тот самый Николай?

Но Николай перебил её:

– Петро, а я тебя сегодня собирался искать. Правда, твою фамилию тогда не спросил, но был уверен, что найду.

– Я твою фамилию тоже не спросил и Василия Игнатьевича адресок не переписал у тебя.

– Ну, теперь всё перепишем. Я рад, Петро!

– И я рад. Как у тебя решились дела в Киеве?

– Здорово! Все бумаги сделали. Но и помытарили! Хорошо, что сам поехал. А то бы ещё полгода провозились. Там же всё в архивах. Сначала запросы пишут, потом ищут. У них не болит. А мне надо спешить. Когда ещё признают ликвидатором? Будет писать губерния, можно не дожидаться. Как твои дела?

– Да не очень. Всё копаются, ищут чего-то и лечат параллельно. Я говорю, нет уже больше ничего, всё вырезали. А они, ищем, не найдем – отпустим, но лечиться всё равно долго. Наверно, до конца не дотяну. Чувствую, ходит она где-то рядом.

– Кто ходит? – спросила меня Татьяна.

– Да та, что с косой да в черном плаще.

– Петро, брось себя хоронить, – строго сказал Николай. – Поминать смерть нельзя, припрется непрошено. У тебя дух есть?

– Какой дух?

– Дух жизни. Желание жить.

– Как же без этого. Кто же не хочет жить.

– А тот, кто часто смерть зовет.

– Так она сама за мной шастает, отогнать не могу.

– А ты на неё не обращай внимания. Когда собака бежит навстречу, большая, лохматая, страшно ведь? Кто испугается, собака учует, подбежит, лает. А надо идти, не обращая внимания. Мол, я иду по своим делам, а ты беги по своим, удачи тебе. Шибко ты нужен собаке. Иди спокойно, не оглядывайся, думай о своем и страхом своим не отвлекай собаку. Так и смерть, больше увивается за теми, кто боится.

– Ну вразумил! Да не боюсь я смерти. Придет, так придет. Я свою миссию на земле выполнил.

– Не боишься смерти, так и на поминай её все. И другим не морочь голову ею. Нет смерти, пока в нас дух живет.

Тут Татьяна нас перебила:

– Пойдемте, познакомимся с другими чернобыльцами.

– Пошли.

Познакомились с новыми товарищами по чернобыльскому несчастью. Дело было уже к обеду, потому договорились после ужина встретиться здесь на «Седьмом небе».

НОЧНЫЕ СИРЕНА

В начале восьмого вечера все подтянулись. Стали знакомиться. Сначала о себе кратко поведал Николай, немного рассказал я, Татьяна. Потом Николай обратился к высокому худому

мужчине на вид лет сорока пяти, похожему на потомственного малоросса:

– Меня зовут Валера, фамилия Падуян. Я из Россоши.
– Вы что, армянин? – удивленно спросил Николай. – Вы же вылитый украинец.

– Так я и есть, как русские говорят, хохол. И фамилия моя чисто украинская. Окончание на «ян» и на Украине встречается.

– Сколько вам лет?
– Тридцать семь.
– А я думал, около пятидесяти.
– Это всё Каширка. Два года тому назад мне даже меньше тридцати пяти давали.

– Неужели и до Россоши радиация докатилась?
– Не знаю, не слыхал. Когда случилась авария, я с родителями жил в Лелёве. Это в семи километрах от Припяти по дороге на Киев. Я тогда заканчивал ПТУ в райцентре, учился на механизатора. Уже права получил на бульдозериста и водителя автомашины. Осталось только получить диплом. Накануне аварии на выходные поехал домой в Лелёв. Ночью проснулся от звука сирен пожарных машин. Наш дом стоял прямо у трассы. Машины с воем пронесли в сторону Припяти. Сразу подумал: «Где-то пожар!». Выскочил на крыльцо. На улице темно. В Лелёве никакого пожара не видно. Только около станции странное зарево.

Наши старики, помню, недовольны были, что атомную станцию рядом поставили, – продолжал Падуян. – Всё поговаривали, как бы чего не вышло. Про Хиросиму все знали. Да документальные фильмы про атомную войну в кинотеатре у нас перед сеансом частенько крутили. Мы старикам говорили: «Что вы боитесь? Это же про бомбы нам показывают». А они в ответ: «Атомная станция – это тоже бомба». Мы смеялись над ними, потому что они не понимали, что атомная станция надежна – она в бетоне, с ней ничего не может случиться. Вышло, не зря они сомневались.

Да, умные старики жили в Лелёве, – подумал я, – Недоверчивые. Значит были тому причины. Наверное, у людей, вся-

кого насмотревшихся за долгую жизнь, строительство рядом такого опасного объекта, как АЭС, обостряло наблюдательность, осторожность и чувства. Вот они и улавливали то, что молодые не хотели или не успевали увидеть в своей гонке со временем. Тогда люди, напуганные последней Отечественной войной, безропотно преодолевали различные невзгоды, только приговаривали: «Лишь бы не было войны». Это и был критерий тогдашней жизни.

Валера продолжал рассказывать:

— Пронеслось ещё несколько машин. Кинулся в дом, отца будить. А он бежит навстречу, спрашивает: «Что случилось?» — «Наверное пожар в Припяти». Отец говорит: «Нет, это на станции. Что-то серьёзное». Все соседи высыпали на дорогу. Стоим, смотрим, обсуждаем. Прибежал дядя Ваня, папин закадычный друг, говорит: «Надо ехать на станцию». Они оба работали на втором блоке в машзале. Некоторые соседи, кто работал на станции, тоже засобирались ехать туда. После этого помню мимо нас на полном ходу уже в другую сторону, на Чернобыль, проскочили две машины скорой помощи. Через некоторое время прошли два автобуса.

— Это, наверное, первых облученных ребят повезли в Киев, — предположил я.

— Откуда мы могли тогда знать об этом. В сторону станции ехало ещё много машин. Отец с дядей Ваней и ещё другие выскочили на дорогу, в чем были, и стали голосовать. Так отец уехал, и мы больше его никогда не видели. В понедельник я поехал в училище. Тех, у кого уже были права, направили нагреть дамбы вдоль реки недалеко от станции. Со всех колхозов гнали технику к реке. Через неделю всех жителей Лелёва вывозили. Мать осталась ждать отца, дала мне деньги и наказала, чтобы добирался до бабушки в Россосшь. Это в Воронежской области. Где-то через месяц приехала мамка. Худая, постаревшая. Сказала, что искала отца, но никто ничего о нем не знал. Поехала в Киев, где-то оставила наш россосшанский адрес.

— Наверное на улице Зеньковецкого, — уточнил я. — Там штаб Минэнерго Украины находился.

– Да. Потом мы получили известие, что отец в Москве в какой-то больнице. Поехали с мамкой. К отцу не пустили. Ночевали на Курском вокзале, а целый день ютились у больницы, всё обменивались с отцом передачками и записками, – глаза у Валеры заблестели, голос задрожал. – Потом папка умер. Через год и мамка умерла. Головными болями страдала. Так я остался в Россоши.

– А что с соседом, дядей Ваней, стало? – спросил я.

– Не знаю. Я вообще ничего не знаю ни о ком.

– Вот и я тоже ничего не знаю, – сказала Татьяна. – А как сюда попал, Валера?

– Как и другие. Много было разных болячек. То одно, то другое, то третье. Но старался не обращать внимания. По врачам не ходил. Женился поздновато, в двадцать девять. Ребенок родился с маленькой ножкой, но и месяца не прожил. Стало понятно – это Чернобыль. Жена долго переживала. Я хотел уйти от неё. Кому такой муж нужен? Но Дашенька заставила обследоваться. Нашли опухоль. Сразу послали сюда. Прошел весь курс химиотерапии и облучения. Было нормально. В детдоме взяли малыша. Но в прошлом году опять нашли опухоль. Вот опять лечусь.

ЗАРЕВО

Эстафету как бы взял мужчина на вид лет пятьдесят пяти. Коренастый, крепкий, смуглое лицо, редкие седые волосы на голове и черные, как смоль, усы. Назвался Федором Павловичем Портновым, из Нижнего Новгорода.

– Как попали в Чернобыль? – поинтересовался Николай.

– В конце мая 86-го вызвали в военкомат как капитана запаса. Я же окончил химико-технологический институт. После него два года служил в мотострелковой дивизии замначальника химслужбы полка. Вызвали, сказали «собирайся на сборы». Только, когда приехали в Чернигов, сказали, что едем в Чернобыль. Кстати, наш состав прошел мимо станции очень недалеко. Были видны блоки. Мы ехали днем, скорость небольшая. Четвертый блок отлично просматривался. Я был удивлен, почему везут нас так близко от очага радиации и так медленно.

– Потому что если бы везли кружным путем, наверное, не успели к сроку, – сказал я. – Через Киев нельзя, он был перегружен. Пришлось бы тащиться через Черкассы на Житомир. Могли потерять трое суток. Вот вами и рискнули. К сожалению, не только вами. Скорость держали малую из-за того, что перегрузили ветку. Все станции, полустанки, обгонные пункты были забиты составами с грузами. Госнаб страны постоянно отправлял грузы на Чернобыль, министерство энергетики, другие министерства тоже. Каждый регион страны спешил послать свой состав. Это хорошо, с одной стороны. Но с другой, создавало неразбериху. Бывало нужный вагон со срочным грузом приходилось искать буквально по всем станциям от Чернигова до Коростеня. Координации добились не скоро.

Тут к нам подошел мужчина в серой пижаме и берете на лысой голове. Постоял, помялся, а потом сказал:

– Извините, ради Бога, что я прерываю вашу беседу. Я слышал ваш разговор. Вы вспоминаете о Чернобыле. Можно я с вами посижу? Я там не жил и не работал, но тоже чернобылец.

– Вы где-то попали под радиацию? – спросил Николай.

– Прямо недалеко от станции.

– Вы же сказали, что не жили и не работали там.

– В самом деле, не жил, не работал. Просто ехал. Только не с запада на восток, как вы, Федор Павлович, так вас кажется зовут, а из Житомира через Чернигов в Москву. В четвертом часу утра 26-го апреля мой поезд проезжал мимо АЭС. Железная дорога проходила совсем недалеко от станции. Возвращался из командировки. Там у меня были дела на заводе запчастей, тогда работал в Твери снабженцем. Помню проснулся оттого, что поезд резко затормозил, громко захлопали двери, раздался топот ног и какие-то крики. Я оделся и вышел. Проводница сказала: «На станцию Янов не пускают. Что-то там серьезное случилось. Видите какое зарево». Впереди по ходу поезда полыхало во всё небо. Сказали, что там атомная станция. Поезд стоял долго. Когда тронулись и поравнялись с АЭС, зрелище оказалось ещё более впечатляющим. Ярко-белые отблески, как сполохи северного сияния, переходили в малиновое свечение, которое постепенно сливалось с черной бездной беззвездного неба.

– Красиво нарисовали! – восхищенно сказал Портнов.
– Только за эту красоту теперь мы все с вами расплачиваемся, – сказал Николай.

– Меня зовут Семен Моисеевич. Я тоже здесь лежу. Вы не возражаете, если я присоединюсь к вашей компании?

Конечно никто не стал возражать.

– А мне зарево показалось другим, – сказал Валера Падун. – Над станцией всегда были отблески. Обычно светло-желтые, невысокие, как утренний рассвет. Там же ночью много прожекторов горело. И всегда были видны огни на трубах.

– Это, так называемые огни ЗОЛ – заградительно-осветительные лампы, – сказал я, – чтобы самолет ночью не врезался в трубу.

– Да, а в тот раз над станцией зарево было полыхающим, меняющим свой цвет от ярко красного до малинового. И оно было значительно выше, чем обычно. Огней на трубах не было видно.

– Или пожар перекрывал, либо свет огней просто не пробивался сквозь завесу дыма или свечения, – размышлял вслух Николай. – Либо свет уже был выключен....

– У нас ребята, кто ночью вставал, говорили, видели пожар, – сказала Татьяна. – Вид был обалденный. И тоже удивлялись малиновому свечению.

– Это высокие уровни радиации дают такое свечение, – пояснил Николай

– Знаю. Теперь знаю. А могла бы не знать всю жизнь, счастливо жить и не мучиться, – лицо Татьяны помрачнело. – Вспомнила, как мы утром на велосипедах ездили на путепровод, что рядом со станцией, глазеть оттуда на блок. Оттуда хорошо было видно. Но пожар уже потушили. Лишь дым белый стоял.

– Это пар, – опять уточнил я.

– Боже ты мой! Так близко находиться возле станции! – воскликнул Семен Моисеевич. – Это же опасно!

– Конечно, опасно. Поэтому я здесь, а не с семьей, – грустно ответила Татьяна. – И все наши ребята, наверное, тоже лечатся. Может, и на Каширке кто-нибудь из них побывал.

– Или ещё будет, – продолжил Федор Павлович.

— К сожалению, движение пассажирских поездов на линии Чернигов - Овруч было закрыто только через два дня, — заметил я.

— Ого! Это сколько же проезжавших пассажиров облучилось? Может они спали, ничего не видели. Теперь болеют и не знают отчего, — сказал Николай. — А сколько померло среди них за это время?

— Кто же это знает. Вот и вы Федор Павлович, проехали мимо блока, — сказал Семен Моисеевич. — Вам уже тогда достаточно было. А вы ещё партизанили. Извините, я перебил вас.

ИГНАТЕНКО

— Да ничего. Выгрузили нас на станции Вильча. Получается проехали мы всю зону поперек с востока на запад. Километров десять на юг нас машинами перевезли в Варовичи, это в сорока километрах на запад от Припяти. Там мы и обосновались, разбив палаточный городок.

— А чем занимались? — спросил я.

— Дезактивацией территорий вокруг самого блока. В основном закрытием бетоном радиоактивного асфальта и грунта. В сентябре кинули на дезактивацию очистных сооружений. Ох, как там гонял нас генерал Резетдинов! Потом дезактивация кровли третьего блока. Отпустили только в ноябре.

— Приходилось и мне бывать на канализационных очистных сооружениях, когда их переполнило, — сказал я. — Уровень радиации на очистных местами превышал 50 рентген. Надо было принимать срочное решение, а какое — непонятно. Довелось мне работать и с Резетдиновым. Помню от Евгения Ивановича Игнатенко, это руководитель 30-ти километровой зоны, позвонили и сказали, чтобы я срочно приехал к нему с дэпэшкой — измеритель гамма-излучения ДП-5. В кабинете Игнатенко находился генерал Резетдинов. Втроем вместе с группой офицеров мы выехали на очистные сооружения, так сказать, на рекогносцировку местности. Генерал тогда временно замещал начальника оперативной группы Министерства обороны СССР генерала Пикалова Владимира Карповича. Уровни радиоактивного фона на очистных сооружениях были очень высокие. Надо было на натуре представить себе актуальность проблемы и

возможный объем работ. Прямо там и было принято решение о дезактивации этой территории.

– А мы потом за это расхлебывались, – насупившись, буркнул Федор Павлович.

– Все расхлебывались, – сказал Николай. – И вы, и мы, и миллионы других. И сейчас расхлебываемся. Только не за то, что надо было осуществлять дезактивацию и посылать молодых ребят в то пекло. А за то, что допустили аварию те, кто не имел права её допустить. Успокойся, Федор Павлович.

– А дальше?... – спросил меня Валера.

– После той рекогносцировки Игнатенко уехал в штаб правительственной комиссии на доклад по очистным сооружениям, а Резетдинов предложил мне проехать с ним в деревню Заговище.

РЕЗЕТДИНОВ

Мне очень запомнилась та поездка. Вспомнилась эта деревня на противоположном берегу реки Припять всего в четырех километрах от станции. Резетдинов хотел проверить, как там идет дезактивация, а заодно посоветоваться со мной, где лучше расположить ПУСО по трассе на Неданчицы Черниговской области, где планировали за Днестром расположить будущий город чернобыльских атомщиков Славутич. Правда, место выбрали неудачно, оказалось на радиационно загрязненной территории. Кроме того строители умудрились затащить туда радиоактивно грязную технику. В восточной стороне зоны ПУСО был только на её краю, в районе селения, по-моему, Пирка. Предполагалось усиление движения транспорта на этом направлении. Надо было наметить места для строительства ещё трех ПУСО. Итак, упустили время...

– Интересный мужик был этот Резетдинов, – продолжил я после короткой паузы. – Невысокого роста, властный, жесткий, не улыбочивый. Звали его Рафкат Габдурахманович. Бывает простое имя не сразу запомнишь, а тут непривычное, трудно выговариваемое и за столько лет не забыл. Конец ноября. Только-только первый снег выпал. Приехали мы в Заговище. Вылезли из машин возле бывшего сельсовета. Встретил нас старший

лейтенант химвойск, отпрапортовал генералу и повел к школе, где в этот день его солдаты проводили, как сегодня сказали бы, «зачистку местности» от радиации. Идем по улице, с обеих сторон хатки белые, а в садах деревья яблоками увешаны, как елочными игрушками. И снег вокруг. Хороший урожай в тот год был. Да вот нельзя его собирать. Как на белом фоне красные яблоки смотрелись!

– Как в песне «Яблоки на снегу...»? – спросил Валера.

– Да, именно на снегу. Так хотелось их сорвать. Резетдинов вдруг открыл калитку в ближайший двор и прошел в сад. Его адъютант и я прошли за ним, за нами – офицеры генеральской свиты. Резетдинов подошел к дереву и сорвал яблоко. Тщательно обтер его со всех сторон носовым платком и начал есть. Я последовал его примеру. Ах, каким вкусным показалось то яблочко. Адъютант подбежал к генералу и взволновано заговорил: «Товарищ генерал, это опасно. Станция рядом. Уровни радиации высокие. Бросьте яблоко, пожалуйста, товарищ генерал. Я вас прошу». А генерал: «Отстань! Лучше сорви и ешь. Знаешь, какое замечательное яблоко!» И впервые засмеялся несоответствующим его внешности высоким тенорком. Улыбка на его строгом лице расплылась, как солнце, внезапно появившееся из-за тяжелых туч.

Это был единственный случай, когда я видал Рафката Габдурахмановича улыбающимся. А он стоит, заливается и приговаривает: «Берите, ешьте. Хозяева не обидятся. Все равно пропадают. Чего боитесь. Радиация только на поверхности яблока, а она гладкая, наверное, и дождями уже умылась. Против той радиации, что мы здесь уже нахватили, это даже не мизер, не капля, а пустой звук. Рвите». Что делать офицерам? Они же подневольные. Не хотят, но едят, давятся. Кто посмышленнее, изображает, что ест, а потом украдкой куда-нибудь яблоко и выбросит.

– Для них слово генерала, как приказ, – сказал Портнов.

– Извините за моё лирическое отступление, – сказал я.

– Я тоже хорошо помню генерала Резетдинова, – продолжил Федор Павлович. – Очень строг был. Все две недели, что там работали, каждый день с утра приезжал и гонял нас.

Темп установил сумасшедший. Работали весь светлый день в две смены.

– Дело было серьёзное, – сказал я. – Перелив канализационных вод угрожал не только увеличением распространения радиации, но и бактериологическим заражением. Очистные четыре месяца никем не эксплуатировались, а стоки поступали, всё пришло в ужасное состояние. Территория очистных большая, всхолмленная, подъезд один и неудобный. Надо было ещё осуществить дезактивацию и внутри сооружений. И главное – очистить все каналы, метатенки, поля аэрации, фильтрационные, насосные и прочее. Жалко было людей бросать в эту кашу. Перебрали все варианты, но снятие грунта со всей площади было наиболее радикальным решением. Опасная работа. Не менее, чем на самом блоке.

– Да, пожгли мы там почти весь полк, – с необычайной печалью в голосе сказал Федор Павлович. – Очистные до сих пор стоят у меня перед глазами. Какие ребята были!

– Может, Федор Павлович, мы с тобой пересекались там, я несколько раз приезжал на очистные. Может ещё общих знакомых найдем. Обязательно поговорим. А сюда как попал? – спросил я.

– Да как-то неожиданно. Сильно все эти годы и не болел. Так, как у всех, да и по годам. Но вдруг шишка подмышкой выскочила. Быстро выросла. Обследовали и обнаружили такие шишки под ключицей, в паху, под коленом даже. Было несколько операций. А шишки продолжают лезть. Послали сюда. После процедур вставать нет сил. Всего полгода тому назад был здоров, как бык. Теперь хожу с трудом, волосы выпадают.

– Не бойсь, все выпадут, – сказал Николай. – И усы твои роскошные, вылезут. Лысый будешь, как я.

– Не хотелось бы.

– А они тебя спрашивать не будут. Вылезут и всё. Правда потом отрастут. У меня уже один раз отрастали. Потом как проволока стали, и цвет изменился. Лысым быть даже лучше. В парикмахерскую не надо ходить, расческа не нужна – экономия видишь.

– Зато бархотку надо носить с собой, – в тон Николаю продолжил Федор Павлович.

- Это зачем? – удивилась Татьяна.
- Чтобы пыль с черепка смахивать, – ответил Портнов.
- И чтобы черепок блестел, как то генеральское яблочко, – сказал, улыбаясь, Семен Моисеевич.
- И чтобы лучше освещать помещение при недостатке света, – хохотнул Валера Падуян.

Федор Павлович вынул из кармана аккуратно сложенный желтого цвета фланелевый платок и показал всем.

- Зимой-то шапку потеплее надо иметь, – добавил Портнов. – Чтобы мозги не вымерзли. А летом – носить кепи, чтобы мозги под горячим солнцем не расплавились. Вот и нет экономии.

Все расхохотались.

ВЫЛАЗКА

Николай обратился к ещё одному мужчине.

- Моя фамилия Гороховец. Сергей. Я из Солнечногорска, час езды от Москвы в сторону вашей Твери, Семен Моисеевич. Туда я перебрался недавно. Сестра уговорила. Теперь работаю электриком в тамошнем доме отдыха на берегу Сенежского озера. Место прелестное, тишина, покой. И работа нехитрая. А вообще я из другого Горска, то есть из Десногорска.

- Это где? – спросил Валера.

– Это Смоленская атомная. Наш директор Поздышев взял меня с собой в Чернобыль. Участвовал в пуске второго блока, потом привлекли к очистке кровли. Здесь уже не впервые. Прошу называть меня исключительно по имени. Не люблю церемоний.

- А ты что делал на кровле? – спросил Федор Павлович.

– На кровле – ничего. Я в основном в бункере сидел, координировал работу военных с дозиметристами. Только один раз и побывал на кровле из-за одного идиота. Схватил полторы нормы, сорок рентген за одну ходку. Я к тому времени уже набрал шестнадцать. Это был мой последний день в Чернобыле.

- Ничего себе! Почти две нормы! – воскликнул Федор Павлович. – Да в самом пекле! Как же тебя угораздило?

– Я же говорю, из-за одного идиота. Был такой порядок. Руководитель работами ставит задачу очистить такой-то участок. Кровлю на квадраты разбили. На фото и в перископ видно, какой там предмет лежит, надо его сбросить с кровли. Дозиметрист по уровням радиационных полей рассчитывает время подъема на кровлю, работы в этом квадрате и время спуска. Он же вместе с руководителем смены разрабатывал маршрут движения. Обычно на саму работу давали одну-три минуты, чтобы не набрать больше пяти рентген за один раз. Местами там фонило сотни рентген.

– Да, особенно, где куски твэлов, тепловыделяющих элементов валялись, – подтвердил Федор Павлович. – Они раскаленными из самого реактора вылетали и, как пики, вонзались в кровлю, которая была покрыта несколькими слоями рубероида. Это же смола! Потом твэлы и рубероид так спеклись вместе, что по несколько ребят не по одному разу приходилось ребят посылать.

– А писали, что в Чернобыле роботы самую трудную работу делали, – сказал Семен Моисеевич.

– Да мы их сбрасывали с кровли! – возмутился Федор Павлович. – Они по крыше чуть проедут и станут, колесики маленькие, препятствия не берут, манипуляторы хилые. А японский, так вообще металлическим голосом изрек: «Большая радиация! Большая радиация! Опасно! Опасно!» и отключился. Ну мы все эти роботы с крыши и скидывали. Я немного уточнил:

– Внизу робототехника инженерных войск здорово выручала, – уточнил я. – Особенно в первые недели. Но часто ломалась, плохо защищены были операторы, хотя они находились и в отдалении. Бывало станет радиоуправляемый бульдозер или погрузчик. Что с ним делать? Вот и бежит машинист, выводит механизм вручную. А там фоны по 100 и более рентген. Тоже много ребят погорело. Продолжай, Сергей.

– Так вот, ставится задача солдату. Он одевает свинцовый жилет, свинцовые трусы и так далее. В общем облачается, надевает респиратор и отправляется на кровлю. Туда ходили только добровольцы.

– Когда наши хлопцы работали, – сказал Федор Павлович. – я их из бункера провожал. Выпускающим был. Смотрел,

чтобы экипировка сидела надежно. Им ведь надо было по вертикальной лестнице от десяти до тридцати метров подниматься вверх. Потом бежать десятки метров по крыше. Это труд только для сильных. Хотя свинцовые трусы никто не надевал. Ну как на такую высоту с амуницией в тридцать килограмм лезть? Многие вообще ничего свинцового не надевали, так быстрее и ловчее. И подбадривать нужно было солдат, ведь всякое порой случалось на маршруте. Провожал до самой лестницы.

— Один такой командир, как ты, Федор Павлович, тоже выпускал. Напровожался. Не из-за твоего ли мальчика я залетел?

— А что такое?

— Один солдатик, как потом разобрались, решил побыстрее из Чернобыля уехать. А как? Побыстрее норму облучения схватить и домой. То ли он договорился с кем-то, то ли выпускающему было на всё наплевать, но за один день четыре раза сходил на крышу. Последний раз оказался роковым и для него, и ещё для нескольких, в том числе, и для меня. Вдруг мы слышим, перископист по громкой связи орет: «Внимание! Кто-то по крыше бежит! Не по маршруту!». Подскочили к перископу, смотрим, солдатик мечется. Вроде как не может найти место спуска с кровли. Нет, дело плохо. Наверное у него крыша поехала. Срочно снарядили команду снимать хлопца, меня старшим поставили. И вперед. Пока забрались на верхотуру, поймали, успокоили, пока спускали, вот и набрали радиации на всю жизнь. Так твой это солдат, Федор Павлович?

— Нет, даже не из нашего полка. Если бы из нашего, я бы знал. Нас всегда о всех случаях информировали и давали указания, чтобы такое не происходило.

— На правительственной комиссии, я вспоминаю, что-то такое обсуждалось. Но главное было не это.

— А что?

— Руководитель работ по дезактивации кровли Сомов тогда поставил вопрос о том, чтобы запретить в течение одного дня одному человеку более одного раза выходить на кровлю. Многие поддержали Сомова. А медики ни в какую. Они же инструкции разрабатывали. Тогда поручили двум разным институ-

там изучить эту проблему и дать окончательный ответ. А пока они занимались исследованиями, приняли предложение Сомова.

– И что ученые сказали? – спросил Федор Павлович.

– Представьте себе, Сомов оказался прав! Выяснилось, что исследований по этой проблеме никто даже не проводил, инструкция касалась только того, как определять время нахождения на участке радиоактивного заражения при дезактивации. Эта инструкция была разработана ещё в пятидесятые годы, когда почти каждый год одна за другой происходили ядерные аварии на атомных предприятиях, а людей для дезактивации не хватало, потому-то и старались проводить дезактивацию меньшим числом солдат.

– Слушай, Петр Валентинович, до Чернобыля была только одна авария в Кыштыме, – сказал Сергей.

– Нам с Татьяной всего два часа тому назад одна старушка рассказала, что у неё муж облучился на «Маяке» ещё в 1954 году. Так что уже три.

Я уточнил, так как этот вопрос мы обсуждали с Виктором Петровичем Овчаровым:

– Но на самом деле, начиная с 1948 года, в стране произошло более двадцати ядерных катастроф. А одна всего за восемь месяцев до Чернобыля, где был установлен печальный «мировой рекорд» в кавычках по уровню мощности радиационного излучения в момент ядерного взрыва – 90 000 рентген.

– Вот это да! – воскликнул Сергей. – Девяносто тысяч!

– А где это? – спросил Николай.

– В бухте Чажма на Дальнем Востоке на судоремонтном заводе атомных подводных лодок.

– Ешь твою клёш! – опять странным образом выругался Федор Павлович.

– Столько аварий! И после этого допустили Чернобыль! – вслед за ним возмутился Валера. – И ничему не научились! Господи, что же это у нас за страна такая была!?

– А такая, – сказал я. – Страна поголовной секретности и тотальной закрытости.

– Слышь, Петро, а как ты тогда сказал в поезде о нашей стране? – спросил Николай. – Помнишь, про три источника.

– Это не я сказал. Эту формулу вывел академик Валерий Алексеевич Легасов. Как-то мы с ним встретились уже после моего лечения в Воробьевской клинике. Он был очень расстроен, взволнован. Что-то у него не складывалось. Вот он тогда и спросил меня: «А знаете, Петр Валентинович, я недавно понял, чем на самом деле являются три источника и три составные части советской власти». Я говорю: «Не думал, что в вашем сегодняшнем состоянии вы можете шутить». А он отвечает: «Я и не собираюсь шутить. Пришел к этой мысли только в последнее время и благодаря Чернобылю. Раньше был слеп». – «И что же это?» – «Три источника и три составляющие части советской власти – это: самонадеянность партийной верхушки, извортливость трусоватого чиновничества и извечное авось подневольных производственников».

– Во, сказал! – как и в прошлый раз восхитился Николай.

– Вы были лично знакомы с академиком Легасовым? – восхищенно спросил Гороховец.

– Да, познакомились в Чернобыле. Потом несколько раз встречались. Кстати, Валерий Алексеевич в последнюю нашу встречу месяца за три до его самоубийства озвучил другую свою формулу. Он тогда сказал: «Есть у меня ещё одна формула. Со всем жуткая». Я стал уверять его, чтобы он не волновался, мол, никому не скажу. А он говорит: «Я ни о чем и не волнуюсь. Уже отволновался. Мне теперь бояться нечего».

– Он, наверное, уже тогда думал о самоубийстве, – с грустью в голосе сказал Сергей.

– Возможно.

– А что за формула? – напомнил Николай.

– Вот он тогда и сказал слова, смысл которых я понял только после его кончины: «Советская власть – это власть людей, пораженных животным страхом потери своей власти».

Глава 10.

ОЧИЩЕНИЕ

18.09.2005 г.

После наших посиделок на «Седьмом небе» мне опять делали пункцию костного мозга, но из другого места. Потом компьютерную томографию проходил. Николай тоже бегал по этажам. Так несколько дней мы не собирались. Потом – операция у Татьяны. Я был у неё и до, и после операции. Пришел и Толя. Выходила она из наркоза трудно. Пришлось тормозить её, заставлять говорить. На следующий день она была ещё слабовата. Мы с Николаем вечером просидели у неё в палате допоздна. Ребята заходили проведать. Семен Моисеевич принес ей цветы. Флоксы. Вот молодец! А мы зачерствели совсем, даже забыли, что она – женщина. Как Татьяна обрадовалась! Это надо было видеть. Вскочила, забежала. Нашла где-то полторалитровую бутылку, отрезала горлышко и любовно поставила туда цветы. И всё! Слабость у неё, как рукой сняло. Это была снова прежняя Татьяна. А всё цветы...

ГРЕХИ И СУДЬИ

В те дни поймал меня в процедурной Илья Кузьмич:

– Куда это вы, братец наш, Петр Валентинович, подевались? Мы ждем вас уже несколько вечеров, а вас всё нет.

– А что случилось?

– Ничего. Просто вопросы накопились. Сегодня-то куда не исчезнете?

– Исчезну.

– Что, пассию где-то нашли?

– Ну, что вы! Как могли такое подумать, Илья Кузьмич?

– Ладно, не обижайтесь. Значит, не придете сегодня вечером? А завтра?

– Нет. Буду на «Седьмом небе». Там у нас кружок чернобыльцев образовался. Общаемся. Есть интересные пересечения.

– И много вас?

– Семь человек. Слушайте, Илья Кузьмич, приходите после ужина туда. Мы в холле будем. Возьмите наших, кто захочет. Я ведь скоро наверное выпишусь. Если кто не сможет прий-

ти, потом расскажете. Вы ведь долго ещё будете лежать на Каширке?

– Наверное долго, потому что не говорят, сколько. Всё твердят, не спешите. А за приглашение премного благодарен. Приду, непременно приду. И передам ваше приглашение.

На том и расстались.

В общем, собраться в холле всей нашей честной компанией смогли только через два дня. Подошли Илья Кузьмич, Ира, Эдуард Евстигнеевич, Екатерина Евдокимовна. Борис после операции ещё был плох. Последним пришел Семен Моисеевич:

– Куда все подевались? Каждый вечер приходил сюда, а никого не было. Наконец-то собрались. Даже с прибавкой.

– Знакомьтесь! – сказал я. – Это мои товарищи по девятому этажу – Екатерина Евдокимовна, Илья Кузьмич, Ириша и Эдуард Евстигнеевич. В Чернобыле не были, но очень интересуются.

– Я – Семен Моисеевич. Тоже не был в Чернобыле и тоже интересуюсь. Ну что, грешники, с чего начнем сегодняшний раут?

– А почему грешники? – возмутилась Ира.

– А потому, девочка, – поддержал Семена Моисеевича Илья Кузьмич, – что не грешных людей не бывает.

– Нет, есть люди и безгрешные, – возразила Ира. – Ну, может, маленький, манипусенький, грешочек, никому он не помешал. Только самому себе. Такой грех не считается. Вот если другим навредил – это грех.

– Маленькие, большие грехи – всё равно грехи, – назидательно сказала Екатерина Евдокимовна.

– Это в религии так считается, – заметил Федор Павлович. – А подавляющее большинство народа, кроме истинно и глубоко верующих, маленькие грешки не считают грехом. Ира рассуждает именно, как большинство. И я так считаю.

– Мне кажется, безнравственный поступок, – поддержал его Сергей, – и есть большой грех.

– А как разделить маленький грех от большого греха? – спросил Валера.

– Если причинил кому-то вред, любой вред, то значит грех великий, – сказал Федор Павлович. – А если только себе, то это твое личное дело, считать безнравственный поступок грехом или нет. По-моему, так.

– Грех, причиненный себе, не останется в тайне, – сказал Илья Кузьмич. – Люди рано или поздно увидят его или последствия этого греха. Грех он и есть грех.

– А кто судит, грех это или не грех? – спросила Ира.

– Люди, – сказал Эдуард Евстигнеевич. – Они судят по своим меркам, по своей совести. Когда эти мерки совпадают у многих, тогда и оценки совпадают и становятся господствующими, превращаясь в общественное мнение. Живем-то среди людей. Значит, по-людски и жить надо. Если сам себя оцениваешь, то сам себе и судья. Однако у истинно праведных или стремящихся стать таковыми личные оценки гораздо строже, чем у людской молвы.

Я поднял руку, как бы прося дать мне слово:

– Знаете, несколько дней тому назад, мы с Татьяной разговаривал с одной старушкой, Валентиной Андреевной. Она рассказала о том, что её муж облучился на «Маяке» в 54-ом году. Так вот, Валентина Андреевна с детства мечтала жить в Москве, даже убегала. Будучи уже взрослой, решила любым образом попасть в Москву. А как? Выйти замуж за москвича. Ну, нашла такого, полюбил он её, и она вышла замуж за москвича, но не по любви. А он отказался ехать в Москву и остался со своей любимой в её деревне в Хабаровском крае. То, что он был облученным, она не знала. Двое их девочек не выжили. Москвич очень любил и оберегал свою ненаглядную. Уже потом она полюбила своего Левушку.

– Беда сближает, – сказал Илья Кузьмич.

– Это верно, – подтвердила Екатерина Евдокимовна.

– Так в чем грех старушки? – спросил Сергей.

– Она считала, что стремясь попасть в Москву обманным путем, совершила великий грех, и Бог её покарал, отняв у неё отца, двоих детей, потом мужа, сына, сделав её внучку инвалидом. Сын её был в Чернобыле дозиметристом в самые первые дни, года три назад умер. Я ей говорю, это власть виновата, что

скрыла облучение мужа и не лечила его, что допустила ту трагедию на «Маяке». А Валентина Андреевна резко ответила: «Что мне до власти. Из-за меня пять человек сгинуло, а один мается. Я сама себе судья и свой грех знаю».

– Видите – сама себе судья, – подметил Федор Павлович.

– А можно ли смыть свой грех? – допытывался Валера.

– Перед людьми можно покаяться, – сказал Илья Кузьмич. – Просить прощение. Делами искупить свою вину. В результате можно и получить прощение. Но грех стереть в памяти людей невозможно. Пока живут, помнят. Просто могут зла не держать, если видят, что грех искуплён или виновный пытается его искупить.

– А из своей памяти можно стереть?

– Порядочный человек не сможет, – решительно произнес Николай. – А непорядочный своё прегрешение грехом и не считает. Совестьливый человек грех в себе носит, а бессовестный – под безгрешного косит.

– Как это верно! – воскликнул Федор Павлович. – Я шестнадцать лет ношу в себе свой грех. Страшный грех.

– Ты что убил кого? – спросил Николай

– Нет, физически никого не убил. А морально, наверное, раздавил. Никому никогда не рассказывал. Ношу в себе этот грех и живу с ним. Как это тяжело!

– А ты расскажи, – предложил Николай. – Легче будет. Хотя грех от этого не уменьшится. Не стесняйся. Здесь все свои. И у каждого свой грех есть на душе.

– Расскажите, – наклонившись к Федору Павловичу, доверительно попросил его Илья Кузьмич. – Не бойтесь. Мы пойдем вас, не осудим, коль вы сами хотите покаяться. Увидите, после этого вам будет легче.

РАСКАЯНИЕ

– Это было в Чернобыле. Вы, Петр Валентинович, рассказывали про дезактивацию очистных сооружений. Меня к этому времени назначили заместителем командира отдельного военно-строительного батальона по технической части, то есть зампотехом. Тогда несколько офицеров из химвойск перевели

для повышения грамотности офицеров строительных частей, которые были заняты на дезактивации особенно ответственных объектов. Как назло, через неделю после моего назначения комбата вывели из зоны – у него начались признаки лучевой болезни. Где-то, видать, напоролся на сильный источник радиации. Нового на замену не прислали. Из оперативной группы Министерства обороны пришел приказ приступить к исполнению обязанностей командира. Нашему батальону поручили дезактивировать канализационные очистные сооружения стоков города Припяти КОС-3. Они находились, практически, вплотную с канализационными очистными сооружениями атомной станции КОС-1 и КОС-2.

– Это была ответственная работа, – заметил я. – КОС-3 гораздо крупнее других, так как обеспечивали очистку канализационных, дренажных и ливневых стоков пятидесятитысячного города и примыкавших к нему вспомогательных территорий.

– Да площадь была огромная, работы неувпоровот, а сроки короткие. Передали мне карту радиационных полей. Сделана была небрежно, квадраты большие, точечные источники не показаны. Крепко я тогда засомневался в этой карте. Выехал на рекогносцировку на местности с начальником штаба капитаном Мироновым. Прибор ДП-5 повесил на шею, пошел на объект, Миронов рядом с картой. И сразу нестыковка. Как я боялся, так и вышло. Оказывается, на карте в квадратах были показаны средние, а может просто ориентировочные фоны. Мы с Мироновым наметили по карте маршрут рекогносцировочной пробежки и понеслись с короткими остановками, чтобы снимать показания фона на приборе и записывать их на карте. Фоны в полтора – два раза выше. Материмся, бежим. Я кричу, Миронов записывает. А фоны лезут всё выше. Прибор начал зашкаливать. Где-то очень мощные точечные источники. Всё, дальше нельзя. Сгорим. Ну, злобы у меня накопилось! Сколько положили бы здесь ребят! Я сразу рванул в оперативный штаб Министерства обороны. Доложил непосредственно генералу Пикалову. Он такой шмон устроил!

– Да, тоже крутой мужик был, – подтвердил я.

— Орет, кто это сделал, под суд, уничтожу. Ему доклады-
вают, что дозиметристы были из какого-то военного института,
карту делали ориентировочную, только для понимания общей
диспозиции, задачу на детализовку им не ставили, работу за-
кончили ещё месяц назад и уехали. А нам какая-то б...дь подсу-
нула эту бумажку как рабочую карту! Я попросил, чтобы мне в
часть откомандировали двух дозиметристов, на время выполне-
ния задачи на КОС-3. Каково же было моё удивление, когда че-
рез день мне в батальон привезли двух гражданских с команди-
ровочными удостоверениями с какой-то станции. На хрен мне
гражданские! День оформляли им документы. Поселили в офи-
церской палатке. Обустроили. Только на третий день поехали на
объект. А время-то летит. Поставил им задачу. Они чуть похо-
дили по краю объекта и вернулись. Начали мне условия ставить.
Я им говорю: «работайте, сроки уходят». А они мне: «Поселите
в нормальные условия, возите питаться в столовую на атомной
станции». А где я им возьму такие условия? Приказываю им ра-
ботать. Тогда они и говорят, что на таких радиационных полях
работать нельзя, что они жить хотят. А какого черта сюда прие-
хали? Они отвечают: «Послали, вот и приехали, но вредить сво-
ему здоровью не намерены». Я им: «Значит прошвырнуться
приехали, льготы заработать и домой?». А они ехидно так: «Ка-
питан, дураков нет». Я чуть не пришиб их. Водитель-партизан
кричит: «Я сейчас удавлю этих гадов!». А они: «Ничего не сде-
лаете!» — и суют мне какую-то инструкцию. Вот тут я взбеле-
нился. Ах так! Привез их в часть, отобрал у них удостоверения
на право проезда в зону, взял их командировочные удостове-
рения и на каждом поперек крупными буквами написал: «Возвра-
щаются по месту работы за неподчинение и трусость». Посадил
на машину и приказал увезти их на станцию Коростень, чтобы
уехали домой. В опергруппе сказал, что кто-то напутал, прие-
хавшие оказались не дозиметристами, и я их отправил назад.

- Круто ты их! — присвистнул Николай.
- Вот в этом и грех мой. Великий грех.
- Да правильно ты сделал, — сказал Сергей. — В той об-
становке, как на войне, или идешь в бой, или пулю в лоб.

– Вот и я так думал. Тогда думал. А после Чернобыля, когда лечился вот так, как сейчас, с ребятами сидели, всякое рассказывали друг другу. Вспомнил я об этих дозиметристах. Стыдно стало, что дал волю чувствам. А потом совесть грызть начала, по ночам просыпался.

– А что о них волноваться! – возмутился Сергей. – Им же было наплевать на твоих партизан.

– Сергей, пойми, они же люди. Я когда представил, как они возвратились на работу, подают командировочные удостоверения, а там написано, отправлены назад за трусость. Пятно на всю жизнь. Засчитают им прогул, на работе засмеют, а то и уволят. Может они и правы были. Показывали же какую-то ин-струкцию.

– Не волнуйся, Федор Павлович, – сказал Сергей. – Они, наверняка, командировки не показали. Небось наплели, что в Чернобыле кто-то утерять их. Лучше потерять потраченные деньги, чем потерять лицо и работу.

– Нет, я стал искать их.

– Тю, дурак! Зачем? Они же сволочи!

– А ты, Сергей, сам не сволочишься! Виноват я перед ними. Через год переписки нашел их. Хорошо в штабе моего ВСО сохранилась книга постановки на котловое довольствие. Написал им покаянное письмо. Верно, командировки они не сдали.

– Ну, что я говорил.

– Говорил. А их всё равно уволили, потому что на письмо отдела кадров подтвердить их пребывание в Чернобыле пришел ответ, что их отправили назад, так как они не дозиметристы. Ну, на станции подумали, что они так специально сказали, чтобы не работать в зоне. То есть, как бы наврали, чтобы их отправили назад. Директор станции их уволил. Я потом написал директору. Сказал, что мол мне в воинскую часть по ошибке прислали гражданских, а не военных дозиметристов, потому и отправил их назад, а командировочные удостоверения где-то потерялись. Просил восстановить ребят, они не виноваты. Это моя вина.

– Ну и как, вернули? – спросил Николай.

– Приняли. Потом ребята благодарили и просили прощения у меня за своё поведение.

– Вот вы и искупили свой грех, – сказал Илья Кузьмич. – А сейчас как будто побывали на исповеди. А коль искупили и исповедовались, значит и грех ваш прощен.

– Искупить, может, и искупил, а всё равно грех ворочается внутри, душу терзает и никуда не исчезает. Стыдно ведь. Можете говорить, что невелик грех или его теперь и нет. А я знаю, грех есть. И отпустить его может только священник. А я неверующий.

– Грехи прощает Бог, – сказал Илья Кузьмич. – Он видел ваш грех, искупление, исповедь. Он видит всё. Потому я уверен, грех ваш уже отпущен. Но в церковь ходите, благодарите Господа, что надоумил вас стать на путь осознания и искупления.

Повисла тягостная пауза. Каждый думал о своём. Молчание прервал Николай:

– А как, Петро, старушка сказала?

– «Я сама себе судья и свой грех знаю», – повторил я.

– Петр, – обратился ко мне Николай, – а ты говорил, что Легасов тоже сам себя осудил.

– Да. Валерий Петрович не стал оправдываться, отнекиваться, – сказал я. – Он посчитал себя причастным к греху и жестоко осудил себя, отняв у себя собственную жизнь.

– Вот-вот. Мне кажется это и есть высший суд, – продолжил Николай. – Не каждый готов к нему. Брат у меня тоже считал, что совершил тяжкий грех, что принял четвертый блок в эксплуатацию. Ты, Петро, доказывал, что все станции так пускали. Это – твоё мнение. Брат ведь это знал. А оценил своё дело, как грех, великий грех. Уверен, он и на том свете наверняка думает, что даже своей смертью грех тот не искупил. Понимаете, существует ведь и неискупаемый грех.

– Николай, дорогой, – снова начал я разубеждать Николая, – в те времена ничего нельзя было сделать. От твоего брата ничего не зависело. Это была такая система, при которой даже председатель государственной комиссии не мог принять окончательное решение. Чтобы ты понял, я расскажу, как пускали в

строй первый блок Смоленской станции в 1982 году. Я сам был свидетелем тому. Рассказать?

Никто не возражал.

ПЕЛЬМЕНИ

— Начну, пожалуй, немного издалека, чтобы всё было понятно. В начале декабря 1982 года я в очередной раз возвращался на пуск первого блока Смоленской АЭС. Ехал в машине с моим другом, начальником отдела наладки ВПО «Союзатомэнерго» Виктором Петровичем Овчаровым. Он выезжал на два дня в Москву для доклада к заместителю министра энергетики Шашарину и прихватил меня с собой за компанию, чтобы я чуть передохнул. Виктор Петрович был в тот день озабочен. Лишь после середины пути заговорил:

— Какой же тяжелый первый блок на Смоленской! Давно не было такого трудного пуска.

— Почему? — поинтересовался я. — Вроде бы нормальный.

— Нормальный! — с сарказмом сказал Виктор Петрович. — Самый что ни на есть ненормальный. У тебя это первый блок?

— Да, атомный энергетический блок первый. А так по одной гидро- и теплоэлектростанции, два исследовательских ядерных реактора. Один под Новосибирском, помнишь, вместе пускали. Ну, ещё — два космических старта, три боевых ракетных комплекса, станцию аэрокосмического слежения.

— Ну, это, конечно, круто. Да, в эксплуатацию ты ввел различных объектов гораздо больше меня. Тут у тебя опыт обширнее моего. Потому я и сорвал тебя с Калининской, чтобы ты помог мне на этом блоке. Надежных людей с «боевой» практикой сейчас не хватает. К тому же не за горами пуск первого блока и у вас, в Удомле, получишь опыт. А у меня, что? Да почти ничего, всего-то шестой энергоблок, — и уже более серьезно Виктор Петрович продолжил. — Ты мне поверь — этот самый трудный. При норме пять лет строится уже двенадцатый год. Из них девять лет считается Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, а толку мало. Нынешний год особенно тягучий. Начальники гонят нас к праздникам приурочивать трудовые победы. Но не получается. Нельзя выносить здорового ребенка

больной матери, да ещё досрочно. Борьба за сроки к праздникам обходится или низким качеством, или всё равно невыполнением в срок. А что потом знаешь?

– Все знают. Это известная наша премудрость: сначала ищут виновных, потом наказывают невиновных, а погода награждают непричастных.

– Вот-вот...

Прошли две тяжелые недели. Спали всего по четыре-пять часов. Гонка по списку замечаний – что мешает, что тормозит, кто нужен... Уже включили в сеть турбогенератор, как говорят энергетики, толкнули в сеть, а подписей в акте приемки нет.

Утром 21-го декабря, накануне Дня энергетика, госкомиссия собралась в полном составе в большом помещении, предназначенном для её работы. Начали в который раз уговаривать членов комиссии. Никто не подписал. Ну, хотя бы одна подпись! Ни одной! Объект-то, действительно, был сырой. Все знали, что многое ещё не доделано, и потому боялись вляпаться. После обеда поняли – всё, объект не сдан. Плюнули, растерли, выкинули из головы. Сдадим к Новому году. Точка. Надо хоть день отдохнуть. Всё-таки завтра наш праздник. Пора готовиться.

Стали обсуждать план действий по вводу объекта к Новому году. В зал госкомиссии тихо зашла секретарша директора станции и что-то шепнула ему на ухо. Он сказал, что его срочно вызывают к телефону, и попросил сделать перерыв. Все встали с мест. Уже началось ощущаться предпраздничное настроение. Разбились на группы, беседуем.

Виктор Петрович, я и начальник Управления строительства Константин Кузьмич Рева тоже стоим, разговариваем. Рева накануне пригласил нас и ещё некоторых членов комиссии к себе домой на пельмени – День энергетика отмечать. Никто из членов комиссии с объекта самовольно в те времена не имел права уехать. Все должны были оставаться на местах. Рева и предложил к нему пойти, чтобы в гостинице мы не тосковали в одиночку.

Константин Кузьмич был очень колоритный человек. Грамотный, решительный руководитель. В свои 65 лет, которые отмечали в том же году, выглядел крепким, мощным, энергич-

ным. Двухметрового роста, статен. Взгляд цепкий, чуть смешливый. Ладони огромные, как лопаты, особенно когда лежат перед тобой на столе. Рева был в своё время известным в стране волейболистом. Заслуженный мастер спорта, двукратный чемпион мира, двукратный чемпион Европы, восьмикратный чемпион СССР. Ушел из спорта в 47 лет и успел стать крупным руководителем в строительстве. Замечательная судьба! А ещё Константин Кузьмич слыл знатным любителем пельменей, хлебосолом и славился гостеприимством своей семьи.

Ну, вот стоим, обсуждаем, мол, в котором часу прийти, во сколько, что с собой принести. Конечно, Рева говорил, что ничего не надо, всё есть, только вас ждем.

Директор возвратился. Встал в дверях и нервно говорит:

– Товарищи члены комиссии!.. Прошу внимания!..

Обернулись к нему, думаем, сейчас с праздником поздравит, может, что-то предложит... Но не тут-то было.

– Было два звонка... Звонили из ЦК и министр... – и директор опять замолчал, переводя дыхание.

Из ЦК, то есть Центрального комитета компартии, могли звонить из отдела энергетики. Понятно, интересуются, как у нас дела идут, ну и с праздником, конечно, поздравляют. А может, и от Долгих звонили или даже он сам. В энергетике его все знали. Этот секретарь ЦК курировал энергетику, недавно стал кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Его очень уважали. Всё-таки до этого был директором Норильского комбината.

А министром энергетики и электрификации в те времена был Петр Степанович Непорожний, уникальная личность, уже за семьдесят, четверть века министр, по специальности не энергетик, но непотопляем, пережил пять генсеков – Сталина, Хрущева, Брежнева, Андропова и Черненко.

В общем, директор обратился к нам, все затихли. Наивные! Думали, что высокопоставленные товарищи из Москвы с праздником нас поздравили. Директор после затянувшейся паузы, набрав воздуха, продолжил:

– Разговор был короткий. Ни о чем не спрашивали. Министр приказал, чтобы подписанный акт приёмки блока завтра был у него на столе в восемь утра. В десять он делает доклад в

честь Дня энергетиков на ВДНХ в Павильоне энергетики. В докладе целая страница посвящена пуску первого блока Смоленской АЭС. Доклад согласован с ЦК. Об успешной сдаче в эксплуатацию Смоленской АЭС уже доложено Андропову(!).

Все замерли от неожиданности. В акте ни одной подписи, а Андропову уже доложили, что блок пущен! Как же это так?

Директор помолчал, затем обратился к Овчарову:

– А тебе, Виктор Петрович, министр велел привезти один экземпляр подписанного всеми акта госкомиссии к нему прямо в кабинет, не позже восьми утра завтра. В десять у него доклад.

Директор подошел к огромному столу:

– Где тут у вас акты?

– Да вон, – сказал Овчаров, – гни одной подписи.

Директор подвинул к себе один акт и первым поставил свою подпись. Я такого никогда не видел, чтобы лицо, принимающее объект в эксплуатацию, первым поставило свою подпись! Раньше подписей не только своих служб, но и всяких контролирующих организаций! Поставив свою подпись директор встал и, не глядя ни на кого, быстро вышел.

Наступила мертвая тишина.

И молча, молча! один за другим, как будто стали в очередь, все потянулись к акту. Подписывали и тихо выходили из зала. Все подписали. Впопыхах многие даже забыли указать, что подписывают с замечаниями. Только час тому назад они боялись ответственности за свою подпись. Но страх перед системой сильнее! На людей было страшно смотреть. Такое надругательство легко могли перенести только очерстевшие чиновники, но не производственники и представители надзорных организаций. Они ведь понимали, что отвечать в случае чего всё равно придется только им. Но и ослушаться нельзя. Такое было время.

Никто к Константину Кузьмичу на пельмени не пошел. Он просто позвонил и сказал жене коротко и сурово: «Пельмени отменяются! Меня не жди. Приду поздно». Мы втроем пошли в гостиницу. По пути купили водки и хорошо напились с досады. Я уже не помню когда Рева посадил нас с Виктором Петровичем в машину. Лучше сказать почти уложил, и приказал водителю: «Гоша! К семи утра привези их в министерство. Смотри не поз-

же. Гони!». Мы всю дорогу проспали. Водитель ехал ходко – в Москве были около шести утра. Поехали сразу в министерство. Виктор Петрович поднялся в приемную министра и отдал акт дежурному секретарю. Тот позвонил помощнику министра, который разрешил нам быть свободными.

Поехали к Овчарову домой, на Перловку. Это в Мытищах. Позавтракали и напились. Так, почти не приходя в сознание, с помощью Гоши вечером поехали назад на Смоленскую.

Человеком выходить из таких ситуаций частенько удавалось только с помощью водки. Возможно, именно поэтому самодушники и гордые руководители нередко спивались, не выдерживая надругательств над своей личностью. А если не спивались, то обширный инфаркт был концом их деятельности или жизни. Знаю случаи, когда вешались и стрелялись...

Впоследствии на акте госкомиссии поставили дату – 25-е декабря. Так и стала эта цифра датой подписания государственной комиссией акта о приемке первого энергоблока Смоленской АЭС в эксплуатацию. А введена она была в число действующих приказом Непорожного лишь 10 января следующего года, хотя ещё долго возились на станции с первым турбогенератором. Так эта АЭС надолго оставила о себе память тяжелой станции.

Через несколько дней после того бесцеремонного звонка директор добровольно ушел на другую работу. А ровно через год, также в декабре и тоже аврально, спеша к Дню энергетика, пускали четвертый блок Чернобыльской АЭС.

– Вот такие пельмени, Николай! Так решались в те времена вопросы. Сталин сказал: «Люди – это винтики в машине социализма». Вот машина и сломалась, потому что винтики перестали хотеть быть винтиками. Они хотели быть людьми.

СМОЛЕНКА

– Потрясающе! – воскликнул Сергей Гороховец. – А знаете, наша станция и после пуска второго блока оставалась тяжелой. Шла туго, нормативные сроки нарушались. Кстати, Чернобыльская трагедия могла случиться и у нас, на Смоленке. Блоки на ней такие же, как и в Чернобыле. Слава Богу, сия участь нас миновала.

- За четыре года до того точно такая авария уже была.
 - Где? – спросил опешивший Сергей.
 - На Ленинградке. Точь в точь, как на Чернобыльской.
- Просто тогда удалось усмирить реактор.
- Почему же в Чернобыле не удалось?
 - Акт государственной комиссии по расследованию аварии на Ленинградке засекретили. Мне Легасов рассказывал в последнюю нашу встречу. Он тогда уже ничего не боялся. Всё говорил, как есть. Только через год после аварии на Чернобыльской АЭС он узнал, что была такая же авария на Ленинградской. Акт госкомиссии засекречен, потому никто не знал о нем. Год Легасов добивался, чтобы документ рассекретили! А в акте оказались предложения(!) по устранению выявленных недостатков в конструкции реактора и системе управления, реализация которых могла предотвратить чернобыльскую катастрофу.
 - Фу-у! – выдохнул Федор Павлович. – Как же это можно так? Сколько людей пострадало!
 - Это же преступление! – воскликнул Семен Моисеевич.
 - Господи! И из-за какой-то бумажки вся жизнь нашей семьи пошла наперекосяк! – ошеломленная этой новостью Татьяна качала головой, глаза её заблестели.
 - И моих теперь никого нет, – сокрушенно сказал Валера. – Боже ж ты мой, сколько людей загубила эта бумажка!
 - Да – это преступление, – сказал я. – И за него, к сожалению, никто не ответил.
 - Но суд ведь был? – спросил Илья Кузьмич. – Я помню.
 - Был. Да как всегда посадили невиновных. Разве что кроме директора станции, главного инженера и его заместителя. Их надо было судить. Но не за аварию, а за то, что директор как начальник гражданской обороны бездействовал, не объявил радиационную опасность, не оповестил население и не организовал немедленную его защиту и эвакуацию, а главный инженер и его заместитель нарушили инструкции и правила, что и привело к неконтролируемому набору мощности и взрыву.
 - А вот наш директор, находясь за четыреста километров от Чернобыля, всё сделал, как надо. И даже больше того.
 - А чего ты хотел? Это же Поздышев! – сказал я.

– А кто это такой? – спросил Валера.
– О, это легендарная личность! – воскликнул Сергей.
– Эрик Николаевич Поздышев стал первым директором Чернобыльской АЭС после аварии. – сказал я. – А до этого он был директором Смоленской АЭС. Правда недолго.

– Наверное, не каждому могли тогда доверить такой пост? – спросил Эдуард Евстигнеевич.

– Именно не каждому! – горячо воскликнул Сергей. – Хотите я расскажу про него. Это удивительный человек.

Я знал Эрика Николаевича и мне тоже хотелось рассказать о встречах с ним, но блестящие глаза Сергея явно говорили о том, что он знает что-то особенное и любит об этом говорить. Так обыкновенно ведут себя благодарные ученики, когда речь заходит об их любимых учителях. И я промолчал. А Сергей, захлебываясь от представившейся возможности поделиться воспоминаниями о своем кумире, начал рассказывать:

– За два года до Чернобыля Эрику Николаевичу пришлось попотеть, чтобы пустить в эксплуатацию первый блок Калининской АЭС. Сейчас это Тверская область. Тогда он работал заместителем начальника производственного отдела объединения «Союзатомэнерго». Должность не очень большая. Все знали, что по должности он недооценен. Работяга, не карьерист. Авторитет профессионала у Поздышева был бесспорный. Не случайно, на пуск первого калининского блока министр энергетики направил его своим личным уполномоченным.

И всё-таки я решил дополнить Сергея:

– Сергей, извини. Хотел бы для всех добавить небольшую информацию о пусках блоков на трех АЭС: один на Калининской, два на Смоленской, три на Чернобыльской. Калининская, ты прав, тоже была трудной станцией, но Смоленская всё же оказалась потяжелее. Пуск первого калининского блока состоялся через десять лет при нормативе пять; пуск первого смоленского блока – через одиннадцать лет. А вот пуск первого чернобыльского блока произошел, хотя и не по нормативу, но всё-таки через семь лет. Второй блок на Смоленской был пущен через четыре года после первого, тогда как на Чернобыльской за такие же четыре года ввели ещё три, и собирались через год пу-

стить пятый и ещё через год – шестой. Вот темпы! А ведь все станции проектировались одновременно, решение о строительстве этих станций принималось в районе 1966-го года, и строить их начали тоже почти одновременно: Чернобыльскую в 70-м, Смоленскую на следующий год, Калининскую – в 1972-м. Сергей, а почему такая разница? – спросил я.

– Да просто там лучше дело было поставлено.

– Нет. Другая причина. Дело в том, что Чернобыльскую АЭС курировал лично первый секретарь Компартии Украины, брежневский земляк и закадычный его дружок Владимир Васильевич Щербицкий. Приходилось мне с ним встречаться, когда бывал на Чернобыльской станции и до аварии, и после. Мощный мужик, напористый, волевой, не любил, чтобы ему перечили. Стремился Украину сделать энергетическим феноменом: каскад из пяти гидроэлектростанций на Днестре, четыре атомные станции и крупнейшая в Европе тепловая электростанция на его родной днепропетровщине. Кстати, и министр энергетики Петр Степанович Непорожний был родом недалеко от Чернобыля. Из-под Яготина в той же Киевской области. К этому надо добавить, что и главный атомщик страны академик Александров тоже был киевлянином и окончил Киевский университет. С таким триумvirатом можно было и более грандиозных темпов достигать. А вот то, что дело было лучше поставлено, чем на других атомных станциях, не факт. Такая гонка приводила к штурмовщине, очковтирательству, что сказывалось на качестве. Извини, Сергей, продолжай.

– Эрику Николаевичу после пуска второго блока на Смоленской АЭС часто доводилось приезжать сюда уже в качестве зам. начальника Объединения для устранения различных проблем. Он так сроднился со станцией, что сам попросился работать на ней директором. Получил заботу. Второй блок ввели в эксплуатацию почти за год до того, пускали к празднику – Дню Коммунистического субботника. После этого станция долго работала с перебоями, повторяя неприятный опыт первого блока.

– Такая у нас система, Сергей, – сказал Портнов, – к разным датам рапортовать о великих победах! А потом тихой сапой

доводим, а кое-что и забываем или по временной схеме оставляем. Говорят же – нет ничего постоянного, чем временное.

– Вот в это дело и вязался Эрик Николаевич. Это только присказка. Сейчас я перескажу вам легенду. Придумал её не я, поэтому мой сказ называется «Легенда о настоящем директоре».

– Ишь ты как закрутил! – сказал Портнов.

Не обращая внимания на возглас Портнова, Сергей заговорил вдруг как-то по-особенному, восторженно, динамично, в лицах. Его рассказ действительно был похож на легенду.

Я слушал Сергея и всё больше проникался уважением к герою этой красивой легенды. Может быть и не так всё было. Но ведь этот человек не просто существовал в рассказе Сергея. Он действительно уехал из Москвы и возглавил Смоленскую АЭС, а потом стал первым директором после аварии на Чернобыльской станции. Надо было что-то иметь за душой такого, что не имел никто другой. Значит это было. Может быть, как раз то, о чем рассказал Сергей. Тем более разговоры об исключительном поведении в первые послеаварийные дни Поздышева я слышал ещё, когда только приехал в Чернобыль. Кое-что об этом говорили Овчаров, Игнатенко, Черногородский, Легасов. Я и сам удивлялся, почему назначили его. Может, эта легенда и есть ответ на этот вопрос?

Когда Сергей закончил свой рассказ, я спросил у него:

– Откуда ты всё это знаешь?

– Эту историю мне рассказал Кирюша, мой большой друг, Кирилл Александрович Поляков. Он давно знал Поздышева и боготворил его. Говорил, что ему до всего было дело. Бывая на станциях, Поздышев всегда выделял из людской массы надежных, грамотных специалистов и давал им путевку в жизнь. Когда случился Чернобыль, он их попросил помочь. Никто не отказал.

А это и есть высшая оценка благодарных учеников.

– Действия Эрика Николаевича, – продолжал Сергей, – в первый день чернобыльской аварии и потом в Чернобыле, потрясли Кирилла. Вообще Кирюша был отличным рассказчиком. Выступал со своими устными рассказами в школах, в молодежных организациях, на предприятиях. Особенно часто он расска-

зывал о Поздышеве, постепенно этот рассказ в его устах превратился в подобие легенды. Кирилл тоже работал в Чернобыле. Незадолго до смерти он попросил меня выучить эту легенду. С его легкой руки я много раз рассказывал эту удивительную историю. Кирюша называл её «Легендой о настоящем директоре».

Однажды новый мой сменщик сказал мне: «А вы знаете, что наша станция могла бы стать Чернобылем?» – «А кто же этого не знает!» – «А вы знаете, почему этого не случилось?» Я-то знал, но интересно, что было ему известно об этом, поэтому спросил: «Ну, почему?» – «Это наш директор не позволил случиться аварии». – «А кто директор?» – «Фамилию не помню, а имя немецкое какое-то. Наверное, немец. Разве русский мог бы доказать, находясь за тысячу километров, что случилось в Чернобыле?!». И дальше рассказывает сменщик эту самую «Легенду о настоящем директоре».

Я задумался: «Надо же. Если рассказ пошел гулять из уст в уста, да коль при этом кое-что в нем гиперболизируется, например, расстояние до Чернобыльской АЭС пересказчики постепенно увеличили до двух с половиной раз, – значит это действительно легенда. И живет она уже сама по себе и ни от кого не зависит».

Рассказ Сергея очаровал меня. Может не всё было так, как он повествовал, но ведь это легенда. Наверняка, постепенно что-то добавлялось в неё и может кое-что окрасилось в другие цвета. А что-то вообще было не так. Да дело не в этом. В каждой легенде есть главное – это то, что действительно было. Это и отличает легенду от сказки, мифа или фантазии.

Я спросил Сергея:

- А почему ты не опубликуешь эту историю?
- Не я её автор. И не писатель.
- Красивая легенда. Знаешь что, давай запишем её. Ты будешь говорить, а я записывать.
- А вы что писатель?
- Нет. Но некоторое подобие дневника веду. Пусть легенда останется у меня на память об этом действительно прекрасном человеке. Я ведь его тоже хорошо знал и уважал. Ну что, согласен?

– Хорошо, – согласился Сергей.

Весь следующий вечер мы с ним записывали эту историю.

Разумеется, как все переписчики, я тоже, наверно, внес свою лепту в интерпретацию этой удивительной легенды. Возможно, Эрик Николаевич не со всем был бы согласен. Но именно в таком виде она появилась в моем дневнике.

ЛЕГЕНДА О НАСТОЯЩЕМ ДИРЕКТОРЕ (Записано со слов Сергея Гороховца)³⁶

«Утро. Начало шестого. Светало. Огромные кучевые облака, словно белые шапки, быстро плыли над городом. Директор атомной электростанции Эрик Николаевич Поздышев открыл глаза и посмотрел на светящиеся в темноте зеленые цифры электронных часов. «Почему-то не спится, – подумал он. – Сегодня суббота, можно бы и поваляться подольше. Но что-то не спится». Осторожно, чтобы не разбудить жену, встал с постели. Подошел к окну. «Ветер юго-западный, – отметил Эрик Николаевич, посмотрел на сосны, своими ветвями почти заглядывающие в окна домов, на небо, облака. Внизу ветер небольшой, метров пять в секунду. А наверху наверное 20, может больше. Это... приблизительно 70-80 километров в час. Такой ветер может принести дождь. Юго-западные ветры часто приносят осадки. Скорее это будет завтра. А сегодня я отдыхаю, а то уже полтора месяца без выходных и каждый день на работе допоздна. Шутка ли взвалил на себя такую трудную станцию. Ну ничего, уже разобрался, порядок вроде бы навел. Главное позади. Станция работает ритмично, сбоев нет. Можно и отдохнуть, немного расслабиться, а то в Десногорске ещё ни одного выходного не провел с семьёй...»

Его мысли перебил резкий звонок служебного телефона. «Так рано? – подумал Поздышев. – Обычно дежурный докладывает в семь. Что-то произошло. А я мечтал сегодня отдохнуть».

С этим звонком Поздышев лишился и выходных, и отпусков на два года. Снял трубку, ответил:

– Слушаю, Поздышев.

³⁶ Эта приписка сделана Русенко красным карандашом, очевидно, позже.

– Звонит дежурный по станции. Эрик Николаевич, дозиметристы докладывают повышение радиационного фона почти в полтора раза на территории станции.

– В какой точке?

– По всей территории.

– Выброс? Откуда? С какого блока?

– С блочных щитов докладывают всё нормально. Смены ничего не обнаруживают. Машину за главным инженером уже послали. За вами высылать?

– Немедленно.

Поздышев чуть задумался: «Да, в полтора раза – это критично», и приказал дежурному:

– Так, объявляю аварийную ситуацию. Сбор всех по списку номер один. Поднять всю дозиметрию, службы радиационной и ядерной безопасности. Передайте дозиметристам: двигаться по векторам повышения радиации, определить источник, выходить на связь каждые десять минут. Остальное на станции. По ситуации.

– Эрик, ты позавтракай, – засуетилась жена, понявшая с полуслова, на станции что-то не так, а значит в который раз вместе отдохнуть не удастся.

– Нет времени. Поем на станции. Надеюсь, обойдется.

– Эрик, ты только не волнуйся, постарайся быть спокойней. Береги себя – ты не один.

– Конечно не один – целая станция, жители города.

Скоро Поздышев взвалит на себя более тяжелую ношу.

В приемной уже ждали главный инженер, его заместители, начальники отделов радиационной и ядерной безопасности.

– Что с фоном? Где источники? – спросил Поздышев.

– Ищем по территории. Пока оценка такая – фон увеличен в полтора раза на всей территории станции равномерно, – доложил начальник ОРБ – отдела радиационной безопасности.

– Это я знаю. Где источники?

– Пока не определяются.

– Облазьте всю станцию! Если причина на станции, фон не должен быть равномерным. Проверьте хранилище радиоактивных отходов. Доклад каждые десять минут. Пошлите группу

на двух спецмашинах, пусть объедут станцию и водохранилище с двух сторон. Действуйте.

Все вышли. Оставшись один в кабинете, Поздышев подошел к огромной карте станции и прилегающих территорий. «Что за чертовщина? – размышлял директор. – Такого еще не было. Надо докладывать в Москву о ЧП. Хотя... Спросят причину, а говорить-то нечего. Нехорошо. Ладно, в Москве еще все спят, надо немного подождать, лучше разобраться».

Зазвонил телефон. Эрик Николаевич бросился к нему:

– Да, слушаю.

В трубке зазвучал растерянный голос начальника ОРБ:

– Эрик Николаевич, фон увеличивается в юго-западном направлении. Источник, наверно, за пределами станции. Но ведь хранилище отходов в другой стороне...

– Пусть продолжают продвигаться в сторону источника. Хранилище всё равно проверьте. Машина с рацией?

– Да.

– Дайте им мою волну. Пусть докладывают мне напрямую. А ты ко мне с детальной картой района и области.

Минут через пять включилась рация:

– Первый, первый! Докладывает десятый. Как слышите?

– Слышу хорошо. Будем считать связь установленной.

Где вы находитесь?

– Проехали деревню Екимовичи.

– Какой уровень?

– Сорок микрорентген. Как поняли?

– Сорок микрорентген. Доклад каждые десять минут.

Связь со второй машиной есть?

– Да, установили.

– Где они?

– Едут в сторону Замошье, у них фон не увеличивается.

– Идите в сторону источника. Второй машине прикажите двигаться в вашу сторону, но сначала пусть проверят хранилище отходов. Старайтесь держаться параллельными курсами. Идти на максимальной скорости, останавливаться каждые три километра для замеров. Как поняли?

– Идти в сторону источника, параллельными курсами на максимальной скорости, проверить хранилище, замеры каждые три километра.

– Отбой.

– Есть отбой.

В кабинет влетел начальник ОРБ с картами района и области. Следом за ним вошли главный инженер, все заместители директора и главного инженера, начальник отдела ядерной безопасности, председатель парткома, профкома и другие.

– На станции всё проверили... – начал было докладывать главный инженер, но директор перебил, сообщил новости:

– Они проехали Екимовичи. Фон 40 микрорентген, – и обращаясь к начальнику ОРБ, сказал. – Отметьте на карте.

Через десять минут дозиметристы сообщили, что проехали деревню Коски. Фон увеличился. Через полчаса точки на карте оказались за пределами района. Еще через полчаса точки нанесли на карте недалеко от границы области у деревни Ершичи. Фон продолжал увеличиваться. Все облегченно вздохнули.

– Слава Богу, источник скорее всего за пределами области, – облегченно сказал начальник ОРБ.

– Так-так-так! – забарабанил пальцами Эрик Николаевич по столу. – Где у нас карта Европейской части страны? Быстро сюда! Машинам передайте доехать до границы области и отбой. Пусть сделают более глубокие пробы воздуха и сообщат, какое у них направление ветра. Да и силу ветра на высоте пусть прикинут.

– Зачем это, Эрик Николаевич? – спросил председатель профкома. – Теперь и так всё ясно – это не у нас. Мы чистые.

– Мы грязные! У нас даже на станции фон в полтора раза больше нормы. – резко сказал директор. – Это грязь! Надо начинать мыть станцию и окружающую территорию. Пора и в Москву докладывать.

Эрик Николаевич нажал кнопку селекторной связи:

– Дежурный по станции слушает.

– Так. Пишите приказ. Первое: цеху дезактивации приступить к очистке территории станции от радиоактивного заражения. Организацию дезактивационных работ возложить на

главного инженера. Второе: начальнику штаба гражданской обороны доложить о радиационном заражении части территории области начальникам штабов гражданской обороны города, района и области. С приказом ознакомить моих заместителей, начальников цехов, отделов и служб под роспись, по громкой связи оповестить весь дежурный персонал. Контроль за исполнением приказа оставляю за собой.

Включилась рация:

- Первый, первый! Ответьте десятому.
- Первый слушает.
- Находимся у деревни Разрытое. Дальше конец области.

Передаю замеры: гамма-фон – 60 микрорентген. Фиксируются бета-частицы. Ветер юго-западный. Скорость ветра на уровне облачности 35-40 метров в секунду. Как поняли? Прием.

– Есть прием. Всё понял: фон – 60, есть бета, ветер юго-западный, скорость – 35-40. Сделайте заборы воздуха и грунта, передайте их для более точного исследования. Возвращайтесь. По прибытии на станцию, ко мне в кабинет с отчетом.

– Есть прибыть с отчетом к первому.

– Отбой. Ну что, отметили точки на карте?

– Да перенес. Приблизительно. Не все населенные пункты указаны – масштаб карты большой.

– Неважно. Берите линейку. Соедините точки от станции до последней точки. Посмотрим в каком они направлении идут. Так-так. Ого! Так. Линия должна пройти где-то между Гомелем и Черниговым. Продолжи-ка эту линию. Что там дальше?

– Киевская область...

– А Припять или Чернобыль где тут?

– Недалеко от линии.... Практически на линии.

– Там же Чернобыльская АЭС!

– Вот-вот! Сколько километров до нас по прямой?

– Сейчас... Приблизительно 380 километров.

– Так-так-так, – Эрик Николаевич поднял трубку телефона и сказал. – Соедините с Чернобыльской АЭС. Срочно!

– Чернобыльская слушает.

– Соедините с Брюхановым.

– А кто говорит?

– Поздышев, директор Смоленской АЭС. С кем говорю?
– Дежурный по станции. Директор, главный, все на четвертом блоке. Поэтому соединили со мной.

– Что у вас на станции?

Эрик Николаевич переключил аппарат на громкую связь, чтобы присутствующие могли слышать разговор.

– Пожар на четвертом блоке.

– Что горит, почему?

– Да что-то взорвалось. Возможно парообразователь.

– Разрушения есть?

– Есть. Мне передали, что якобы снесло часть крыши и восточную стену аппаратного отделения.

– Когда произошло?

– В начале второго ночи, но пока не потушили.

– Есть облученные?

– Точно не знаю сколько людей, но облученные постоянно поступают в медсанчасть в Припяти. Двумя автобусами некоторых уже повезли в Киев.

– Вы поняли, что у вас произошло?

– Да. Пожар и некоторый радиационный выброс.

– У вас не пожар! У вас взрыв реактора с раскрытием активной зоны и выбросом части ядерного топлива наружу! Уже до нас долетели ваши частицы!

– Не может быть! У нас просто пожар. Но сильный.

– Объявили радиационную опасность?

– Не знаю. Через меня не проходило.

– Срочно передайте Брюханову, что я только что вам сказал. У вас раскрытие активной зоны! Это ядерная авария! Надо объявлять радиационную опасность, поднимать население города и немедленно вывозить! Срочно передайте ему! Пусть позвонит мне. Это архи важно! Как поняли?

– Я вас понял. Этого не может быть.

Лицо Поздышева перекошилось в гнев, от спокойного уравновешенного директора не осталось и следа:

– Слушай, ты, недоносок! Кончай зудеть! Мудозвон! Брось всё, срочно найди Брюханова и передай ему, что я тебе сказал. Я проверю. – и переведя дух, уже более спокойно доба-

вил. – Слушай, сынок, это срочно! Ваш директор не ядерщик, он тепловик, может быть, ещё не понял, что у вас произошло. Сынок, это беда! Понял? – и совсем обмякшим голосом добавил. – Действуй, сынок, действуй, дорогой!

– Понял, понял. Действую, товарищ директор.

Этот дежурный первый на Чернобыльской станции признал в Поздышеве настоящего директора – решительного, резкого, когда надо. Умного и честного.

Начальник ОРБ стоял как парализованный:

– Как вы догадались, Эрик Николаевич?

– Не знаю. Может быть, интуиция.

Директор подошел к окну, вспомнил, как утром вот так же стоял у окна в своей квартире, подумал о чем-то и произнес:

– Скорость ветра наверху порядка 110-140 километров в час. Три – три с половиной часа достаточно, чтобы донести до нас радиацию. Рано утром смотрел на небо, на облака. Ветер был юго-западный. Думал, облака принесут дождь, а они принесли *«большую беду»*, о которой, вы же знаете, мы, бывало, между собой поговаривали. Вот и свершилось, черт побери!..

Было уже около семи утра. Поздышев позвонил в Объединение «Союзатомэнерго», сказал, что на Чернобыльской взорвался реактор с раскрытием активной зоны, это очень опасно. Ему ответили, не паникуй, всего лишь пожар, наверно, парообразователь взорвался, да, есть разрушения, но все равно – это пожар, а не выход топлива из реактора, не такие, мол, пожары бывали. Поздышев доказывал, ему не верили. Он убеждал, что если не принять немедленные меры по борьбе с радиационной опасностью, можно многое упустить. Всё равно не поверили.

Что делать? Эрик Николаевич с этим не мог смириться. И он сделал то, что в те суровые времена не сделал бы ни один директор. Он позвонил домой заведующему отделом энергетики Центрального комитета КПСС Марьину и дежурному в приемную Долгих. Поздышев понимал, что ему могут этого не простить. Выходить наверх через головы своих начальников рассматривалось как серьезное нарушение, было опасно, можно лишиться не то что должности, но и работы. А тут звонить в ЦК! Но Эрик Николаевич решил, пусть будет, что будет. Он по-

чему-то сразу подумал о возможных неадекватных действиях Брюханова – не атомщик ведь. А тут ещё начинались выходные дни, многие, кто был необходим, могли оказаться в разъездах. Как говорится, пан или пропал. Он всё рассказал по порядку, как возникла догадка, что ему ответили на Чернобыльской и в Объединении, передал свои расчеты и остался ждать...

Около десяти часов утра ему позвонили из ЦК, поблагодарили за инициативу и сообщили, что образована правительственная комиссия во главе с заместителем Председателя Совета Министров СССР Щербиной Борисом Евдокимовичем, которая не позже 14-00 должна вылететь в Киев. В комиссию включены ведущие ядерщики страны – они на месте разберутся. Эрик Николаевич облегченно вздохнул, почувствовав удовлетворение. Но тревога не покидала его. Как там в Чернобыле?

Через полтора месяца ему предложили стать директором аварийной Чернобыльской АЭС. По сути, возглавить организацию устранения последствий аварии на станции, в городе Припяти и прилегающих территориях. Эрик Николаевич не отказался, потому что никогда в своей жизни не убегал от трудностей.

Он стал первым человеком в стране, кто понял что в действительности произошло на Чернобыльской АЭС, находясь от неё за четыре сотни километров.

Он стал первым руководителем-начальником гражданской обороны, кто объявил радиационную опасность и начал осуществление дезактивационных работ, не дожидаясь команды сверху.

Он стал первым после аварии директором ЧАЭС в самые тяжелые и ответственные два года. И как всегда, справился».

Глава 11. ПРОЩАНИЕ

28.09.2005 г.

Сегодня на обед опять давали борщ. И снова в меню написали – украинский. Посмешище, а не борщ! Ни по вкусу, ни по цвету. Прямо-таки издевательство какое-то! Не стал его есть. Вот Елена Сергеевна делала борщ в далеком Чернобыле! Так

это борщ! Где она? Что с ней. Уже никогда не узнать. Ладно, чего уж жалеть, что прошло, то прошло.

После обеда я вышел на галерею. День был солнечный, яркий, как будто праздник наступил. Внизу парк превратился в сплошной золотистый ковер. Захотелось побродить по тихим дорожкам осеннего парка. Скоро выписываюсь...

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОГУЛКА

На улице тихо, ветра нет. На деревьях еле-еле колыхнутся редкие, ещё не опавшие листья. По-детски, при каждом шаге я подкидывал ногами лежащие на земле листья, вслушивался в их шуршание. Мне показалось, что я машинально выискиваю большие красные листья. Такие же, какие любила Маша. Я вспомнил её ещё юное лицо, заколотые в волосах осенние листья. Следом передо мной снова всплыло лицо Елены Сергеевны. Этот парк заколдован! Вот опять вспомнил о них.

Я рассказал ребятам из нашего штаба о встрече с Еленой Сергеевной и о её приглашении на обед готоведавать настоящий украинский борщ. Долго уговаривать их не пришлось. Все были этому очень рады. Какое-никакое разнообразие в нашей беспроектной чернобыльской жизни. Обычно мы обедали в столовой на самой станции. Это рядом с работой. В этот раз поехали в сам Чернобыль в Какраван-сарай.

МАША

Когда я в который раз рассказывал ребятам о встрече с Леной, о приглашении и, конечно, о настоящем украинском борще, который мне уже довелось попробовать, мой рассказ очень внимательно слушала наша Маша. Невысокого роста юная женщина, с приколотыми к косынке красно-желтыми листьями. Мы так её и называли одним словом Нашамаша. Она у нас выполняла любую работу. Но больше всего ей нравилось куда-либо ездить с любым поручением. Куда угодно, лишь бы чаще бывать в различных местах зоны, в разных организациях. И искать... Искать своего Володеньку. Она была уверена, что обязательно найдет его.

Маша была одна на всем белом свете. Мне было жалко эту юную девушку ещё не попробовавшую жизнь, а уже много пережившую. Вообще, женщинам моложе 35-40 лет было запрещено находиться в зоне. Я должен был обязательно вывести её за пределы черновыльскаго очага. Предложил ей отправиться на Калининскую АЭС. Созвонился с директором, он дал добро, работа есть, место в общежитии тоже, если выйдет замуж, сразу дадут квартиру как пострадавшей. Она была согласна, но только тогда, когда найдет Володю, живого или мертвого... И ничего поделать с ней было невозможно.

Когда произошла авария, у Маши внутри уже почти восемь месяцев рос маленький человечек. Они с Володей с нетерпением ждали появления на свет своего первенца. Но всё вышло не так. В ту смену, когда произошла авария, Володя работал на втором блоке. Маша не могла связаться с ним. Только передали, что он жив, был на четвертом блоке, облучился и его увезли вместе с другими облученными в какую-то клинику в Киев. Маша бегала в медсанчасть, чтобы узнать, куда его отправили. Многие близкие сразу же поехали в Киев. Соседи, обращая внимание Маши на то, что она в положении, убеждали её не ехать к Володе, но поздно вечером она всё же решила пойти на утренний рейсовый автобус.

Однако, следующий день круто развернул её судьбу в совершенно непредсказуемом и, как оказалось, роковом направлении. Все рейсовые автобусы были отменены. Ближе к обеду по всему городу стали скапливаться автобусы различных моделей. Сотни автобусов со всей Киевской и соседних областей. Постепенно их стали подгонять к подъездам. Не давая времени на сборы, солдаты и милиционеры, спускаясь с верхних этажей, выгоняли жильцов из каждой квартиры и заставляли их садиться в автобусы. Маша просила, умоляла, кричала, что ей надо в Киев. Но ей и ещё несколькими таким же, как она, женщинам грубо отвечали, что рейсовых автобусов не будет, что в Киев никого не пускают, что если они не подчинятся, их силой посадят в автобус. А ещё говорили, мол, не надо волноваться, всё скоро пройдет, вывозят их всего на три дня, потом привезут об-

ратно. Тогда они смогут ехать, куда захотят. За один день вывезли около 50-ти тысяч припятчан.

Повезли сначала на юг, на Иванков. Потом колонна разделилась. Их автобус направили в район Коростеня, что в Житомирской области. Проехали Малин. У Маши начались схватки. Какая-то пожилая женщина сказала, что надо вернуться в Малин, пока не поздно. Но уставшие люди, обозленные, измученные, кто с детьми, кто со старыми родителями, не вняли. Кричали, что у Маши мал живот, что это не схватки, просто переволновалась, что надо потерпеть, скоро вечер, а неизвестно, где будет ночлег...

Только ночью Маша попала в больницу. С трудом врачи спасли ей жизнь. Родившийся мальчик через несколько дней умер. Ещё долго в шоковом состоянии Маша пробыла в больнице, живя как во сне, как в тумане. Прошло много дней. Когда Маша оправилась, никак не могла понять, что делать, куда идти, зачем жить. Что скажет Володя, почему не уберегла сына? Она лелеяла надежду, что единственный на земле близкий человек поймет её и простит. Ей придавала силы вера в то, что Володенька, дорогой и любимый Володенька, жив, обязательно жив. И у них ещё будут дети.

Маше посоветовали обратиться в местный собес, где ей дали на проживание 40 рублей, сообщили, что город Припять закрыт и, наверно, навсегда, что в Киеве работает комиссия по поиску тех, кто работал на станции. И ещё Маше сказали, что могут дать денег на дорогу, куда она выберет. А куда? У неё нигде никого не было.

Маша взяла деньги на дорогу, добралась до Киева, пришла в Минэнерго, где собирались сведения о вывезенных из Припяти, сразу сделать не догадались. Но была разочарована и расстроена. Сведений о Володе не было. Одно успокаивало, что среди погибших он не значился. В киевской клинике был, но выписался, а куда уехал, неизвестно.

Они познакомились только год назад. Чувство пришло быстро, и скоро сыграли свадьбу.

Маша приехала в Припять из красивого старинного города Золотоноша, что в Черкасской области, в самом центре старой,

доброй привычной Украины. В Золотоноше у Маши родных не было, и в Черкассах, и других городах, нигде. Она выросла в детдоме в Богодуховке. О родителях ничего не было известно. Только легенда, что якобы, когда ей было два года, Машу привез в дом ребенка какой-то пожилой человек и сказал, что её родители умерли. Маша потом нашла то место, где родилась, и узнала от соседей, что ночью загорелся дом, отец вынес из огня маленькую Машу, передал людям, а сам опять бросился в дом, спасать маму, у которой был перелом ноги и она сама не могла выбраться из дома. Но крыша рухнула. Маша искала родителей папы и мамы, но следы оборвались в каком-то селе на Винничине. Ей написали, что да, такие очень давно проживали, но после войны не вернулись. Окончив школу, Маша поступила в техникум, по окончании которого её направили в Припять.

Володя старше Маши на два года. Маша много о нем рассказывала. Это был высокого роста, крепкий парень. И хотя я никогда до этого не видел Володю (у Маши ведь даже не осталось его фотографии), казалось, что при встрече я его быстро узнаю.

У Володи родителей тоже не было. Он родился, когда маме уже исполнилось тридцать девять лет, на станции Свеча на Вятчине. Отец, железнодорожник, еще в молодости после какой-то гулянки заснул на рельсах. Там перерезанным его и нашли утром. А мать за год до женитьбы Володи умерла, наверное, просто устав от нелегкой жизни и доли, доставшейся ей.

Измученная, измотанная, истосковавшаяся, уже не зная, что делать дальше, она однажды поймала себя на мысли, что если Володя жив, то он обязательно её ищет. Она всегда ему верила. Ведь он любил ее так сильно, бурно, открыто и вместе с тем нежно, ласково, бережно, что иначе и не могло быть. Конечно, он ее ищет. Ищет, а она здесь, в Киеве, сидит и ничего не делает, чтобы найти его. Но где он может ее искать? О, как же она не смогла догадаться раньше! Конечно, он ищет ее в зоне. Ведь он знает, что у Маши нигде никого нет и что её, как и всех, выселили из Припяти. Наверное, он ищет её в зоне, надеясь, что она где-то рядом. Но что Машу увезли в Малин. А то, что она находится в Киеве, он же не знает. Значит воссоединиться они

могут только там, в проклятой и опасной зоне, где когда-то судьба их свела, и потому должна помочь и на этот раз. Странно, что она так думала. Но любящее сердце, её не обмануло...

ВСТРЕЧА

Маша, очертя голову, понеслась в зону. Несмотря на всяческие препоны и ограничения, она пробралась, прокралась, прорвалась. С трудом устроилась работать, поменяла несколько мест, а потом попала к нам. Так мы и встретились с Нашеймашей. Узнали о ее беде. Она бегала по разным организациям. Мы тоже, как могли, помогали ей в ее поисках: часто посылали Машу в разные места, писали запросы.

Шли дни, недели. Ни Володи, ни хотя бы каких-нибудь вестей о нем не было. В таком муравейнике, как иголке в стогу сена, немудрено было затеряться. Откуда нам было знать, что Володя находился совсем рядом и тоже искал Машу.

В двенадцать дня мы вышли из штаба и направились к нашему автобусу. На улице было теплее, чем в помещении. На небе ни облачка. Солнце палило, как летом. Опавшие красно-желтые листья, пронизанные невидимой радиацией, шелестели под ногами, вот почти как сейчас, и напоминали о далекой, мирной дочернобыльской жизни. Предвкушение предстоящего обеда с украинским борщом немного возбуждало нас и добавляло ощущение ностальгии. Впереди в автобусе уже сидела Нашамаша с огромными красными и желтыми листьями, заколотыми в волосах. Она напряженно всматривалась вперед, и мысли ее летели навстречу Судьбе...

Автобус только остановился у входа в Караван-сарай, а Маша лихо выпрыгнула и побежала в чрево этой огромной харчевни. Войдя в зал, я еще несколько раз видел мелькавшие в толпе красно-желтые листья. Маша пробежала мимо столиков, вдоль раздач, которых здесь было четыре, и заглядывала в лица людей. В зале стоял непрерывный гул. Шум, гам, стук посуды. Мы с ребятами встали в очередь к одной из раздач. Маши нигде не было. Мы поискали ее глазами, но не увидели. Тогда я поставил себе на поднос три тарелки борща – две для себя и одну для

Маши, а второе, сметану, компот и хлеб для меня и Маши ребята разместили по своим разносам.

Осторожно, стараясь не расплескать полные миски борща, я медленно двинулся почти к центру зала, где пустовали два столика. От борща прямо в ноздри поднимался ароматный и аппетитный пар. Судя по нему, Елена Сергеевна не оплошала и слово свое сдержала. Но убедиться в этом ни мне, ни другим не удалось.

Я тихо шел, пробираясь между столиками, боясь оступиться, то и дело бросая беглые взгляды вперед, потом на борщ, затем под ноги. В один из таких моментов я увидел Машу, которая тоже шла с подносом, но с другой стороны. «Наверное, где-то взяла без очереди, охмунив какого-нибудь парня», – мелькнуло у меня в голове. Она увидела меня, я кивнул ей головой в сторону свободных столиков, она поняла и повернула к ним. Когда я обходил последний столик... в этот момент раздался всколыхнувший всю мою душу крик. В нем было всё – и безумный всплеск счастья, и невыразимое горе утраты, и ужас последнего вздоха. От неожиданности я вздрогнул, потерял равновесие, поднос качнулся и тарелки с грохотом и треском полетели на пол, расплескав по отшлифованному бетонному полу три полные порции ярко-красного борща. Еще держа в руках уже ненужный поднос, я растерянно взглянул на Машу.

Она стояла недалеко от меня, схватившись руками за голову. Ее тряс озноб. На полу валялась разбитая посуда.

Безумный взгляд Маши был устремлен куда-то влево. Я перевел глаза в ту сторону и увидел парня, высокого, крепкого, в спецовке газосварщика, который пристально смотрел на Машу. В оцепенении он крепко сжимал поднос, кисти его дрожали, отчетливо было слышно дребезжание стакана о тарелку. Хотя я никогда раньше не видал этого парня, я узнал его. Это был – Володя!

«Вот и свершилось!» – обрадовался я. Володя бросил поднос и ринулся к Маше. В этот момент из Машиной груди вырвался стон, она сделала неуверенный шаг навстречу Володе и вдруг обмякла, руки её упали, ноги подкосились, и она рухнула в огромную лужу красно-желтого борща...

Это был конец. Дальше я ничего не помню. Всё, как в пелене. Только отдельные кадры. Лицо Елены Сергеевны, я несу Машеньку к машине скорой помощи, врач, говорит, что Маша к нам уже никогда не вернется. Вот и всё. Потом Володя увез Машу к себе домой в Кировскую область и там её похоронил.

Так закончилась короткая земная жизнь этой юной женщины с отважным, но еще не окрепшим сердцем. Видимо, нежная, израненная душа Машеньки не выдержала тяжести свалившихся на её ещё слабые плечи проблем и она покинула этот жестокий и страшный мир, может быть, в надежде обрести покой и успокоение где-нибудь подальше, в другом месте, в другой жизни. Если есть это другое существование, пусть будет она там счастлива.

МОЙ ГРЕХ

После того случая осень стала для меня особым временем года. Покаянным временем. Ибо это я погубил Машу.

Всего несколько дней тому назад мы на «Седьмом небе» говорили о своих грехах³⁷. Каялись. Пора и мне каяться.

Главное, я обязан был немедленно отправить Машу из зоны, как того сторожа в Припяти. А почему-то не сделал. Ещё я не обращал внимания на её здоровье. Маше было всего 19 лет. И если бы не моя прихоть по поводу борща, не было бы этой трагической встречи.... А Володю мы всё равно бы нашли. Дело времени.

Я остановился, нагнулся, поднял несколько опавших кленовых листьев. Каждую осень в красных и желтых красках этой листвы, шуршащей под нашими ногами, я ощущаю своим сердцем боль сотен тысяч загубленных душ в этой величайшей трагедии, истинные последствия которой люди ещё не осознали...

Я вспомнил, что лет пять, спустя после гибели Маши, возвращаясь из командировки в Свердловск, проезжал станцию Свеча. Когда увидел это слово в расписании движения состава, меня, как молнией поразило – здесь же похоронена Маша! Я быстро сошел с поезда. Долго разыскивал Володю Баторина.

³⁷ Глава 11 «Очищение», подразделы «Грехи и судьбы» и «Раскаяние».

Помог начальник станции. Нашел его в родительском доме. Сходили с ним на кладбище. Помянули Машу. Она весело улыбалась нам с фотографии, кстати, сделанной мной в Чернобыле незадолго до её кончины. Улыбалась, словно ничего и не произошло. Как будто посылала нам привет из другого мира. А дома у Володи под такой же, только большой фотографией лежали засохшие, потускневшие осенние листья.

В Караван-сарай посередине зала долго стоял обеденный стол, накрытый черной скатертью. На черном разное тоже лежали красно-желтые листья. Я приходил в Караван-сарай на девять дней. Но старался, чтобы Лена меня не заметила. У меня была семья. Продолжение встреч могло привести к непоправимому. Лена ведь мне нравилась. Она была свободна, а потеряв мужа и сына, осталась одна, ей не хватало друга. В общем, могли не сдержаться. Чем бы это кончилось? Вспомнились стихи Ивана Сохно, моего друга и поэта из Коктебеля.

*Никто не знает наперед,
куда судьба его ведет.
Великий этот смысл навеки
вложил Бог в душу человека,
чтоб переделывать не мог
он ничего в судьбе своей,
чтоб понимал жизнь, как урок,
Природы, Бога и людей.*

Конечно, когда жена ушла, я мог бы поискать Елену Сергеевну. Но, с другой стороны, мне надо было воспитывать сына. А зачем Лене нужны мои проблемы? Потом, может быть, у неё уже была своя семья. Она красивая, привлекательная, молодая. А сейчас это делать совсем негоже, как в том фильме: «Здравствуйте, я ваша тётя, я буду у вас жить». А тетя уже не нужна. Нельзя дважды в одну и ту же воду вступить. Нельзя мешать людям жить своей жизнью.

Тут меня поразила ужасная мысль – когда я был у неё на могиле, я не попросил прощения за то, что она из-за меня погибла. Какой же великий грех я ношу в себе и даже не думаю о нем! Нет, мой грех более тяжелый, чем те грехи, о которых рас-

сказывали мои новые друзья. Как закончится лечение, надо ехать в Свечу.

ПРОЩАЙ, КАШИРКА!

Следующие два дня прошли в суматохе, которая всегда бывает перед выпиской из больницы. Попрощался со всеми сестричками, врачами, с зав отделением. Настало время отъезда.

После ужина расположились в холле на нашем этаже. Пришли Илья Матвеевич, Эдуард Евстигнеевич, Екатерина Евдокимовна и даже маленькая Ирочка. Не было Бориса – после операции он всё ещё не мог передвигаться. Я навестил его и попрощался с ним тоже. Конечно пришли и наши чернобыльцы с «Седьмого неба».

Все галдели. Давали напутствия. Дарили какие-то незатейливые сувениры на память. Как это было трогательно. Потом начали обмениваться адресами. Сначала писали на листочках. Потом Семен Моисеевич предложил:

– Давайте все адреса напишем на одном листе, а затем размножим его и у каждого будет свой экземпляр. Я сбегаю, найду, где копии сделать.

– Не волнуйтесь дорогие девочки. Это же моя специальность – находить выход из безвыходных ситуаций. Фирма веников не вяжет.

Я попросил Николая вписать адрес Василия Игнатьевича. Николай сбегал в свою палату и принес тот вырванный из записной книжки листок, который неожиданно возвратившийся Василий Игнатьевич дал Николаю в памятный день нашего знакомства.

– Коля, ты съездишь к Василию Игнатьевичу?

– Кто его знает. Всё может быть.

– Если поедешь, напиши. Очень уж интересно, что за человек Василий Игнатьевич на самом деле. Да и что за места его такие здоровые, как он, помнишь, сказал.

– Я думаю, Петро, Василий Игнатьевич добрый человек. Плохой не вернулся бы, не извинился. А то, что мы тогда не поняли друг друга, Петя, так это всё суета. Она нас всех и разъединяет. А подняться над суетой не всегда удается.

- Если поедешь, напиши.
- Я и так буду писать. Это ты смотри не зазнайся, не забывай писать и отвечать.
- Буду писать, Коля, буду.
- Поживем, увидим.

Пока мы так болтали, Семен Моисеевич, во человек! – точно снабженец, сбегал в приемную главного врача, каким-то образом умаслил секретаршу и размножил листок с адресами в стольких экземплярах, сколько нас было. Прибежал, как молодой, разгоряченный, довольный собой, и раздал.

Все стали приглашать друг друга в гости. А ведь действительно, география получилась широкая. Выбирай любое место. Я тоже приглашал.

Провожали меня до самого выхода с территории клиники. Долго целовались, обнимались. Но надо было идти. Я шел и оглядывался. Они махали мне руками, а женщины – своими платками, ничуть не боясь боязливых взглядов прохожих, с удивлением глазевших на их безволосые головы. Я шел и тоже махал, пока не повернул к станции метро «Каширская».

Доехал до станции «Комсомольская» и на Ярославском вокзале сел в свой поезд, который через полчаса повез меня домой.

Мерно перестукивали колеса на стыках. Та-та-та-та, та-та-та-та. За окном мелькали огоньки жилых домов московских пригородов и фонарей. Проносились платформы и поезда, летящие навстречу. А перед глазами всё стояла картинка, как я прощался со своими новыми товарищами.

Часть III.

CAUSA CAUSALIS³⁸

³⁸ *Causa causalis* – известный юридический термин из латинского права – *причина причин; первопричина.*

С.А.В.

«Диптих. Двойной портрет бывших соратников, академиков, трижды Героев
Социалистического труда Сахарова А.Д. и Александрова А.П.»
(Один из них привел страну к демократическим реформам, другой – к Чернобылю...).

Глава 12. СОВЕТСКАЯ ТАЙНА

12 ноября 2005 г.

Уже почти полтора месяца как вернулся в Кострому. И только сегодня решил продолжить дневник.

Как приехал, сразу оформился в онкодиспансер на Муравьевке. Лежать в стационаре мутрно. Уговорил, чтобы оформили в дневной стационар. Прихожу на процедуры, полежу часика два после них, если надо сдам анализы, пройду УЗИ или ещё что-нибудь, врач посмотрит и домой. Две недели пичкают всякой убойной дрянью, потом две недели перерыв. И так, говорят, будет шесть циклов, месяцев пять. Затем месяц облучение и ещё, наверное, три месяца химиотерапии, а может снова пять. Определят по анализам. Такой ритм жизни теперь до самого лета. Конечно это лучше, чем постоянно в больнице лежать, но всё равно противно. После процедур мотает, а то ещё побочные эффекты, язвы их в душу. Жизнь стала совсем неинтересной.

Наверное, потому и вернулся к дневнику.

Когда я приехал из Москвы, то сразу описал события последних дней на Каширке. А потом ничего не писал. Вчера потянуло перечитать дневник.

Прочитал записи, описывающие первую встречу с Николаем в поезде и снова что-то задело меня. Как и в прошлый раз опять задумался... Из головы не выходит: что же так зацепило в тех Колиных речах? Всё карябает, не дает покоя...

И ещё. Последнее время мучает меня один вопрос: «Как же в таком успешном государстве, при такой выдающейся науке и технике могла произойти Чернобыльская катастрофа? И почему развалился СССР, по сути, легко и своими силами?».

Конечно, враги не дремали, мечтали, планировали и всячески изматывали нашу страну, но всё же!!!!...

Вот после революции 17 года Россию изматывали сильнее, да плюс сначала направили на нас интервенцию 14 стран, потом толкали на нас Японию, дважды натравили Германию с половиной Европы. Но страна выстояла, а через некоторое время вышла на самые передовые позиции в мире. Это 65 лет (1918-1985 годы). А тут, всего за 8 лет (1983-1991 гг.)

страна рассыпалась, как карточный домик, развалилась на куски, как сухое тесто, как бетон при недостатке в нем связующего цемента. Куда же делся этот цемент?

ГОД ОТРЕЗВЛЕНИЯ

То, что тогда говорил Николай, не было для меня секретом. Действительно, в нашей стране творилось много тайного и жуткого. Тот перечень диких событий, о которых напомнил Николай, был далеко-далеко неполным. Случались и другие

Люди долго не роптали. В советское время это было опасно. Александр Галич тогда пел:

*«И всё также, не прощя,
Век наш пробует нас –
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь,
В тот назначенный час?!»³⁹*

Все осуждали, что делается в стране, но только на кухнях. А выйти и открыто сказать – страшно. Сколько смельчаков заплатились своей жизнью и судьбами своих родственников. Даже за разговоры на кухнях многие пострадали, целыми семьями. Но чтобы выйти на демонстрацию своего несогласия с политикой власти, казалось просто невозможным!

Однако через 15 лет после смерти Сталина страх был преодолен. Вышли и посмели 25 августа 1968 года. Да не где-нибудь, а на Красной площади в Москве. Это была демонстрация в связи с событиями в Чехословакии. Первая за пятьдесят лет советской власти несанкционированная демонстрация, да ещё на главной площади страны! Всего-то семь человек! А как власть расправилась с ними! За что? За антисоветскую деятельность, которой на самом деле они не осуществляли. Они всего-то хотели сообщить советскому руководству своё мнение о том, что недопустимо оккупировать свободное, суверенное государство. Эта славная семерка хотела донести до людей скрываемую властями информацию, что Чехословакию не освобождали, как утверждали власти, а на самом деле под видом «помощи брат-

³⁹ Строчки из «Петербургского романса» Александра Галича, 1968 г.

скому чехословацкому народу» осуществили интервенцию войсками СССР, Польши, Венгрии, ГДР и Болгарии с целью подавления восстания в Праге после «Пражской весны». И с помощью танков(!).

Ага. Вот что меня теребило! Теперь я понял! Чехословакия, Венгрия – именно это задело меня в словах Николая. Особенно, Чехословакия.

Те события были связаны с рядом обстоятельств нашей семьи и меня лично. 1968-й год отрезвил мою восторженность по поводу той нашей жизни. Это было моё первое отрезвление.

СВИДЕТЕЛИ

С этой страной нашу семью связывало многое. Папа освобождал Прагу, когда Германия уже капитулировала, но в Чехословакии бои шли ещё до 13 мая. Потом папа служил в Хусте на стыке трех границ – советской, румынской, мадьярской, то есть венгерской. Рядом с нами жила чешская семья Кровалей и мы дружили с ними. Вокруг жили не только украинцы, но и поляки, румыны, гуцулы. А нас что-то привлекло в этих тихих, спокойных, трудолюбивых чехах, отличавшихся от многих других удивительной житейской мудростью. С Иржи Кровалем я учился в одном классе. Из всех разнообразных говоров, которыми была насыщена Западная Украина, мне более всего нравился чешский язык. Такой мягкий, приятный. Я до сих пор часто здороваюсь по-чешски: «Добри йитро!» или «Добри рано!», «Добри дэн!» или «Наздар!», то есть «Здравствуйте!», а своей бывшей жене вместо «Я тебя люблю!» всегда говорил «Я тебе милую!». Какое красивое слово – «*милóвать*» – значит любить!

С отрочества запомнились рассказы о бравом солдате Швейке чешского писателя Ярослава Гашека. С упоением ещё в юности читал исторические романы о гусистских войнах, таборитах, национальных героях чешского освободительного движения Яне Гусе и Яне Жижке. О Праге и его Пражском граде, Богемии, времен её расцвета, когда почти два столетия она была общепризнанным религиозным и культурным центром Европы. Часто вспоминаю рассказы о Йозефе Гайдне и Чехии 18-го века в моих самых любимых романах Жорж Санд «Консуэлло»

и «Графиня Рудельштадт». По сей день люблю музыку Дворжака, Сметаны, Гайдна, Листа, особенно ля-минорный концерт Дворжака для скрипки с оркестром, Сметаны «La Bohème», которые уносят меня, как в сказку, в поселения таборитов в буковых лесах Высоких Татр, на их пастбища в альпийских лугах Шумавы, в гейзеровую долину природной лечебницы Карловых Вар или Карлсбада, как называла это излюбленное место отдыха русская аристократия, где русский язык до сегодняшних дней остается самым распространенным среди иностранцев.

Да, наверное, именно это более всего задело меня в той незабываемой речи Николая в день нашего знакомства

События 1968 года до сих пор вызывают во мне стыд и горечь. Однажды к нам приехал за семьей наш офицер, подполковник Анатолий Иванович Карыгин, из штаба заместителя командующего группы войск в Чехословакии. Раньше он был начальником отдела, в котором я служил. Перед его отъездом в Чехословакию собрались в его уже пустой квартире на прощальный мальчишник. Выпили, разговорились. Оказывается СССР и союзники ввели в Чехословакию аж 30 дивизий. Общая численность оккупационных войск составляла около 300 тысяч человек. Я был потрясен. На страну с численностью чуть более десяти миллионов жителей ополчились соцстраны с населением почти 400 миллионов человек и с огромным военно-ресурсным превосходством! Зачем столько войск?

В сентябре того же года приехал навестить меня мой папа. Я собрал у себя друзей познакомить их с отцом. Он у меня самый замечательный человек, отставной полковник, танкист, орденоносец, прошел три войны: с Японией, Финскую и Отечественную. Служил ещё под началом легендарного командарма, маршала В.К. Блюхера. Мне хотелось, чтобы папа рассказал нам о войне, о довоенном и послевоенном времени. Но разговор быстро переключился на наболевшее, на чехословацкие события. Папа долго не принимал участия в нашем разговоре, угрюмо сидел в кресле... А потом вдруг сказал, как отрубил:

— Удержали Венгрию — потеряли Югославию. Удержим Чехословакию — потеряем всё.

— Как это, папа? Причем здесь Венгрия и Чехословакия?

— Да, Валентин Васильевич, причем? — тоже спросил Саша Самарин, самый старший из нас по возрасту. — В Венгрии произошел контрреволюционный мятеж. Мы всего лишь помогли руководству Венгрии справиться с ним. А с Тито ещё Сталин поссорился вскоре после войны. Так причем эти страны?

— Во-первых, в Венгрии был не мятеж, — ответил отец. — В начале октября 1956 года началось восстание, охватившее всю страну. Восставшие требовали осуществить демократические реформы и устранить однопартийную систему. Во-вторых, события развивались так. В конце октября для подавления восстания в Будапешт были введены две наши дивизии, дислоцированные на тот момент в других городах Венгрии. Плюс без предупреждения перешли советско-венгерскую границу две дивизии Прикарпатского военного округа. В ответ на это правительство Имре Надя, денонсировало Варшавский оборонительный договор. Накануне ноябрьских праздников наши войска начали операцию «Вихрь» по свержению законного правительства Венгрии. Соппротивление длилось всего три дня. Что могла сделать эта маленькая страна против нашей армады в 60 тысяч солдат и 6 тысяч танков. Столько же танков участвовало в знаменитой битве под Прохоровкой на Курской дуге(!). В Венгрии в мирное время мы потеряли около двух тысяч человек, венгры — более двадцати тысяч. Они же просто жгли наши танки бутылками с зажигательной смесью, как мы жгли танки во время войны.

— Вон оно значит как, — задумчиво сказал Самарин. — В газетах не так писали. А зачем вы упомянули Югославию?

— Вы, Саша, правы, когда говорили, что ещё Сталин поссорился с Тито. Это было в 48-ом году. А Хрущев до венгерских событий посетил Югославию, предложил дружбу, снять обиды, после чего отношения стали улучшаться. Но военное вмешательство в дела Венгрии окончательно отрезвили Тито и он стал переориентировать Югославию на независимость от нашей страны и экономическое сближение с западными странами. Сейчас очевидно, что мы именно тогда потеряли Югославию. Да и в Венгрии социализм не похож на наш, сельское хозяйство не обобществлено, природа кооперативов иная, разрешено предпринимательство на селе. В Польше национализацию

земли бояться осуществлять. Китай куда-то пошел своим путем, не согласившись с развенчанием культа личности Сталина. А ведь всё это началось после 56-го года. Подавление восстания в Праге, боюсь, отрезвит всех наших оставшихся союзников, которые и после Венгрии так осторожничают и ловчат в отношениях с нами. Раньше я многое не понимал, но сейчас, как лектор общества «Знание», имея доступ к некоторым закрытым материалам, западным изданиям, историческим монографиям, стал соображать. На страхе дружбы не бывает. Кого бояться, того не уважают и предадут при первой же возможности.

Вот так говорил мой отец в 1968 году.

Тот год здорово отрезвил меня. Я стал интересоваться всем, что было связано с Чехословакией 68-го года. Так что для меня Чешские события не были проходными.

На следующий год один офицер привез из Чехословакии стихи известного чешского барда Карела Крыла, который открыто пел их уже на второй день оккупации. Вот строчки:

*«Вы, братья, принесли нам сталинскую ночь,
И теперь мы не встречаем вас с букетами сирени.
Благодарим вас, железные голуби мира!»⁴⁰*

Ещё более двадцати лет группировка в 115 тысяч военных «поддерживала мир» ошестинившимися танками из восьмидесяти гарнизонов, насильно размещенных по всей Чехословакии.

Кстати, операция по подавлению восстания в Праге получила очень уж демоническое название – «Влатва-666».

СЕКРЕТНАЯ ДРАМАТУРГИЯ

Почему же так часто ввали наши СМИ? Пришло время, и я понял почему: это была продуманная тайная стратегия, как сказал Легасов, *«власти людей, пораженных животным страхом потери своей власти»*.

Понимали, что пришли к власти несправедливо.

В 1917 году была перспектива эволюционной трансформации политической системы России. Но большевики восполь-

⁴⁰ Из песни «Братишка, закрой дверь!», впервые прозвучала 22.08.1968 г.

зовались слабостью и нерешительностью правительства переходного периода, к тому же увязшего в войне, развязанной не ими, а прошлой властью, подлю настроили армию против нового правительства, а потом гнев армии направили на поддержку собственного военного переворота. Поэтому большевистские руководители страны были пронизаны *«страхом потери неправомерно захваченной власти»*.

Страх боится правды. А народ хочет знать правду. Это противоречие большевистская власть разрешила реализацией *«тайной стратегии управления народом»*. Т.е.: управление страной чрез *управление народом*. По-моему, она состояла из трех частей:

- 1) *управление народом посредством дезинформации;*
- 2) *посредством нагнетания страха;*
- 3) *посредством фальсификаций.*

Сразу же началось дозированное и искаженное информирование населения страны путем оболванивания и зомбирования людей под видом предоставления так называемой *«истинной правды»*. Расцвело искусное манипулирование понятиями, значит и мозгами людей! Черная ложь в красивых одеждах правды или *«управление народом посредством дезинформации»*.

Боясь за своё существование, власть обрушивала на народ всякие страхи и поддерживала в нем страх его собственного существования. Параллельно внедрялся режим лояльности к власти через идеологические догмы и наказания за игнорирование режима. Это – *«управление народом посредством нагнетания страха»*.

Под видом борьбы с контрреволюцией и врагами народа была создана и стала бесперебойно действовать целая *«система прикрытия»* ликвидации людей, которых боялась власть. Под покровом этой системы осуществлялись любые действия. Это и есть *«управление народом посредством фальсификаций»*.

Такова была тайная стратегия управления народом. *Секретная драматургия* этого управления осуществлялась талантливо, изощренно, решительно и беспощадно.

Мне скажут, была ведь оттепель? Ну была. Однако если кто-то думает, что с оттепелью прекратилось управление народом, то он ошибётся. Оттепель – это всего лишь небольшое вынужденное смягчение стратегии управления народом под влиянием некоторых обстоятельств. Точно по Ленину: *«Шаг назад, два шага вперед»*. Точно по этой причине был осуществлен нэп⁴¹, расстреляны ненавистные в народе Ягода, потом Ежов. Точно по этой причине во время войны было «всемилоостивийше» разрешено вновь избрать патриарха Московской православной церкви и были восстановлены в Красной армии по типу царской армии офицерская форма, погоны и воинские звания.

Так что оттепель – это всего лишь одно из многих тактических послаблений с целью достижения ею собственного самосохранения. Вот и качнуло власть к народу. Постарались малость отпустить вожжи, чтобы при надобности народ оказал поддержку. Дали чуть глотнуть воздуха свободы. Ветер перемен воодушевил нацию. Людям почудилось светлое будущее, даже поверили в популистскую двадцатилетнюю программу построения коммунизма.

Но власть тут же дала культуре маленечко под дых на художественной выставке в Московском Манеже. Чтoб не обольщались. Ещё только пальчиком помахали. А потом указали всем своё место в строю советского социалистического строя.

Такое в нашей стране уже было. Нэп в 21-м разрешили. Но одновременно по секретному решению РКП(б) постановили захватить в предпринимательстве «командные высоты» и затем через несколько годков покончить с нэпом, осуществив по сути вторую национализацию. Потом в 26-м, точно по плану, всех нэпманов поставили на место, выстроили. Такой негласный лозунг: «Не хочешь стоять, будешь сидеть».

Вот и в 63-м году опять напомнили: оттепель – это временно. Удушение оттепели началось и продолжилось последователями Хрущева (которые по заведенной клановой морали его

⁴¹ Новая экономическая политика, в результате которой на некоторое время в СССР было разрешено частное предпринимательство и свободная торговля, хотя с большими оговорками и ограничениями.

же и предали): Брежневым, Сусловым, Семичастным, Андроповым, другими.

И воцарилась, по выражению Гарсия Лорки, «*клейкая мгла молчания*». Под покровом этой мглы расцвела с новой силой и изобретательностью тайная драматургия власти, как сказал Легасов, «*боявшейся потерять свою власть*».

РЕЖИССЕРЫ

Режиссирование сценариев секретной драматургии властей, как это верно заметил Николай, осуществляли последователи Сталина, Дзержинского, Кагановича и иных советских бонз, всякие Ягоды, Ежовы, Берии, Семичастные, Андроповы и многие другие. Ещё в двадцатые годы многие почувствовали, что существует тайный замысел. Велимир Хлебников писал:

*«Когтями криков хохоча,
Тогда я видел палача»⁴²*

Эти палачи народа организовывали исполнение черных замыслов власти, сверху до низу, прощупывая, прослушивая, контролируя всё общество. Мяли доверившийся им народ, как глину, чтобы вылепить из него Homo Sovieticum Socium.

Организаторы и исполнители «*секретной драматургии управления народом*» вместе со своими подручными, совершили разрушение личности основной массы людей. Это страшная картина черной были, в которой искажение и замалчивание всего, что связано с Чернобылем, окажется малой каплей.

Если бы не было политики тотальной секретности и скрытности, чернобыльская катастрофа просто не могла бы произойти, так как это было бы невозможно, потому что просто не возникли бы те события, которые стали причиной аварии на Чернобыльской АЭС и усугубления её последствий.

Глава 13. СТРАХ

23 декабря 2005 г.

Вчера был День энергетика.

⁴² Из стихотворения «Усадьба ночью...».

Почему бы именно после этого радостного дня не задаться давно назревшим вопросом: Как начиналась черновобильская ложь?

Сейчас попробую.

П О Ж А Р !

Первые сообщения в Министерство энергетики и правительство о происшествии на Чернобыльской АЭС вызвали обычную в таких случаях обеспокоенность. Пожар? Да, крупный пожар. До этого не было энергетического объекта, на котором хоть однажды не произошел бы крупный пожар. И вообще в стране каждую неделю приключались серьезные происшествия: технологические аварии и взрывы на предприятиях, обрушения мостов, зданий, в том числе и жилых, обрушения лифтов, столкновения и крушения на транспорте, выгорания лесов и торфяников, выбросы вредных веществ в водные водоемы, в воздух или на рельеф, наводнения, разрушительные ураганы, сходы лавин, оползни, сели, землетрясения, засухи, недороды и тому подобное. Не обо всех оповещалось населения, но происшествия эти-то ведь были. И много.

Ну вот, сонный диспетчер в Министерстве спрашивает: «Пожар? Какой пожар?» – «Да, крупный пожар» – «Тушите?» – «Тушим» – «Раненые, погибшие есть?» – «Есть. Много» – «Черт возьми! Что же вы молчали? Сейчас же соединю с дежурным по Объединению. Ждите».

Вот так к утру 26 апреля 1986 года стало понятно: на Чернобыльской АЭС что-то совсем не так, как вначале показалось... Выброс радиоактивности чересчур велик. Оперативно вылетела аварийная бригада. В Министерстве стала нарастать тревога. Неужели раскрылся реактор? Трудно поверить. Но всё говорило за это. Вот и Поздышев, директор Смоленской АЭС, настаивает. Ближе к середине дня западные радиостанции заговорили о происшествии на Чернобыльской АЭС, о повышении радиационного фона на территории Польши. Тут руководство страны начало соображать, что дело становится архисерьезным. Была срочно создана Правительственная комиссия и уже в третьем часу дня она вылетела в Киев. К вечеру комиссия подтвер-

дила информацию, в том числе и Поздышева, что четвертый блок разрушен с раскрытием активной зоны. Нарушилась герметичность атомного аппарата, крышка реактора весом в 2 тысячи тонн, блок «Е» или «Елена», как её любовно и с уважением называют энергетики, сорвана с крепежа, взлетела и, опустившись, встала ребром, вследствие чего часть ядерного топлива вырвалась наружу, подняв радиационный фон в несколько тысяч рентген, а реактор опустился от удара на 5 – 8 метров вниз, оборвав все выходящие из него трубопроводы, из-за чего нарушился отвод нарастающего тепла.

Однако, об этом народу долго ещё не сообщали.

В Москве паниковали: что делать? что делать? Трагическое стечение обстоятельств! Такого никогда не было

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ

А такое уже было! Авария на Ленинградке могла стать уроком по недопущению повтора такой трагедии, а авария в бухте Чажма могла стать уроком для отработки мер эффективной ликвидации последствий ядерных происшествий на АЭС.

Но и в том, и другом случаях материалы проверок, информацию и предложения засекретили.

Недавно прочёл в журнале «Атомная стратегия XXI века» статью Алексея Митюнина, и оказалось, что о Чажме я знал далеко не всё. Статья меня потрясла. Эта авария произошла 10 августа 1985 года. Место аварии – судоремонтный завод, расположенный в бухте Чажма в полутора км от железнодорожной станции и поселка Шкотово Приморского края.

На стоящей в доке судоремонтного завода атомной подводной лодке К-431 при перезагрузке ядерного топлива взорвался реактор, в результате чего сорвало пятитонную крышку реактора, ту самую «Елену», и все радиоактивное содержимое выбросило наружу. Десять человек погибли мгновенно: взрывом тела разорвало на куски, а чудовищная радиация в 90 тысяч рентген(!) превратила останки в биомассу. Вот что пишет Митюнин:

«Никаких средств защиты у первого эшелона ликвидаторов не было, работали как с обыкновенным пожаром... выходы с завода перекрыли. Всех, принимавших участие в тушении пожара, собрали вме-

сте на территории завода и отправили на дезактивацию. Одежду у всех отобрали, так как она была радиоактивной, но сменной на заводе не оказалось. До двух часов ночи по заводу ходили раздетые донага мужчины и женщины, пока со складов не привезли одежду...

В поселке Шкотово, что в полутора километрах от завода... (оповещения не было) отключили связь, чтобы не было утечки информации...

Если бы чажминская трагедия сразу получила верную оценку, если бы масштабы ее и последствия не замалчивались, а опыт ликвидации последствий получил бы обобщение, многих непоправимых ошибок удалось бы избежать, когда грянул Чернобыль».

Ну, нечего добавить! Не-че-го!

А ведь рядом в 20 км находился центр Шкотовского района 35-тысячный город Большой камень, в 40 км юго-западнее – миллионный Владивостокский мегаполис, в 30 км севернее – знаменитый Уссурийский заповедник на отрогах хребта Сихотэ-Алинь, включающий в себя реликтовые кедровые, пихтовые, тисовые и грабовые леса, многие 400-500-летние до 45 метров в высоту и до 2-х метров в диаметре, более 40 видов реликтов.

До сих пор ничего неизвестно о масштабах радиационного заражения прилегающих к бухте Чажма территорий, о границах и характере радиационного следа от чажминского взрыва.

А ведь до этого был Кыштым! А до Кыштыма семь ядерных аварий только на одном комбинате «Маяк»! Всего за 38 лет, то есть со времени первой аварии с выбросом радиоактивности в 1948 году до Чернобыля в 1986 году произошло почти 30 (!!!) ядерных аварий. Это не какие-то аварии по международной классификации типа «что-то где-то заело» или остановка реактора. Нет, это аварии с выбросом радиоактивности за пределы реакторов. Это должно было стать уроками для других ядерных объектов. И Чернобыля...

Но через 10 лет после чернобыльской трагедии в 1996 г. в озеро Карачай, а из него в реки и поймы вытекли радиоактивные отходы. В результате жители окрестных мест, расположенных в зоне радиоактивного заражения, получили облучение в среднем по 140 рентген. Не предупредили, не эвакуировали и так далее.

Получается, что уроки оказались невыученными, как до Чернобыля, так и после него.

ПРОСЧЕТЫ В РАСЧЕТАХ

Сегодня я решил порыться в своих бумагах, немного перетряхнуть свой архив – давно не заглядывал, и в результате нашел интересные документы: некий «План действий» и «Критерии по защите населения».

В 1980 г. четырьмя ведомствами – Министерством среднего машиностроения, Министерством здравоохранения, Министерством энергетики и электрификации и главкомом Гражданской обороны Министерства обороны – был утвержден «План мероприятий по защите персонала и населения в случаях аварий на атомных станциях». Ну, и что на практике?

В Чернобыле все действовали так, будто этого Плана не было. Военизированная пожарная часть не была технически подготовлена к действиям в радиационно опасных условиях, пожарные не могли реально оценить обстановку, хотя выполнили свой служебный долг исключительно самоотверженно, геройски, не задумываясь о своем здоровье и жизни.

Служба режима сразу же отключила связь АЭС с внешним миром (как и в Чажме), чтобы исключить панику, поэтому Поздышев и не мог дозвониться до руководства станции. Отсутствие сведений породило слухи, что и вызвало панику.

На станции в нужный момент не нашлось бета- и альфа-радиометров, а у пожарных не было простых гамма-дозиметров.

Совершенно непродуманно сразу же было привлечено более тысячи милиционеров с задачей перекрыть въезд в город и подъезды к станции, поддерживать общественный порядок. У них тоже не было дозиметров и информации о том, что произошло, кроме того, они не были должным образом экипированы.

После аварии не было объявлено о радиационной опасности. Первых облученных жителей города Припять вывезли из зоны заражения через 36 часов после взрыва. Остальное большинство – через месяц, а последних – значительно позже. Тогда как необходимо было немедленно, сразу ночью, уводить людей в убежища гражданской обороны. Хотя бы детей. Более того, по инструкциям и учебникам, например, «Защита от оружия массового поражения», выпущенным до Чернобыльской аварии Ко-

мандованием Гражданской обороной Министерства обороны СССР, должна проводиться санитарная обработка людей, подвергшихся заражению радиоактивными веществами, «не позднее чем через 3-5 часов с момента заражения». При этом указывалось, что «проведение санитарной обработки людей по истечении 10-12 часов после заражения практически неэффективно». За 36 часов и более судьбы детей, в том числе и нерожденных, были погублены.

Все введенные в зону в первые дни воинские соединения состояли из солдат срочной службы в возрасте 18-20 лет, как говорят медики, *«репродуктивного возраста»*. Это были будущие отцы. Части войск Гражданской обороны оказались не готовы к чрезвычайной ситуации. Решение призвать солдат из запаса было принято только в конце мая. Но и тут не обошлось без трагического конфуза: к дезактивационным работам призвали запасников, не имеющих опыта работы в условиях радиации.

В качестве защиты органов дыхания применялись респираторы типа «Лепесток» и другие. Однако своевременная замена их не была организована, в результате респираторы сами становились источником радиационного заражения.

До аварии не были отработаны методы проведения радиационного пылеподавления. А после аварии была проявлена недостаточная оперативность создания временной сети санпропускников и ПУСО, из-за чего радиоактивному загрязнению подверглись ранее чистые территории и объекты.⁴³

Лишь через три года после утверждения вышеуказанного «Плана», но всё же за три года до чернобыльской аварии, Минздрав СССР утвердил «Критерии для принятия решений о мерах защиты населения в случае аварии ядерного реактора». В соответствии с этими «Критериями» в первой фазе развития аварии, то есть до тех пор, пока радиоактивное облако не осядет и не сформируется радиоактивный след, ставилась задача:

*«Не допустить острого соматического поражения и насколько возможно снизить облучаемость населения с помощью... укрытие, защита органов дыхания, йодная профилактика... эвакуация».*⁴⁴

⁴³ Информационный бюллетень 1989. – М.: ЦНИИатоминформ, 1990. – с. 258.

⁴⁴ Там же, с. 161.

Не было исполнено. Препараты йода давались только в Припяти и то не всем. Радиационную опасность не объявили, в укрытия людей не уводили. Защита органов дыхания населения вообще не проводилась. Передвижение людей по городу, особенно детей, не было прекращено, городские и спортивные мероприятия, свадьбы, концерты, дискотеки не были остановлены.

Предполагалось, что первая фаза продлится около одной недели. На деле составила больше месяца. Хотя, радиоактивные дожди выпадали и через два месяца, добравшись аж до Шотландии на западе и Ульяновской области на востоке. Следует иметь ввиду, что нижний уровень дозы облучения за первую неделю «Критериями» был установлен в пять раз ниже, чем рекомендации МАГАТЭ(!).

Вторая фаза развития аварии вследствие раскрытия ядерного реактора «Критериями» предполагалась длительностью не более одного года. Работавшие в 1990 г. в чернобыльской зоне ликвидаторы льготы получили. Просто так льготы не дают. Значит, на самом деле вторая фаза длилась, как минимум, 4 года.

Почему максимально допустимой аварией на АЭС считали *«мгновенный разрыв трубопровода первого контура»*? Почему не считали таковой неуправляемый разгон мощности реактора и/или тепловой взрыв в реакторе, что и произошло?

И это притом, что ещё учебники далекого 1961 года настойчиво предупреждали:

*«На атомной установке имеется вероятность возникновения таких условий, при которых поддержание нормальных режимов её работы может оказаться невозможным... К числу ненормальностей в работе реактора и вспомогательного оборудования могут быть отнесены, например: внезапное увеличение мощности реактора свыше допустимой величины по неизвестной причине. Большинство из этих нарушений приводит в конечном итоге к росту температуры активной зоны, её расплавлению и даже взрыву» (!).*⁴⁵

«...резкое возрастание мощности... может привести к аварии, время развития которой может составлять доли секунды... Наибольшую опасность вследствие быстрого развития во времени и

⁴⁵ Попов А.Ф. Системы управления и контроля ядерных реакторов. – М.: Госэнергоиздат, 1961. – с. 133-134.

тяжелых последствий представляют неконтролируемые изменения мощности реактора».⁴⁶

Именно поэтому особо важно следующее предупреждение о требованиях к системе автоматической защиты реактора:

*«Система должна обеспечивать необходимую надежность работы, исключаящую возможность разгона реактора при неправильных действиях персонала или при неисправности аппаратуры...».*⁴⁷

Почему же на Чернобыльской АЭС не было обратной отрицательной связи о состоянии внутри реактора, чтобы в случае отклонений от нормы немедленно сбросить в реактор под силой собственной тяжести стержни защиты с поглотителями разбушевавшихся нейтронов и чтобы нельзя было ни при каких обстоятельствах отключить эту автоматическую защиту? А автоматическая защита как раз и была отключена. Ведь знали же, что может быть неуправляемый разгон мощности. В англоязычных странах такая защита называется «Protection from the fool», что в переводе означает «защита от дурака», то есть от любой случайности, глупости.

Вот, тут-то и надо задать ученым и разработчикам известный вопрос: «Кто из вас виноват?». Именно из вас, господа ученые, конструкторы и инженеры. И не валить вину на оперативный персонал, который даже самый-самый обученный и опытный за одну секунду никогда ничего не успеет сделать вручную при отключенной системе аварийной защиты.

Безмерно мною уважаемый Евгений Иванович Игнатенко, вынесший на себе в течение двух лет руководство ликвидацией последствий чернобыльской аварии, мужественный и сильный человек, набрался смелости и всё же признался, что **были «недостатки конструкции системы управления защитой реактора РБМК»**, что **«не были раскрыты и поняты физические особенности существовавшей до аварии активной зоны реакторов РБМК»**.⁴⁸

Жаль только, что Евгений Иванович и многие другие считали и считают, что ошибки персонала привели к проявлению

⁴⁶ Там же, с. 136.

⁴⁷ Там же, с. 128.

⁴⁸ Информационный бюллетень 1989. – М.: ЦНИИАтоминформ, 1990. – с. 254.

вышеуказанных недостатков реактора типа РБМК. А может быть наоборот? Недостатки реактора, отключение защиты, и привели к тому, что персонал не знал, что делать в неожиданно возникших обстоятельствах и действовали по обычной инструкции и имеющемуся опыту в скоротечно изменяющейся ситуации при жутком цейтноте времени *«катастрофического роста мощности»*.

А кто же занимался разработкой энергетического атомного уран-графитового реактора типа РБМК (реактора большой мощности, канального)? На этот вопрос лучше ответить по литературе, изданной до Чернобыльской трагедии, ибо после неё многому верить уже трудно. Вот, например, книга об академике Игоре Васильевиче Курчатове, изданная в 1973 году к его 70-летию со дня рождения самими атомщиками.⁴⁹ В книге указано, разработку и строительство атомных электростанций этого типа возглавляли академики А.П. Александров, В.П. Доллежал, Д.И. Блохинцев, А.И. Алиханов, В.С. Фурсов, Е.П. Славский и др.

Ну что, дорогие товарищи? Вы хотели первыми в мире пустить атомную электростанцию? Причем самой опасной технологии. Что ж, это удалось. Я понимаю, вас заставляли. Понятно, что вы не успевали. Но в результате мы получили первую ядерную катастрофу мирового масштаба. Дай, Бог, чтобы она была последней.

ВСЕМ МОЛЧАТЬ!

Вчера закончился третий цикл процедур. Фу, мерзость!..

Скоро будет Новый год, 2006-ой. Каким он станет? Боюсь, что таким же беспечным, что и предыдущие, тем более после развала не только страны, а всей науки и промышленности.

Утром лежал и почему-то вспомнил, как узнал об аварии в Чернобыле. Шел третий день после аварии. Страна ещё ничего не знала и я тоже. В понедельник 28-го апреля 1986 года около семи утра я приехал в Москву в командировку на запланированное совещание в ВПО «Союзатомэнерго».

Ничего не подозревая, захожу в Объединение, а там что-то не так. Обычно рабочий день начинался в девять часов. А тут

⁴⁹ Головин И.Н. «И.В. Курчатov» – М.: Атомиздат, 1973.

ещё нет семи и уже полно народа. Люди бегают по коридорам из кабинета в кабинет, все озабоченные, говорят шепотом. Спрашиваю:

— Что происходит?

Молчат. Отнекиваются. Спешат куда-то. Прижал одного в коридоре, спрашиваю:

— Кто-то умер?

— Хуже.

— Что министр?

— Нет, слава Богу, жив.

— Сняли его?

— Нет, но снимут. Начальника Объединения тоже.

— Так скажите, черт возьми, что произошло?

— Тс-с! Потом. Мне некогда.

И убежал. Пристал я к заместителю начальника одного из отделов, своему давнему сослуживцу по Байконуру, Станиславу Семеновичу Полозину:

— Слушай, Семеныч, хоть ты скажи, что произошло? Не могу ни у кого добиться.

— Да. Тут такое дело. Понимаешь, не велено.

— Что не велено?

— Ну, всё.

— Семеныч, ты что одурел? Да я же засекреченный по полной программе с 20 лет! Ты же знаешь.

— Ладно, пошли покурим... Только на другой этаж.

— Пошли, – хотя я тогда уже не курил.

Семеныч повел меня к редко пользовавшейся лестничной клетке. Поднялись на два этажа. Закурили.

— Ну что? Говори, – нетерпеливо прошу Полозина.

Он посмотрел вниз и вверх, собрался с духом и тихо, почти шепотом говорит:

— На Южной станции такое произошло в субботу!

— Ну, телись!

— Блок разрушен. Радиация ужасная.

— А на какой Южной, на Южно-Украинской? – удивился я – Там же ещё только идет строительство.

— Да, нет. На Чернобыльской. Велено называть её Южной. И ничего никому о ней не говорить. Режим секретности.

— А какой блок?

— Да последний, четвертый. Ты же был на нем, помоему, в прошлом году.

— Да, в мае. Почему разрушился блок? Что-то взорвалось или конструкции не выдержали?

— Не всё ясно. Было вроде два взрыва. Возможно взорвались пароперегреватели, наибольшие разрушения со стороны деаэрационной этажерки. Но почему раскрылась активная зона? Непонятно. Столько топлива выбросило! Заглушили все блоки.

— Облученные есть?

— Да ты что, Валентиныч? Сотни, а может и тысячи. Такая авария!

— Ого! Что же с ними будет?

— Всех по больницам развезли. Пожарных и часть дежурного персонала станции ещё в субботу в Москву привезли на самолете. Жителей Припяти вчера вывезли за пределы зоны.

— Какой зоны?

— Ну, определили зону отчуждения радиусом в 30 км.

— Если так, значит авария грандиозная! Дело хреновое.

— Хуже некуда.

— Что теперь будет?

— Всех снимают.

— Я не об этом.

— Да пустят станцию! Разберутся и пустят.

— Да нет, я про облученных. Что будет с людьми?

— Будут болеть и лечиться. Может всю жизнь. Может и внукам достанется. Ну, давай вразбежную, а то хватятся. Я первый, а ты минуты через три. Не проговоришь, что я тебе сказал.

МАХОВИК

Я сразу направился к заместителю начальника Объединения Евгению Ивановичу Игнатенко, но его на месте не оказалось – он уже был Чернобыле. Зашел в приемную к другому заместителю Константину Николаевичу Мохнаткину. В приемной никого, дверь в кабинет приоткрыта. В кабинете у его стола толпилось несколько человек. Говорили громко, резко, о чем-то

спорили. Я прошел в кабинет, поздоровался, стал в сторонке. Мохнаткин, кивнув мне:

— Подожди, Валентиныч, поговорю с мужиками. Только на тебя у меня пять минут. Я сейчас.

Мохнаткин заканчивал инструктаж начальников цехов, прибывших с разных станций, перед отправкой в Чернобыль.

— В общем мужики на месте разберетесь быстрее. Главное попусту не рискуйте. Завтра, чтобы сообщили мне фамилии, кого к вам командировать с ваших станций для укомплектования смен. Тащите из своих цехов тех, кто понадежнее.

— Цеха на действующих станциях обезглавим, – возразил один из начальников реакторных цехов.

— Чернобыльская теперь не работает. Что туда зря тащить специалистов? – поддержал его другой.

— Облучим лучших, – не остался в стороне третий.

— С кем работать будем? – спросил четвертый.

— Я сказал, чтобы завтра списки были! – аж побагровел Мохнаткин – Вы что ничего не поняли? Время теперь пошло другое. Дру-го-е! Не шутите! Под маховик попадете! Маховик!!! – раздавит! И никто не извинится. Всё, идите!

Проводив их возмущенным взглядом, Мохнаткин помолчал, переводя дух. Успокоившись сказал:

— Как на сковородке. Уже знаешь?

— Знаю.

— Кто сказал?

— Голос Америки, – соврал я.

— Ну конечно. Разве такое можно скрыть, а у нас тут на каждом шагу секретность.

— Слушай, Константин Николаевич, неужели случилось то, о чем помнишь у Овчарова на кухне болтали?

— А что, только у него об этом говорили?

— Так то самое?

— Может да, может нет. Но скорее всего даже хуже. Что произошло, то свершилось. Теперь с этим жить... Ладно. Что у тебя, Валентиныч?

— Константин Николаевич, пошли меня в Чернобыль.

— Ты что с ума сошел? Там радиация чудовищная! Пока тебе там делать нечего. Если понадобится, пошлем. Там сейчас нужны только эксплуатационники.

— Ну, что тебе там делать?

— А восстановление разрушенного блока, дезактивация зданий, сооружений, коммуникаций. Кто это будет делать?

— Химвойска, гражданская оборона, инженерные войска, военные строители. Сейчас подтягиваются. Как на войне.

— А под чьим началом они будут воевать? Что они о станции знают, без нас ничего не смогут сделать? Их этому разве учили? А работа среди разрушений? Надо знать, как разбирать, это знают и умеют только энергостроители, монтажники.

— Валентиныч, бывай, мне некогда, – видя, что я хоть и встал с кресла, но уходить не собираюсь, Мохнаткин сказал. – Ну, ладно-ладно, я подумаю. Сейчас возвращайся домой. Все плановые мероприятия в Объединении и Министерстве отменены. Переходим на другой режим работы. Авральный.

— Забудешь небось?

— Езжай домой. Завтра направлю вызов. Закрывай и передавай все свои дела. Завтра направлю вызов. Бывай!

Да, в тот день 28 апреля 86-го в расстроенных чувствах и смятении вышел я из здания Министерства в Китайгородский переулок. В первом попавшемся киоске «Союзпечати» купил все центральные газеты, которые вышли в тот день. Оглянувшись, присел на скамейку. Перелистал прессу от корки до корки, но ничего о Чернобыле не нашел. Был удивлен: «Странно. Шел уже третий день со дня аварии, и ни слова о ней. Если молчат, значит есть о чем молчать. Видно дело куда хуже, чем можно предположить».

Мохнаткин слово сдержал. Вызвал.

Глава 14.

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ

12.02.2006 г.

Получил открытку от сестры. Болеет, лежит, артриты замучили и сердце сдает. Немудрено, такую жизнь прожить, а под конец воспитывать внуков вместо своих ненадежных детей, а сил-то и нет. Прислал письмо Илья Кузьмич. Николай молчит, а

говорил, что будет писать. Татьяна сообщила, что Николая вскоре после моего отъезда выписали. Её тоже выписали, она уехала в свой Орск. Борис умер, не выдержал мальчонка свалившейся на него беды. Иру родители увезли. Об остальных ничего пока неизвестно.

Выпил за упокой Борисовой души...

От Андрея тоже ничего нет.

На днях приходил Витя Акатов. Как всегда посидели, поговорили. Опять не решился сказать ему, что веду черновыль-ский дневник. В следующий раз покажу.

ЗЕЛЕНАЯ ПАПКА

Сегодня рылся в книжном шкафу и наткнулся на зеленую папку... и снова сел на поезд, идущий в прошлое... На этот раз машина времени остановилась, когда я вернулся домой из Москвы утром 29-го апреля, на четвертый день после аварии на ЧАЭС. Жена прямо на пороге выпалила:

— Утром сообщили по телевидению, на Чернобыльской станции произошла авария. Всех жителей эвакуировали. Ты знаешь, что случилось?

— Знаю. Вот та *«большая беда»* пришла, Валюша! Та самая, о чем мы не раз говорили. Но вывезли не всех. Только жителей Припяти. Определили зону в тридцать километров. Вот за её пределы людей и вывезли.

— А что будет дальше, Петя?

— Вот и я спрашивал, а все о своих креслах думают. Надо ехать, Валя.

— Там опасно, Петя, коль людей вывозят.

— А если буду сидеть дома, прощу себе это в старости? Там — моя родина.

— Так все давно уехали.

— А что от этого и родина исчезла? Сегодня на работу придет вызов.

Только на следующий день в газетах наконец появились сообщения об аварии, но очень уж скудные. В те времена центральные газеты «Правда», «Известия», «Труд», «Комсомолка» были ежедневными и выходили даже в выходные и праздни-

ные дни. И чтобы четыре дня молчать о таком важном событии! Видимо, страх сильно сковал уста.

С самых первых дней стал вырезать из газет сообщения об аварии. Накопилось много вырезок. Последняя за 3-е июня, когда на неделю на побывку отпустили домой. С этого дня я не только перестал делать вырезки, но и вообще прекратил читать газеты. Сложил все вырезки в папку зеленого цвета. Я второй раз уезжал в Чернобыль. Не временно на две недели, как в начале мая, а надолго. Зачем читать газеты, где публикуются материалы, из которых ничего нельзя понять. Одни недосказанности да закругленности. Я уже побывал в Чернобыле и опять еду туда. Находясь в гуще событий, я лучше буду знать, что там происходит.

Уже в конце 1987 года по возвращении домой после многомесячного лечения в Москве от лучевой болезни я опять обнаружил эту папку. Почитал, повздыхал, хотел выбросить, но передумал и наклеил вырезки на листы писчей бумаги. Получился как бы альбом. Только не хроники событий, а хроники дезинформации.

Через почти двадцать лет я опять держу в руках эту Зеленую папку, потерявшую за прошедшее время свой яркий цвет, но не потерявшую свою ценность.

А вот и вырезки. Первая: из главной официальной газеты того времени «Правды» от 1-го мая. Первая, аж, на шестой день после аварии(!) поверхностная информация о чернобыльских событиях с признанием факта радиоактивного выброса:

ОТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

Как уже сообщалось в печати, на Чернобыльской атомной электростанции, расположенной в 130 километрах севернее Киева, произошла авария. На месте работает правительственная комиссия под руководством заместителя Председателя Совета Министров СССР т. Щербины Б.Е. В её состав вошли руководители министерств и ведомств, видные ученые и специалисты.

По предварительным данным авария произошла в одном из помещений 4-го энергоблока и привела к разрушению части строительных конструкций здания реактора, его повреждению и утечке радиоактивных веществ. Три остальных энергоблока остановлены, исправ-

ные и находятся в эксплуатационном резерве. При аварии погибли два человека.

Приняты первоочередные меры по ликвидации последствий аварии. В настоящее время радиационная обстановка на электростанции и прилегающей местности стабилизирована, пострадавшим оказывается необходимая медицинская помощь. Жители поселка АЭС и трех близлежащих населенных пунктов эвакуированы.

За состоянием радиационной обстановки на Чернобыльской АЭС и окружающей местности ведется непрерывное наблюдение.

Скромно говорится об аварии в одном помещении. А это помещение и есть сам реактор. Его ещё называют реакторное помещение, реакторное отделение, реактор. Расчет на незнание населением устройства атомной станции. Подумаешь, одно помещение разрушилось. Но это помещение – и есть опаснейшее чрево атомной электростанции. Об уровнях радиации ни слова. Если радиационная обстановка стабилизировалась, то какой она была и стала, ответа нет. А население подумало: «Стабилизировалось, значит уже не опасно». Но можно ведь стабилизировать и на уровне 100 рентген, то есть в 5 000 000 (пять миллионов) раз больше естественного фона в 20 микрорентген. Сколько пострадавших, с какими диагнозами? Сколько населенных пунктов попало под радиацию? Когда, куда и сколько эвакуировали людей? Ответов нет.

Не говорится, что установлена 30-ти километровая зона отчуждения, с которой должны быть выселены все, а не только «жители поселка АЭС и трех близлежащих населенных пункта». Пятидесятитысячный город Припять назван «поселком АЭС» без названия. Не названы и другие «три близлежащие населенные пункты». Нет ответа почему не вывезли жителей ещё около сотни сел и деревень, попавших в 30-ти километровую зону. Указано расстояние от Киева. Мол не надо беспокоиться, авария произошла далеко от столицы Украины. Но не указываются расстояния от города Припяти, городов Чернобыль. Иванков, Гомель и ещё много других. Не пишут, сколько людей оказалось в зоне, а значит, сколько облучено. Ни слова о том, что в зону введены действующие воинские части с солдатами срочной службы, будущими отцами. Не говорится, кто ведет наблюдение

за радиационной обстановкой, какие организации осуществляют ликвидацию последствий аварии.

В заметке указано, что погибли двое, но не сообщаются их фамилии, причины гибели.

Вот сколько вопросов к этой заметке.

На следующий день под огромным заголовком «О чем говорят факты» в газетах опубликованы три тассовки⁵⁰. Две из них без авторства из Праги «Понимание и сочувствие друзей», из Мехико «Разоблачение кампании клеветы» и из Вашингтона очень подробный «Доклад о неполадках на АЭС США» специального корреспондента П. Богомолова, но передавшего тассовку из Манагуа, столицы Никарагуа. Больно уж неуклюже всё это выглядит. То ли не знают, что и как давать, то ли не успевают сочинять.

В каждом номере центральных газет стали размещаться пространные материалы о неполадках на АЭС других стран. Постоянно публикуются так называемые «разоблачения клеветнических кампаний» против СССР. Интересны заголовки этих так называемых «разоблачений»: «Кому нужна антисоветская кампания», «На уровне неандертальцев», «Невольное саморазоблачение», «Постыдное ликование», «Отвлекают внимание», «Злонамеренная пропаганда», «Сели в лужу» и так далее. На самом деле в западных газетах в основном не было злопыхательства, был естественный страх. Была и критика Советского Союза об умалчивании официальной и достоверной информации в полном объеме. Из-за отсутствия таковой естественно публиковались предположения о том, что возможно произошло.

Если бы информация из СССР сразу же шла достоверной, полной, честной и подавалась бы своевременно, не было бы критики в западных СМИ. Но при отсутствии надлежащей информации, под оправданием, «чтобы излишне не возбуждать народ», власть усердно муссировала тему аварий в других странах. К сожалению и сейчас в нашей стране после неприятных для нас событий тотчас идет обильная информация по типу «у них не лучше, чем у нас» или «смотрите, как у них».

⁵⁰ сообщения ТАСС – Телеграфного агентства Советского Союза.

НЕ СТОИТ БЕСПОКОИТЬСЯ!

Вот, интересная вырезка. На 16-й день после аварии, 11-го мая, когда была уже устранена опасность второго взрыва, опубликована короткая тассовка:

ОПАСНОСТИ НЕТ

БРЮССЕЛЬ 10, (ТАСС). Авария на Чернобыльской АЭС не создала ни малейшей опасности для жителей Бельгии. Уровень в воздушном пространстве страны, в питьевой воде и продовольствии никогда не достигал опасного уровня, заявил здесь премьер-министр Бельгии В. Мартенс.

А что он мог ещё заявить, когда действительно Бельгию радиоактивные воздушные массы обошли стороной. Во время аварии на ЧАЭС была сложная метеорологическая обстановка. Первые четыре дня перенос радиоактивности из раскрытого реактора происходил в виде струи в северо-западном, северо-восточном направлении, затем ветер повернул на восток и 30-го апреля – на юго-восток и юг. Разворот ветра в последующие дни замкнул круг. Потом насытившиеся радиоактивностью облака стали то там, то сям изливать опасные дожди.

Радияция накрыла отдельные территории в Польше, Швеции, Финляндии, Норвегии, Греции, Чехии, Словакии, Словении, Румынии, Австрии, Германии, Италии, Великобритании, Швейцарии. Носило радиоактивные облака по Европе, а на Бельгию, вместе с ней Голландию, Данию, Люксембург, Монако, Францию, Испанию, Португалию из этих облаков не вылилось ни литра ядовитого дождя. Ну, и слава Богу. Вот только почему-то не опубликовали ни одного интервью с руководителями тех стран, на которые, к сожалению, вылились отравленные осадки.

И никто не извинился перед народами этих стран. Да что там чужие страны, перед собственным народом не извинились.

В эти же дни была опубликована огромная статья «Бумеранг» известного в стране международника, академика Георгия Аркадьевича Арбатова. Вот выдержки из этой статьи:

«Специалистов всех стран эта авария (она не первая в мире, а 152-я из зарегистрированных на АЭС, но судя по всему серьезная) заставляет ещё и ещё раз во всех деталях проработать все мыслимые

аспекты безопасности на ядерных реакторах... Не только в близлежащих областях СССР, но и в других странах было отмечено повышение (правда не в опасных для здоровья и жизни людей масштабах) радиоактивности облаков и осадков».

В атомной энергетике существует международная шкала уровней аварий, начиная с выхода из строя всего лишь какого-нибудь вспомогательного агрегата, не приводящего ни к какой опасности. По этой шкале атомщики считают чернобыльскую аварию 152-й. В смысле среди аварий, не по уровню, не по мощности, не по последствиям, а по порядковому номеру. А вот среди ядерных катастроф, а также и ядерных аварий по уровню, по мощности, по последствиям, она стала первой, самой страшной и остается таковой поныне. И не дай Бог, чтобы Чернобыль повторился где-нибудь даже в своей малости.

Дальше у Арбатова идет перечисление международных инициатив СССР в борьбе за мир, хотя сейчас мы знаем, что многие из них были не нашими инициативами, а других стран. Многие процессы были сформированы, когда СССР и в помине не было. Например, международные акты о мирном решении международных споров, о законах и обычаях ведения войн были сформулированы ещё в таких документах, как Женевская конвенция 1864 г., Санкт-Петербургская декларация 1868 г., Декларация Брюссельской конференции 1874 г. и Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг.; практика проведения многосторонних международных переговоров после каждой очередной прошедшей войны вообще началась ещё с Гаагской конференции 1899 г.

Там же Арбатов ссылается на то, что западные страны уже «давно там ждали предлога для развязывания новой антисоветской кампании», чтобы открыть «огонь по растущему международному авторитету Советского Союза». Стоп. Теперь известно, не было такого авторитета у СССР. Был страх перед страной, сначала провозгласившей «мировую революцию», а потом занявшейся экспортом коммунистических режимов. Точно также, как США сейчас занимаются экспортом демократий. Это нас раздражает, и естественно. А их тогда раздражал и пугал экспорт социалистических революций, и это для них было тоже естественно. Квиты.

Только вот их не только раздражал наш экспорт революций, но и вызывал у них жуткий страх, который до сих пор ещё течет в жилах многих иностранцев. Как что-то у нас не так, у них страх. А у наших людей течет в жилах страх от репрессий тридцатых – сороковых годов. До сих пор. Хотя у нас теперь вроде бы другие времена, и холодная война позади. Но страх стал генетическим. У нас свой страх, на западе свой. Сколько же надо поколений и сил приложить, чтобы перестать бояться прошлого? И у них, и у нас.

Арбатов ничтоже сумняшеся пишет о растущем авторитете СССР. Фальшивка! Но дальше автор развешивает такую клюкву, на какую способны только придворные писаки, по принципу, «чего изволите», пусть даже в звании академиков:

«Версия была придумана – читатель это знает – до нелепого примитивная: мол раз Советский Союз не сообщил немедленно о причинах, масштабах и последствиях аварии на Чернобыльской АЭС, нельзя верить ни одному его предложению, нельзя даже вести с ним переговоры и тем более заключать соглашения... Выскажусь своё личное мнение – «грех» всё-таки был. Причина его – не недооценка значения общественного мнения, а недооценка активности, скоординированности антисоветской пропаганды... Серьёзную, но конечно же локальную аварию изобразили наподобие всемирного ядерного бедствия... Реактор типа РБМК-1000... по оценке МАГАТЭ, превосходит по надёжности лучшие западные образцы».

Сначала автор апеллирует к читателю, мол, ты же знаешь. На самом деле читатель не знал и не мог ничего такого знать. Это высший пилотаж словесной эквилибристики! Читатель же не признается, что чего-то не знает. Подумает, наверное я что-то пропустил, и поверит такому писателю – академик ведь.

Потом автор с советской больной головы перекинул всё на здоровую западную. Грех стало быть не в том, что молчали, а в том, что *«недооценили их реакцию на наше молчание»*(?). Вот логика! А как же по-другому? Радиационное заражение у них тоже возникло. Почему же они не имели права требовать информацию? Согласно официальным оценкам трех стран (Белоруссии, России, Украины), от чернобыльской катастрофы так или иначе пострадали по меньшей мере более 9 миллионов человек на территории более 200 тысяч квадратных километров. И

назвать такую аварию локальной! Нет, это и есть всемирное ядерное бедствие.

Ну, а высказывание о надежности реактора типа РБМК – это просто абсурд несведущего человека или политический заказ. Арбатов ведь не физик, не ядерщик, и даже не инженер, а специалист по международным делам. Истинный профессионал не стал бы что-то объяснять не по своей специальности. Арбатов, коль не специалист в атомном деле, мог бы поинтересоваться и тогда бы узнал, что когда ведущие страны на западе начали искать подходы к мирному использованию атомной энергии, они умышленно отказались от уран-графитовых реакторов канального типа именно из-за их ненадежности, возможной опасности и недостаточной управляемости. Ни одна страна не имела таких атомных энергетических реакторов, только Советский Союз. У нас, как всегда, пошли ленинским, то есть «другим путем», с целью, во что бы то ни стало, первыми пустить в строй атомную электростанцию. Что и было осуществлено в 54-ом в Обнинске.

Западные страны, в отличие от СССР, стали делать водородные реакторы корпусного типа, на какие и мы вынуждены были перейти, но на полтора десятка лет позже. И то потому, что только корпусные реакторы можно было ставить на атомные подводные лодки. Из статьи получается, что у нас всё хорошо, нечего беспокоиться. Это у них плохо, а у нас всё нормально. Реактор взорвался, есть погибшие, миллионы людей облучены. *«А в остальном, прекрасная маркиза, всё хорошо, всё хорошо».*

Такие статьи именитых людей хорошо промывали мозги несведущему населению.

ОБОЛВАНИВАНИЕ

Вот вырезка из газеты «Правда» от 8-го мая с опубликованным отчетом о пресс-конференции председателя правительственной комиссии Бориса Евдокимовича Щербины и некоторых безымянных ученых, данной ими 6-го мая в пресс-центре МИД в Москве. Репортаж об этой конференции опубликован только через два дня. Долог путь согласований и политической

цензуры! А ведь уже шел 13-й день после аварии. В этом репортаже было отмечено следующее:

«По результатам систематического контроля радиоактивного загрязнения местности на территории Украинской, Молдавской, Белорусской ССР уровень радиации не превысил норм радиационной безопасности, установленных МАГАТЭ и Минздравом СССР. Повышенные уровни радиации отмечались на территории, прилегающей непосредственно к месту аварии, где максимальные уровни радиации достигали 10-15 миллирентген в час. ...

... в результате аварии погибло двое, более ста получили радиационное поражение. В ночь на 27 апреля все они были доставлены в Москву, где им оказывается необходимая медицинская помощь...

В целях безопасности жителей осуществлена эвакуация всего населения из угрожаемого района...

...Наиболее расхожей претензией стали упреки за несвоевременность информации. Согласиться с этим нельзя. Необходимо было оценить происшедшее на месте, и только после дать информацию. 28 апреля правительствам стран была дана возможная на этот момент информация... Реактор находится в заглушенном состоянии. Это означает, пояснили специалисты, что прекращена цепная реакция деления. Это произошло автоматически в момент аварийной защиты, когда реактор находился на минимальном уровне мощности. В таком состоянии он находится и в настоящее время. Поэтому какие-либо радиоактивные выходы, связанные с реакцией деления, протекающей в настоящее время, действительно отсутствуют...

Один человек погиб от ожогов, другой – от механических травм. Что же касается лучевой болезни, то с этим диагнозом госпитализировано всего 204 чел. с различными степенями поражения...

Безусловно, ответили ученые, выход радиоактивных веществ в атмосферу способствовал тому, что уровень радиации повысился. Основное повышение происходило непосредственно в районе атомной станции. В районах СССР, удаленных от места выброса, а также в прилегающих соседних странах значительного изменения уровня радиации, по нашим данным не произошло. Советские специалисты полагают, что выброс был кратковременным и несущественным по сравнению с фоном».

Опять возникают те же вопросы. Но появились и новые.

Почему такое спокойствие? Не оттого ли, что в инструкциях и учебниках Министерства обороны СССР были указаны установки: «Зараженной радиоактивными веществами счита-

ется местность на которой уровень радиации составляет 0,5 р/ч и более»? Это значит люди до эвакуации, которая произошла только через 36 часов, могли получить до 18 рентген, и всё в порядке, территория, мол, не заражена. А для детей и пол рентгена опасная печать на всю жизнь, гарантия как минимум нескончаемых заболеваний и сокращения срока жизни.

Какие же нормы радиационной безопасности не превысило загрязнение? Опять промолчали. Может имеются ввиду нормы, установленные для работников атомных станций? Это 4 бэра в год. Но работники АЭС трудятся всего 6 часов в день с двумя выходными в неделю, а житель живет на зараженной местности 24 часа в сутки и без выходных. Попробуем сравнить, какая получится разница. Работник АЭС находится на службе 1560 часов в год. Население живет на своей территории (365 x 24 = 8760 часов в год. То есть в 5,6 раз больше, значит во столько раз больше получает радиации, примерно 23 бэра в год. Почти такая норма, то есть в 25 бэр, была установлена для ликвидаторов в чернобыльской зоне. А военные добивались установления максимальной нормы в 50 рентген.

Далее в статье написано: председатель правительственной комиссии отметил, что более ста человек получили радиационное поражение. А чуть дальше в этой же статье некий безымянный специалист уточняет, что с диагнозом только лучевой болезни госпитализировано 204 человека. Надо иметь ввиду, что лучевой болезнью считается облучение свыше 100 рентген (бэр). А радиационное поражение может быть и меньше ста бэр. Всё, что выше естественного фона Земли, то есть 20 микрорентген в час, является облучением. В первые дни облучение за пределами 30-ти километровой зоны превышало естественный фон в 200, 500, местами 1000 раз, а в Припяти в первые дни после аварии местами – до 100 000 раз. Однако в статье умалчивается и об этом, и о том, сколько людей облучено свыше нормы естественного фона Земли.

Опять игра в непонятные слова, создающие иллюзию, что всё нормально, под контролем, не стоит беспокоиться.

А Арбатов пишет о какой-то замечательной автоматической аварийной защите. Что же это за автоматизм, который не

спас от перерастания тревожных симптомов в аварию? Что же это за автоматизм, который можно отключить? Снова обман несведущих. И ещё раз вернемся к тому высказыванию Арбатова, что реактор заглушен, когда находился на минимальном уровне. Это ложь, потому что этого не было. А что было? Реактор взорвался, раскрылся и стал вообще неуправляемым, потому что все трубы и трубки были повреждены, переломаны или просто вылетели наружу. Отвод тепла стал невозможен.

Или статье сказано, что «максимальные уровни радиации отмечались на территории, прилегающей непосредственно к месту аварии, где достигали 10 - 15 миллирентген в час». Я как раз 5-го мая приехал в Чернобыль. Уровни радиации на территории станции были от 10 до 100 рентген, в «Рыжем лесу местами и более 50 рентген. В Припяти даже в ноябре после неоднократной дезактивации и вывозки грунта уровень радиации сохранялся до 5 - 10 миллирентген в час. Территория атомной электростанции, город Припять, «Рыжий лес» и есть *«территории, прилегающие непосредственно к месту аварии»*.

Только на 13 день после аварии, 8-го мая, наконец допустили в зону представителей МАГАТЭ. Через два дня была проведена пресс-конференция в Москве. Член этой комиссии профессор М. Розен уточнил, что уровни в 10-15 миллирентген были на границе зоны, то есть за 30 километров от АЭС, а не на прилегающей территории. Доклад МАГАТЭ советская печать не опубликовала.

ПЛЕННИКИ

И ещё одна ложь в репортаже с пресс-конференции председателя правительственной комиссии. Дескать, «в районах СССР, удаленных от места выброса, а также в прилегающих соседних странах значительного изменения уровня радиации, по нашим данным не произошло... вынос был кратковременным и несущественным по сравнению с фоном». Ну как так можно беззастенчиво врать? Надо же и меру знать!

Я порылся в шкафу и нашел доклад Министерства по чрезвычайным ситуациям от 2000 года «Чернобыльская катастрофа. Итоги и проблемы преодоления её последствий в России». Из доклада видно, что загрязненные воздушные массы

пересекли территории 14 государств Европы, не считая Украину, Белоруссию и Россию. То есть Чернобыль накрыл 17 стран Европы. Зараженной за пределами СССР оказалась территория в 67 тысяч квадратных километров. А на Украине – 38, в Белоруссии – 44, в России – 59 тысяч квадратных километров.

Как обойти тот факт, что в некоторых случаях величины площадей зараженных стран СНГ и дальнего зарубежья сопоставимы, в одних случаях в абсолютных единицах, в других – в процентном отношении?

Конечно, самое жесткое и наиболее тяжелое по последствиям радиационное поражение территорий и населения пришлось на Северную Украину, Южную Белоруссию и Западную Россию. Однако, среди всех стран по площади загрязнения в процентах к общей площади государств: Австрия (13,2 %) уступает Белоруссии (20,9 %), за которыми идет Западная Россия (10,7 %), а в Украине, Финляндии и Швеции проценты достаточно близки (6,6; 5,6 и 5,2 соответственно).

Но так как оценки даны по состоянию на 1-е января 1999 года, то в 1986 году площадь зараженных территорий в действительности могла быть по разным оценкам в 1,5 - 2 раза больше, приведенных в докладе МЧС.

А в отчете о пресс-конференции председателя правительственной комиссии, опубликованном в газете «Правда» 8-го мая 1986 года, указано, что в других странах заражение было «незначительным и незначительным по сравнению с фоном». Вот это и есть «правда по-советски».

Из доклада МЧС за 2000 год также следует, что в России на начало 1999 года зараженными вследствие чернобыльской трагедии оказались территории в 14 областях, радиационно-опасными более 4 тысяч населенных пунктов, в которых проживало около 2 миллионов человек.

Интересно, что пятью годами раньше эти цифры были выше: более 7, 5 тысяч населенных пунктов и более 2,5 миллионов человек проживало в них. Больше всех пострадали: Тульская область – заражено 40,1 % территории; Брянская – 26,2; Орловская – 15,7; Рязанская – 9,2; Курская – 8,9; Калужская –

8,6; Белгородская – 5,3; Липецкая – 2,9. Эти данные я собрал в таблицы и поместил в Зеленую папку. Вот они:

**Сведения
о количестве облученных сверх естественного природного
фона в результате Чернобыльской катастрофы⁵¹**

ОБЛАСТИ	Кол-во жителей в области, тыс. чел. (по состоянию на 1992 – 1993 г.г.)	По состоянию на 01.01.1994			По состоянию на 01.01.1999		
		Кол-во зараженных населенных пунктов	Кол-во жителей, проживавших в них:		Кол-во зараженных населенных пунктов	Кол-во жителей, проживавших в них:	
			тыс.чел.	в % от всех		тыс. чел.	в % от всех
Тульская	1840	2053	902,8	49,1	1305	750,9	40,1
Брянская	1464	1348	477,3	32,6	970	383,6	26,2
Орловская	908	2171	408,7	45,0	899	142,5	15,7
Рязанская	1342	726	199,5	14,9	320	123,0	9,2
Курская	1341	273	140,8	10,5	168	119,0	8,9
Пензенская	1522	190	130,6	8,6	33	10,0	0,7
Калужская	1086	448	95,6	8,8	352	92,4	8,6
Белгородская	1401	94	77,8	5,6	79	74,0	5,3
Липецкая	1240	145	71,0	5,7	75	36,	2,9
Ульяновская	1462	40	58,0	4,0	5	2,8	0,2
Воронежская	2475	103	40,4	1,6	79	33,0	1,3
Ленинград-я.	1674	44	19,5	1,2	29	8,4	0,5
Мордовия	964	28	17,9	1,9	16	11,0	1,1
Тамбовская	1314	29	16,6	1,3	7	2,0	0,2
И Т О Г О:	24018	7692	2662	11,1	4338	1788,6	7,4

**Площади радиационного заражения
в результате Чернобыльской катастрофы⁵²**

	Площадь, в тыс. кв. км.
--	-------------------------

⁵¹ Прим. Русенко: «Взято из официальных источников».

⁵² Прим. Русенко: «Взято из официальных источников».

ТЕРРИТОРИИ	все- го:	зара- жено	в % %
БЕЛОРУССИЯ	208	43,5	20,9
АВСТРИЯ	84	11,1	13,2
Россия Западная (по 14 зараженным областям)	551	59,3	10,7
УКРАИНА	581	37,6	6,6
ФИНЛЯНДИЯ	340	19,0	5,6
ШВЕЦИЯ	450	23,4	5,2
Словения	20	0,6	3,0
Норвегия	320	7,2	2,2
Швейцария	41	0,7	1,8
другие страны			
СССР (Украина, Белоруссия плюс 14 областей России)	1340	140,4	10,5
ЕВРОПА ЗАРАЖЕННАЯ ВСЯ (14 стран плюс Украина, Белору- ссия, плюс 14 областей России)	4273	207,5	4,9
ЕВРОП ЕЙСКАЯ ЧАСТЬ СССР	4589	140,4	3,1
ЕВРОПА ЗАРАЖЕННАЯ БЕЗ СССР (только по 14 странам)	2933	67,6	2,3
<u>ЕВРОПА В ЦЕЛОМ (С СССР)</u>	9700	207,5	2,1
Европейская часть России	3800	59,3	1,6
ЕВРОПА БЕЗ СССР	5111	67,6	1,3

Если предположить, что благодаря проведению работ по дезактивации населенных пунктов и переселению людей из наиболее опасных мест, за восемь лет, прошедших с 1986 года до 1994 год, количество людей, живущих в зараженных местах, уменьшилось хотя бы на столько же, насколько оно уменьшилось в последующие пять лет с 1994 года по 1999 год, то это будет означать, что первоначально было поражено радиацией не менее 3,5 миллиона россиян, в Украине 3,0 и в Белоруссии 2,5 миллионов человек. Итого девять миллионов человек.

А кто считал туристов, побывавших в эти дни на зараженных территориях? Кто считал приезжих в отпуска, студентов на праздники, военных на побывку, командировочных на предприятия? А приехавшие к друзьям, родственникам или просто люди, пересекавшие эти территории при своих поездках в другие места на поездах, в легковых машинах, автобусах. Все они

находились в загрязненной зоне! Кто их считал? Эти цифры неизвестны до сих пор.

Надо попробовать заполнить этот пробел. Времени у меня теперь достаточно пока идет лечение.

ЗАПОЛНЕНИЕ ПРОБЕЛОВ

Ну вот, сам себе дал задание, сам его и выполняй.

Вернее, не только сам. Почти месяц изучал различную статистику конца 80-х годов в центральном архиве, в областной научной библиотеке, кое-что взял на основании данных по предприятиям различных отраслей из статистики по СССР, из Интернета, нашел среднюю посещаемость приезжими зараженных областей, брал данные по туризму, грузопассажирским перевозкам.

Посоветовался с некоторыми российскими специалистами по труду, миграции. В общем, с учетом полученных данных, где прямым расчетом, где косвенным или пропорциональным, с учетом опыта своего и мнений специалистов, прикинул сколько же могло оказаться в зараженных зонах непостоянного населения. У меня получилось не меньше 2 миллионов человек.

Это небольшая и вполне естественная прибавка к 45 миллионам человек, проживавшим на радиационно зараженных территориях СССР.

Надо также добавить ликвидаторов, военных и гражданских, которых тоже было не менее одного миллиона человек. Плюс 9 миллионов, что были указаны в предыдущей записи. Тогда по самым пессимистическим оценкам количество всех облученных советских граждан вследствие чернобыльской катастрофы составило не менее 12 миллионов человек(!).

Вот оно как! А Николай полагал, что четыре. Ему не верили, а он ошибся в три раза!

12 миллионов! Это в два раза больше количества советских людей, находившихся в плену в Германии во время Великой отечественной войны 1941 - 1945 гг.

Но радиационный плен не закончен. Он продолжается до сих пор, и многие даже не знают того, что находятся в его плену. На учете-то состоит не больше 7 процентов от всех пленен-

ных чернобыльской радиацией. Нет, не хочу я умалять страдания пленных во время войны. Какие тяжкие муки, издевательства они перенесли, многие из них погибли.

Но облученные тоже страдают, мучаются, болеют, умирают. А сколько «чернобыльцев» объявляют голодовки, чтобы получить установленные государством льготы! С пришедшими с войны ветеранами так никогда не поступали. Они всегда и до сих пор уже 60 лет имеют более высокие и всегда реализуемые льготы.

Чернобыльцам же всеми правдами и неправдами сокращают социальное обеспечение и на годы задерживают реализацию льгот. А какие невыносимые страдания «чернобыльцы» испытывают, когда болеют и даже умирают их дети, рожденные после Чернобыля! *Этому плену уже два десятка лет и будет он длиться ещё не одно десятилетие.*

Как же можно было утверждать, что радиация «кратковременна и незначительна»? Вот пример беззастенчивой лжи и умышленного введения в заблуждение своего народа.

ВЫМУЧЕННЫЕ ПРИЗНАНИЯ

Перебираю вырезки. Как много вранья, искажений, недоговорок, умалчиваний!

При этом некоторые атомщики говорили: *«Ну что шум подняли. Подумаешь котел взорвался. Ничего почистим, помоём, не впервой»*. Конечно, не впервой, когда за сорок лет случилось ядерных катастроф около тридцати, выбросов с ядерных объектов пожалуй сотня, взорвали шесть с половиной сотен боевых атомных бомб, и в исследовательских и в мирных целях ещё больше сотни.

Всего не менее 900 раз заражали радиационной грязью нашу землю(!), это не считая мелких случаев, когда просто на свалки выбрасывали выбывшие из строя приборы с изотопными капсулами. За такое количество загрязнений можно научиться дезактивации. Хотя и это толком не освоили. Дезактивация проводилась самыми примитивными способами: здания и мостовые мыли брандспойтами из пожарных машин, а помещения и оборудование – чаще всего швабрами и тряпками.

Среди атомщиков пренебрежительное отношение к радиации просто било ключом. Как-то приехал в Чернобыль академик Анатолий Петрович Александров, главный атомщик страны, президент Академии наук СССР, а значит и главный ученый в советском государстве. Пошли на третий блок. Там была ужасная радиационная обстановка. Рядом чрево взорвавшегося четвертого блока. Было одно место, куда можно было подойти, там два блока разделяла стена. Даже просто 10-15 секунд постоять возле неё было страшно. Казалось, что через стену чувствуешь дыхание неуспокоившегося атомного реактора. Работать на третьем блоке было опаснее всего. Помню анекдот был. Рабочий сдает дозиметр и спрашивает: «А можно узнать, много ли я сегодня схватил радиации?». Ему отвечают: «Не беспокойтесь, скоро вам это будет безразлично».

В общем сопровождаем мы Александрова на блочный щит управления, в аппаратное отделение и так далее, а академик всё время ворчит: «Что вы тут возитесь. Блок надо пускать в эксплуатацию. Нормальный блок». Ему говорят: «Да что вы, Анатолий Александрович, уровни радиации высокие. Здесь такие места, что порой больше 10-15 минут работать нельзя. Людей и так не хватает». А он: «Вы время увеличьте. Пусть подольше работают». Мы ему говорим: «Нельзя же, людей пожгем». Тут Александров взорвался: «Да что вы все разнюнькались! Мы твэлы на руках носили и всё вовремя делали! И ни на какие нормы не глядели. Если бы смотрели, то не достигли бы ядерного паритета с американцами». Мы все тоже взорвались. Кричим: «А сколько из вас полегло, вы считали?»... Разрядил обстановку Легасов, спокойно сказав Александрову: «Анатолий Александрович, сейчас не те времена. Мы же теперь все на виду. Не хватало нам новых жертв». Александров вскричал: «Эх, нет на всех вас Сталина! Он не смотрел на Запад, гнул свою линию. При нем СССР стала великой державой. А такие, как вы, Валерий Алексеевич, её профукаете!». Но профукал-то не Легасов, а как раз такие, как Александров и другие, о которых я писал ранее.

Тогда в 1986 году властям всё-таки постепенно приходилось в чем-то признаваться. Безусловно огромное давление на

власть и верхушку ученого мира оказывалось всё более крепнущим общественным мнением.

Были нашумевшие публикации Аллы Ярошинской, и по сей день не устающей разоблачать трусливую власть, особенно на Украине, Юрия Щербака, Михаила Полторанина, Алеся Адамовича и многих других писателей и журналистов.

После годового шока, когда из Чернобыля вернулась основная волна спасателей, вынесших на себе самое опасное бремя, когда развернулось массовое переселение людей из зараженных регионов, резко увеличилась заболеваемость у пострадавших, особенно у детей, давление на власть стало нарастать.

Обозначившиеся противоречия привели в 1988 году к тому, что многие политики, общественные деятели, ученые, публицисты и другие активные граждане готовились к выборам народных депутатов и проведению Первого съезда народных депутатов СССР, намеченного на 1989 год, с требованиями открыть всю правду о Чернобыле и осуществить реальную помощь «чернобыльцам».

ДЕЙСТВИЯ И БЕЗДЕЙСТВИЕ

Через три года после чернобыльской трагедии вышла книга воспоминаний старейших энергетиков, в том числе и бывшего министра энергетики П.С. Непорожного, при котором были пущены в строй все атомные блоки, кроме первого. В этой книге ни слова не сказано об аварии на Чернобыльской АЭС.

Как будто её не было. Рано, ох как рано стали забывать о том, о чем помнить надо вечно.

Вот составил Список вымученных признаний и бездействий:

Только на 6-й день после аварии, 1-го мая, впервые опубликовано признание, что произошел выброс радиоактивности из реактора.

Только на 11-й день, 6-го мая, дана первая пресс-конференция официальным лицом о чернобыльских событиях. Интересно: европейских странах, если после аварии, или какой-либо трагедии не дана пресс-конференция в первые часы, максимум в первый день, то ставится вопрос об отставке соответствующего должностного лица.

Только на 13-й день, 8-го мая:

— было сообщено, что «прибыли подразделения химической защиты», но не указано, что на самом деле это воинские части, что они состоят из молодых ребят срочной службы, то есть «репродуктивного» возраста; сообщено, что госпитализировано 204 человека с диагнозом лучевой болезни разной степени тяжести;

— признались, что погибли два человека, но фамилии не названы.

Только на 14-й день, 9 мая:

— сообщено, что «эвакуировано несколько десятков тысяч человек»; на самом деле к тому времени было эвакуировано около 150 тысяч людей;

— признано, что «в начале киевлянам не хватало полной информации о происходящих событиях, о положении в городе. И это давало

основания для всевозможных слухов... На первом этапе неразберихи хватало». Наконец-то признали то, что все уже знали.

Лишь на 15-й день, 10 мая:

— допустили на ЧАЭС комиссию МАГАТЭ; отчет МАГАТЭ так и не опубликовали;

— опубликовано, что в зоне работают военнослужащие, но каких родов войск и возрастов не указано.

На 17-й день, 12 мая, первое опубликование одной фотографии разрушенного блока с борта вертолета. Видно полностью снеженную крышу четвертого блока, разрушенный центральный зал, под которым размещен реактор. Но это понятно только специалистам, потому что фото сделано из далека со стороны города, все детали очень мелкие, изображение из-за газетной растровой печати нечеткое; кроме того, так как третий и четвертый блок были построены вплотную, то они смотрятся, как одно огромное сооружение, на фоне чего разрушения издали кажутся незначительными, в общем ничего страшного, «не извольте беспокоиться».

На 18-й день, 13 мая, впервые сообщено, что на ликвидацию последствий аварии потребуются месяцы, но сколько, не указано. Официально по разным источникам на это ушло не менее четырех лет, на самом деле ликвида-

ция последствий аварии на Чернобыльской АЭС по-моему не завершена до сих пор – почти 20 лет.

Лишь на 19-й день, 14 мая:

— наконец-то обратился к народу по телевидению фактический глава государства М.С.Горбачев, Председатель Президиума Верховного совета СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС; на следующий день выступление было опубликовано во всех газетах. Почему же он не соизволил этого сделать в первые дни, как руководители зарубежных стран?

— он же впервые сообщил имена двух погибших: наладчик систем автоматики Владимир Николаевич Шашенок и оператор блочного щита управления Валерий Иванович Ходемчук, но не сказал, что его тело навечно осталось лежать внутри разрушенного реактора, и не указал по какой причине погибли ребята;

— Горбачев сообщил о смерти ещё 7 человек; но к этому дню было уже 13 умерших, причем в этот день 14-го мая больше всего умерло – сразу 4 человека. Что это? Не доложили или скрыли?

— он также сообщил, что госпитализировано с диагнозом лучевой болезни 299 человек, но не сказал, что за неделю число этих больных увеличилось в полтора раза, почти на 100 человек.

На 21-й день, 16-го мая:

— наконец-то, хоть робко, но всё же начали публиковать интервью с непосредственными свидетелями аварии, самоотверженно выполнявшими свой долг на 4-ом блоке в момент аварии и в первые самые ответственные часы после неё;

— впервые сообщили о постах дозиметрического контроля на рынках Киева и других городов, даже на юге Москвы.

На 24-й день, 19-го мая:

— рассказано о работе по ликвидации последствий аварии робототехники, но к сожалению не говорится о её малом количестве, постоянном выходе из строя, что приводило к чрезмерному облучению операторов этой техники.

На 25-й день, 20-го мая:

— наконец-то появились публикации о работе в зоне воинских частей, а именно, войск химической защиты, вертолетчиков, инженерных войск, но пока ещё не сообщили, что там работают инженерные войска, военные строители, даже пограничники;

— в журнале «Огонек» опубликован первый фоторепортаж о работе специалистов по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС; всего пять не очень актуальных фотографий.

На 28-й день, 23 мая:

— впервые подробно сообщено о смерти и подвиге начальников пожарных караулов лейтенантов Владимира Правика и Виктора

Кибенка. Рассказали о их героизме, но ни слова о том, что военизированная пожарная часть, специально предназначенная тушить пожары на атомной электростанции, не была готова ни технически, ни учебно к работе по тушению пожара в условиях радиации; у пожарных даже не было дозиметров;

— не сказали, что на тот день уже умерло 20 человек.

Только на 29-й день, 24 мая, наконец-то установлена максимально допустимая доза индивидуального облучения для ликвидаторов в 25 рентген; министерство обороны настаивало на введение дозы для военного времени в 50 рентген. Только усилиями академика В.А.Легасова и сан.-эпид. службы страны идея военных не прошла.

Только на 30-й день, 25 мая, принято решение о призыве военнообязанных из запаса для привлечения их к работам в чернобыльской зоне, а надо было это делать в самые первые дни, чтобы не губить молодых солдат, будущих отцов.

На 31-й день, 26-мая, наконец-то рассказали о подвиге вертолетчиков, которые на необорудованных вертолетах, рискуя здоровьем и жизнью, скидывали в жерло реактора песок, бор, свинец, доломит, глину, чтобы заглушить реактора

На 38-й день, 2-го июня, впервые опубликовали беседу с главным действующим лицом ликвидации последствий аварии, академиком Легасовым, ученым, не побоявшимся взять на себя ответственность по выработке решений по заглушению взорвавшегося реактора. Но интервью дали укороченно, усечённо, отредактировано, с купюрами. Я помню, как Легасов на следующий день сокрушался по этому поводу: «Я же там всё разъяснил, чтобы и у нас, и зарубежом поняли, что это катастрофа мирового масштаба, рассказал, что и почему мы делали и делаем, предложил зарубежным ученым приехать к нам, чтобы помочь, поделиться своими соображениями. Так нет. Именно это, самое главное, и выкинули, а проходные мысли оставили. И не соглашались со мной. Мне стыдно перед коллегами. Они подумают, что я юлил». В полном виде интервью появится только через два года после смерти Валерия Алексеевича.

За 39 дней, то есть до 3-го июня как минимум:

— так и не назвали количество и имена 22 умерших к этому времени эксплуатационников и пожарных;

— так и не назвали во всех газетных материалах безымянный посёлок АЭС настоящим именем,

официально зарегистрированным и обозначенным на всех картах и во всех почтовых реестрах как город Припять с пятидесятитысячным населением. А ведь ещё наши предки говорили: «Без имени и овца баран».

За весь 1986 год, 8 месяцев:

— так и не назвали хотя бы ориентировочное число жителей СССР подвергшихся облучению чернобыльской радиацией;

— не извинились ни перед зарубежными государствами, ни перед своим народом за аварию, принесшую трагические последствия, и за неумелую организацию ликвидации последствий аварии.

За 1986 и 1987 годы, 20 месяцев:

— официально не названы зарубежные страны, на которые распространилось радиационное заражение из-за аварии на Чернобыльской АЭС.

Через 3 года, только в 1989 году (36 месяцев) приняты Концепция проживания людей на зараженных территориях и Закон РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии на ЧАЭС».

Через 3,5 года, в сентябре 1989 года (41 месяц):

— сообщено, что в нескольких селах в Киевской и Могилевской областях, «решение об отселении из которых давно принято, до сих пор почему-то не выполнено».

Только в 1990 году, через 4 года (48 месяцев):

— подтвердили, что радиоактивное загрязнение «обнаруживали 2 мая 1986 года на Украине (Киев, Винница, Ивано-Франковск, Ровно), в Белоруссии (Минск, Брест, Могилев), в Прибалтике (Клайпеда, Рига) и во многих других городах и населенных пунктах европейской части страны», а это означает, что 1-го мая на демонстрациях облучилось не менее чем 5 миллионов участников, в том числе и дети;

— признали в печати, что до аварии не были раскрыты и поняты физические особенности активной зоны реакторов РБМК, не были разработаны методики проведения радиоактивного пылеподавления, то, что имелись недостатки конструкции системы управления защиты реактора типа РБМК.

Только в 1991 году, через 5 лет, наконец-то очевидно дали своё имя, то есть официально аварию назвали *катастрофой*, потому что катастрофа необратима в отличие от обратимых последствий аварии.

Через 6 лет, в 1992 году, наконец-то принята федеральная целевая программа «Дети Чернобыля».

Через 12 лет, в 1998 году, свернута комплексная программа «Помощь» для детей, их родителей и учителей, живущих на ра-

диационно зараженных территориях.

Через 14 лет, 25 октября 2000 г., большая группа инвалидов-чернобыльцев Тульской области во главе с председателем региональной организации «Союз «Чернобыль» Наумовым В.Н. осуществила в Москве публичную акцию возврата государственных наград, полученных за участие в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. Так ответили эти люди на помощь и заботу государства о своих спасателях.

Через 18 лет, 2004 год:

— так и не установлено число людей, подвергшихся облучению;
— не поставлены на учет все ликвидаторы, не говоря о всех облученных; только чуть более 500 тысяч человек зарегистрировано; это лишь 4-х % от 12 млн. облученных.

А.В.

Аллегория.

*«Исполон тақ всё время идет:
чей-то перст направляет вперед,
и уставший, но гордый народ
сквозь преграды куда-то бредет.»*

Конечно, этот Список не полный, следовательно, ситуация ещё значительно хуже.

ОБВИНЕНИЕ

Вчера закончился второй цикл облучения. За этим лечением чуть не забыл закончить предыдущую запись одним соображением.

Когда в позапрошлый раз писал о прессе у меня вызвало решительный протест то, что в докладе МЧС, о котором я упоминал, приводится критика высказываний известной журналистки Елены Масюк. Это про неё Николай говорил в поезде, что она сняла фильм о Чернобыле и в нем назвала число погибших за 13 лет от чернобыльской радиации 300 тысяч человек. Жаль не смотрел ту телепередачу. Тогда я старался ничего ни смотреть, ни читать о Чернобыле. Бывало, мне присылали какие-нибудь материалы, приносили газеты, журналы, информационные бюллетени с публикациями на чернобыльские темы. А я не читал их. Складывал, не знаю, зачем. Наверно, подспудно надеялся, когда-нибудь прочитать. Теперь вот читаю, время пришло.

Так что в докладе? Критикуют, мол, Елена Масюк утверждала, *«за 13 лет от лучевой болезни погибло 100 тысяч человек, а от последствий чернобыльской аварии – ещё 200 тысяч человек»*. В докладе МЧС ссылается на некоего ученого З. Яворски, члена Научного комитета по действию атомной радиации ООН, что, *«от лучевой болезни в ранние сроки погиб 31 человек (это общеизвестно) и за 10 лет умерло ещё 14; риск фатальных онкозаболеваний среди населения не более 670 человек»*.

Тут же приводится таблица, из которой следует, что 56 тысяч человек, непосредственно работавших на четвертом блоке и на территории станции из состава ЧАЭС, Управления строительства № 605 и Объединения «Комбинат» (без учета военнослужащих и гражданских командированных с других станций), получили в среднем облучение в 10 рентген. Странно получается. Запасники и командированные ведь уезжали только тогда, когда набирали по 23-25 рентген. Многие в первые месяцы набирали и больше. Тому есть подтверждение в материалах

проверки, проведенной Генеральной прокуратурой СССР в 1986 году, на которую ссылается Юрий Щербак. Прокуратурой были выявлены случаи, когда солдаты получали дозы индивидуально-го облучения даже более 70 рентген. Сколько таких? Неизвестно. Ив докладе МЧС ни слова.

К тому же надо иметь в виду, что достоверных данных об уровнях облучения даже у зарегистрированных «чернобыльцев» нет, потому что в 1986 году радиологический учет среди командированных в зону был организован отвратительно, накопители радиоактивного излучения выдавались нерегулярно, изымались не вовремя, ежедневный учет был только среди постоянного персонала ЧАЭС и работников Управления строительства № 605. Среди солдат учет велся по средней величине рабочей зоны или по показаниям одного дозиметра, находящегося у командира взвода, а в военно-строительных частях – у командира роты.

Известно, что из 20 тысяч ликвидаторов, работавших в первые недели непосредственно на станции, к 1995 году умерло около 7 тысяч человек. Одна треть менее чем за 9 лет! Значит сейчас возможно умерло 14 тысяч человек из этой группы ликвидаторов. А З. Яворски почему-то называет цифру в 715 человек. Ошибка в 20 раз. Или это двадцатикратная ложь? Если среди ликвидаторов и населения, получивших наиболее жесткое облучение в первые недели после аварии (не менее 1,4 млн. человек), взять процент смертности даже в пять раз меньше, то есть всего лишь 13,5 %, то возможно из их числа уже умерло 190 тысяч человек. Если даже против этого ещё в три раза уменьшить смертность среди остальных 10,6 миллионов облученных, то возможно из них уже умерло ещё 480 тысяч человек. Итого не менее 700 тысяч человек. Так что цифры, приведенные Еленой Масюк, правдоподобны.

Удивляет попытка такого уважаемого ведомства, как МЧС, созданного через семь лет после аварии и потому никак не причастного к ней, исказить действительность.

Ещё в школе детей учат сравнивать только сравнимое. Нельзя, например, складывать метры и килограммы, минуты и литры, людей и собак. Почему же маститые авторы доклада сравнивают средний уровень облучения у заболевших лучевой

болезнью из числа постоянных работников станции с неизвестным количеством заболевших из числа других ликвидаторов и населения? Затем, чтобы, как и в советские времена, делать успокаивающие выводы, что не так страшен Чернобыль, как его рисуют противники власти. Что это, задание или рецидив?

Среди ликвидаторов, работавших в первый год после аварии в Чернобыльской зоне к 1994 году инвалидность в связи с различными заболеваниями получили 100 процентов, а смертность среди них значительно выше средней по стране. Это как раз те самые 1,4 миллиона человек, о которых я написал выше. Эти люди могли быть здоровыми и жить ещё на 10-20 лет дольше, чем прожили или предстоит им прожить.

Известно, что непосредственно от радиации умирают при возникновении острой лучевой болезни. Потом умирают от болезней, вызванных радиацией. Многие облученные, не получая необходимого лечения и средств на него просто медленно угасают. Медицинская статистика учитывает только умерших от лучевой болезни, другие случаи учитываются в статистике других болезней.

Точно также от онкологии умирают лишь в случаях позднего обнаружения опухоли, когда лечение лишь продляет мучительную агонию. Однако на более ранних стадиях обнаружения опухолей люди умирают от самой химиотерапии или её последствий, так как химиотерапия бьет по всему организму, чтобы убить клетки в опухоли, одновременно ударяя и по всем здоровым клеткам. И люди через некоторое время умирают от сердечно-сосудистых заболеваний, поражения кишечника, диабета, почечной недостаточности, гломерулонефрита, тромбоза, трофических язв и других грозных заболеваний, возникших как побочные эффекты от применения химиотерапевтических препаратов. Медицина эти смерти учитывает в статистике соответствующих заболеваний. Отсюда и происходят бодрые репортажи медицинских светил, что от чернобыльской радиации и онкологии, погибло немного людей. А на самом деле сотни тысяч.

Не стоит забывать, что Чернобыль поломал жизнь не только всем облученным, но членам их семей, детям и внукам.

Чернобыль до сих пор преследует миллионы людей и днем и ночью.

При этом врачи высказываются, что мол, не надо беспокоиться, возмущение чернобыльцев – это просто «радиофобия». Они даже обвиняют: людей – в радиофобии, а писателей и журналистов – в нагнетании паники и страха. И ещё нам рассказывают, что где-то в Китае, Андах живут люди при уровне естественной радиации в пять раз выше, чем естественный фон Земли, умалчивая, как живут эти бедолаги. Жизнь и здоровье 12 миллионов людей безразличны?

Нет, это естественный страх человека за свою жизнь и жизнь своих детей, родственников, близких пытаются представить, как маниакальное заболевание. Эта природная осторожность позволили выжить человеку, как виду животного мира. Людям средние величины и сказки про другие земли не нужны. А писателям и журналистам спасибо за то, что не дают спокойно жить лжецам.

Где у человека было тонко в организме, там после облучения и рвется. А потом цепочка, когда одна за одной следуют болезни, изматывая человека, до такой степени, что у него не остается сил бороться. Но умирает он чаще всего не от лучевой болезни или онкологии, а от Чернобыля, доведшего до преждевременной смерти.

Раньше обманывали народ из чувства страха. А теперь что страшит? Или кто?

Елена Масюк попробовала сосчитать количество умерших «чернобыльцев» по состоянию на начало 2000 года – получилось 300 тысяч чернобыльцев. Её обвинили во лжи. Я бы сказал нашей медицине и МЧС – пересчитайте всех до единого, а потом опровергайте! Кстати, 300 тысяч – это всего 2,5 процента от 12 миллионов человек, меньше естественной убыли населения. Она не досчитала.

Ведь тот же МЧС и в том же своем докладе на несколько страниц раньше признается, что «эндокринные заболевания у облученных увеличились в 10 раз, психические заболевания – в 5 раз, сердечно-сосудистые – в 4 раза. Наблюдается у малышей в возрасте до 4-х лет устойчивый рост онкологических заболе-

ваний в 6-10 раз среди всех детей чернобыльцев. Да и темп роста инвалидности среди ликвидаторов в 1,5-2 раза ежегодно вызывает большую тревогу. И это при том, что процент охвата чернобыльцев диспансеризацией ежегодно снижается».

Зачем же наводить тень на плетень? Пора перестать дурить наш измученный враньем народ. Неужели страх всё ещё живет в головах властей и науки?

Или живы ещё невыявленные виновники, в ужасе боящиеся раскрытия правды о их деяниях?

Помню предупреждение Виктора Петровича Овчарова: «Чернобыль нам ещё откроет такие вопиющие факты! Не так ахнем!». Ну вот и ахнули!

Александр Блок, будучи сейчас с нами, наверное опять повторил бы: *«Мы – дети страшных лет России»*.

ГЛАВА 15. ЛИШНИЕ

26 апреля 2006 года

Сегодня двадцать лет со дня Чернобыльской катастрофы. Господи! Уже 20 лет! А ликвидация последствий не закончена, и не будет закончена ещё минимум сто лет.

Кстати, а почему все ликвидации последствий не называются спасательными операциями? Попробую разобраться.

ЗАМЕТАНИЕ СЛЕДОВ

Когда возникала где-либо на равнине чрезвычайная ситуация, то ставилась задача: *ликвидировать последствия* аварии, землетрясения, наводнения и т.п. Сверху шла разнарядка, каким организациям, сколько людей направить на ликвидацию последствий, сколько техники, оборудования, материалов, одежды...

В противоположность авариям или происшествиям в горах или шахтах, там действуют горно-спасательные отряды. И действительно, они прежде всего спасают людей. А в Чернобыле людей не спасали. Вывезли, и то не сразу, и забыли о них.

Больше всего доставалось военным. Особенно военным строителям даже при радиационных авариях.

Началось это ещё с самой первой аварии на ядерном объекте. Это было в 1948 году на печально известном комбинате «Маяк» в Челябинской области. На следующий день после выхода на проектную мощность атомного реактора по наработке оружейного плутония. Интересно, что ликвидацией аварии руководил главный инженер комбината Ефим Павлович Славский. Колоритная фигура. Впоследствии трижды Герой соцтруда, 27 лет был министром среднего машиностроения, под таким названием тогда было закамouflировано сверхсекретное атомное ведомство. Став министром почти в 60 лет, он умудрился возглавлять министерство до возраста 88 лет, поставив рекорд пребывания в должности министра по возрасту за тысячу лет существования России. Последние годы он приезжал в министерство к двенадцати часам и то на пару часов. Часто и вовсе не приезжал. К нему замы и помощники ездили на дачу решать вопросы, подписывать бумаги. В этой должности он и встретил Чернобыльскую аварию с реактором, тип которого так рьяно в своё время отстаивал вместе с академиком Александровым. Вот как получилось – ему пришлось начинать и заканчивать длинный список советских ядерных аварий(!).

С самой первой ядерной аварии при дезактивации территорий, производственных зданий, оборудования, населенных пунктов нещадно использовались военные строители. Хотя существовали и химические, и инженерные войска. Дезактивацию осуществляли вручную, тряпками мыли радиационно загрязненное оборудование, конструкции, стены. Дозиметров не выдавали. И не говорили, что они работают в зоне радиационного облучения. Потом солдат переводили в другие места, как Левушку, мужа Валентины Андреевны, или досрочно демобилизовывали. И уезжали солдатики на болезни и муки, не догадываясь от чего им, здоровым ребятам, выпала судьба маяться до скончания своего короткого века.

Только на «Маяке» за 6 первых лет с 48-го по 54-й произошло сеимь ядерных аварий. Переоблучились более 10 тысяч человек производственного персонала. А сколько солдат обслуживавших и охранявших комбинат, да жителей городка и близлежащих населенных пунктов облучилось, никто не считал.

В 1957 году 29-го сентября в Кыштыме взорвалась ёмкость с радиоактивными отходами. Мощность взрыва оказалась равна около 100 тоннам тротила. Зона радиоактивного заражения в Челябинской, Свердловской и Тюменской областях составила 23 тысячи квадратных километров. Так называемый Восточно-Сибирский радиационный след, о котором мне рассказывал в Чернобыле покойный Виктор Петрович Овчаров. На дезактивацию опять бросили военных строителей. За два года в зоне работало 35 тысяч солдат. Более 5 тысяч военных строителей в первые дни получили дозы до 100 рентген. Потом стали во всю призывать под видом сборов неподготовленных резервистов. Всего в этой операции приняло участие более 50 тыс. чел.

Советская система могла любого превратить в «ликвидатора». *Дело дошло до того, что на дезактивационных работах использовались даже дети.* В результате решения Озерского городского суда Челябинской области от 30 июля 2003 года по гражданскому иску Абрахимовой Г.А., бывшей ученицы школы Татарской Караболки, было впервые доказано, что в 1957-1958 годах к ликвидации последствий этой аварии *«привлекались школьники местных деревень»*. Они занимались уборкой с полей и уничтожением радиационно загрязненной сельскохозяйственной продукции, разборкой деревянных и кирпичных строений там, откуда были выселены жители. Никто из этих детей не знал, какой невероятной опасности подвергали их жизни дяди из штабов Гражданской обороны и местных органов власти.

Уже в начале 80-х годов произошло по меньшей мере пять ядерных аварий! Крупная авария на Ленинградской АЭС в 1982 году, такая же, как потом произойдет в Чернобыле, только без катастрофического исхода. Радиоактивный выброс на Чернобыльской АЭС в 1983 году. Облучение десятка людей в 1984 г. при выводе первого реактора Балаковской АЭС на минимально-контролируемый уровень. Две аварии на подводных лодках.

И эти аварии никого ничему не научили. Страна продолжала быть неготовой к крупным техногенным и природным катастрофам. Профессиональные специализированные формирования так и не создавались, обучение населения проводилось только на бумаге. По моим самым скромным подсчетам получи-

лось, что на всех ядерных катастрофах с 1948 года до Чернобыля облучилось не менее миллиона человек. Это без учета последствий ядерных взрывов на Семипалатинском полигоне, Новой земле, при учениях в Тощих лагерях и от так называемых «взрывов в мирных целях». Возможно это еще миллион человек.

Чернобыльская трагедия вывернула всё наизнанку. Масштаб катастрофы постепенно затронул жителей всей страны. В газетах, по телевидению, радио говорили о «ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС». А потом участников этой грандиозной спасательной операции начали называть *«ликвидаторами»*. Отсюда и пошло это унижительное слово.

Почему же их не назвали спасателями?

Очевидно в те времена руководители самых высоких уровней размышляли таким образом: мол, если есть авария, значит у нее есть последствия. Хороших последствий после таких ситуаций не бывает, только плохие. А всё плохое надо ликвидировать. То есть... скрыть, смыть, уничтожить, чтобы ничего не напоминало о произошедшем бедствии. Потому что в советской стране всё должно быть показательным и лучшим в мире.

Это только на съездах, митингах, партхозактивах, по телевизору советские бонзы постоянно лозунгами говорили: «Надо думать о людях!» или «Забота о человеке – наша главная задача!». А потом еще придумали такую новую фазу социализма – *«социализм с человеческим лицом»*. Наверное, понимали, что до этого у социализма по-советски не было человеческого лица. И ведь верно! Какое такое человеческое лицо могло быть у советского социализма, запятнавшего себя массовыми репрессиями успешного крестьянства, лучших представителей интеллигенции, культуры, науки, видных военачальников, передовых руководителей производств под видом пресловутой «диктатуры пролетариата» с помощью недоучек, неумех, карьеристов, выскочек, властолюбцев.

Под конец они вообще саморазоблачились, придумав изощренный лозунг: «Экономика должна быть экономной!». А для кого экономной? Время ответило: для народа – экономной, а для бесконтрольного партийно-советского аппарата и их челяди – расходной. Нет, этот лозунг не масло масляное, как многие

считали. Здесь таился глубокий смысл. Просто советские руководители были так самоуверенны, что невольно себя саморазоблачили. Как и формулой «социализм с человеческим лицом».

И ПЕПЛА НЕ ОСТАНЕТСЯ

Вот я о чем подумал на днях. На мой взгляд, чернобыльская катастрофа стала для советского режима власти жестоким ушатом холодной воды, причем такой силы, что слабые ножки идеи горбачевской перестройки, по сути задуманной всего лишь как некоторая подстройка, а не истинно перестройка, надломились, не выдержав испытания черной былью 86-го года. Где тут было думать о людях! Была поставлена задача: скорее ликвидировать последствия аварии. Вот потому:

- сначала пытались скрыть саму аварию;
- затем успокаивали народ, что всё под контролем;
- потом занижали уровни радиационного фона;
- радиационного заражения населения;
- уменьшали масштабы последствий аварии... и т.д.

Людьми занялись лишь через четыре года. И то половинчато, непоследовательно, с ограничениями, трудно исполнимыми и льготами, вместо действенной и необходимой помощи.

Наделили чернобыльцев освобождением от всех налогов. Зачем? Им эта льгота была совсем ни к чему. Им нужны были льготы, связанные с укреплением потерянного здоровья, и средства на достойную жизнь. Зато налоговая льгота очень ко двору пришлась всяким ретивым дельцам, которые, как пчелы на мед, рванули в общества чернобыльцев, а то и сами стали их создавать, и подчинили себе и своим коммерческим интересам обманутых, не понимающих, что происходит, и потому не готовых к борьбе за свои права, спасателей. Эти псевдодеятели чернобыльского движения, как и аналогично получившие налоговые послабления комсомольские, спортивные и афганские организации, направили все свои силы не на помощь пострадавшим, пользуясь освобождением от налогов, а повезли в Россию целые реки низкопробного западного спирта и вина, напичканные консервантами соки, вредные для употребления даже здоровыми людьми, также газированные напитки и якобы минеральные во-

ды, всякие сладости, набитые неизвестными наполнителями, заменителями и даже облученными кусочками фруктов с целью их более длительной сохранности, как это до сих пор имеет место в некоторых видах йогуртов и различных смесях. Легко приобретались удостоверения ликвидаторов, а с ними и льготы.

В эти годы под разными вывесками расплодилось множество различных чернобыльских организаций. В каждом областном центре их было от 5 до 15. Например, в таком небольшом городе, как Кострома, с численностью всего-то 280 тысяч человек было шесть обществ чернобыльцев.

Кто это сделал? Государство. Оно создало эту ситуацию, видело беспредел, но не спешило принимать меры, чтобы прекратить этот вандализм. А потом и так скудные льготы государство и власти на местах стали урезать и ограничивать в нарушение своих же законов. Не давали квартиры, не осуществляли индексирование выплат, не выплачивали пенсии и пособия.⁵³

Вставка: Недавно вовсе лишили чернобыльцев существенных средств, предложив им по сути неквалифицированное санаторное лечение в местных лечебных заведениях и профилаториях, попутно лишив инвалидов-чернобыльцев бесплатного междугороднего проезда один раз в год по своему выбору.

Вот мой знакомый Женя Солянов, инвалид вследствие лучевой болезни, после очередного обострения поехал к брату на Алтай, отпаивался там полгода козьим молоком, травами, медом, кедровым бальзамом. Помогло. А санатории не помогали. Стал ездить ежегодно. Чернобыль перестал его догонять. А теперь как ему выживать? До Алтая не доехать: пенсия не позволит, деньги на проезд теперь дают только для поездки на «санаторно-курортное лечение», а это лечение вообще-то дают раз в три-четыре года. А у брата же не санаторий, просто сельское подворье и народные средства. С такой помощью Женя долго не протянет. Так позаботилось о нем родное государ-

⁵³ В этом месте Петром Русенко красными чернилами отмечено «* вставка, см. на об.». Следующие пять абзацев дописаны на обороте страницы под заголовком «Вставка». Возможно эту запись Русенко сделал после опубликования в августе 2004 г. Закона о монетизации льгот, по которому действительно ухудшилась социальная защита чернобыльцев.

ство. Умирай, Женья! Этим ты поможешь государству сэкономить на льготах, проезде и пенсии. А как же? Что забыл? «Экономика должна быть экономной».

С легкой руки московских чиновников черныбыльцев лишили права самим определять, как сохранять своё здоровье, где и у кого лечиться. Отобрали крохи у черныбыльцев и по сути направили эти деньги на поддержание на плаву не соответствующих времени, с отсталыми лечебными технологиями и ужасным обслуживанием, санаториев, пансионатов, домов отдыха, профилакториев, а также на содержание дополнительного количества чиновников, занимающихся сбором информации, распределением, контролем, отчетностью.

А ведь деньги в руках тех, кому они нужны, как раз и работали бы по рыночному. Качество и объем их спроса четко определил бы рынок, кто и как лечит, а кто денежки стрищет и дурачит. Санатории сами прибежали бы к черныбыльцам. И не потребовалось бы содержать лишних чиновников. Появился бы истинный, цивилизованный рынок лечебных заведений и настоящих врачей и целителей. Государству тоже – меньше бюджетных затрат, меньше коррупции, меньше потерь бюджета, меньше взяточничества. Зато больше налогов от бизнеса, а значит поступлений в бюджет. Всем выгодно!

Всем, кроме чиновников, сидящих на распределении денег, кредитов, установлении льгот, контроле за бизнесом, заключении договоров на поставки товаров для государственных, муниципальных нужд, социальной защиты населения.

Государство постоянно унижает и обманывает своих Спасателей Чернобыля, ухудшает качество жизни, не дает необходимых средств на углубленное лечение. Никому не секрет, что все черныбыльцы – это серьезно больные люди, которым необходимо постоянное лечение. Им нужны не якобы регулярная квалифицированная медицинская помощь, к которой порой и не прорваться, а средства на дорогие операции, заботливый уход, периодическую реабилитацию, оздоровление и постоянный контакт с врачами до конца жизни, а также прием дорогих зарубежных лекарств и медицинских средств. И ещё: они должны быть

спокойны, что после их смерти их вдовам и детям не уменьшится, а сохранится денежная поддержка, как и при их жизни.

Чтобы диагностироваться, оперироваться и лечиться в московских онкологических, иммунологических, гематологических и иных клиниках, надо представить письмо местного органа здравоохранения на передачу квоты по обязательному медицинскому страхованию. А там её или не берут, а если и берут, то всё равно найдут за что взять деньги с пациента. При этом врачи постоянно твердят, что от передачи квот они ничего не получают. Как бы намекают, что надо раскошелиться. А за проживание в гостинице во время обычно многодневной диагностики либо амбулаторного лечения или до того, как освободится место в больничной палате, тоже надо платить, и не малые денежки. Жилье в Москве, Питере, в других крупных городах дорогое, не менее тысячи рублей в день, а то и больше. А питание? Минимум пятьсот рублей в день, но очень скромно. Вот и получается, что *бесплатное лечение* в Москве, Питере и других крупных городах, где есть современные онкологические центры, обойдется чернобыльцу в три – пять тысяч американских долларов при удачном стечении обстоятельств.

Жизнь чернобыльцам продолжают осложнять! Неужели это делается для того, чтобы *ликвидировать ликвидаторов*, как ненужный слой общества. Возможно в слове «ликвидатор» тоже таится скрытый смысл: то ли тайная установка на негативное отношение к ним, то ли негласная подсказка, что этот слой людей не нужен обществу. Метод тот же, что и у Ленина – *«экспроприация экспроприаторов»*, то есть уничтожение слоя людей, а под каким соусом, не имеет значения. Может быть поэтому чернобыльцев, отдавших свои жизни и здоровье ради спасения других, в нашей стране не особо чтут.

Назвали чернобыльцев ликвидаторами и как будто печать поставили на них: *«Ликвидировать!»* Чиновники часто бессовестно, открыто, никого не стеснясь, говорят нам прямо в лицо: «Зачем в Чернобыль ездили? За деньгами? Сами виноваты. И нечего скулить!» В стране пока ещё правит не народ, и даже не его представители типа всяких депутатов, а бюрократия – власть

столов и кабинетов, ковровая власть. Такие чиновники и придумали это позорное слово – «ликвидатор».

А самих ликвидаторов унизили до такой степени, что для бюрократии и руководителей разного уровня вплоть до самого верха – это просто какой-то пепел. Мешает. Надо просто смахнуть этот пепел, сдуть. Нет ликвидаторов, и нет проблем.

Но пепел Чернобыля ещё жив, хоть бюрократии и не виден. Через следующих двадцать лет Спасателей Чернобыля в живых совсем никого не останется. Задача ликвидации последствий решена путем исчезновения самих ликвидаторов. И пепла не останется.

ЗАБЫТОЕ СПАСИБО

Если бы ликвидаторов называли *Спасателями Чернобыля!*.. Может чиновники и государство стали бы лучше относиться к спасателям, больше благоволить. Хотя, вряд ли...

Прошли годы после Чернобыля. Пришло время и образовали специальные отряды спасателей, которые впервые опробовали на Спитакском землетрясении. Потом организовали и целое министерство по чрезвычайным ситуациям, сформировали мощные спасательные войска. Услышаны наши молитвы, и это теперь есть!

Но слово «ликвидатор» все остается в лексиконе правителей, политиков, чиновников, законодателей, журналистов. А потому и в народе. Фраза «*Ликвидация последствий аварии на Чернобыльской АЭС*» так и гуляет из закона в закон, вместо, справедливого, гуманного, достойного определения – «*Чернобыльская спасательная операция*».

Чиновники от финансов, здравоохранения, социального развития всё ищут способы экономии на ликвидаторах и остальных чернобыльцах. Партии различной направленности лишь соревнуются в пропагандистской трескотне, иногда и по поводу чернобыльцев, что участь последних не улучшает...

В день памяти о чернобыльской трагедии возлагают венки. Вечная память погибшим! Но у ещё живущих нет больше сил бороться с бюрократической чумой.

С последствиями катастроф бороться легче.

Глава 16. ОТСЧЕТ

29 мая 2006 г.

Всё чаще возвращаюсь к давно меня мучающим вопросам:

- Отчего произошла чернобыльская авария?
- Что роковое предшествовало ей?
- Почему развалилась моя Родина, великая и могучая?
- Что стало причиной, исходным толчком?
- Как мы перешли *красную черту*?

И теперь назад пути нет, воскресить ничего нельзя, и сохранить прошлое можно только в своей памяти?

Сколько написано различных статей, книг, диссертаций о причинах чернобыльской трагедии и развала Советского Союза. Много точек зрения высказано. Но все говорят об аварии и распаде страны по отдельности. А я эти события воспринимаю как единое целое, как звенья одной цепи.

НА РАСПУТЬЕ

Мне кажется, не горбачевская перестройка и не Беловежская Пуща развалили Союз. По-моему, именно Чернобыль стал той бомбой, нарвавшись на которую, корабль по имени СССР не мог уже долго оставаться на плаву. Тем более, что в 1985 году перестала работать «нефтяная игла». В середине 80-х годов стоимость нашей нефти упала в пять раз, страна стала брать в долг и безмерно...

И вот в этот самый, очень тяжелый для страны момент на советском корабле взорвался Чернобыль. Пробоина была слишком велика и не смогли её задраить. Удар сокрушительный. Страна не сохранила ни единства, ни будущего. Жить по-старому после аварии, потрясшей всю страну, теперь было невозможно. Как жить по-новому надо было понять, осмыслить, извлечь уроки, отказаться от догм, стереотипов, привычного уклада и захотеть жить по-другому, лучше, расчетливее, продуманнее, честнее, праведнее.

Может быть я не прав, но мне думается, что именно Чернобыльская катастрофа стала точкой отсчета крушения СССР.

Страна в который раз оказалась *на распутье*. Как в известной сказке, перед страной возник знаменитый Камень Сомнений, на котором были указаны три пути нашего движения дальше, и надо было выбирать. Первый – продолжение тоталитаризма, всё скрывать, замалчивать и всех держать в узде. Второй – путь освобождения, полностью раскрыться и покаяться. Третий – путь ублажения, и обещаний, а не конкретного перспективного расчета и дела.

Первый путь к тому времени был практически невозможен, хотя приверженцев его была уйма. Как ни упиралось руководство СССР, мир уже многое не позволял скрыть. С трудом, но постепенно один факт за другим становились известными, и только порождали новые вопросы, от которых укрыться было всё сложнее и сложнее. Невозможность следовать первым путем указывала на необходимость выбора второго пути.

По второму пути, то есть полному раскрытию, советское руководство сначала побоялось идти, но под давлением обстоятельств решило воспользоваться ситуацией, перехватить инициативу. Чернобыльская авария, последовавшие невероятные сложности по преодолению её последствий, выступления общественности и резкая международная критика попыток советского руководства умалчивать и исказить ситуацию после аварии – именно это толкнуло Горбачева и его соратников поставить на январском 1987 года Пленуме ЦК КПСС вопрос о гласности. Ход хитрый, лукавый, но и рискованный. Не исключено, что других путей спасения ситуации и самих себя горбачевская команда просто не видела или не хотела видеть и посчитала половинчатый путь единственно возможным.

Следовать до конца в этом направлении они и не собирались. Потому вскоре наступил *момент истины*. Обнаружилось, что политика гласности – это всего лишь политика успокоения масс путем приоткрытия только того, что партийная власть считала возможным. Они попытались осуществить изобретенный ими четвертый принцип в тайной стратегии управления народом. К тем трем, о которых я писал ранее: «управление народом посредством дезинформации», «посредством страха», «посредством фальсификаций», они добавили новый принцип: «*управ-*

ление народом посредством превращения пара народного возмущения в гудок». Лукавство этой идеи для большинства было очевидно.

А второй путь на нашем распутье требовал истинной, реальной гласности, полной открытости, последовательной и искренней. Народ ждал именно это, что стало бы поворотной точкой отказа от старого, революционно-утопического, и возвращение страны на эволюционную магистраль общечеловеческого прогресса. Возможно, тогда Советский Союз не рухнул бы, а выход на рыночную экономику и демократию был бы более продуманным, расчетливым, мягким, не исключено в чем-то похожим на китайскую модель самобытного, независимого пути, опоры на собственные силы. Однако вышло так, что противоречия были разрешены по сути новой революцией, то есть одна революция (октябрьская 17 года) сменила другую (послепутчевую 91 года), со всеми вытекающими проблемами после-революционных бед и напастей.

Возможно, дело было даже и не в этом. Путь гласности и открытости вёл к демократизации общества. Этого власть боялась пуще всего и потому не хотела допустить. Вещать о демократии было привычной демагогией партийно-советских руководителей ещё со времен первой советской конституции и особенно третьей 1936 года, когда по стране уже полным ходом шли репрессии неугодных людей. Говорить о демократии, показательно демонстрировать её всему миру это одно. А осуществить демократические преобразования реально и в полном объеме тогдашнему руководству страны казалось опасным, что собственно ощущается и сейчас, хотя и в другую эпоху. История бесконечно повторяется, и людей, оказавшихся на вершине власти, как правило ничему не учит.

Объективный ход истории изменить нельзя. Его можно лишь приостановить, на время искривить. Чем дольше остановка, чем больше искривление, тем драматичнее и трагичнее возвращение. Наш народ не раз ощутил это на собственной шкуре.

Ход истории считает всех, кто на первое место ставит себя и своё окружение, а не судьбу страны и своего народа. Но к сожалению, как писал Лев Гумилев, часто с такими правите-

лями история сметала с карты мира и их народы. И это очень опасно, потому что Александр Александрович Зиновьев нам напомнил: *«Народы, как и люди, живут один раз»*.

ТРУСЛИВЫЙ ВЫБОР

Горбачевщина выбрала третий путь. Тупиковый и безнадежный. Ибо как невозможно ничего добиться от солдата, если ему постоянно подавать известную в армии противоречивую команду: «Стой здесь, иди сюда!», так и нельзя получить положительного результата, делая одновременно два противоположных действия.

Не бывает управляемой открытости, это – цензура.

Не может быть управляемой демократии, это – игра власти в демократию, похожая на морковку, подвешенную на палке впереди упрямого ишака, чтобы он шел вперед туда, куда путь ему указывает тот, кто держит морковку.

Не может быть управляемого рынка, это – подмена понятий, таящая в себе отказ от требовательного, справедливого, без потворства одним и дискриминации других, регулирования самих рыночных отношений, без чего управляемый рынок на самом деле превращается в олигархократию и плодит коррупцию.

Когда говорят одно, а делают другое, обещают и не выполняют – это не только раздражает людей, но и готовит их к открытому возмущению. Критика половинчатой политики государства после Чернобыля привела ко всё более жестким ударам по власти с двух фронтов, то есть одновременным нападкам на власть, как сторонников первого, так и сторонников второго пути. А война на два фронта, тем более со своим народом, всегда проигрышна. Не случайно ещё в 1988 году, проживая в Мюнхене, знаменитый философ-логик, великий современный провидец Александр Александрович Зиновьев этот период нашей страны очень точно назвал «катастройкой».

Уже через семь месяцев после Чернобыльской катастрофы произошло первое на территории СССР выступление под лозунгом «Казахстан для казахов!», подавленное воинскими подразделениями МВД, КГБ, курсантами пограничного училища, в результате чего 3 человека погибло, 200 ранено, более 100 от-

правлены в тюрьмы и психушки. А дальше хуже. Весной 91-го войска МВД СССР и «ОМОН» Азербайджанской ССР провели операцию «Кольцо» по зачистке армянских сел в Нагорном Карабахе, пытавшихся отстоять свою автономию, в результате чего началась армяно-азербайджанская война. Потом возник осетино-ингушский конфликт, осетино-грузинская и абхазо-грузинские войны, война между Тирасполем и Молдовой за автономию. Боевые действия по захвату телецентра в Риге ускорили выход прибалтийских республик из СССР. Избиение армейскими саперными лопатками мирной демонстрации на центральной площади в Тбилиси оказали такое влияние, что Грузия вступила в СНГ только через три года после распада СССР. Советский Союз и дружба народов затрещали по швам.

Августовский путч 1991 года был попыткой возврата к первому пути его апологетами. Но путч стал логическим завершением третьего пути – катастрофой, крушением государства. Не было бы путча, всё равно произошел бы сокрушительный взрыв народа.

Чернобыль стал приговором некогда крупному и сильному государству, его системе и режиму. Путч просто ускорил развод по-беловежски. Ведь ещё до путча ряд руководителей советских республик уже ставили вопрос о роспуске Союза 22-го года и заключении нового конфедеративного союза. А это означало наличие в каждой республике полного суверенитета вплоть до собственной армии. Потому развод был неизбежен. Не было бы его, был бы односторонний выход республик из СССР. Ещё *до путча* прибалтийские республики фактически вышли из Союза, совершенно справедливо обвинив руководство страны в силовом вооруженном давлении и объявив о восстановлении своей государственности. *После путча* Украина, Грузия, Молдавия объявили о суверенитете и независимости, испугавшись сильной советской руки кремлевских «железных голубей мира», кремлевских безумцев.

В Беловежской Пуще, попытались сыграть на опережение, так как горбачевская группировка всячески затягивала подписание нового Союзного договора, выторговывая центру больше привилегий и власти. Такое долго продолжаться не могло, по-

этому созрела идея ускорить этот процесс и превратить надвигающийся разрыв брака не по любви в цивилизованный развод. Но было поздно. Развод обернулся разрывом исторических, культурных и экономических связей, а потом и политическим расколом. Только хаос коалиций на постсоветском пространстве до сих пор рвут и содрогают наши страны и всё СНГ.

Вот так, в один миг разрушилась могучая страна, на деле оказавшаяся колоссом на глиняных ногах и разделила нашу современную историю на *эпоху до Чернобыля и после него*.

Многие считают, что наша история разделена на эпоху до Беловежской пущи и после неё. Но Пуща ведь стала следствием путча, поэтому другие считают, что история страны теперь разделена на период до путча и после него. Однако сам путч стал следствием половинчатой политики руководства страны, с одной стороны объявившей гласность, открытость, демократические реформы, а с другой стороны, продолжавшей политику обмана, обещаний и сдерживания насущных реформ. Стать же на путь гласности и открытости советское руководство вынудил Чернобыль и события, связанные с ним. Раскол Союза был неминуем. Возможно чернобыльская трагедия его ускорила, обнажив до предела все проблемы и противоречия социализма по-советски. Это было неизбежно. Существовал только вопрос времени.

ПРЕДЫСТОРИЯ

Сегодня с утра застрял у меня в голове вопрос, а что явилось непосредственной причиной, *причиной причин*, чернобыльской катастрофы? Причин-то много. С какой начать?

Наверное, с того времени, когда в начале восьмидесятых годов мы в кулуарных беседах или кухонных спорах говорили о том, что на где-нибудь должна случиться *«большая беда»*.

Или вот: не было ни одной атомной станции, на которой в период строительства не возникал бы крупный пожар, на которой не происходило бы радиоактивных выбросов, не приключались бы какие-нибудь проблемы с ядерными отходами. Не было блока, который бы принимался без сотен недоделок.

Иногда на всю страну министерство энергетики рапортовало о вводе в эксплуатацию блоков, на которых ещё не была

произведена обкатка турбины, не осуществлен выход на минимально контролируемый энергетический уровень или торжественно демонстрировали включение блока в энергосистему и ещё полгода доводили его до действительно рабочего состояния. Например, как пускали первый блок на Смоленке.

Да и проектировали, и строили скверно. На всех стройках требовали экономить строительные материалы и проектировщикам, и строителям. А какое качество строительства было: то сваи не добьют, то бетон не той марки, не та арматура, конструкции с трещинами и так далее...

Огромной проблемой был крен реакторных отделений ядерных энергоблоков. Расхождение между допустимыми кренами фундаментных плит под реакторами и фактическими достигал 20 и более раз. На Запорожской АЭС в 1984 году после трех лет её эксплуатации выравнивание крена очень рискованно осуществили установкой контргруза из бетона массой 1,5 тысячи тонн в 30 метрах относительно оси реакторного отделения. На первом блоке Балаковской АЭС заправили фундаментную плиту, нарушив технологию осуществления таких работ на обводненных грунтах, в результате на крыше реактора установили контргруз, перемещающийся в противоположную сторону от той стороны, на которой обнаруживался крен. Как указывает Домбровский, известный инженер-конструктор, автор *«расчетной формулы В.Н. Домбровского при фундировании»*, до сих пор на всех блоках Балаковской АЭС крен реакторов превышает допустимую величину от 7 до 22 раз. А ведь на Балаковской АЭС планировалось строительство 24 (!) блоков. И это на площадке с постоянно ухудшающимися геологическими условиями. Где был разум, неизвестно!

В Волгодонске в карстовую полость провалился жилой дом. Слава Богу ещё незаселенный. А ведь в том районе строилась Ростовская АЭС. В 1982 году на Ровенской АЭС в карст провалилось здание пионерной базы. Только после этого обнаружили, что все блоки станции стоят на карстовых образованиях. Полости достигали 15 метров по высоте на глубине от 20 метров и ниже. Вынуждены были проводить цементацию грунтовых оснований первого и второго блоков, пущенных в эксплу-

атацию соответственно в 1980 и 1981 годах. Крымскую АЭС привязали на тектоническом разломе в сейсмически опасной зоне. Вот сколько могло быть трагедий!

Думающих людей количество этих случаев тревожило. Это были звоночки, сливающиеся в набатный звон предостережений. Те, кто обязан был слышать этот звон, сами звонили больше о себе и своих победах, а потому слышали только себя, а не специалистов.

Мы полушепотом обсуждали тогда скудную информацию о большом радиоактивном загрязнении территорий вокруг Нововоронежской и Белоярской атомных электростанций, о чем говорили западные радиостанции. Опять слушали их по ночам, как после Чехословакии в 68-ом. Просачивалась информация о ядерных авариях. Был серьезный выброс радиации в 1983 году и на Чернобыльской станции, даже город Припять мыли от радиационного загрязнения. По большому секрету из уст в уста распространялись отрывочные сведения о крупной аварии на Ленинградке – Ленинградской АЭС. Потом кризисная ситуация на Армянской АЭС, когда чуть было не перешли критическую точку, когда могли возникнуть опасные обстоятельства, если бы не действия не успевшего испугаться стажера, не в пример опытным специалистам, в страхе оставившим свои рабочие места. Переполох на станции и паника в городке атомщиков были показательными.

Худые вести не лежат на месте. Пусть по чуть-чуть, но долетала до нас информация и с атомного подводного флота. Шила в мешке не утаишь, как и платок на роток не накинешь. С атомных подводных лодок к нам приходили офицеры и матросы, отслужившие свои сроки военной службы. От них мы многое узнавали.

Пять моряков умерли от радиации на атомной подлодке К-27. Затонула подлодка ПЛАК-429 у берегов Камчатки. Пропала в Японском море подлодка С-117 с 52 моряками на борту. В результате взрыва ракет затонула подлодка К-219. Наиболее значительной аварией до Чернобыля являлась гибель 122 моряков на подлодке Б-37 в результате взрыва торпед. А из передач «Голоса Америки» мы вдруг узнали, что в 1974 го-

ду, американскими специалистами с глубины 5000 метров осуществлен подъем части советской подводной лодки «К-129», на борту которой находились баллистические ракеты.

Но особенно жуткой была история первой советской атомной подводной лодки К-19, несущей боевые баллистические ракеты с атомными зарядами. Её спустили на воду в начале 1960 года, на три месяца позже американской атомной подводной лодки «Вашингтон». Гонка обернулась изготовлением лодки по методу проб и ошибок. То есть с листа, без необходимых теоретических обоснований, обкатки технических решений на моделях и опытных образцах, без полевых испытаний.

Собственно так строились и первые атомные энергетические блоки на Нововоронежской и Белоярской АЭС. Тоже с листа. Плохим предзнаменованием для К-19 была неразбившаяся о борт лодки бутылка шампанского при спуске её со стапелей судостроительного завода «Заря». Более того, из-за заклинившего механизма спускного аппарата лодка чуть тут же не затонула.

Лодка четыре раза горела. Первый раз – ещё в доке при строительстве. Второй раз, самый опасный – после столкновения с американской атомной подводной лодкой «Наутилус» в Северной Атлантике. Потом при ремонте лодки после этого столкновения. Затем при модернизации лодки, несмотря на то, что по всем существовавшим тогда нормам её обязаны были списать. На этой недоделанной лодке, выкидыше гонки вооружений, трижды могла произойти ядерная катастрофа. Это уже после Чернобыля были ужасные по своим последствиям крушения атомных подводных лодок К-278 «Комсомолец» и «Курск» с гибелью личного состава моряков-подводников.

Но трагедии на атомных подлодках, ядерные аварии на предприятиях Минсередмаша и АЭС судя по всему ничему не научили. А как можно научить тех, кто не хочет учиться? Никак. Можно только одно – тех, кто не учится удалять подальше, чтобы за безнаказанностью не расцветала беспечность и трусость.

В начале 80-х годов была ещё одна леденящая душу история. Она произошла на Кольской АЭС, которая располагается недалеко от города с красивым именем Полярные зори. Там в трубопроводе первого контура, по которому выходит из реакто-

ра радиоактивный пар, обнаружили на самом ответственном месте сварку трубопровода встык. Это сделал не кто-нибудь, а дипломированный, неоднократно награждаемый и поощряемый сварщик, имевший личное клеймо, свидетельствовавшее о доверии к нему и о том, что он может работать без контроля. Он просто хотел сделать побыстрее, чтобы побольше получить премию за достижения в социалистическом соревновании за коммунистический труд. Могла быть такая авария, в результате которой Кольский полуостров стал бы территорией, наподобие той, что показана в кинофильме «Сталкер». И зори здесь были бы только радиоактивные.

В 1984 году на Балаковской станции при выводе первого реактора на минимально-контролируемый энергетический уровень в общем-то в простейшей ситуации переоблучили около десятка человек. Тогда эта весть не на шутку встревожила, взбудоражила всех нас и уже вслух заставила говорить, что обязательно что-то где-то рванет, будет *«большая беда»*, которая как нам казалось уже стучит в дверь. А ещё долетевшие обрывки информации о взрыве на атомной подлодке в бухте Чажма.

А действительно, если бы такая авария случилась на Курской АЭС? До Москвы 480 километров, а от Чернобыля до Москвы – 700. Или того хуже – на Смоленской? До Москвы – всего 310 километров. Это же в два раза ближе! А если бы на Ленинградке? До семимиллионного Питерского мегаполиса всего-то пятьдесят км.

КОРЕНЬ ПРИЧИН

Вот чудо! – простые работники атомных станций, не являющиеся учеными, конструкторами, догадались о причине возможной *большой беды* задолго до её возникновения. Ученые и руководители твердили в своих учебниках, диссертациях, докладах, статьях о невозможности на атомной станции ядерного взрыва из-за цепной реакции. Они забыли, что бывают просто тепловые взрывы в устройствах, где может образоваться избыточное тепло, в том числе и в ядерном реакторе. О тепловом взрыве написано не только в учебниках по теплотехнике для ПТУ, но и в школьных учебниках по физике. Такое ощущение,

что ученые и руководители, которые привели атомную энергетику к Чернобылю, нигде не учились.

В это трудно поверить? И не надо верить. Потому что причина по-моему совершенно в другом. В страхе.

Если следовать великой мысли Козьмы Прутков: «Зри в корень!», то где он? И тут мне всё стало ясно – корень причин, *causa causalis*, в Ленинградке. Нет не в той четырехлетней давности аварии. Корень в том, что (внимание!) из-за страха за себя засекретили акт государственной комиссии по выявлению причин аварии на Ленинградской АЭС ... Из-за своего животного страха!!!

Разработку реакторов уран-графитового типа возглавляли Александров, Блохинцев, Доллежал, Алеханов, Славский и другие. У Легасова было иное направление деятельности.

Если бы реализовали предложения, изложенные в акте по ленинградской аварии, может быть и не было бы чернобыльской трагедии. Тысячи людей не погибли бы, миллионы не облучились. Сколько судеб продолжали бы свой жизненный путь. Не было бы скорби и горя, наложивших безрадостный отпечаток на жизнь миллионов семей. Может быть, и страна не распалась бы. Вот она *causa causalis*, *первопричина* – шкурный страх!

САМООТВЕРЖЕННЫЕ

Имея разные мотивы, боязливая власть и трусливые авторы опасного реактора, сошлись в обоюдном стремлении отвести ответственность и перевалить её на невинных ребят, дежуривших в ту смену на блоке, непризнанных рыцарей Чернобыля, которые, рискуя своей жизнью и погибая, сумели заглушить реактор, остановить возможное возникновение ядерной цепной реакции, сделали всё, что могли в той ситуации, чтобы катастрофа не оказалась ещё большей. Ни один из них не покинул своего рабочего места. Некоторые ребята добровольно прибежали с других блоков помогать товарищам. А помощь в этой ситуации была ох как нужна! Например, чтобы вручную опустить механизм отключенной аварийной защиты, необходимо было повернуть штурвал порой усилием двух человек. А на чет-

вертом блоке защита не поддалась и четверем, буквально повисшим своими телами на штурвале защиты.

Поэт Владимир Леоновия писал:

*Убийцы мне внушают страх,
А трусы – мне внушают ужас*

Вот он главный корень Чернобыльской трагедии – *система активной трусости!*

Как героически вели себя ребята в критической ситуации! Как оказалось стояли насмерть! Могли бы и разбежаться. Но они же профессионалы-атомщики и лучше других знали, какую опасность таит в себе реактор. Честь для них были важнее собственной жизни. У них в голове даже секундной мысли о побеге не возникло. Стояли до конца, пока были силы, потом их просто выносили.

Валера Ходемчук погиб под обломками конструкций. Четвертый блок стал его могилой. Тогда же от травм погиб Владимир Шашенок, через пять дней после своего тридцатипятилетия. Всю дежурную смену увезли в тяжелом состоянии.

Умер Саша Акимов. Прекрасный специалист, верный товарищ, мой друг. В течение 10 дней умерло 18 человек, 14 мая – самый тяжелый день – сразу ушли из жизни четверо.

Каких ребят потеряли!

Все погибшие в результате аварии на ЧАЭС предотвратили значительно большую катастрофу – цепную реакцию. Тогда бы был наземный ядерный взрыв в сто Хиросим. Но если даже всего лишь в 10 Хиросим, все цифры погибших от лучевой болезни, умерших в результате чернобыльской радиации, количество облученного населения и площади зараженных территорий увеличились бы до устрашающих размеров:

- не менее 60 тысяч погибших в первый день;
- 2 миллиона человек умерших от лучевой болезни;
- 5 миллионов человек умерших от других болезней, вызванных облучением, в течение первых десяти лет;
- 120 миллионов облученных только в бывшем СССР, то есть 40 процентов населения страны;

— пришлось бы эвакуировать из зоны, в которой невозможно проживание, более 20 миллионов человек;

— в закрытую зону попали бы полностью 67 областей СССР и частично ещё 12, в том числе Киев и Минск. Радиацией поразило бы и Москву;

— заражению подверглись бы территории всех 38 государств Европы;

— накрыло бы всю Европу от Португалии до Урала.

Без капли сомнений можно говорить, ребята спасли мир!

Надо поклониться им и вспомнить этих героев поименно:

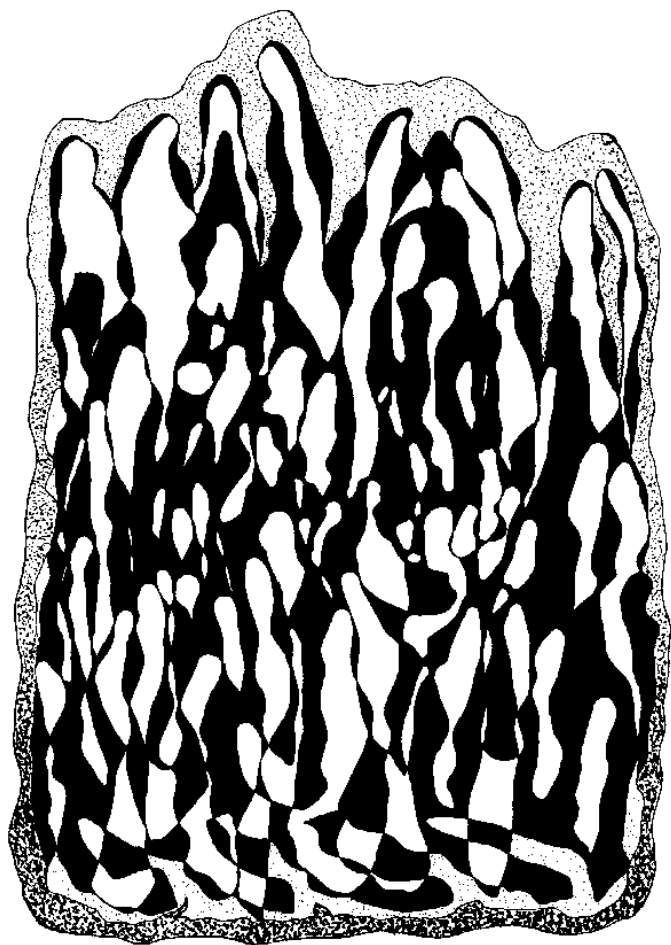
Эксплуатация:

Ходымчук В.И.	24.03.51 – 26.04.86	35 лет
Шашенок В.Н.	21.04.51 – 26.04.86	35 лет
Акимов А.Ф.	06.05.53 – 11.05.86	32 года
Кургуз А.Х.	12.06.57 – 12.05.86	28 лет
Орлов И.Л.	19.01.43 – 13.05.86	43 года
Бражник В.С.	03.05.57 – 14.05.86	29 лет
Кудрявцев А.Г.	11.12.57 – 14.05.86	28 лет
Топтунов Л.Ф.	16.08.60 – 14.05.86	25 лет
Лопатюк В.И.	22.08.60 – 17.05.86	25 лет
Проскуряков В.В.	09.04.55 – 17.05.86	31 год
Дегтяренко В.М.	10.08.54 – 19.05.86	31 год
Шаповалов А.И.	06.04.41 – 19.05.86	45 лет
Баранов А.И.	13.06.53 – 20.05.86	32 года
Перчук К.Г.	23.11.52 – 20.05.86	33 года
Иваненко Е.А.	11.09.32 – 26.05.86	53 года
Коновал Ю.И.	01.01.42 – 28.05.86	44 года
Ситников А.А.	20.01.40 – 30.05.86	46 лет
Перевозченко В.И.	06.05.47 – 13.06.86	39 лет
Попов Г.И.	21.02.40 – 13.06.86	46 лет
Вершинин Ю.А.	25.05.59 – 21.07.86	27 лет
Новик А.В.	11.08.61 – 26.07.86	23 года
Лузганова К.И.	09.05.27 – 31.07.86	59 лет

Пожарные:

Тишура В.И.	15.12.59 – 10.05.86	28 лет
Кибенок В.Н.	17.02.63 – 11.05.86	23 года
Правик В.П.	13.06.62 – 11.05.86	23 года
Игнатенко В.И.	13.03.61 – 13.05.86	25 лет
Ващук Н.В.	05.06.59 – 14.05.86	26 лет
Тытенко Н.И.	05.12.62 – 16.05.86	23 года

Светлая память о них должна восторжествовать.

СВ

«Скорбь. Плач по Чернобылю» .

МОЙ ПРИГОВОР

Невинные – не виновны.

Истинные виновники прикинулись овечками, говоря о трагическом стечении каких-то обстоятельств.

В овечьи шкуры рядились трусливые волки.

Чернобыльская трагедия, к которой привели эти волки, взвела механизм будущего распада СССР.

Как ничего нельзя вернуть назад, так ничего нельзя и стереть. Не жить со злом, но помнить его. Не забывать причины и последствия зла. То, что не становится уроком, будет повторяться каждый раз с пушей силой до тех пор пока люди, народы, человечество не поймут, что это были уроки. В противном случае вырождение или гибель.

История снимает покровы тайн и преклоняется перед непризнанными Героями Чернобыля, перед Спасателями Чернобыля, названными унижительным словом «ликвидаторы», перед жителями радиационно зараженных территорий вследствие Чернобыльской катастрофы.

История извиняется перед ними, их вдовами, детьми, потомками.

Вместе с Историей и я, как гражданин СССР и России, прошу прощения у Них от имени моего бывшего и нынешнего государства.

Как у Брюсова, о чем нам напомнила княгиня Ольга Сергеевна Голицина-Трубецкая:

*О позабытый мир! И я дышал тем ядом,
И я причастен был твоей судьбе...*

Мы все причастны, хотя бы своим молчанием.

...

Прошлое постоянно возвращается. Только от нас зависит, какое прошлое вернется, как мы его воспримем, и с каким прошлым пойдем дальше.

Часть IV.

**МАКАРЬЕВСКИЙ
СЛЕД**

ПОСВЯЩАЕТСЯ
Святому Макарию,
ЖЕЛТОВОДСКОМУ и УНЖЕНСКОМУ
ЧУДОТВОРЦУ

MB

«Сомнения совестливого».

Глава 12.

ВЕЩИЙ СОН

17 июня 2006 года.

Не думал, что опять потянет писать. Но тут такое дело. Что-то вчера со мной приключилось, сам от себя не ожидал. Вот теперь снова взялся за перо.

Всё не кончается этот долгий мучительный курс лечения. Химиотерапия, облучение, постоянные анализы, обследования. Слава Богу, прекратился этот кошмар. Надолго ли? Прогноз пока малоутешительный. Через три месяца на Каширку на комплексное обследование. А пока прописали «домашний арест» – сидеть дома, реже бывать на солнце и никуда не ездить, ни в санаторий, ни в дом отдыха. В общем, сиди, не рыпайся.

Уже две недели, как загнанный волк, в четырех углах на самого себя натыкаюсь. И выть по-волчьи хочется. Одна радость, когда Витя Акатов приходит. Да вот всё время читаю до того, что глаза стали слезиться. Хорошо было, когда между процедурами копался в литературе, ходил в библиотеку, архив. А теперь такое состояние, как будто меня выпотрошили. Вот чем бы ещё заняться? Сколько времени не работаю. Всё опротивело, осточертело. С утра возьму себя в руки, сделаю зарядку, накричусь, что буду жить сто двадцать лет. Всё равно, часа через два такая тоска! Смотреть сериалы по телевизору пробовал, так это же отупение! И сидишь, как собака на цепи, в ожидании новой порции видео похлебки. Разве что на канале «Культура» иногда что-то интересное увидишь. А тут ещё сердобольные звонки душу травят, соседи жалостливые подбадривают, а сами смотрят на меня, как на покойника. Разве это жизнь? На Каширке тоже муторно было, но хоть среди людей, а дома тяготи́на несусветная.

Вчера я, видать, дошел до ручки. Сорвался и начал бегать по квартире и орать: «Так больше нельзя! Так больше нельзя! Надо что-то делать! Надо что-то делать! Надо...». И тут взгляд мой упал на большую фотографию, висящую у меня в комнате над диваном.

На фото, вид на Царскую бухту, снятую с мыса Пещерного, а на заднем плане за бухтой виднеется мыс Караул-Оба, пристанище древних тавров. Это рядом с Новым светом, в восьми километрах от Судака, сразу за огромной по площади рощей древовидного можжевельника.

Фото снято приблизительно с той же точки, с которой Анна Каренина и Вронский, имеется в виду в кинофильме «Анна Каренина», любовались красотами итальянского взморья, убежав от пристальных глаз радетелей добропорядочности в своё маленькое почти свадебное путешествие. Это была их последняя совместная радость. И последнее ощущение счастья женщиной, которая хотела любить и быть любимой, а другой жизни для себя не желала. Она – женщина. Этим её Бог наделил.

Я вспомнил свою бывшую жену, как мы с ней, а потом и вместе с сыном, каждый год приезжали в Крым, в основном в Коктебель. Однажды мы все вместе отдыхали в Новом свете. Какое это было счастье! Но тоже оно стало последним...

Вот побывать бы ещё раз в Новом свете!?. Я уперся взглядом в фото и меня так потянуло туда. О-хо-хо-хо!.. А что?..

В мозгу уже завертелось: «Может действительно плюнуть на всё, да и поехать? Один раз живем! Вдруг больше не представится такой возможности. Столько времени на больничных харчах жил, расходов было мало, деньжата с больничных и пенсии залежались. За одно и попрощаюсь с местами, где мне всегда было хорошо. Три года уже не был там. Раньше каждое лето старался приехать, редко пропускал. Ну, что? Рискнуть? Надо подумать... Может посоветоваться с врачом?.. Хотя зачем? Известно, что он скажет – загорать категорически нельзя, на солнце бывать нельзя, климат менять нельзя. А если ответ известен, зачем тогда спрашивать. Ладно, не буду загорать. Больше буду с друзьями общаться. Это – лучшее лекарство. По экскурсиям похожу. Большую шляпу куплю, просторную длинную рубаху. И буду, как Волошин, путешествовать».

В общем я смотрел на фотографию Царской бухты и был уже там... Ну, и ладно. Лучше в седле жить, чем под седлом слезы лить. Лучше на юг съездить, чем в дому прозябать.

Сказано – сделано. И я полетел за билетами. Бегал по магазинам, покупал вещи в дорогу, собирал чемодан... К вечеру от моей хандры не осталось и следа. Вот так в один день вылечился. Завтра в дорогу.

КУРОРТНИК

Выйдя с вокзала в Симферополе, я и еще три попутчика взяли такси и помчались в Коктебель. Сидя впереди и высунув голову наружу, я вдыхал благоуханный воздух крымской степи, постепенно переходящей в предгорья Карадагского массива.

В Коктебеле проживал мой старинный приятель крымский поэт Иван Сохно.

Зная, что в разгар сезона днем дома у него никого не застать, я решил сразу отправиться в его кафе. Иван был на месте. Встречал друзей он всегда по-обыденному, как будто только вчера расстались, хотя могли не видеться и лет пять, и десять.

— О! Петро! Привет! – крикнул Сахно, увидав меня из подсобки. – Я сейчас! Садись за первый столик у барьера. Оксана! Подойди к моему столику. Петро приехал. Займись им.

Я безропотно сел за столик. Заказал Оксане еды с дороги. Через полчаса подошел Иван. Я встал из-за стола, мы обнялись и Сахно сразу же перешел к делу.

— Петро, извини, товар принимал, а Катя в Феодосию уехала встречать отдыхающих. Почему не предупредил, что приедешь? Мы о тебе волнуемся, а тебя нет. Как самочувствие?

— Нормально. Вот, приехал может быть в последний раз.

— Петро, ну чего тебе не хватало спокойно жить? Вечно в куда-нибудь ввалишься. И доигрался со своим Чернобылем.

— Я живу спокойно.

— Не живешь, а существуешь. Через тот Чернобыль и семью, и здоровье потерял.

— Иван, хватит. Не полощи мне душу. Дай насладиться этим чудом и так запомнить его, чтобы воспоминания о Коктебеле душу грели, когда уже не смогу побывать здесь.

— О! Да тобой надо всерьез заниматься! Мне твой настрой не нравится.

— Помирать не собираюсь. И жалеть меня не за что. Ещё поживу. Хотя последний звонок больно уж неприятен. Поневоле

мысли лезут. Прошу тебя эту тему больше не трогать. Это моё и нечего в этом копаться. Поможешь где устроиться?

— Ладно-ладно, не ершись. Прямо кипяток, а не курортник. Давай в «Голубом заливе». Теперь это не пансионат, а гостиница. Всё изменилось. Там у меня приятель замом директора работает. Я ему уже позвонил, устроит, не пожалеешь. Вот записочка, к нему.

— Хорошо, Иван, пойду в «Залив», посмотрю, какие перемены принесли вам рыночные реформы.

— Петро, приходи послезавтра к нам на «розмовлялки»⁵⁴.

Так Сохно называл свои домашние посиделки, встречи друзей. Розмовлялки он проводил обычно по воскресеньям. В основном бывали поэты, художники и прочая божественная публика, наезжавшая в Коктебель из разных концов страны, теперь – из разных стран бывшего Союза. Бывали и местные, крымские. За многие годы некоторых из них я уже хорошо знал. При расставании Ваня спросил меня:

— Ты сейчас один?

— Да.

— После развода всё не можешь никого найти?

— Есть проблемы.

— Почему здесь не найти? Кого хочешь выбирай. Можно откопать на любой вкус. Давай познакомлю с кем-нибудь.

— С кем-нибудь не хочу, близких по духу здесь нет, среди знакомых все разобраны. А раскопками заниматься не стоит, я же не археолог, искать забытое или утерянное.

— Откуда ты знаешь, что нет той, которая тебе как раз и нужна? Может такая лежит на пляже или сидит в какой-нибудь кафешке и ждет тебя ленивого.

— А может ей надоело ждать и гуляет с кем-нибудь другим. Что я должен ко всем приставать, выяснять, ждет она меня или ей уже никто не нужен? Всех не перерасспросишь. Зато мужики лицо испортят и количество костей увеличат.

— Ну, как хочешь. А я бы поискал. По всем бегать и не следует. Надо просто включить свой приемник на всю мощ-

⁵⁴ От укр. глагола «розмовляты» – разговаривать.

ность, настроить его на волну любви, ходить и слушать, пока в резонанс с кем-нибудь не попадешь. С той и знакомься. Я бы так поступил.

— Ты когда успешно последний раз делал этот эксперимент? Наверное, лет двадцать тому назад. Правда, очень удачно. На всю жизнь в резонанс вошел со своей ненаглядной Катюшей. Больше не пробовал?

— Ну, что ты.

— Значит, квалификацию потерял.

— Ну, это же просто...

— Всё, тему закрыли.

— Ладно, приходи. Мы ждем. Я Кате по мобильнику уже позвонил, что ты приехал.

— Спасибо. Передай ей привет и мою благодарность.

— Сам передашь.

— До встречи!

— Бывай!

НЕЗНАКОМКИ

Пансионат действительно удивил меня. Собственно, он перестал быть пансионатом в первоначальном смысле этого слова. Передо мной возникла новая, современная, совсем незнакомая мне гостиница со старым названием. Весьма удивила и обрадовала. Исчезла обшарпанность стен, убогость типовой мебели и застарелого убранства. Всё посветлело, стало нарядным. Но более всего поразила приветливость обслуживающего персонала. В наше время пока ещё это дорогого стоит. Зам. директора, Алексей Алексеевич, встретил меня, как старого знакомого со словами:

— Друзья Ивана Арсентьевича – мои друзья! Проходите, Петр Валентинович. Сохно мне о вас рассказал. Рад угодить защитнику Чернобыля. Тем более, что мы с вами почти земляки – жена моя из Иванова, я из Ярославля, а Кострома – посередине, значит земляки.

— Я не костромич. И не защитник Чернобыля.

— Как же? Сохно сказал, что вы работали в Чернобыле, сразу после аварии, целый год. Добровольно ведь поехали?

— Ну, не год, десять месяцев с перерывами. Только какой же я доброволец, когда Киевщина — моя родина?

— Какая разница, вы же приехали издалека, защищать, спасти людей, чтобы ещё хуже не было.

— Странно. Ни разу ещё не слышал, чтобы ликвидаторов защитниками кто-нибудь называл.

— А у нас многие таких, как вы, защитниками или спасателями зовут. Как же иначе? Сколько чернобыльцев у нас здесь перебивало, сколько, бедненьких уже отмучались. Рассказы их слушали. Жутко. Они говорили, могло быть хуже. Могло?

— Могло. Ох, как могло, Алексей Алексеевич!

— Вот видите. Значит, если бы не вы и такие, как вы, радиация могла добраться и до Крыма. Да?

— Я как-то не думал об этом. Хотя в России и в Европе радиоактивному загрязнению подверглись территории даже за две тысячи километров. Крыму в 86-м с розой ветров повезло.

— Ну, слава Богу, пронесло, — и Алексей Алексеевич перекрестился.

— А вот пронесло или нет, время покажет. Реактор ведь не умер и не усмирён. Его в узде надо держать и лелеять. Не то вырвется — ещё беды наделает.

— У нас об этом не говорят, не пишут. Не пугайте!

— Молчат, не хотят волновать народ. И Бог с ними. Пусть не говорят, только если всё делают так, как надо, чтобы этого не произошло. А если опять спят, или погрязли в беспечности, или врут, как до Чернобыля, то тогда молчание более чем опасно. Но будем надеяться на лучшее.

— Да, будем надеяться, — и Алексей Алексеевич опять перекрестился. — Я хочу порекомендовать вам, Петр Валентинович, комнатку, небольшую. Правда она угловая, на верхнем этаже, удобства в другом конце коридора, зато на одного человека, а главное — вид на море незабываемый, и номерок будет подешевле.

— Хорошо. Эти два преимущества решают всё. Неудобства в конце коридора будем считать платой за преимущества.

Алексей Алексеевич лично провел меня в номер, затем представил администратору и велел всячески содействовать.

Часам к пяти вечера, одевшись по-курортному, я уже спешил на пляж, который находился напротив корпуса в метрах восьмидесяти. Нырнув в прохладную волну, я ощутил, как сползает с меня, словно змеиная кожа, усталость и раздражение, накопленные за девять месяцев убойной терапии. Вышел из волны, как Афродита, вспенивая воду, взбодрившийся, скинувший лет десять.

Как же мне всегда хорошо в Коктебеле! Недаром я так любил его ещё с юности. Это мой рай. Выйдя из воды, накинул на себя рубашку с длинными рукавами, чтобы необжечься южным солнцем, сел под навесом в тени на камень и до самого заката под шум волны наслаждался давно знакомыми видами коктебельской бухты, абрисом Карадага, изменчивой цветовой гаммой мыса Хамелеон.

Поединал в одном кафе. Затем бродил по набережной, впитывая в себя все прелести прохладного после дневного зноя приморского вечера. Не спеша проходил мимо бесчисленного множества ресторанчиков. Заглядывал в них, смотрел, как танцуют счастливые пары. Иногда останавливался и слушал песни в исполнении неизвестных артистов в сопровождении маленьких оркестриков или просто одного музыканта.

Несколько раз встречались киоски туристических и экскурсионных бюро. За столиками, на которых были разложены буклеты крымских красот, сидели исключительно женщины, чаще среднего и пожилого возрастов и устало бубнили в след курортникам: «Экскурсии на Карадаг, в Старый Крым, дельфинарий, Феодосию, Судак! Походы в горы на лошадях! Прогулки на катере в Лисью бухту! Покупайте билеты! Недорого». Бедные женщины! Целый день на солнцепеке, и вечером покоя нет. Каторжный труд за копейки.

Недалеко от Дома-музея Волошина раскинулся базарчик. Здесь буйствовало разнообразие картин с морскими пейзажами, множество различных изделий из керамики, стекла, можжевельника, поделочных камней. Насладившись вдосталь этим завораживающим зрелищем, посмотрев за десять рублей на Юпитер в телескопическую трубу, пошел назад в гостиницу.

Уже был двенадцатый час. Чем дальше я отдалялся от базарчика, тем меньше было огней. Над головой висело огромное

небо, сплошь усеянное бесчисленным множеством светящихся звездных огоньков. Я засмотрелся и споткнулся о бордюр большой клумбы как раз напротив гостиницы. Поднимаясь и отряхивая брюки, я увидел рядом очередной столик какого-то экскурсбюро. За столиком дремала женщина. Я осторожно подошел и, стараясь говорить как можно мягче, тихо сказал:

— Девушка, уже поздно. Надо идти домой. Вам завтра наверное опять работать?

— Ой! – встрепенулась женщина и спросила на украинском языке о том, сколько сейчас времени.

— Скоро полночь. А в полночь надо смотреть сны. Только в полночь совершаются чудеса и сбываются мечты.

— Ой! Та мэни колысь такэ казалы, а ничего не збулось. Мягкий певучий голос женщины мне показался знакомым. Где я слышал такой тембр? Хотя наверное это просто типичное украинское воркование хохлушки. В словах женщины была какая-то безысходность и я сказал:

— Надо хотеть и надеяться. Отбросьте предрассудки, отдайтесь волне желаний. Вы ещё успеете заснуть до полуночи и ваша мечта сбудется.

— На що вы намякуєтэ? З вами, чы що? Я цим не займаюсь. Вон скільки молодих дивок тут бигає, вибирайте на любий смак, хоч кожний дэнь.

— Женщина, я не о том, – в темноте не было видно её лица, и я сказал. – Сегодня, незнакомка, сон ваш будет безмятежным и приятным.

Мне почему-то было весело и хотелось дурачиться:

— И сон наполнит вашу душу желанием жить... У меня это давно не получается. А вы постарайтесь... Славного вам сна.

— И вам того ж. До свидания.

— Что ж, может быть и увидимся.

Что-то неуловимо знакомое опять почудилось мне в говоре этой женщины, уставшей то ли от работы, то ли от жизни. Поймал себя на мысли, как же мне хочется женского тепла, внимания, участия. Тяжело жить без женщины...

С такими мыслями я вернулся в номер. Лежа в постели сквозь открытое окно долго смотрел на звезды. Есть ли там

звездочка для меня? А вдруг есть? Хотя... Что я смогу дать этой звездочке? Состарившийся и безнадежно больной человек. И вообще, мужчина ли я? После последнего фиаско уже больше десяти лет тому назад с очень нравившейся мне соседкой по подъезду я больше не испытывал судьбу. Было стыдно до слез. Боялся встретиться с ней. Уехал в деревню, чуть не запил с местными рыбаками. Нашел силы вернуться, но немедленно поменял квартиру, чтобы ничего не напоминало мне о моем мужском поражении. Больше не вступал в отношения с женщинами и всячески пресекал такие попытки...

Мне снился Карадаг. Я иду по тонкой тропинке, вьющейся по склону осыпающейся горы. Из-под ног срываются небольшие камушки и скачут по обрыву вниз. Правой рукой я держу за руку незнакомую молодую девушку, которая на каждом шагу охает и кричит, что дальше идти не может, боится. Я оборачиваюсь, но лицо её скрывает широкополая шляпа. Я не знаю её имени. Но приговариваю, что сейчас пройдем этот откос и нам откроется изумительный вид на чудо света – застывшее жерло потухшего сто пятьдесят миллионов лет назад вулкана. Вот кончилась тропинка. Девушка увидела жерло и хочет вырваться. Дальше идет широкая каменистая дорога, несколько спускаясь вниз, потом поднимается прямо к основанию жерла. Я отпускаю руку и девушка бежит к нему. Вдруг... она поскользнулась и покати-лась вниз. Я испугался и проснулся...

Был уже девятый час утра. Но что же стало с девушкой? Опять закрыл глаза, накрылся простыней и попытался досмотреть сон. Сначала не получалось, потом опять увидел девушку. Она уже была у основания жерла вулкана, прильнула к нему, как будто пыталась вслушаться, что происходит внутри. Я с облегчением вздохнул. Девушка обернулась и оказалось, что это была не та девушка, а совсем незнакомая женщина средних лет, но издалека я не мог рассмотреть лицо. Она увидела меня и помахала. Я оглянулся. Никого рядом не было. Значит она махала и улыбалась мне. Кто эта женщина? Она продолжала улыбаться, призывно махала рукой и мне от этого стало так сладко на душе. Веяло чем-то знакомым и приятным. Я стоял и боялся нару-

шить это мгновение, чтобы с уходящим сном не рассеялся этот туман, как у Бунина:

*Снова сон пленительный и сладкий
Снится мне и радостью пьянит.
Милый взор зовет меня украдкой,
Ласковой улыбкою манит.
Только знаю, вновь меня обманет
Этот сон при первом блеске дня...
Но пока печальный день настанет,
Улыбнись мне, обмани меня!*

Я проснулся. Долго смотрел в потолок и никак не мог понять, где видел эту женщину. Может быть в следующую ночь она придет ко мне снова и я узнаю её ближе? Хоть во сне.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ПОЕЗДКА

После интенсивной утренней зарядки и прохладной воды захотелось действовать. Зашел в кафе, выпил чашку кофе с бутербродом, пошел на пирс, где находился киоск экскурсбюро. Стояла большая очередь. Было уже около одиннадцати часов. Солнце палило нещадно. На огромном плакате был перечень туристических и экскурсионных маршрутов с фотографиями. Я пробежался по ним взглядом, куда бы поехать сегодня. Захотелось в дельфинарий.

Подошла моя очередь. Но... Ох, этот всемирный закон злой вредности! Если всё складывается прекрасно, то закон вредности обязательно напомним о себе самым неприятным образом, как бы испытывая тебя, что ты сделаешь дальше – будешь продолжать стремиться лететь вперед или остановишься, смиришься, опустишь руки... Билеты в дельфинарий на сегодня кончились. Я жалостливо запричитал:

— Девушка, может быть всё-таки найдется билетик?

— Я же всем сказала, билетов в дельфинарий на сегодня нет. Покупайте на завтра.

— Голубушка, мне надо на сегодня. Очень надо. Поищите, пожалуйста! Может найдете?

— Что ж вы за человек такой? Я же вам по-русски сказала – нет билетов. Берите, какие есть.

— Мне сегодня надо. Позарез.

Так хотелось, чтобы первое желание, пришедшее мне в Коктебеле, исполнилось, что я пустился на хитрость:

— Девушка, дорогая, поймите! У меня там важная встреча назначена.

— Так идите на рейсовый автобус.

— Девушка, милая, у меня встреча в самом дельфинарии, – продолжал я сочинять без зазрения совести. – Она приедет туда из Нового света. Мы должны встретиться внутри дельфинария, можем разминуться.

— Что, курортный роман? – потеплевшим голосом спросила кассирша. – Знаете, что? Вон за клумбою, стол под зонтом. Там из нашего бюро работают. Может у них остались билеты?

Я побежал в ту сторону. Бегу и думаю, чего это я так завелся? Так врал, что и сам себе поверил. Аж зуд какой-то нервный охватил меня. Прямо перевоплощение по Станиславскому.

Возле столика было всего два человека. Дождавшись своей очереди, спрашиваю сидящую под зонтом женщину:

— На сегодня у вас есть билеты в дельфинарий?

— Сейчас посмотрю. Да, есть.

— Вот здорово! Всё-таки повезло!

— Сколько вам билетов?

— Один, дорогая фея.

— Почему фея?

— В киоске экскурсбюро, который на пирсе, кончились билеты, а у вас есть.

— Так надо было сразу ко мне подойти. В киоске всё быстро раскупают – он на виду, злачное место, а я сижу на отшибе, – женщина посмотрела на меня внимательно и загадочно сказала. – А вообще-то вы могли бы и ночью у меня спросить билет в дельфинарий.

— Так это были вы? Я вас не узнал. Вы вчера говорили по-украински, а сейчас по-русски. Да и темно было.

— А я вас узнала по голосу.

— Ну, как сон хороший приснился, милая фея?

— Вы наверное гипнотизер?
— Почему вы так подумали?
— Уж больно сон красивый был. Как вы сказали.
— Нет, я не гипнотизер. Просто мне хотелось, чтобы вам было хорошо. А дальше всё зависело от нас. Как мы захотим, так и будет, дорогая фея. Хочу получить билет в дельфинарий.

— На кого выписать билет?
— Как на кого, на меня конечно.
— А фамилия у вас есть?
— Зачем моя фамилия?
— Как зачем? Чтобы вписать в билет.
— Не понимаю, зачем?
— Чтобы экскурсантов не забыть на обратном пути. Что, по номерам их выкрикивать, что ли?

— Я как-то не подумал.
— Если не хотите свою фамилию называть, назовите любую. Нам всё равно, только не забудьте, чтобы потом на неё откликаться.

— Мне нечего скрывать. Русенко моя фамилия.

Женщина проставила мою фамилию в билете, потом вписала в маршрутный лист экскурсии, зачем-то медленно обвела фамилию ещё раз, подняла голову и, пристально посмотрев на меня, очень серьезно и по-моему даже с некоторым волнением спросила:

— Скажите,.. а вас не Петр зовут?

Первое, что возникло в моем мозгу: «Господи, и здесь нашли! Надо было сказать другую фамилию». С опаской я выдавил из себя:

— Да... Петр... А что?

Женщина помолчала, и, нахмурившись, спросила?

— Вы были... в Чернобыле?

Я насторожился.

— Да.

— В 86 году?

— Да.

Женщина встала из-за стола и дрожащим голосом с трудом проговорила:

— Вы вжэ мэнэ... нэ впизнали, Петро Валэнтыновичу?..

Я смотрел на эту женщину и всё больше угадывал в ней знакомые черты. В это трудно было поверить, но передо мной, о Боже! не может быть!.. стояла... Елена Сергеевна из далекой, очень-очень далекой чернобыльской осени 86-го.

— Неужели это вы, Елена Сергеевна?

— Я, Петр Валентинович. Вы не забыли, как меня зовут?

— Я недавно вас вспоминал.

— Так уж и вспоминали?

— Да, даже про наше знакомство, историю с борщом... о вас... Надо же!

— Я вас тоже вспоминала...

— Ну, это вряд ли.

— Нет, правда, перед поездкой в Коктебель. Вспоминала, что вы мне рассказывали. Я сильно изменилась?

— Что вы! Прекрасно выглядите! Нет, я просто никогда не мог себе представить, что мы когда-нибудь встретимся!

— Вот и встретились...

К столику подошла группа отдыхающих. Я уступил им место и стал наблюдать за работой Елены Сергеевны. Конечно время оставило свои следы на её лице. Прибавилось морщинок, цвет лица стал смуглее, посеребрились волосы, но симпатичности от этого ничуть не убавилось. А мягкий грудной голос остался таким же молодым. Как же было не узнать этот удивительный голос! Я был ошарашен и потрясен. Через столько лет встретиться и совершенно случайно. Не захотел бы ехать в дельфинарий, так и ходил мимо и никогда не узнал, что рядом сидит женщина, которая когда-то, совсем в другой жизни, мне нравилась. Когда Елена Сергеевна освободилась, мы опять разговаривались.

— И вы каждый день до полуночи работаете?

— Нет, это я вчера за напарницу сидела. Она ездила домой в Симферополь.

— И сегодня тоже будете за неё сидеть?

— Да, должна. Но теперь не хочется.

— И мне не хочется, чтобы вы здесь сегодня сидели. Мы так давно с вами не видались, что, наверно, имеем право отпраздновать нашу встречу.

— Право-то имеем. Но сидеть придется – напарница только завтра утром приедет.

— Тогда я с вами посижу. Мне некуда больше спешить...

— Как же? А в дельфинарий?

— Будем считать, что я туда уже съездил. Елена Сергеевна, скажите, как вы здесь оказались? Ведь вы же специалист по общепиту, жили в Днепрпетровске. А теперь экскурсбюро...

— После того, как распался Союз, наш ресторан ликвидировали. Товароведы нынешнему бизнесу не нужны. Чем только не занималась эти годы. Младшая сестра у меня жила в Симферополе, работала в этом экскурсбюро. Обещала устроить на работу. Я продала квартиру в Днепре и переехала насовсем в Симферополь. Пока всё оформляла, сестра познакомилась с одним ирландцем и уехала в Дублин. А на экскурсовода экзамен я сдать не смогла, ничего в голове не держится. Ни одного иностранного языка не знаю. И вообще, после Чернобыля запоминать новое никак не получается. Вот и работаю билетером-зазывалой в курортный сезон, а в остальное время года, где придется. Сестра помогает, присылает каждый месяц пятьдесят долларов, чтобы я присматривала за её сыном. А что о нем заботиться, он здоровый, самостоятельный. Конечно, спасибо сестренке огромное. По гроб жизни буду помнить её заботу. Но хочу переехать в Гурзуф и доживать свой век там. Пенсии на кусок хлеба хватит, не пропаду. А то ещё может курортников держать смогу. Будете приезжать ко мне? С вас денег не возьму. Приедете?

— Приеду, если жив буду.

— Что так грустно? Вы ещё хорошо выглядите. Рано вам говорить о смерти. Ещё поживете.

— Дай-то Бог! А выглядеть хорошо уже не могу. Вот истощал, весь в щетине и морщинах, стал совсем лысым.

— А лысина мужчину красит. И бородка у вас аккуратная, и не такой уж вы худой.

— Это вы перепутали, седина красит. Эх, Елена Сергеевна, я серьезно болен. Догнал всё-таки Чернобыль и не отпускает.

— Что?.. Это... онко?..

— Да, онкология. Были операции, прошел кучу циклов химии, облучения. Тяжело проходил. Вот приехал прощаться с Коктебелем. Ведь это моя вторая родина. Всё самое прекрасное в моей жизни случилось здесь. В самые трудные свои дни только в Коктебеле и Новом свете я набирался энергии жизни.

— Петр Валентинович, а вы ещё работаете?

— Числился консультантом в энергетической компании. Но уволился. Живу в Костроме.

— А почему в Костроме. По-моему раньше вы работали на Калининской АЭС?

— Да, работал. Но после развода уехал работать на Костромскую ГРЭС, потом переехал в Кострому.

— Дети остались с женой?

— У меня только один сын. Его я взял с собой.

— И жена отдала?

— У неё был бурный роман. Я просто увез сына. Она сначала шумела, угрожала, а когда у неё появился ребенок от нового брака, ей стало не до Андрея. Так он и остался со мной.

— Сколько лет сыну сейчас?

— В ноябре будет двадцать четыре.

— Женат?

— Да, есть дочка, два года, Оленька — моя последняя и недосыгаемая любовь. Андрей служит далеко, на Дальнем Востоке. Перспективы по службе у него хорошие. Но не приезжает. Далеко.

— Каким вы минорным стали. Вчера не таким были. Даже показалось, что вы были готовы приударить, за кем угодно.

— Это теперь невозможно... не под силу. Просто вчера у меня было хорошее настроение.

— Я смотрю, Петр Валентинович, вас надо серьезно лечить. Знаете что? Я закрываю лавочку. Помогите мне отнести столик и пойдем гулять.

— А как же работа? Вас могут уволить за прогул.

— Да, пусть увольняют. Я в Коктебеле уже месяц сижу и нигде не была. После сидения на солнцепеке искупаешься и больше ничего не хочется. А сегодня мы будем с вами гулять.

— Елена Сергеевна, у вас будут неприятности.

— Да ну их, пусть будут. Имею же я право на отдых, тем более в такой день, когда встретила вас? Складываем стол и пошли. Тут недалеко мы всей бригадой разместились. Условия никакие, зато дешево. А вы где остановились?

— В «Голубом заливе».

— У вас наверное все удобства по высшему разряду.

— Нет никаких удобств. Только шикарный вид на море.

Я сложил стол, поднял его над головой, и мы пошли относить имущество экскурсбюро. Потом сидели в кафе, бродили по набережной. Когда уже совсем стало темно, разместились на камнях на опустевшем пляже. И никак не могли наговориться.

Как можно было уместить в один вечер то, что растянулось на почти двадцать лет? От воды веяло прохладой. Елена Сергеевна стала зябнуть. Я взял её за плечи, она прильнула ко мне. И так молча мы долго сидели, смотрели на лунную дорожку, звезды. Между ними пролетали спутники. Раньше не думал, что их так много. Рассказал Лене, как в детстве, в далеком 57-ом году мы ночью ждали появления на небе первого спутника. Тогда часто объявляли по радио, где и когда его можно наблюдать. Взрослые и дети радовались, когда удавалось увидеть спутник! А теперь их над нашими головами столько пролетает. Все ходят и не смотрят на них.

— Петр Валентинович, а бывает так, чтобы два спутника рядом летели?

— Нет, не бывает. Но друг за другом они летят, когда пристыковываются.

— Как мы?

— Что, как мы?

— Ну мы же пристыковались.

— А кто к кому?

— К друг другу. Вы не считаете?

— Возможно, возможно...

Давно у меня не было такого прекрасного вечера. Проводил Елену Сергеевну до дверей общежития. Сказал, приду утром, чтобы проводить до места работы. Прощаясь, мне вдруг захотелось обнять и поцеловать её... Но я заставил себя сдержаться. Может, у неё кто-то есть, а я буду приставать со своими поцелуями. Да и не это главное... Обнять, поцеловать, а потом что? Опять фиаско? Нет, лучше пусть всё останется, как было. Я пожелал Елене Сергеевне спокойной ночи и пошел в свой «Залив».

Глава 18.

И ЭТО НЕ ВСЁ

30 июня 2006 года.

В восемь утра я уже был у общежития. Елена Сергеевна долго не выходила. Я уже начал волноваться, вдруг она раньше ушла, а я здесь, как дурак, сижу, жду её. Через полчаса она наконец вышла, но без столика и зонта.

— А мне дали отгул на сегодня, – по-детски весело сообщила мне Елена Сергеевна. – Еле выпросила. Хватит на мне ездить! Как что, так я. А мне тоже отдохнуть надо. У меня, Петр Валентинович, по этому случаю сегодня праздник.

— А у меня праздник начался вчера, Елена Сергеевна, как вас увидел, и продолжается сегодня.

НЕОЖИДАННОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

И мы пошли гулять. Как заправские отдыхающие прошли по парку Дома отдыха писателей, затем по набережной. Шли под ручку, болтали, рассказывали друг другу, что не успели рассказать вчера. Её рука доверчиво лежала на моей, и мне казалось, так было всегда. Я остановился, внимательно посмотрел в глаза Елены Сергеевны, и что-то щелкнуло в голове. Неужели это резонанс?!

Теперь мне не хотелось идти одному в гости к Сохно. Хорошо, если бы Елена Сергеевна согласилась пойти со мной. Конечно, как-то неудобно просить её об этом – только встретились и сразу приглашать к незнакомым людям. Что ещё подумает?.. А может, я чересчур старомоден? Вон как молодежь быстро в

резонанс входит. Подошли, посмеялись и уже образовалась парочка. Вообще-то в молодости я тоже не стеснялся, особенно здесь в Коктебеле... И я решил перейти Рубикон.

— Елена Сергеевна, вы не будете против, если я вас приглашу сегодня в одно очень интересное место?

Елена Сергеевна внимательно посмотрела на меня и, смущаясь, нежным, как колокольчик, голосом произнесла:

— Ой, Петр Валентинович, а я и не надеялась, что вы решитесь куда-нибудь меня пригласить. В Чернобыле сколько раз встречались, провожали, а ни разу никуда не пригласили.

Елена Сергеевна помолчала, обдумывая что-то, и ..., по-моему, тоже решив перейти какой-то свой рубеж, взяла меня за руки, заговорила быстро, всё больше волнуясь и сбиваясь:

— Петр Валентинович, может, подумаете обо мне плохо, будете презирать, я не хочу стесняться, как в Чернобыле...

— Отчего вы взяли, что я буду презирать вас?

— Не перебивайте!.. Я и так... Ну... я согласна с вами идти, куда угодно... Потому что я теперь боюсь... Я всю ночь не спала, думала... Только не перебивайте!... Думала, неужели судьба нас снова свела, чтобы опять развести?.. Я всё ещё не верю, что такое могло случиться... Так ведь не бывает... Я боюсь, — она опять замолчала, а потом, как бы собравшись с духом, продолжила. — Я боюсь, опять что-то произойдет и преградой ляжет между нами... Не должна судьба дважды так издеваться... После того случая в Караван-сараяе я каждый день вас ждала... Я часто подходила к столику, у которого скончалась та девушка... Когда ко мне прибежали наши девчонки, сказали что в обеденном зале несчастный случай, я выскочила, увидела толпу людей, прорвалась в середину, а там... сдвинутые столы, перевернутые стулья, разбитая посуда, разлитый борщ, и вы в этом месиве склонились над какой-то девушкой, делаете ей искусственное дыхание и при этом так громко кричали: «Скорую! Скорую! Есть тут врачи? Сволочи, ищите! Не может быть, чтобы из тысячи человек не нашелся врач! Скорую, быстрее!». Я подползла к вам, спрашивала, чем помочь, а вы кричали: «Скорую! Скорую!». И нажимали девушке на грудь. На вас страшно было смотреть. По-моему, вы меня и не узнали. Кто-то вбежал,

крикнул, скорая едет. Вы с каким-то парнем подняли девушку и на руках понесли её на выход. Потом мне сказали, что эта девушка из вашего штаба и что она умерла...

— Да она умерла. Страшный был день...

— Не надо. Дайте высказать всё, что за ночь... А то в следующий раз не смогу... До самого моего отъезда мы держали на этом столе записку «Стол занят»... Накрыли его черной скатертью, положили черный поднос и на него эту записку. Я выглядывала каждый день, думала вы придете. На второй день кто-то положил красно-желтые листья, я не заметила, кто...

— Это был я.

— Вы! — она задыхнулась. — И не зашли!.. Как же вы так!.. — Елена Сергеевна сокрушенно покачала головой и после долгой паузы, вздохнув, продолжила. — А листья лежали, пока я не уехала из Чернобыля... Петр Валентинович, но жизнь ведь продолжается! Я ещё на две недели продлила срок командировки, а вы так ни разу не зашли... Я смирилась. Подумала — значит не судьба... Может быть, эта девушка для вас больше значила, чем я? — Елена Сергеевна вынула из сумочки платочек и, промокая свои влажные глаза, добавила. — А теперь... Петр Валентинович,.. дорогой,.. мы опять встретились... Может, это всё-таки судьба? Мне не хочется вас опять терять... Извините... Если я сказала что-то не так, простите. Я уйду.

Я взял её руку, поднес к своим губам, поцеловал, другой рукой провел по её волосам и привлек Елену Сергеевну к себе. Она прижалась ко мне и вдруг разрыдалась.

— Елена Сергеевна, дорогая, что вы? Не плачьте. Вы так прекрасно всё сказали. Я бы долго не решился. Вы мне ещё там в Чернобыле понравились. Мне было очень хорошо с вами... Но тот случай... Я понял, нельзя.. Не имел права... У меня была семья... Я боялся... Боялся вас... Боялся, что могу изменить жене... Извините, Елена Сергеевна, я доставил вам боль... Простите, я не мог иначе...

— Петр Валентинович, — всхлипывая сказала она в ответ, — а теперь можете?

— Наверное, да... Теперь я один...

— Давайте не будем больше ни о чем думать, только о нас двоих, если я вам ещё не разонравилась. Хотя бы то время, которое осталось провести вам в Коктебеле.

— Нет, теперь вы мне ещё больше нравитесь. Только не плачьте, мы же всё-таки встретились.

— Да... Как это хорошо... – и она опять зарыдала. Её плач навзрыд был такой силы, что казалось, из неё извергается что-то долго сидевшее у неё внутри, как водопад.

— Леночка, милая, ой, извините, Елена Сергеевна, успокойтесь, дорогая. Всё теперь хорошо. Мы уже вместе. И вы мне очень нравитесь.

— Правда?

— Правда. Очень нравитесь. Только не плачьте. Вы видели возле входа в дом отдыха литераторов плакат?

— Нет, не видела.

— Я вам покажу. Там висит плакат, а на нем специально для вас написано: «Улыбнись! Ты – в Коктебеле!». Улыбнитесь, Елена Сергеевна! Вот так.

Я поднял её лицо и поцеловал в щеки, потом в губы, потом крепко обнял, и так мы стояли, пока она не успокоилась.

— Петр Валентинович, называйте меня по имени.

— Хорошо, Елена Сергеевна, то есть Лена. И вы меня тоже по имени. Ладно?

— Ладно. И на ты.

— Ну, не сразу. Тяжело сразу и по имени, и на ты.

— Мне не тяжело. Тогда в Чернобыле про себя я вас на ты и по имени всё время называла.

— А сейчас ты сказала на вы.

— А ты не заметил, как только что сказал мне ты.

— Разве?

— Да, да, да!

Мы стояли среди белого дня, обнявшись, посреди набережной, напротив бывшего пансионата «Голубой залив». Люди обходили, нас – странную парочку немолодых людей и с любопытством рассматривали, пытаясь понять, почему они так открыто, не по возрасту, обнимаются, смеются, а по щекам у них текут слезы.

Проходите, добрые люди! Проходите и не удивляйтесь. Просто это слезы горькой, как полынь, радости двух одиноких душ! Люди, разве вы не знаете, чего только не происходит на юге? Просто мы встретились.

КАБЕРНЕ

Когда мы оба немного пришли в себя, я взял Лену под руку и предложил посидеть в кафе, расположенном рядом. Там было почти пусто – в это время большинство отдыхающих ещё загорают на пляже. Я выбрал небольшой столик на двоих, хотел предложить ей сесть напротив себя, но она взяла стул и села вплотную рядом со мной, захватив обеими руками мою руку, прижалась ко мне.

Подошедшая официантка, сделав вид, что её не касаются выкрутасы этой парочки, подала меню и спросила,

— Будете заказывать или так посидите? – видимо опытная официантка. – Хоть воды закажите. Или сока.

— Лена, что вы хотите?

— Ты. Что ты хочешь?

— Я вина. А вы.

— Не вы, а ты. Повтори, что ты хочешь.

— А-а! Понял. Что ты, Леночка, хочешь заказать?

— Ничего.

— Здрасьте!

— И тебе привет!

— Ну, вот и познакомились.

— Что ты будешь, то и я.

Официантка оживилась, наверно подумав, что наше курортное знакомство только что состоялось и этот старик ради своей дамы на всё согласится, и стала предлагать наперебой всякую ерунду. Я остановил её чрезмерные хлопоты:

— Девушка, подождите. Лена давай выпьем того чернбыльского вина. Помнишь?

— Как же не помнить. В тот день я специально привезла ящик «Каберне». Думала посидим вечером, за одно обсудим отзывы трудящихся по поводу борща.

— Н-да. Борщ ведь никто и не успел попробовать. Ребята потом приставали, чтобы я съездил, опять договорился. Но я сказал, дважды в одну реку нельзя вступить.

— Так будете заказывать или будете ворковать? – перебила наш разговор официантка, обидевшись на себя или на нас за то, что опять ошиблась в этой странной парочке.

— Будем, девушка. Не обижайтесь, – приветливо и миролюбиво сказал я официантке. – Мы много лет не виделись. Почти двадцать. И вот сегодня случайно встретились.

Официантка заулыбалась:

— Петя! – Лена впервые назвала меня по имени. – А давай через пять лет, что бы ни произошло за эти годы, обязательно встретимся здесь, в этом кафе. Отметим наше серебряное знакомство, которое могло бы быть... – у неё заблестели глаза.

— Леночка, давай для начала мы отметим сегодняшнюю встречу. Прямо сейчас. У нас уже почти юбилей – скоро же двадцать лет. А потом и всё дальнейшее обсудим.

— Давай, Петенька.

Я заказал бутылку «Кабернэ», свежий апельсиновый сок, греческий салат, стэйк, а на десерт пирожное с кофе и шоколадное мороженое. Официантка ушла довольная.

— Петя, мы столько не съедим!

— Ну, сколько сможем, столько и съедим. Главное – мы отмечаем нашу встречу. Если бы не твоя смелость, я и не знаю, когда бы... Могли бы опять потеряться.

— Петя, скажи, я молодец, – кокетливо сказала Лена.

— Леночка, ты не просто молодец! Ты... нету слов, какой ты молодец! – я крепко обнял Лену и поцеловал в щечку. – И теперь нам ничего не помешает.

— Правда?

— Правда

Подошла официантка, разложила приборы, налила вино.

— Петя, скажи, что с той девушкой случилось?

Я рассказал Лене историю Маши, её жизни до эвакуации, как она потеряла своего мужа, потом новорожденного ребенка, как она искала своего Володеньку, как мы приехали отведать украинского борща и чем это закончилось.

— Петя. А почему она умерла?
— Сердце.
— Она же была молода...
— Но испытала, наверное, больше, чем могла выдерживать. Она была очень худенькой, бледной, отсутствие родственников, воспитание в детдоме, плюс потеря ребенка – всё это наложило отпечаток на её здоровье. Надо добавить и облучение. Ведь все вывезенные из Припяти за 36 часов здорово облучились. По моим прикидкам она за это время могла получить до 10 рентген, может и больше, плюс ещё моталась на станцию. К сожалению, в той кутерьме о её здоровье я не подумал. В целом она выглядела энергичной, собранной, на людях была общительна и даже веселой. Когда мы подружились, она поведала мне историю своей короткой жизни. Возможно, я для неё оказался тем старшим человеком, которого ей так не хватало в жизни, ну, как отцом. Но здоровье её уже тогда было серьёзно подорвано.

Я тяжело вздохнул, вспоминая тот роковой день...

Лена чуть сжала мне руку и тихо напомнила о себе:

— Петенька, милый, скажи, что у неё было?
— Просто остановилось. Врач потом сделал предположение, возможно был пролапс сердца.
— Что это такое?
— Это прогиб митрального клапана во время сокращения одного из желудочков сердца. Не помню какого. Но как раз того, который с дефектом клапана. Врач сказал, обычно до 20 лет это выявляется. У девочек пролапс бывает в два раза чаще, чем у мальчиков. При этом могут быть обмороки. Редко и остановка сердца.

— Почему же во время беременности не обнаружили?

— Кто знает... В морге врач показал мне её пальцы. Они у неё были, как барабанные палочки, а это вместе с бледностью и худосочностью является симптомами порока сердца. Если даже небольшой порок, нагрузки всё равно опасны... Огромное потрясение, что наконец нашла мужа, – это же сильнейший стресс, тоже нагрузка на сердце... Возможно, в момент радости её поразила мысль, как сказать о потере ребенка и почему она в

зоне. Вот сердце и не выдержало. Захлебнулось от переполнившейся радости и одновременного спазма страха.

По лицу Лены текли слезы.

— Господи, какие муки люди принимают на себя! – это воскликнула официантка.

Я поднял голову и увидел, что у официантки тоже мокрые глаза. Очевидно, она даже и не уходила, пока я говорил, и слышала весь мой рассказ о Маше.

— Сколько же было лет этой бедной девочке? – спросила, всхлипывая, официантка.

— Девятнадцать.

— Всего-то. Пожить даже не успела. Давайте помянем её, – и официантка бесцеремонно из уже нашей бутылки налила себе вина в свободный фужер для сока, перекрестилась и залпом выпила. Мы тоже молча выпили за упокой Маши, а официантка продолжала. – Пусть земля ей будет пухом, а небо раем, – и обращаясь ко мне спросила. – А вы что, в Чернобыле были?

— Да. Там и познакомились.

— Потом случай с Машей нас и развел, – сказала Лена.

Официантка пристально посмотрела на нас. Потом возвела голову к небу, сложила руки вместе на груди, что-то пробормотала, как будто молитву, и сказала:

— А может она и свела вас здесь?!

— Неужели такое может быть?

— Всё может быть, – повторила официантка присказку Николая. – Вы сами-то верующий? – поинтересовалась она.

— Был верующим в светлое будущее. Верил в человека с большой буквы. Верил в своё дело. Верил в страну... Всё рухнуло... Теперь не знаю, во что верить.

— То была не истинная вера.

— А что истинно? – спросил я официантку.

— Добро и Любовь. Лишь это суть всего происходящего. Остальное от них или от пренебрежения ими. Это и есть Бог.

— Вообще-то, судьба Маши была предreshена, – вспомнил я. – Врач тогда сказал, что в любом случае больше года она бы не прожила без операции на сердце. А радиация могла убить её ещё и раньше. Когда Маша упала, я тормозил, бил её по ли-

цу, делал искусственное дыхание, непрямой массаж сердца. Я это умел, учили в армии. А оказывается в этом случае это не помогает. Надо было решительно и без промедления нанести предкардиальный удар. Я этого не знал и потому не спас Машу.

— Удар? Как это?

— Очень просто. Кулаком резко ударить в область сердца, чуть пониже середины. Сильно. Несколько раз. Возможно действительно был глубокий обморок. Фибрилляция сердца. Оно могло и встрепенуться. Потом следователь с врачом меня детально опрашивали, что и как произошло. Вот тогда-то я и узнал от врача скорой помощи, как должен был действовать...

Я тяжело вздохнул и перевел разговор на другую колею:

— Знаешь, Лена, в Спитаке мне это пригодилось. У женщины был шок. По спине прокатился кусок упавшей металлической трубы. Ещё удачно, мог раздавить, но слава Богу, ударил по касательной и скатился по спине, женщину согнуло и видать прервалось дыхание, асфиксия. Я видел это с другой площадки. Подбежал. Молодая женщина, вообще-то даже юная, худенькая, и что сразу бросилось в глаза — длинные тонкие пальцы как барабанные палочки. Такие же были у Маши. Девушке уже начали делать искусственное дыхание. Я оттолкнул людей, нащупал аорту, пульса нет, и сделал сильный предкардиальный удар. На меня накинлись, мол, ты что делаешь, сволочь. Ну я медицинскими и народными терминами откричался, а после четвертого удара пульс проявился.

— Ты был в Спитаке?

— Да.

— Как ты туда попал?

— В конце 88-го в Сочи приехал второй раз после клиники на реабилитацию в санаторий. А тут землетрясение в Армении. Показывают разрушенный Спитак, а мы в санатории валяемся. Ну, схватились и поехали на перекладных.

МИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

— Петя, а куда ты меня приглашаешь сегодня вечером?

— К Ване Сохно.

— К Ивану Арсентьевичу?

- А ты что его знаешь?
- Как же не знать нашу крымскую знаменитость! А ты откуда его знаешь?
- О, мы с ним старинные друзья.
- Давно?
- С 64-го года. Он тогда здесь ещё не жил.
- А как вы познакомились?
- Карадаг нас познакомил. Ты ходила на Карадаг?
- Нет. Я вообще первый раз в Коктебеле.
- Столько лет жить в Крыму и не побывать в Коктебеле! Зачем же я тебе рассказывал о нем там, в Чернобыле?
- Нет, не хотелось ничего читать. Работа, сам знаешь, какая кошмарная. Насидишься на зное, ничего не хочется. А в этом году, не знаю почему, вдруг, как магнитом, потянуло сюда. Я вспомнила, что ты мне говорил о Коктебеле. Детали забылись, а то, с каким чувством ты рассказывал, всплыло.
- Значит не зря были наши те встречи.
- Может быть и не зря. Но о Новом Свете ты мне не рассказывал. Это, по-моему, где-то в районе Судака.
- Ты не была в Новом Свете? Называется крымчанка! Коктебель – святое место. А Новый Свет – святее святого! В 7 км. за Судаком находится это чудо. О нём можно рассказывать долго, но так как это недалеко отсюда, мы туда съездим.
- С тобой, куда угодно. Продолжай, Петя. Я столько лет не слышала тебя. Мне всё интересно, что ты говоришь. Я никак не могу насладиться тембром твоего голоса.
- А я наглядеться на тебя. Просто не могу поверить. Фантастическая реальность. Этого не может быть, а есть.

РОЗМОВЛЯЛКИ

Как мы ни торопились, но опоздали почти на час.

Домик Сохно был типично курортной усадьбой. За красивой плетеной на старый украинский лад изгородью, прятался в деревьях и виноградной листве Ванин дом. Участок разделен такой же изгородью пополам. Правая часть предназначалась для курортников. Там стояли притулившись друг к другу неказистые домики на 2 - 3 человека, общий душ, туалет и кухня под

навесом. В другой, хозяйской части, стоял одноэтажный пятикомнатный дом, практически весь обвитый виноградной лозой, полностью укрывавшей собой широкий длинный навес, под которым стоял стол в окружении венских плетенных стульев. Уже было несколько гостей.

Немного поодаль от входа на специальной подставке стоял дубовый бочонок вина литров на пятьдесят, с врезанным в него старинным надраенным до блеска витым краном из латуни. Рядом с бочонком Иван встречал гостей, наливая, как он выражался, «*встречный бокал*». Не выпить его было нельзя. Это традиция. А Иван был известным ревнителем традиций и ритуалов. Следование традициям он перенял у Волошина, а ритуалам – у Конфуция.

Открыв калитку и пропустив вперед Лену, я увидел, как у Ивана полезли вверх его огромные брежневские брови:

— Проходите, будь ласка, друзи мои! – приветствовал он нас. Мы подошли к Сохно. Прищуриив свои хитрые глаза, он тихонько шепнул мне на ухо:

— Значит, резонанс всё-таки сработал?

Но Лена расслышала, что он сказал, и ответила за меня:

— Сработал, ещё как сработал.

— Вы уже и про резонанс знаете? Большие успехи!

— Какие успехи! – смеясь, сказала Лена. – Только с четвертого захода сигнал уловил, когда я сама его распеленговала.

— За два дня вы четыре раза пересеклись!?

— Нет не за два дня... Немного больше... За 20 лет.

— Так вы давно знакомы?

— Да... С Чернобыля... Только там резонанс оборвался, хотя по-моему был. А за два эти дня только на третий раз.

— Но главное – резонанс всё-таки состоялся?

— Петя, ну, состоялся резонанс? – спросила меня Лена.

— Конечно, Леночка, с моей стороны – да. А с твоей?

— Ты ещё сомневаешься?

— Не может же так много и сразу свалиться на одичавшего холостяка. В общем, Лена, знакомься, это Иван.

— А я вас сразу узнала, Иван Арсентьевич, – немного смущаясь, сказала Лена.

— А вы что, местная? Я вас ни разу здесь не видал.

— Нет, я из Симферополя. В Коктебеле первый раз. И теперь этому очень рада.

— И я рад за вас и за Петю. Кстати, зовите меня Иваном. В нашем доме никто никого не называет по отчеству.

Он осторожно взял Лену под локоток и повел к столу.

— Знакомьтесь, друзья. В нашем полку красиво прибыло. Это Лена, а это – её Петруччио, в смысле Петр.

— Очень приятно. Сергей, – поднявшись со стула, представился известный российский художник Призов, с которым мы давно были знакомы.

— А это Алексей – страж покоя коктебельских гостей.

— Мы с Алексеем Алексеевичем уже знакомы, – и обращаясь к нему, я сказал. – Спасибо за номер. Вид на море действительно превосходный. Под шум прибоя здорово спится и при этом снятся вещие сны, которые тут же и сбываются.

— Рад услужить и вам, и Ивану. Только здесь я – Алексей. А к снам гостиница не имеет никакого отношения.

— Как же не имеет? Вот приснился мне сон, гуляю с какой-то девушкой по горам, потом она падает, а когда встает, оказывается очень приятной женщиной. Я просыпаюсь с ощущением, что где-то её видел. Выхожу на набережную и знакомлюсь с ней. Вот она – Лена из моего сна.

— Тебе, действительно, это снилось? – спросила Лена.

— Да. Это был такой красивый сон. Мне не хотелось даже вставать, чтобы только смотреть и смотреть его. Правда тогда я ещё не догадался, что это ты мне снилась. Вот на набережной и досмотрел свой сон. Я тебе потом его в деталях расскажу.

— Вот именно, потом. Ворковать будете позже, мои голубочки, – прервал меня Сохно. – Хочу вам всем сообщить, что Лена и Петя не виделись почти 20 лет. Познакомились они в Чернобыле, там у них был известный вам резонанс, но что-то помешало. Давайте нальем бокалы и выпьем..., как всегда, за Коктебель, в котором происходят такие прекрасные встречи. Сорок лет тому назад мы встретились здесь с Петром и подружились, потом с Катей и поженились, затем познакомились с вами, наши дорогие гости, и с многими другими нашими друзь-

ями. Теперь вот Петя и Лена нашли друг друга именно здесь. Выпьем за Коктебель – самое святое место на Земле, пронизанное счастьем и Любовью.

СТИХИ

Через некоторое время встала Катя:

— Я хочу предложить тост за Лену и Петю. Через столько лет невзначай встретиться, узнать друг друга и ... посмотрите в их глаза, они сияют счастьем. Не потеряйте его, как в Чернобыле. Берегите щедрость, которую суровая судьба так скупно и редко дарит нам. За вас Леночка и Петя.

Каждый говорил нам какие-то приятные слова. Я был не в своей тарелке. Мне казалось, что всё это происходит не со мной. Лена, действительно, сияла. Я стал терять чувство реальности, мои проблемы улетучились куда-то в неизвестность. Даже почувдилось, что я опять молод, здоров и всё могу.

Потом встал Иван:

— Продолжим знакомство. Вот Нина Перкова, актриса театра на Малой Бронной. Её подруга, Алина Костенко, из многострадального Киевского русского драматического театра, недавно снялась в Москве в сериале.

— Вот знакомьтесь – Вячеслав Храмов. Ну вы с Петром знакомы. Лена, рекомендую его вам – поэт, в прошлом году стал лауреатом малого Буккера за свою замечательную книгу «Пришел и сказал». А этот бородач – Эдуард Салеев, питерский кинорежиссер. Сейчас приехал со съемок с Севера к нам за солнцем. Хочет пристроить наше солнышко в свой фильм.

Разговор сразу зашел о последних сералах, в том числе в которых снимались Нина и Аля. Говорили о поэзии. Вячеслав читал свои последние стихи. Потом обратился к Сахно:

— Слушай, Иван, а ты почитай что-нибудь о Коктебеле.

Иван сосредоточился, немного помолчал, собираясь с мыслями, а потом сказал:

— Нет, своё не буду читать.... Знаете, вот уже сколько лет живу в Коктебеле, а лучше о нем, по-моему, никто не сказал, чем это когда-то сделал Петр. Жаль, что он перестал писать стихи. Что делать, сердцу не прикажешь. Я часто читаю одно его короткое стихотворение о Коктебеле. Послушайте:

*Души измотанной приют,
Снов нескончаемых виденье –
О, Коктебель! – мне твой уют
Родней заморских развлечений.*

*Твой дух и миг всего милей
И не нужны любые параллели –
Что в жизни может быть важней
Любви, детей и Коктебеля?*

Раздались аплодисменты. Лена смотрела на меня с восхищением. Я даже чуть возгордился. Иван опять загудел:

— Петька, а я много тех твоих стихов собрал. Если переберешься жить в Коктебель – издам твою книжку. Может и к тебе применимо то, что написала Мария Цветаева о себе, кстати здесь, в Коктебеле, когда гостила у Волошина:

*«Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед».*

— Ну, ты загнул, Иван! Знай меру.

— Да на твои стихи у нас две песни давно уже поют. Я им говорю, это слова Русенко, а они отвечают, не знаем никакого Русенко, это слова народные, туристы их сочинили.

– Ну, и хорошо, – сказал я.

— И тебе не жалко своего?

— Всё в прошлом, и никому не нужно знать, чье это.

— Кому что нужно, Петр, не нам решать, – сказал Вячеслав. – А почему ты перестал писать?

— Не знаю. Не пишется... Видимо, Чернобыль мешает...

— А ты попробуй снова.

— Да нет, не уговорите его, – сказал Иван. – Он такой упертый! Ему что в башку втемяшится, никто не выкорчует. Знаешь, Петро, я тебе отвечу стихами твоего самого любимого поэта, нашего коктебельского Максимилиана Волошина, – назидательно сказал Иван. – Слушай, Петушок, и мотай на ус:

*Твой Бог в тебе,
И не ищи другого
Ни в небесах, ни на земле.*

*Поверь, весь внешний мир:
Везде закон, причинность,
Но нет любви:
Её источник – ты!*

Полюби этот мир, может и стихи вернутся.

Под зонтиком

Повисла неловкая пауза... Возможно, чтобы как-то разрядить обстановку, ко мне обратился Сергей:

— Петя, а помнишь ты мне как-то показывал фотографии Припяти до этой аварии. Друзья, вы не видели? Нет? О, какой это был цветущий город – сплошной розарий! Жили люди, радовались, размножались... А потом Петя показывал фото, где уже не было ни роз, ни травы. Город, обнаженный, как нерв. Неужели никогда не удастся восстановить его?

— Кто будет в нем жить? – ответил я вопросом на вопрос. – Рядом с очагом страшной радиации и замедленной бомбы...

Вячеслав удивленно спросил:

— Так блок же захоронили в саркофаг.

— Петр, вы давеча мне говорили, что реактор не усмирен, – сказал Алексей. – Как это понимать? Вы меня очень напугали.

— А так. В любой момент может реактор опять раскрыть своё чрево, если будет сбой в поддержании давления внутри саркофага, если не выдержат деформированные, перегруженные и уставшие от радиации и времени внутренние строительные конструкции, если ураган пронесется над реактором, землетрясение произойдет сильнее пяти баллов. А саркофага вообще-то никакого и нет. Это выдумка журналистов. Есть как бы нашлепка. По проекту – «Объект «Укрытие», а мы называли просто – «Зонтик». Кстати, это было временное решение.

— А говорили саркофаг, – произнесла Алина.

— Значит мы живем под зонтиком? – с сарказмом сказал Эдуард. – Что нам не те фотографии по телевизору показывали? Вот здорово! Оказывается мы все – под зонтиком! Ха-ха!

— Да у нас не такие мистификации возможны! – воскликнул Вячеслав. – Всю страну мистифицировали тем, что са-

жали врагов народа, скрывали информацию о бунтах, поражениях, авариях, катастрофах, о том же Чернобыле.

— Нет, в данном случае фото показывали те, — сказал я. — Но с большого расстояния. Потому и не видно, какие огромные щели между конструкциями, обшитыми металлическими листами толщиной всего 5 – 6 миллиметров.

— Получается, если *«кто-то, где-то, как случается порой»* проспит, заболтается или что другое, то блок опять гадить будет? — спросил Алексей.

— Не только. Есть вопросы посерьезней.

— Какие, Петр? Ты мне не рассказывал, — с тревогой в голосе спросил Иван.

— Разве всё расскажешь? Давайте не будем о грустном.

Все присутствующие загалдели и потребовали, чтобы я рассказал об этом подетальнее.

— Ладно. Вы все знаете, что в результате взрыва кровля здания реактора и одна стена были снесены полностью, две стены — до половины. Реактор раскрыл своё чрево. На месте разрушенной стены возвели каскадную стену из монолитного бетона в несколько тысяч тонн... Как вы знаете блок засыпали песком, доломитом, бором, чугунной дробью. Это дополнительная нагрузка весом более четырех тысяч тонн. Температура была настолько высокая, что всё плавилось и превратилось в лаву, как в вулкане. Бетон тоже плавился. Внизу строительные конструкции, как *«слоновые ноги»*, растеклись, осели. Сначала эти *«слоновые ноги»* представляли собой такой крепкий камень, что бронебойными пулями еле-еле смогли отбить несколько осколков, чтобы провести их химический анализ. Но по прошествии времени под воздействием высоких уровней радиации и электростатических полей эти «ноги» и остальной бетон стал рассыпаться в пыль...

— То есть получается, что не смогли сделать бронебойные заряды, сделала радиация? — спросил Эдуард.

— И время, — дополнил я его догадку. — Поэтому могут быть внутренние обрушения конструкций, что вызовет нарушение внешней конструкции «Зонтика», поднятие в воздух не-

сколько десятков тонн накопившейся радиоактивной пыли, и что-нибудь похуже.

— Ну и картинку вы нарисовали! Не пугайте, Петя! — взволнованно сказала Алина.

— Это не всё. На Чернобыльской АЭС сейчас негде хранить ядерное топливо. Три блока остановили, а топливо выгружать некуда, вот и вынуждены его хранить прямо в реакторах. И это не всё.

— Господи, что ещё? — воскликнула Алина.

— В Чернобыльской зоне не менее 800 могильников. Большинство не соответствуют требованиям безопасности, сделаны были в первые месяцы после аварии впопыхах, кое-как, местонахождение многих из них неизвестно...

— А проект постоянного укрытия хоть есть?

— Есть несколько проектов. В 90-м году разработал Курчатовский институт. Предлагалось накрыть весь блок отдельным герметичным сооружением из монолитного железобетона толщиной до пяти метров, чтобы это сооружение могло в случае чего выдержать внутренне давление взрыва. Есть ещё несколько проектов. Накатить по рельсам на блок сооружение в виде шатра⁵⁵, заглубить или полностью забетонировать здание реактора.

— Ого! А когда же начнут, известно? — спросил Эдуард.

— Не знаю.

— Ну если деньги дадут, да пока будут решать, ещё пять лет пройдет, да строить лет десять, — прикинул Эдуард. — Значит ещё не менее пятнадцати лет над нами будет висеть эта бомба.

— Зонттик, — съязвил Сергей.

— Нет, эта бомба, и будет висеть дольше, — возразил я. — Как тот меч, что висел над Дамоклом на конском волосе. Даже когда сделают новое более надежное сооружение, всё равно в Чернобыльской зоне нельзя будет жить несколько сот лет. Ведь период полураспада некоторых радиоактивных элементов превышает сотни лет. Новое укрытие не спасает, а только несколько уменьшает последствия возможной новой беды. Надо реактор, блок полностью демонтировать и засыпать все земли. Вот

⁵⁵ Именно этот проект и реализован недавно.

тогда конец. Но сначала лет сто уйдет на выдержку реакторов, ещё лет 50 – на выдержку контура циркуляции, только после этого демонтаж. Так что не менее ста лет.

— Но ведь оставалось чуть-чуть, – произнесла Алина.

— Вот эти-то чуть-чуть самые трудные и дорогие. Чтобы понизить радиацию в сто раз понадобилось два месяца, еще в сто раз – два месяца, ещё в десять раз – три месяца. Тут и зима началась, все снегом и льдом накрыло. Потом ещё два года мыли, понизили всего лишь в десять раз, а надо ещё в двести, что просто невозможно ни физически, ни технически. И это, к сожалению, не всё.

— Господи, что же ещё? – воскликнула Алина.

— Закрыли много атомных электростанций.

— Ну и хорошо.

— А оказалось, что это несет ужасную беду. Закрыли, но станции не исчезли, они работают на минимально контролируемом уровне. Выделяют тепло, его надо отводить, потому работают системы охлаждения и т.д. И главное застопорилось технологическое совершенствование атомных реакторов. В мире больше 400 блоков, строится 45, из них 30 строит Россия. Полным циклом компетенций в атомной энергетике сейчас обладает только Россия. Остальные страны затормозились. Происходит деградация атомной отрасли. Потребность в электроэнергии возрастает, и никакие альтернативные источники не спасут в ближайшие минимум сто лет. С каждым десятилетием всё больше будут строить АЭС. Вот только для будущих поколений риск новых катастроф наподобие Чернобыльской аварии возрастёт на порядки. При этом проблема утилизации отработанных ядерных отходов никуда не денется и через 200 лет.

— Почему не пишут? Всё ещё боятся? – спросил Иван.

— Ты и ответил, – сказал Вячеслав. – Помните, как у Федора Кони:

*Не жди, чтобы цвела страна,
Где плохо слушают рассудка
И где зависит всё от сна
И несварения желудка.*

— И всяких личных интересов, — добавил Иван, — которые для них важнее интересов страны и народа.

— И это тоже, — продолжал Вячеслав. — Но нас слышит Бог. Каждый из нас в ответе перед Ним и перед своей совестью. Когда страной правит серость и частные интересы, только люди искусства своим творчеством могут исподволь подготовить будущие перемены к лучшему... А тебе, Петя, надо писать. Не хочешь стихи, пиши прозу. Такие, как ты, должны писать, открывать глаза народу.

— Но ведь это страшно, знать всю правду! — воскликнула Алина. — Так тяжело жить.

— А без правды можно быстро погибнуть, — парировал Сергей. — Это способ самосохранения. И почему мы не должны знать? И так семьдесят лет жили в плену всяких вымыслов и заблуждений. Пора жить в том мире, какой он есть.

— Сергей прав, — сказал Иван. — Петя, надо писать.

— Ваня, друзья, не уговаривайте. Я уже начал делать кое-какие записи. Это больше дневниковые записи о Чернобыле.

— Ну, другое дело. Давайте выпьем за будущую Петину книгу, — предложил Иван. — А вы, Леночка, если у вас с Петей резонанс не пропадет, помогите ему. Ну, за Петину книгу!

Мы долго ещё сидели, разговаривали на другие темы, но я был уже далеко. Я вспомнил второй раз за последние три дня слова Ильи Кузьмича о наших следах на Земле. Зачем я всю зиму сидел, записывал свои мысли, разговоры о Чернобыле, перебирал свой архив, читал книги, выписывал? Может интуитивно, сам того не замечая, я подвигался к тому, что должен сделать?.. А что меня привело сюда? Чтобы встретиться с Леной?... Или чтобы изменить свою жизнь и измениться самому?

Я взглянул на Лену. Обнял её за плечи. Она как будто угадала мои мысли, кивнула и мы, не сговариваясь, молча встали, попрощались и пошли гулять по ночному Коктебелю. Сидели у берега. Смотрели на море, переливающуюся лунную дорожку. Слушали шум набегающего прибоя и тихий разговор гальки, перекаत्याющейся вслед уходящей волны. Потом просто легли навзничь. Галька была ещё теплой после дневной жары. Смотрели на звезды, изредка проплывающие между ними спутники и

молчали. Как много мне надо было сказать Лене и как не хотелось нарушать собственными звуками эту ночную гармонию. Я смотрел в небо и оно мне показалось похожим на гигантский зонт из волшебной темно-голубой ткани в звездную крапинку. Это самый красивый зонт в мире. Продрогнув, пошли к Лениному общежитию. Договорились встретиться завтра, в десять.

Глава 19.

НОВЫЙ СВЕТ

28 июля 2006 года.

Ожидая Лену на лавочке, я вспоминал вчерашний день и не заметил, как она подошла ко мне. На голове у неё была прелестная соломенная шляпка. Оделась в голубенькое платье восьмиклинку из тонкого ситца в мелкие, как горошек, цветочки. Хотя платье простенькое, а как молодило Лену. Казалось, она порхает в нем.

РОМАНТИЧЕСКИЙ ОТПУСК

— Петенька, поздравь меня! Я получила целую неделю за то, что всех замещала. И никто меня не уволил.

— Здорово!

— И ещё, я рассказала утром всем о тебе и о нас. И меня простили. Даже наградили отгулами.

Я выжидающе посмотрел на Лену и предложил:

— Тогда едем в Новый Свет. Ты вчера обещала.

— И не отказываюсь. Когда?

— Сейчас. Автобус отходит в двенадцать.

— А когда вернемся?

— Будем там, сколько понравится.

— Ой, так я же не одета! Надо собираться! Мы не успеем!

— Леночка, милая, не суетись. Беги и всё успеешь.

— Не успею!

— Ты хочешь ехать?

— Хочу!

— Тогда беги! Я жду.

Автобусы на Судак шли часто, каждый час. Поэтому спешить было некуда. Я готов был ждать Лену сколько угодно. Но

мне никогда не приходилось видеть, чтобы женщины так быстро собирались. Всего через двадцать минут Лена с чемоданом прямо вылетела из подъезда общежития.

Я взял у неё чемодан, и мы пошли в гостиницу, где я быстро выписался, а потом на автостанцию. Там в соседнем кафе позавтракали, сели на автобус и поехали в наше первое совместное путешествие. Этот маршрут я неплохо знал – сколько по нему ездил. Потому всю дорогу рассказывал Лене о достопримечательностях, встречавшихся в пути.

В Судаке мы пересели на маршрутное такси и через двадцать минут уже подъезжали к Новому Свету. На одном из поворотов горного серпантина я издали увидел знакомые очертания причудливого здания, выстроенного князем Львом Сергеевичем Голицыным для своих рабочих в стиле английского средневекового замка.

ПОСЛЕДНЯЯ НИТОЧКА

Новым Светом назвал это чудное место на берегу Голубой бухты князь Захарий Семенович Херхеулидзе из древнего грузинского рода. Он мечтал, что эта маленькая долина посреди самой большой в Крыму рощи древовидного можжевельника сделает счастливой жизнь и судьбу его несколько болезненной дочери Нади. Но все вышло не так. Уже будучи замужем за действительным статским советником Засецким, она безумно полюбила Льва Сергеевича Голицына и стала его гражданской женой. У них родились две девочки. Одну они называли по имени матери, тоже Надей, другую – Софьей, в честь мамы Льва Сергеевича.

Засецкий так и не дал жене развода и более того однажды потребовал её немедленного возвращения. Чтобы спасти детей от проживания в семье отчима-самодура Голицына выкупил у Херхеулидзе имение «Новый Свет» и с согласия Надежды Засецкой перевез туда их общих детей на постоянное жительство.

Через четыре года от невыносимой тоски Надежда Засецкая умерла. Эта история тогда имела широкий резонанс в обеих столицах. Поговаривали, что Надежда пыталась несколько раз бежать и после очередной неудачной попытки отравилась. Ис-

тория Надежды Херхеулидзе и Льва Голицына невероятно похожа на описанную Львом Николаевичем Толстым историю Анны Карениной. Может быть не случайно в одноименном кинофильме сцены посещения Италии Анной Карениной и Андреем Волконским снимались именно здесь, в Новом Свете, с мыса Коба-Кая на фоне Царской бухты и скал Караул-Оба. Места здесь, действительно, похожи на виды итальянского взморья.

Голицын организовал в Новом Свете первый в России завод шампанских вин. Впоследствии он же создал заводы вин в Абрау-Дюрсо недалеко от Новороссийска и в Массандре близ Ялты. На базе разработок князя Голицына и его лаборатории уже при советской власти был образован Всесоюзный НИИ виноделия и виноградарства «Магарач».

Голицынские сорта вин не раз награждались медалями и Гран-при на международных выставках шампанских вин с 80-х годов позапрошлого века, порой опережая родоначальников этого замечательного французского напитка. Голицынское шампанское сорта «Брю» было заказано Двором Его Императорского Величества и подавалось на коронации Николая Второго. Лев Сергеевич дал имя этому вину «Коронационное» и под этим названием оно завоевало Гран-при на международной выставке, проходившей в самой Шампани. Именно это шампанское подавалось и в день свадьбы Николая Второго. Потом Голицын стал директором императорских винзаводов Юга России.

Совсем недавно, в 97-ом году, сюда вернулась его правнучка Ольга Сергеевна Трубецкая-Голицына, последний отпрыск крымской ветви славного голицынского рода. Сейчас ей около 90. Получила она три комнатки в этом замке. Иногда рано утром можно увидеть эту невысокого роста старушку в длинной белой рубашке, идущую освежиться в бухте своего детства. Её увезли отсюда, когда ей было двенадцать лет. Долгие годы её тянул сюда зов предков и дым потерянного отечества.

Мне доводилось бывать у Ольги Сергеевны. С ней я познакомился случайно на пляже. Когда бывал в Новом Свете, любил окунуться в прохладные волны пораньше, как только проклюнутся первые лучи солнца над безбрежным простором морского горизонта, когда отдыхающих ещё нет и природа не

сильно омрачена курортной суетой. Однажды, подходя к пляжу, я сразу обратил внимание на странную старушку. Ольга Сергеевна уже возвращалась. Вдруг она оступилась на гальке и повернула ногу. Я помог ей подняться, взял такси, стоявшее на набережной, и отвез домой. Когда она узнала, что я из Костромы, рассказала, что её прадед Лев Сергеевич был в Костроме и лично наливал своё вино августейшим супругам на праздновании 300-летия Царского Дома. Так завязалось наше знакомство.

Был род, семья, дом, была жизнь, Новый Свет, винные заводы и остался вот этот маленький увядающий стебелек – Ольга Сергеевна... Я тогда подумал: «Как там поживает Ольга Сергеевна? Три года уже не видал её. Мы зайдем к княгине».

Ольга Сергеевна гостеприимна, дружелюбна, с ней всегда интересно. Находясь в изумительной памяти, она прекрасно знает историю своего рода. Только вот горюет, что осталась единственным его представителем. При этом совсем не держит ни на кого зла. Как-то она сказала:

– На всё воля Господня. Может в грехе жили наши родители, их предки, страна. Может потому и поплатились.

– Неужели так может быть, Ольга Сергеевна?

– Так есть. Помните у Брюсова:

*О позабытый мир! И я дышал тем ядом,
И я причастен был твоей судьбе...*

Мы все причастны, Петр Валентинович. Греховное ведь накапливается, а потом вырывается наружу. Но время Сатаны прошло и я счастлива, что хотя бы один человек из нашей семьи дожил до этого времени. И вы, душа моя, не озлобляйтесь из-за своего Чернобыля. У каждого свой Чернобыль. Вы ещё будете счастливы. Верьте и надейтесь. Но помните: *«только щедрому щедрость дается, только благу благодать приходит»*.

Как только подъехали к площади и вышли из маршрутного такси, я сразу посмотрел на верхний этаж замка, где находилась квартира княгини. Окна были открыты настежь, всё также висели кружевные в цветных рюшечках занавески, стоял большой цветок герани. Коль всё по прежнему, значит жива ещё

Ольга Сергеевна, значит, жива ещё тонкая ниточка, связывающая былое и нынешнее.

Мы живем в поистине трагическое время, когда, к счастью, людям всё больше приходит осознание нашей неразрывной связи с прошлым и тут же, одновременно, словно по закону подлости, мы присутствуем при обрыве последних ниточек, хоть как-то ещё соединяющих нас с минувшими временами. Ниточки обрываются и остаются нам только книги, дневники, письма и горькое чувство досады о безвозвратно утраченном. Нужно спешить, пока ещё живы эти ниточки. Надо обязательно навестить Ольгу Сергеевну.

ФОТОГРАФИЯ

Не обращая внимания на набежавших местных жителей, наперебой приглашавших нас к себе на постой, я взял Лену за руку и направился левее замка верх по небольшой мощенной булыжником улочке, серпантином поднимающейся вверх. Мы шли к Анне Трофимовне, бывшему главному инженеру винзавода, у которой раньше я останавливался. Она проживала рядом с усадьбой князя Голицына, в которой теперь находится музей и дегустационный зал вин возрожденного новосветского завода.

Конечно надежд, что у Анны Трофимовны имелось свободное место, я не имел. Зато знал, что она найдет, у кого нас пристроить, и место будет достойное, и возьмут по-божески. Так и оказалось. Анна Трофимовна с радостью встретила нас. Два её маленьких дачных домика были заняты, свою трехкомнатную квартиру она тоже заселила полностью, но сказала, что поможет. Сама она летом обычно жила с внучкой в третьем домике на этом же дачном участке. Мы посидели у неё, попили чайку, поговорили, поделились последними новостями. Я рассказал о нашей встрече с Леной. Анна Трофимовна внимательно посмотрела на неё и говорит:

— Что ж, раз такая ситуация, не буду таскать вас по поселку. Поживёте у меня. Цена, как в прошлый раз. Пойдет?

— О, это было бы превосходно! А как же вы?

— К сестре перемещусь. Недельку она выдержит меня. Петя, поможешь мне сумку мою с вещами донести до сестры?

— Какой разговор, Анна Трофимовна. Вы просто чудо! Знаете, какая-то странная полоса у меня пошла. Два года лечусь, мучаюсь, жить не хочется... Ровно неделю назад посмотрел на фотографию Царской бухты, всё как рукой сняло. И вот я здесь. Помните ту фотографию, которую вы мне подарили?

— Как же, помню. Это мой племянник, который в Симферополе живет, наделал мне штук двадцать. Чтобы я продавала. Он такую заботу обо мне проявил.

— А вы у меня денег не взяли. Сказали, что подарок. И ещё добавили: «Повесь дома. Как напомним фотография тебе о Новом свете, приезжай. Всегда буду рада». Так ведь и случилось. Посмотрел и приехал. Да не один. В Коктебеле три дня провел, теперь у вас – и везде такой приветливый прием, столько добра, участия встретил за одну неделю, сколько мне за двадцать лет не выпадало. Просто царскую неделю подарила мне ваша Царская бухта. И надеюсь такой же царской будет и эта неделя.

— Это, Петя, к тебе жизнь возвращается. Я видела в прошлый раз, каким ты тогда был. Совсем потерянный какой-то, кислый, как выветрившееся шампанское, совсем без духа. А в Новом Свете ты тогда немного отогрелся. Вот я и хотела, чтобы ты ещё приехал... Значит, помогла фотография? Слава Богу!

Мы с Леной переоделись и пошли провожать Анну Трофимовну к её сестре. Потом прошлись по набережной. В Новом свете набережная не такая длинная, как в Коктебеле. Затем я повел Лену по узкой галицинской тропе вокруг горы Орел, которая когда-то была широкой и по ней даже ездил царь на лошади в пещеру Шаляпина, где по преданию, Федор Иванович давал свои концерты. Там было изумительное эхо. Мы поднялись на мыс Пещерный.

— Вот, отсюда, Лена, можешь посмотреть ту фотографию, что подарила мне Анна Трофимовна. Почти на этом месте стояли Анна Каренина и Вронский, имеется в виду в кино, и любовались скалами Италии. Внизу Царская бухта, а вон та гора и есть Караул-Оба. Лена обернулась, обняла меня за шею:

— Петя, я за вчера и сегодня так много узнала о тебе, что мне кажется, я вовсе и не знала тебя раньше. Ты оказывается совершенно другой, нежели я думала о тебе.

— И как этот другой? Наверное, совсем не интересен?

— Что ты, Петенька! Ты мне нравишься ещё больше! Меня переполняют такие чувства к тебе, что я даже не могу все их выразить. Я тебя обожаю... Я...

— Лена, не надо. Нам сейчас хорошо ведь? Хорошо?

— Безумно хорошо, Петенька!

— Вот и ладушки. Сейчас мы пойдем гулять по можжевеловой роще. Это восхитительное место. Здесь встречаются горный и морской ветер с фитонцидами можжевельника, и этот воздух становится необыкновенно лечебным.

ВМЕСТЕ

Обнявшись, мы бродили по роще до самой темноты. Я рассказывал местные легенды, истории из своих прежних пребывания в Крыму. Потом мы вернулись на набережную. На маленьком базарчике купили кое-какой еды, бутылку красного муската и пошли в наш первый совместный приют.

Долго сидели на веранде. Лена прижалась ко мне. Понемногу смакуя вино, мы любовались светящимися огнями спускающегося к морю поселка, висящим над нами шатром звездного неба, переливающейся золотистой дорожкой, в конце которой огромная Луна норовила окунуться в бескрайнее море. Незаметно Лена уснула у меня на плече. Я осторожно поднял её на руки и отнес на кровать. Не просыпаясь, она что-то пробормотала и, как маленький ребенок, подложив руки под щеки, заулыбалась. Я укрыл её, осторожно поцеловал и шепотом пожелал крепкого сна. Пусть снова ей приснится красивый сон.

На следующий день, позавтракав, я повел Лену на моё любимое место для купаний, на каменистый берег в Разбойничьей бухте. Там есть несколько больших плоских камней, на которых удобно лежать и загорать. Возле одного из камней, выбирая из воды небольшие камни, я обычно устраивал что-то наподобие ванны. Сегодня я сделал такую ванночку на двоих. Мы лежали в ней, покачиваясь в такт небольших волн. Это был замечательный утренний моцион!

Потом мы поднимались на гору Орел. Это не трудно – гора невысокая и пологая. Не спеша, взойшли на вершину. Оттуда открылся впечатляющий вид на все побережье: Голубую бухту, Новый Свет, более высокую гору Сокол на противоположной стороне Голубой бухты. Вдали виднелся массив Караул-Оба.

ФЕЕРИЯ

Вернулись в наш общий приют, когда уже начало темнеть. По очереди приняли душ. Поужинали. Я сказал Лене, чтобы она шла ложиться спать и потушила свет, а я потом приду. Когда увидел, что свет потух, прошел в комнату, разделся и только хотел лечь в свою кровать, как Лена спросила меня?

— Петя, ты не хочешь мне пожелать спокойной ночи?

— Конечно, Леночка, я и вчера пожелал, чтобы тебе приснился красивый сон.

— А как я легла спать? Совсем не помню.

— Ты заснула у меня на плече и я отнес тебя.

— Отнес? Меня ни один мужчина не носил на руках. Надо же, я пропустила такой важный момент в своей жизни. А сон и впрямь был красивый. Пожелай мне снова. Иди сюда.

Я подошел, чуть наклонившись, сказал:

— Спокойной ночи, Леночка. Пусть тебе приснится добрый и ласковый сон.

— Петя, поцелуй меня на ночь.

Я наклонился, поцеловал её, но она крепко обхватила меня за шею и поцелуй наш оказался ещё слаще, чем днем.

— Петенька, полежи со мной немного, приспи меня.

— А это как?

— Обними и я, как вчера, засну у тебя на плече. Мне так будет легче заснуть.

Она не выпускала меня из своих жарких объятий. Я прилег на краю. Но она и не думала засыпать, а легонько целовала меня и что-то тихо шептала на ухо. Но я думал о другом... И наконец решил:

— Леночка, я должен признаться тебе... Я давно уже не мужчина... Понимаешь, не могу. Был конь, да изъездился... Поэтому и жена от меня ушла к другому, сильному. Зачем ей евнух.

— Боже! Петя, тебя что кастрировали?
— Ты с ума сошла! Нет.
— А почему же ты говоришь, что евнух?
— Просто как мужчина я ничего не могу. Понимаешь — это Чернобыль!.. У меня был печальный опыт. Такой позор!.. Чуть не запил... Еле-еле вытащил себя за волосы
— Давно это было?
— Лет восемь, наверное.
— Петя, это было очень давно. Ты сильный. Сумел же вытащить себя за волосы. Другие спиваются, а ты нет. Значит ты всё сможешь. Давай попробуем. Я не буду смеяться. Ты мне дорог любой. Но я уверена, у тебя всё получится. Анна Трофимовна же сказала, что ты оживаешь. Всё будет прекрасно. Успокойся. Милый, любимый! Как я тебя долго ждала. Обними меня. Не бойся.

С этими словами Лена распахнула простынь и прильнула ко мне. Она была полностью обнаженной. Тепло её горячего тела обожгло меня и пронзило, как электрическим током. Она взяла мою немного сопротивлявшуюся руку и прислонила к своей груди...

— Милый, это твоя грудь. Погладь её, поцелуй. Ты не мог всё забыть. Ты сильный. Ты знаешь, что делать... Смелее.

Я осторожно начал гладить её грудь. От Лены исходил тонкий аромат роз. Они пахли так же, как те незабываемые розы в дочернобыльской Припяти. Как будто повеяло детством, родной. Я припал к груди и прикоснулся к ней губами.

— Вот так, Петенька. Хорошо. Как сладко ты ласкаешь. Ты всё можешь. У тебя всё получится.

Она опять начала целовать моё лицо, плечи, гладила моё тело. И вдруг прикоснулась к моему давно уже не просыпавшемуся достоинству.

— Не надо, Леночка. Не мучь меня!

— Петенька, любимый, самый дорогой на свете, потерпи немного. У тебя всё получится. Сейчас.

И совсем отбросив стеснение, она решительно стала ласкать меня так, как никогда никто не доставлял мне такого удо-

вольствия. Она и гладила, и сжимала, и целовала и такое вытворяла со мной,.... что... вдруг...

— Вот, вот! Петенька! Ты оживаешь! У нас всё получится!... Петя, дорогой, возьми меня! Я твоя! Если я тебе не безразлична, доставь мне наслаждение.! Такое, чтобы я летала. Ты можешь!.. Ты можешь!.. Ну!.. Ну!..

И, о чудо!.. Я смог!.. Смо-о-ог!!!!.. Страсть с такой силой вдруг охватила всего меня и устремилась наружу, как пар из раскаленного чайника. Вся нерастраченная энергия, как у пса, обезумевшего после долгой разлуки с хозяином, сорвалась с цепи страха и полетела навстречу к своему долгожданному счастью. О! Это фантастика! Феерия! Это был взрыв сверхновой звезды! Нет, это был взрыв всей Галактики, продолжавшийся с перерывами до утра. Я охал, выл и, как дорвавшийся до сладостей восторженный малыш, орал Цветаевское:

*Сегодня ночью у меня ключи
от всех ворот единственной столицы!*

Этой моей столицей была Лена. Я открывал ворота за воротами. Столица была безумно интересна и восхитительна! Откуда брались у меня силы, не знаю. Я довел Лену до изнеможения. Она стонала, визжала, а я, как полоумный дикарь, никак не мог насытиться удовольствием и от её стонов, и от того, что ей хорошо, и от того, что я опять обрел потерянные ключи:

*Весенний день горяч и золот, —
Весь город солнцем ослеплен!
Я снова — я: я снова молод!
Я снова весел и влюблен.*

... Мы проспали до обеда. Долго не жились в постели и встали только потому, что захотелось есть и пить. Пока я готовил завтрак совмещенный с обедом, Лена привела себя в порядок, немного прибралась в комнате. Она ходила совершенно раздетой. Пришло какое-то новое чувство — быть рядом с женщиной, не стесняться и не бояться её. При дневном свете я рассматривал Лену и удивлялся не пропавшей ещё сочности её тела, совсем не полных ног, в меру пышного бюста, матовой загорелой коже, призывности темнеющего лобка. В моих глазах Ле-

на была более чем прекрасна. Вдруг волна пробежала по моему телу, что-то внутри подкатило к горлу. Я подошел, обнял, поцеловал и, неосознанно повинуясь какому-то неизвестному чувству, поднял Лену на руки и отнес на кровать...

Я не мог поверить себе. Не устал целовать и ласкать Леночкино тело, всё время приговаривая:

— Леночка, ты совершила то, что не смогли сделать врачи. Ты мой спаситель! Я тебя люблю!

— Я же говорила, что всё у нас получится, глупыш, а ты не верил. Я знала, что ты сильный. Ты доказал это. И ты вылечил меня. До нашей встречи я давно уже перестала мечтать о таком счастье. Это ты – мой доктор.

— Нет, ты.

— Нет, Петенька. Это ты подарил мне красивый сон и разбудил меня. Ведь мы могли и не узнать друг друга. Ты вылечил меня так, что я смогла помочь тебе преодолеть твой неоправданный страх. А ты подарил мне это наслаждение, которое я и забыла, каким оно бывает. Ты не болен, ты просто феерический радиоактивный мужчина!

— Леночка, а ты помнишь, как в Чернобыле шутили, кто такой радиоактивный мужчина?

— Не помню. Скажи.

— Немного грубовато, но шутка была такая: «Радиоактивный мужчина – это тот, у кого нет ни кола, ни двора». В этом смысле я действительно радиоактивный мужчина.

— Был таким. Теперь ты совсем другой. Я правда имела ввиду другой смысл. Но теперь у тебя есть всё. Ты – мужчина, у тебя есть я и, надеюсь, у нас будет общий и двор, и дом.

— Лена...

— Нет, теперь ты помолчи. Выбрось свои сомнения. Мы вместе, мы вылечили друг друга, а всё остальное забудем. Петя, а как в Чернобыле говорили, кто такая радиоактивная женщина?

— А это ты и есть.

— Нет, как об этом шутили в Чернобыле?

— «Радиоактивная женщина – это та, которая активна и этому рада». Видишь – это ты и есть. Ты так активна...

— ...и я этому рада, – рассмеялась Лена.

И мы опять провалились в пропасть.

Как и грехи, наверное, доброе и светлое тоже накапливается в людях, но с другим, положительным зарядом. И добро тоже вырывается наружу, но приносит не беды, а счастье. Значит, чтобы нести людям счастье, надо накопить в себе столько добра и любви, чтобы от избытка они вырывались из тебя, и, как облака, окутывали людей, несли им жизненную силу, облегчали суетное существование, дарили надежду и оживление.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

На четвертый день нашего пребывания в Новом Свете вечером мы пошли в ресторан, отметить наше выздоровление. Пили мускат, смеялись, шутили. Когда танцевали, я так прижимал её тело к себе, что желание уже невозможно было скрыть. Вернувшись, мы опять до поздней ночи доставляли друг другу радость и наслаждение близостью двух сердец, проснувшихся после долгого кошмарного сна. Потом Лена уснула, а мне никак не спалось. Я встал и до утра просидел на веранде.

Утром я положил возле моей спящей подруги листок бумаги и пошел на веранду готовить завтрак. Через какое-то время я услышал заспанный голос Лены

— Петенька, что это?

Я подошел, поцеловал её и присел на край кровати.

— Доброе утро, моя лапушка! Как ты спала?

— Я спала, как убитая. Ничего не помню. Проснулась оттого, что испугалась, ты ушел и никогда не придешь.

— Ну что ты, моя девочка. Я здесь. На веранде готовлю завтрак на двоих.

— Петя, а что это за листок?

— Не знаю.

— Ой, это стихи!

И она стала читать вслух:

*Алою краской расцвечен закат.
«Красного камня красный мускат»
в дрожащем хрустальном бокале
с Луной и закатом играли.*

*Меж ними плавал миндаль
глаз твоих милых, с которых печаль
в вине утонула, и счастьем
вспыхнул бокал в одночасье...*

*Закат отыграл и исчез горизонт.
Небо висело над нами, как зонт –
всё в звездах. И ты, как звезда...
Таят в бокалах камушки льда.*

— Петенька! Это мне?

— Да.

— Это твои стихи?

— Да.

— Ты когда написал их? – пристально посмотрев на меня, Лена спросила. – Сегодня ночью?

— Да.

— Милый, ненаглядный мой! Ты оживаешь. Нет, ты уже ожил! Петенька, как я тебя люблю! Где ты был так долго?

И она опять вдруг расплакалась. Навзрыд, в полный голос. Она рыдала так, как плачут, когда расстаются навсегда. Так наверное, она прощалась со своим прошлым. Только сейчас, в этот момент, возможно, она тоже поняла, что прошлое ушло. Всё стерто. Наверно горечь потерянных лет жгла её сердце невыразимой обидой на превратности изменчивой судьбы.

Что делать, мы живем так, как умеем, как можем, как получается. Я успокаивал Лену, гладил, целовал, ласкал... И этот день тоже принадлежал только нам двоим.

Так наступил шестой день нашего пребывания в Новом Свете, где в мрачном тоннеле нашего прежнего существования забрезжил свет другой жизни. Какой она будет, было неизвестно. Но в том, что теперь она станет другой, не было сомнений.

Пришла Анна Трофимовна. Мы сели на веранде пить чай. Анна Трофимовна расспрашивала нас, где мы бывали, что видели, какие остались впечатления, и смотрела, смотрела на нас.

— Петя, а Новый Свет пошел тебе на пользу. По-моему, ты выздоровел. А ты, Лена, прямо светишься. Вы такая прекрасная пара. Может, побудете ещё?

— Нет, дорогая Анна Трофимовна, мне завтра на работу в Коктебеле, – с грустью в голосе сказала Лена. – Лирический отпуск кончился. Начинаются будни. Но я, действительно, счастлива. Спасибо вам за всё! – и Лена поцеловала нашу благородную хозяйку.

— Я провожу вас до площади. Уж очень мне не хочется расставаться с вами.

— А мы ещё зайдём к княгине. Пойдемте с нами.

— С удовольствием загляну к Ольге Сергеевне.

Мы собрали вещи. Выходя из дома, я окинул взглядом наш приют на райском дачном участке. Буду ли я когда-нибудь так счастлив, как здесь?

Княгиня

Пока шли к замку и поднимались на верхний этаж, я поведал Лене историю новосветской ветви голицынской семьи и этой удивительной женщины. Рассказал и о последней моей встрече с ней.

Нас встретила круглолицая монахиня довольно преклонного возраста, приставленная православной епархией прислуживать княгине. Мы поздоровались. Она приветливо спросила:

— Анна Трофимовна, а кто это с вами?

— Это мои друзья, матушка Софья. А вы Петра Валентиновича не узнали? Он же в каждый свой приезд бывает у Ольги Сергеевны. Правда, уже три года не навещался к нам.

— Постойте... Вы...по-моему из Костромы? Вы Ольге Сергеевне привозили книги о Костроме, переизданный альбом о праздновании 300-летия нашей благословенной царской фамилии – династии Романовых. Её же прадед плыл на пароходе по Волге вместе с великомучеником императором Николаем Александровичем и его невинно убиенной семьей. Ведь это же ваш племянник, Анна Трофимовна, переснял несколько фотографий из того альбома, поместил их в рамки под стекло и подарил Ольге Сергеевне на день рождения. Сейчас они висят в гостиной. Жаль, что вы не приезжали в прошлом году, столько гостей было у Ольги Сергеевны.

— Он не мог, – за меня сказала Анна Трофимовна. – Петр Валентинович очень болел, оперировали, долго лечился.

— А как сейчас у вас здоровье?

Я не успел даже воздуха набрать для ответа, как Анна Трофимовна опять поспешила ответить за меня:

— Он теперь совершенно здоров, с Божьей помощью.

— Храни вас Господь. Я пойду доложу о вашем приезде. Думаю Ольга Сергеевна будет рада принять вас. А вы посидите здесь, посмотрите альбомы с фотографиями.

Ждать пришлось долго. Почти через час вышла матушка Софья и сказала, что Ольга Сергеевна нас может принять. Мы вошли. Лена озиралась по сторонам. Все стены были плотно увешаны портретами и фотографиями. Настоящий музей. Ольга Сергеевна сидела между окном и круглым столом в старинном кресле с резными подлокотниками. Одета в просторное розовое платье в частую тонкую волнистую белую полосу. На плечи накинута легкая розовая пелеринка с белой каймой. На голове тоже розовый с такой же каемкой чепчик. Прямо добрая фея из сказок Андерсена. Стол был сервирован на пять персон чайным роскошным сервизом из глазурованного мейсенского саксонского фарфора с картинками из жизни немецких бюргеров.

Мы поздоровались. Я подошел к Ольге Сергеевне и поцеловал её старческую немного трясущуюся руку.

— Рад видеть вас, Ольга Сергеевна, в здравии. Спасибо, что смогли нас принять. Не судите, что зашел только перед отъездом. Я в этот раз не планировал побывать в Новом Свете. Но так всё неожиданно вышло...

И вдруг на меня что-то нашло. Как мог довериться только своей покойной матушке, я поведал Ольге Сергеевне всё, что со мной приключилось за последние два года и эти десять дней, которые потрясли меня до самого основания. Я не смущался присутствующих. Видимо ещё не до конца выговорился. Перед Ольгой Сергеевной я чувствовал себя маленьким мальчиком. Это было, как в храме у священника на исповеди. А квартира Ольги Сергеевны своим убранством и неповторимым воздухом напоминала и храм, и словно вырванный машиной времени осколок прошлого.

— Вот видите, Петр Валентинович, я же говорила вам, что счастье придет, — произнесла Ольга Сергеевна.

Господи, она всё помнит! От её старческого низкого тембра голоса повеяло теплом и любовью.

— Не упустите своё счастье. Оно переменчиво, – продолжала Ольга Сергеевна. – Многие думают, что счастье трудно отыскать. Нет, его легко найти. Трудно счастье удержать и, как полное ведро воды не расплескать, идя по длинной дороге жизни. Живите тем, что дается и цените Божью милость...

Слушать княгиню было одно удовольствие. «*Изысканность русской медлительной речи*», как это отмечал Бальмонт, устами Ольги Сергеевны проникала в самые глубины души.

— Кстати, душенька Анна Трофимовна, матушка Софья сказала, вы говорили ей, что Петр Валентинович выздоровел, – обратилась Ольга Сергеевна к нашей благодетельнице. – Голубушка, не обижайтесь, ради Господа Бога, но вы не совсем правы. По-моему Петр Валентинович ещё не выздоровел...

— Что вы, дорогая Ольга Сергеевна. Вы не видели, каким он был всего неделю тому назад. Не надо расслаблять его.

— Отнюдь. Я Петра Валентиновича очень уважаю, не желаю ему зла и не допускаю даже мысли расслаблять. Я хочу укрепить его дух. Он должен знать правду. Расслабляют дух человеческий иллюзии, а правда укрепляет, – Ольга Сергеевна немного помолчала, после чего продолжила. – Но куда больше мне хотелось бы укрепить Лену... Петру Валентиновичу придется ещё много испытать, долго лечиться и привыкать к новой жизни... Он излечим, но только с помощью того, без чего вообще жизни не бывает. Его может излечить только Любовь. Но любовь с большой буквы. Медицина здесь бесполезна. Она не несет любви. Медицина всего лишь пытается избавиться от боли. А истинно излечиться можно только с помощью Любви, данной Богом. Это самое верное лекарство. Как у Вергилия в «Эклогах»: «*Omnia teae mecum porto*» – «*Любовь побеждает всё*».

Почти такие же слова и я говорил Татьяне на Каширке. Да, говорил. А смысл понял только сейчас.

Княгиня пристально посмотрела на Лену и сказала ей:

— Мне кажется, Леночка, вы хороший человек. Берегите Петра Валентиновича... Без вас теперь он не выживет... Если бы не встреча с вами, он, может быть, и долго прожил... той

жизнью. Но теперь... Он же, как выпущенный в дикий лес воспитанный в неволе зверек. Без вас пропадет... Хватит ли у вас сил?... Если нет,.. то лучше оставьте его сейчас...

Лена почему-то встала. Посмотрела прямо в глаза княгине и тихо, но твердо и гордо сказала:

— У меня хватит сил, Ольга Сергеевна... Я тоже много испытала и умею ценить даже крохи счастья, – Лена посмотрела на меня и с чувством воскликнула. – Поверьте, кроме Пети мне никого больше не нужно. Быть с ним, хотя он ещё этому не верит, – это теперь смысл моей жизни.

— Дай-то бы Бог. А время проверит.

Матушка Софья принесла чай. Мы ещё с полчаса поговорили. Ольга Сергеевна расспрашивала о Костроме, Москве, Петербурге. Благодарила за костромской альбом. Говорили о России, о её Прошлом и будущем. Когда матушка кивнула мне, я понял, что княгиня устала и пора уходить. Прощаясь, Ольга Сергеевна сказала:

— Ну давайте будем прощаться. Как всегда, буду рада вас видеть у себя, Петр Валентинович. Приезжайте с Леной. Храни вас Господь, и вы – сами себя!

Это звучало, как благословение. Мы расцеловались. Ольга Сергеевна перекрестила нас с Леной, а матушка Софья дала прикоснуться к своему освященному кресту.

ВСЁ СТЕРТО!

Потрясенные этой встречей всю дорогу назад мы с Леной говорили мало, переваривая в себе события этой недели и сегодняшнего дня. Каждый думал о своем. Завтра Лене выходить на скучную, постылую работу. Как она сказала: «Лирический отпуск кончился, начинаются будни». Н-да... Что они принесут? После разговора с княгиней Лена, наверное, начнет настаивать сойтись нам, а может быть и пожениться. А вдруг ей этого не надо? Может быть это мои выдумки. Хотя, вроде бы, не похоже. Но что было в прошедшие дни и что будет завтра, конечно, – разница... А зачем я нужен Лене? Ну, отдохнули вместе. Спасибо ей. Она оживила меня. Теперь я не боюсь фиаско... Но...

Но ведь остается другая проблема – моя онкология. Лена не придает этому значения. А вот Ольга Сергеевна распознала и сказала, что мне долго лечиться. И хватит ли моей жизни, чтобы вылечиться, неизвестно. Анна Трофимовна просто меня подбадривала, из жалости наверное. Она же продукт нашего времени. А княгиня – прошлого времени. Честность – это честь. Такие, как она, старой, истинной дворянской закалки и воспитания, не кривят душой. Для них даже малая нечестность греховна. И это не пустой звук, как часто бывает у нас. Вон она как Лену настраивала. Не меня подбадривала, а Лену готовила к возможному трудному её кресту...

Стоп!.. Это что же означает? У меня впереди будут большие сложности со здоровьем? И значит, мне нужна нянька? А что может быть лучше любящей няньки? Вот оно что!.. В-о-от...

Так-так, Ольга Сергеевна! Мудро! Ну, спасибо! Вот значит, что беспокоило вас! А подумали ли вы, зачем такая судьба Лене? Не дай Бог, со мной инфаркт, инсульт, снова рак разгуляется. Я буду лежать беспомощный, а она пластаться вокруг меня! И что, это называется счастьем?

Да, я полюбил Лену. И не за то, что она пробудила во мне мужчину. За это ей моя великая благодарность. Я полюбил её раньше, просто сопротивлялся сам себе в этом признаться. Мне так не хочется терять её. Но обрекать любимого человека на ещё большие мытарства, чем она перенесла? Вправе ли я так поступать? Нет у меня такого права. Коль я мужчина, то и должен поступить по-мужски. У мужчины есть только два права: сделать жизнь своей любимой счастливой или не мешать ей жить.

В Коктебель мы приехали, когда начало смеркаться. Я проводил Лену до её общежития.

- Петенька, а ты куда сейчас?
- В гостиницу, обещали сохранить за мной мой номер.
- Петя, ты какой-то не такой. Что с тобой?
- Да голова разболелась. Видать укачало.
- Я тебе сейчас вынесу таблетки, просто чудодейственные, одна наша работница всех ими лечит.
- У меня есть таблетки, они мне подходят. Ну, прощай.
- Почему прощай?

— Извини, Леночка, оговорился.

Мы обнялись, расцеловались. Так не хотелось отпускать её из своих объятий... Но, что делать. Надо. И я пошел в гостиницу. Перед поворотом на другую улицу я обернулся. Лена стояла и смотрела мне вслед. Она помахала мне, как в том ошарашившем меня сне. Я тоже ответил воздушным поцелуем и повернул за угол...

Но не пошел в гостиницу, а направился к Сохно домой. Иван был уже дома.

— Петро, эх жаль тебя вчера не было. Такая компания!..

— Иван, я уезжаю.

— Что случилось? Тебе плохо?

— Нет хорошо, как никогда.

— Где ты пропадал неделю? Алексей сказал, что ты куда-то с Леной укатил.

— Мы были в Новом Свете. Это была фантастика! Ты не представляешь, какая Лена прекрасная женщина!

— Представляю. Она же Елена Прекрасная. Я сразу это понял. Но почему ты уезжаешь?

— Так надо Ваня.

— Вы поссорились.

— Что ты! С ней, по-моему, нельзя поссориться.

— У вас всё было хорошо? Точно? Ты не обманываешь?

— Безумно хорошо, феерически.

— Господи, так зачем ты уезжаешь? Побольше с Леной погулял бы. Может сойдется. Поселитесь здесь в Коктебеле или увезешь её себе в свою Кострому.

— Этого не будет.

— Почему?

— Я не имею права делать её несчастной.

— Ты что несешь? Она тебе нужна?

— Да.

— Ты ей нужен?

— Кажется нужен. Но со мной она будет несчастна.

— С любимым любящий не бывает несчастным.

— Бывает. Я это уже проходил.

— Да Валя тебя по-настоящему и не любила. Тебе же сразу говорили. А ты уперся, как баран. Мол, добьюсь её любви.
— Спор беспредметный. Уезжаю. У меня к тебе просьба.
— Петро! Ты – дурак!
— Я знаю. Но это моё решение. Прошу тебя, как настоящего друга, не давай Лене ни адреса моего, ни телефона.
— Ты – кретин!
— Знаю. Дай слово.
— Да забери его, придурок рода человеческого!
И не прощаясь, Иван повернулся и ушел в дом.
Последним рейсом автобуса я уехал в Симферополь. Оттуда домой.
Точка. Теперь точно всё стерто! Окончательно.

Глава 20 ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

19 августа 2006 года.

Симферополе мне удалось взять билет на московский поезд, а оттуда на следующий день вечером я уехал в Кострому. Зашел к соседке Гретте Витальевне взять почту. Она удивилась, что я так быстро вернулся.

После того, как обустроился с дороги, приготовил поесть, стал смотреть почту. Сверху лежали два вызова из онкодиспансера о том, что «вам необходимо прибыть на обследование с целью определения дальнейшего лечения». Не пойду. Хватит, наелся. Сколько осталось, столько и поживу. Но теперь в своё удовольствие, а не на радость врачам.

ПИСЬМО

Из газеты выпало письмо. Адрес был какой-то неизвестный: дер. Дивная, район написан неразборчиво, Нижегородская область и подпись тоже неразборчиво. На штемпеле можно было прочитать только «Ветл» и «Н.-Новг». Непонятно, от кого.

«Привет, Петро! Это Николай. Наверное, удивлен, что дал один адрес, а пишу с другого. Посмотри адрес Василия Игнатьевича. Посмотрел? Видишь – город Ветлуга. Я у него.

Ну, всё по порядку. В конце декабря на Каширке после очередного обследования меня вдруг выписали с направлением в наш областной онкодиспансер. Я стал требовать, почему. Ну, в конце концов признались, дескать, мужайтесь, у вас есть полгода, максимумгода. Я бегом домой – надо же инвалидность черныбыльскую успеть оформить, чтобы у жены пенсия по потере кормильца была. Приехал, оформил достаточно быстро, и думаю, что делать дальше – ложиться в больницу помирать или дома смерти ждать. Хорошо, если бы у меня дом в деревне был. Дачу, как и ты, никогда не держал. Ну, и вспомнил о Василии Игнатьевиче. Ещё когда вернулся с Каширки, я рассказывал Люсе, это моя жена, о том, как с тобой познакомился, как ездил в Киев, как на Каширке лечился. Рассказал и о Василии Игнатьевиче. Поехал к нему. У него дом в Ветлуге и дача в Дивном. Вот живу у него. Видишь уже десять месяцев живу, а мне прочили шесть. Игнатьич тут такое со мной вытворяет! Он ведь сам это всё прошел. В Семипалатинске здорово облучился. Жил в Кирове. А в Ветлуге у него тетя была. Свела его со стариком одним. Он выходил Игнатьича да мастерство своё ему постепенно передал. Я поверил Василию Игнатьевичу. Вот и Люся приехала. Решили перебраться сюда насовсем. Здесь домик продается и ещё есть пустые. Ну посуди, что важнее в жизни, Петро? Только любовь, дети и сама жизнь».

Ты посмотри, почти как у меня в стихе о Коктебеле: «Что может быть всего важнее любви, детей и Коктебеля?» Вот так совпадение! Что ещё у него?

«Любовь у меня есть – моя Люся. Дети уже своих детей имеют. Остается только жизнь. У тебя всё тоже. А любовь мы тебе и здесь найдем. Какие тут жёницыны! Кровь с молоком, а мужиков мало. Приезжай, Петро. Мы с Игнатьичем поставим и тебя на ноги. Даю слово, благодарить будешь. Не прощаюсь. Уверен, увидимся. Николай.»

Дальше шёл адрес и дописано:

«Сначала приезжай к Игнатьичу, а он отвезет в Дивное. Приехать в Ветлугу можно только из Шарьи, до неё на поез-

дах – Хабаровском или Свечинском, оттуда на автобусе прямо до Ветлуги.

Стоп, стоп, стоп!.. Свеча – это же!.. Там похоронена Маша. Живет ли ещё в Свече Володя? Где-то у меня был его адресок... Да и так бы нашел. Я приезжал к нему. Дом у Володи старинный, каменный. Такие ставили для старшего начальствующего путейского состава, ещё когда гнали первую железнодорожную ветку в Сибирь в начале прошлого века. Транссиб. Добротно строили. Из такого дома вряд ли уезжают куда.

Вспомнилась Маша. Как рано покинула этот мир! И нас с Леной разлучила. А может на самом деле свела?.. А я удрал...

Надо Машу навестить. И как там Володя поживает? Женился или бобылем живет? Может, действительно, поехать в Свечу? Время-то есть. Больше десяти лет не был... Я ж на Каширке дал себе слово, как вылечусь, поеду в Свечу. Надо ехать. Пора каяться...

А может быть, заодно потом и к Николаю мотнуться в Ветлугу? Только вот где это?

Взял из шкафа атлас и стал искать Ветлугу. Да это же недалеко от Шарьи! Она на реке Ветлуге стоит. А Свеча за Шарьей, недалеко. Открыл энциклопедию. Ого! Оказывается Ветлужский уезд раньше был в составе Костромской губернии. А нынешний Шарьинский район был частью Ветлужского уезда.

Ну что ж, нужно ехать. И деньги не все пока растратил. Маршрут теперь ясен. Сначала в Свечу, оттуда к Николаю в Ветлугу. Отвечать на письмо не буду. Сам заявлюсь.

ПОБЕГ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Утром меня разбудили длинные телефонные гудки. Межгород, подумал я. Кто это в такую рань? Нехотя встал с постели, подошел к телефону.

— Алло! Алло!

Никто не отвечал. Но я слышал чьё-то дыхание.

— Алло! Алло! Говорите! Я вас слушаю!

В трубке раздался тихий взволнованный голос:

— Почему ты уехал? Я что-то сделала не так?

Это была Лена. Эх, Ваня-Ваня! Не удержался, дал ей мои координаты.

— Здравствуй Лена.

— Петя, почему ты уехал? Что я плохого тебе сделала?

— Ничего. Наоборот. Ты вернула меня к жизни.

— И теперь я тебе не нужна?

Я не знал, что ей говорить. Сказать, что нужна, значит продолжить отношения. Сказать, что не нужна, значит поступить против истины, обидеть её. Я был в растерянности.

— Лена?.. Как ты узнала мой телефон?

— Катя дала. А твой Сохно кричал, что с таким дураком, как ты, лучше не связываться, что ты велел не давать ни адреса, ни телефона. Я сказала, не уйду, пока не дадут. Катя сжалилась и тайком от Ивана Арсентьевича сунула мне записку с твоим телефоном и адресом. Петя, почему ты уехал, ничего мне не сказав? Я что-то сделала не так?

— Леночка, понимаешь... Как тебе сказать...

— А ты не бойся. Говори, как есть. Я всё выдержу.

— Леночка... я не могу..., то есть я не имею права тебя обременять. Мне осталось жить недолго. Конец будет тяжелый.

— Ты будешь жить долго, если я буду рядом. Так сказала Ольга Сергеевна. Помнишь?

— Помню. Но это не так. У меня всё очень скоро кончится. А тебе ещё долго жить. Ты замечательная женщина. У тебя всё получится. Забудь меня и счастье тебя найдет. Всё будет хорошо, Лена. И если можешь, прости.

Лена не отвечала.

— Что ты молчишь? Лена! Лена! Алло!

В трубке раздались гудки.

Ну, вот и всё. Теперь точка в наших отношениях поставлена окончательно. Как бы я хотел, чтобы Лена была рядом! Но не имею на это права.

Я подошел к иконкам, которые подарила мне соседка.

Ну, что, святые отцы? Опять молчите? Укоряете? Но обречь Лену на муки со мной ведь тоже не правильно?

Рассудите, святые! Образуйте, наставьте! Молчите?.. Опять, ждете, когда я сам до всего дойду? А когда это будет? Господи! Как долго тянется эта невыносимая жизнь!..

Не-ет! Надо бежать! Одеваться и бежать за билетами.

Перед отъездом я зашел к соседке Гретте Витальевне. Сказал, что приехал, но тут же уезжаю в Свечу, а потом в Ветлугу. Как всегда, попросил посмотреть за квартирой. Приеду скорее всего через две-три недели.

СВЕЧА

Утром через два дня я сошел с поезда на станции Свеча. Был солнечный, яркий день. Здесь севернее Костромы, и потому осень своим дыханием уже всю позолотила листву. На этот раз станция показалась мне светлее, опрятнее и даже наряднее, чем в тот мой прошлый приезд.

Не раздумывая, я направился к Володиному дому. Как он там поживает? Наверное завел семью, детишек. А я приду из прошлого. Может быть лучше сразу на кладбище к Маше, а потом к Володе на полчаса и назад на станцию? Сегодня и уеду в Шарью. Пока я так размышлял, ноги сами автоматически привели меня куда надо. Память не подвела.

Дом стоял, как и прежде, крепкий, сильный. Только, по моему, стал неухоженным. В окнах не было видно занавесок, а некоторые стекла закрыты газетами. Я осторожно открыл калитку, с опаской прошел во двор. Но лая собаки не услышал. Никакой домашней живности тоже не было слышно. Вдоль давно не чищенной бетонной дорожки валялись ивовые прутья. В кадке, полностью заполненной водой, мокла лоза. Цветы в палисаде завяли. Огород зарос бурьяном. Забор покосился, а кое-где и вовсе упал. Ой, ля-ля! Семейной жизнью здесь не пахнет. Постучал в дверь. Не отвечают. Подергал, заперто. Походил вокруг дома, побренчал в окна, ответа нет. Не уехал ли куда? Неужели дом продал?

Вдруг сзади раздался резкий женский окрик. От неожиданности я вздрогнул.

— А что это вы здесь ходите?

Я обернулся. Передо мной стояла невысокого роста симпатичная женщина лет тридцати пяти в накинutom на ночную

рубашку плаще. За её спиной из-за яблоневого сада, усыпанного налитыми спелыми яблоками, выглядывал небольшой деревянный дом, откуда, видимо, и прибежала эта женщина.

— Я ищу Володю Баторина. Дом закрыт, никто не отвечает, а мне повидать его надо.

— А вы кто? Вроде не наш, не свечинский.

— Я приехал из Костромы. Хотел повидаться.

— Он будет только после трех, приедет электричкой.

— А что у него за дела в городе?

— Он на базаре торгует.

— Чем?

— Вот приистрастился, плетет из ивняка разные вещи и продает, покупают.

— Он не работает?

— Давно уже. А вы что всё расспрашиваете? Вы кто ему?

— Ему никто. Мы с ним познакомились в Чернобыле. Я лет десять тому назад приезжал помянуть его жену...

— Что же мы стоим? Пойдемте ко мне в дом.

— Может быть, у вас ключ от Володиного дома есть или вы знаете, где он его оставляет. Я бы подождал Вову в его доме, чтобы не мешать вам.

— Нет, он мне не оставляет ключей, хотя роднее меня у него никого нет. Не оставляет, потому что не хочет, чтобы я убиралась в его доме. Там же, знаете, какое запустение! Ужас! Хлам, стружка, пыль. Пойдемте ко мне. Не стесняйтесь.

— А не боитесь незнакомого человека в дом приглашать? Вы же меня не знаете.

— Знаю я вас. Сейчас разглядела. Как не догадалась сразу. Ваша фотография у Вовки приколата рядом с фотографией его покойной жены.

— Вот оно что... А звать-то вас как?

— Зинаида. А вас?

— Петр Валентинович.

— Ну пойдемте.

Зина открыла калитку. Её двор резко отличался от Володиного. Всё было убрано, под окнами цвели георгины, розы, хризантемы. Деревянный дом был обит рейкой, свежавыкрашен.

Карниз и наличники обращали на себя внимание своей затейливой резьбой. Веранда и навес над крыльцом обвиты хмелем, как на юге виноградом. На яблонях висели спелые яблоки. Под яблонями ровным ковром зеленела подкошенная трава. По ней чинно выхаживали куры и сновали уже подросшие цыплята. Везде чувствовалась хозяйская рука. В доме всё чисто, уютно.

— Петр Валентинович, проходите налево, в кухню, садитесь, где вам удобно. Я сейчас.

Здесь тоже всё было ухожено, занавешено. Скромно, но со вкусом. Вернулась Зина, крепкая, упитанная, розовощекая. Из-под халата выпирали полные груди, аппетитная женщина.

— Петр Валентинович, может покушаете с дороги?

— Не откажусь. А вы?

— Я уже завтракала. Встаю рано, скотину надо кормить. Я с вами чай попью.

— Хорошо. Зина, а почему у Володи такое запустение?

— Так он сам себя запустил, и всё остальное запустилось.

— Он женат?

— Нет. Только один раз и был женат. Потом сошелся с одной женщиной. Они не расписывались. А Сонька уродца родила. Без правой ножки, голова огромная и заячья губа. Хорошо не выжил, а то бы всю жизнь маялись. Чего ж она хотела? Ей же говорили, живи с Вовкой, но не рожай – он облученный. Как пацанчик умер, Сонька от Володи и ушла. А он запил. Я еле-еле отвела его от этой напасти.

— Вы друзья?

— Он считает меня другом. Так и говорит, будь другом, сделай то, сделай сё. А я его люблю. С девятого класса. Мы вместе учились. Потом он в Кострому уехал, энергетический техникум кончил, его направили работать на Чернобыльскую атомную. Чтоб этой станции провалиться! Ему давали направление на Костромскую ГРЭС, а он захотел на атомную. Вот всю жизнь и испортил. И себе, и мне. Лет восемь назад стал болеть, рвоты пошли, терял сознание. Уволили, дали вторую группу.

— Зина, а ты что же замужем так и не была?

— Да нет, выходила. В отместку Вовке. А муж пьяница оказался. Выгнала его.

— А дети есть?

— Да сын, Степан. Все Степашкой с детства его кличут. Сейчас в том же техникуме учится, что и Вовка учился. Сын его боготворит! Тот ему много чего рассказывает. Помогал учиться в школе. Я сколько Володе говорила, давай поженимся. Жить-то немного осталось. Бывает он иногда на ночь останется у меня. Ну думаю, теперь уговорю. А он ни в какую. Я ему во всем помогаю, что по-женски. Он мне помогает. В моем дворе всё делает. У себя ничего. Говорит: «Это не мой дом, и твой дом — не мой. Мой дом пропал. Нет у меня дома на этой земле».

— А ты где работаешь, Зина?

— Нигде. Безработная. Если бы не Володя, мы бы с сыном не выжили. Он купил коз, кролей. На продажу выращивали. Выкрутились. Правда сейчас не держим. Тяжело с кормами. Куры, утки, огород. Заготавливаем соленья, варенья, грибы собираем, ягоду. Временем теперь сами распоряжаемся. Володя занялся плетением. У него такой талант открылся! Приедет, увидите у него всякого в доме. Ему в городе уже заказы дают, а то и сюда приезжают. Стал зарабатывать порой и побольше, чем на железке. Он же половину заработка и пенсии мне отдает. Я не беру. А он приходит, молча кладет на комод и уходит. В такой день лучше с ним не говорить. Вот смотрите, какую вазу Володя сплел! Пойдемте в залу. Я вам ещё кое-что покажу.

Мы прошли в другую комнату. Посередине стоял плетеный круглый стол и вокруг него шесть плетенных стульев. Сделаны они были прекрасно. В Москве за такую работу дали бы не одну тысячу долларов. А Вова подарил это сокровище Зине. Вспомнил венские стулья в усадьбе Вани Сохно в Коктебеле. И сразу в памяти всплыла Лена, сидящая за гостеприимным сохновским столом. Зина вернула меня на свечинскую землю:

— Вот видите, венские стулья сплел и стол.

— Да, здорово это у него получается. Молодец Володя. Не опустил руки. И ты, Зина, молодец. Хоть не семья по закону, но живете-то вы почти как семья. Хозяйство вместе ведете. Как уж получается, но вместе.

— И то правда... — вздохнула Зина.

— Не торопи его. Держи синицу в руке. Он же с тобой, а не с кем-то. Ты его свеча. Возможно, он этого ещё не понимает, а может, понимает, да боится признаться. Не забывай, он пере-нес сильнейший стресс – потерю сына, жены и дома. Плюс облучение. Бывает после такого с ума сходят. А Володя живет и тебе с сыном помогает. Цени это.

— Я ценю. Но он же свободен. А вдруг приведет кого?

— А ты делай так, чтобы не привел. Не донимай – а забавляй, не докучай – но привечай, не тереби – а береги и люби.

— Ой, как вы красиво говорите!

— Это не я. Это народ давно уж так говорит, да вы бабы не прислушиваетесь.

— Ваша правда. Не хватает ума у нас. Ой, Петр Валентинович, я совсем вас заболтала! Может, отдохнете с дороги. Прилягте на диванчик, я вас накрою пледом.

— Зина... вот ещё что... Никогда Володе не готовь борщ.

— А я как раз собралась сегодня борщ сварить.

— Ты даже это слово никогда не произноси – Маша из-за борща погибла. Это была моя вина. Из-за меня она умерла.

— Как это?

— Потом расскажу. И о Чернобыле никогда не заговаривай, пока сам не захочет. Больше слушай его. И о женитьбе не заводи разговоров. Жди, когда сам начнет.

— А если не начнет.

— Всё будет хорошо. Увидишь. Я в это верю. И ты верь.

— Я давно этого хочу.

— Ты это ждешь. А надо крепко верить, тогда и сбудется. И ещё, не называй его Володенькой. Его так Маша звала. Придумай какое-то другое ласкательное словцо.

Я лег на диван. Надо же! Вот оно Володино счастье. Рядом. А сердцу нужно такое, что оно и само порой не знает...

И С П О В Е Д Ъ

Когда я открыл глаза было уже почти двенадцать часов дня. Решил сходить к Маше. Зина спросила:

— А дорогу найдете? Может, мне с вами пойти?

— Не надо, Зина. Найду. А ты что же бываешь на могиле Маши? Убираешь?

— Нет. Володя мне запретил даже подходить к ней. Он сам ухаживает за могилой. Часто переделывает. Тайком бываю. Обидно, за неживой ухаживает, а живая рядом не нужна.

— Думаю, ты ему нужна. Делай, как я тебе сказал, всё образуется. И вот ещё. Извини, мне бы одному там посидеть.

— Понимаю. Только приходите не позже трех. Володя точно этой электричкой приедет.

— Обязательно буду.

Разросся погост за эти годы. Долго искал Машину могилу. Нашел, случайно, обратив внимание на необычный серебристого цвета крест, выгнутый из прутьев с полукругами на концах поперечин. Высокий, прозрачный, как бы летящий. На верху в лучах осеннего солнца сиял покрашенный бронзовой краской вензель:

Подойдя поближе, я увидел, что полукруги на поперечинах стилизованно изображают листья, тоже желто-красного цвета. Я понял замысел Володи — это как бы любимые Машины осенние листья. Могила ухожена. Может ведь, когда хочет! Следовательно, хочет бывать здесь. Это ненормально. Почти двадцать лет прошло. Сколько же ему ещё надо времени, чтобы оторваться от прошлого?

Маша, как и раньше, улыбалась с потускневшей фотографии. Я заговорил с ней вслух, словно она была рядом, живая:

— Здравствуй, Маша!.. Как ты там себя чувствуешь?.. Хорошо ли тебе?.. Мы вот здесь все болеем. Уже стали инвалидами. Недолг тот час, когда встретимся на том свете, если он есть... Знаешь, Маша, твоя такая страшная смерть разлучила меня с Леной... Ты её не знала. Это заведующая столовой, которая обещала всех нас накормить тем злополучным борщом... Это моя идея была, что потащил вас туда. Не было бы борща, не было бы той неожиданной встречи с Володиёй. Мы бы все равно его нашли. Он оказывается был рядом. Ты была бы жива. И ещё прости меня, что не знал я, как надо было спасать тебя. Потом

доктор научил. В Спитаке таким способом я спас одну женщину. Благодаря тебе спас. А тебя не смог. Если бы не борщ... Если бы не моя эта прихоть. Хотел удивить, а удивила ты. На всю жизнь... Володя до сих пор не женат. Его любит хорошая женщина. Отпусти его Маша, позволь ему найти новое счастье... Я вот тоже один. Жена ушла. Сын далеко. После твоей ужасной смерти не стал я больше встречаться с Леной... А хотелось... Случай с тобой меня тогда отрезвил, хотя через несколько лет я пожалел, что не продолжил отношения с Леной... Знаешь, Маша, я ведь недавно случайно встретился с ней в Коктебеле. Такая встреча была! Мы оживили друг друга. Даже хотелось жить. Оказывается, мы любим друг друга... Маша, а скажи, неужели это ты так сделала, что мы с Леной встретились? Ведь это было случайно? Такого же не может быть?..

Я почувствовал, что кто-то стоит рядом. Повернул голову. Слева от меня стоял священник. Черноволосый, с ещё не очень большой бородой, лет сорока. Не знаю уж какого чина. В черной рясе, с большим красивым крестом на цепи. Он кивнул мне, подошел поближе, я встал, он заговорил первым:

— Я слышал вашу, как будто, отчую исповедь. И скажу вам так. Всё может быть. Не такое бывает.

— Батюшка, вы в точности повторили слова моего друга.

— Я повторяю не его слова, а Божьи наставления. Вы крещенный? Церковь посещаете?

— Да, в детстве меня крестили. Но я неверующий. В церкви бываю редко. Когда на душе тоскливо. Соседка подарила мне иконки. Они теперь всегда со мной. Но смог я перекреститься перед ними всего несколько раз. Правда, и сам не заметил, как это получилось, машинально.

— Вы на верном пути, сын мой. Идите и не оглядывайтесь. Но всё помните и не забывайте. Прислушивайтесь к своему сердцу. Оно у вас доброе, я вижу. Как вас величать?

— Петр Валентинович.

— А вас, батюшка?

— Отец Александр.

— Очень приятно.

— Откуда приехали, зачем, куда путь держите?

— Приехал из Костромы. Специально навестить Машу. Потом поеду поездом в Шарью, а оттуда автобусом в Ветлугу.

— Что вас ведет на мою родину?

— Письмо. Получил письмо от друга. Он живет в Перми, а написал из Ветлуги и просит писать ему туда. Вернее в деревню Дивное. Пишет, её легко найти по звоннице Макарьевской церкви, издалека видно. А почему она названа Макарьевской?

— И эта церковь, и город Макарьев, и Макарьевский монастырь, названы в честь святого Макария Желтоводского и Унженского Чудотворца. В 15-м веке Макарий прошел по этим местам после того, как ушел из Печерского монастыря. Много престолов основал в Поветлужье и в Поунжье. В этих местах он самый почитаемый святой. Один престол основал на месте сегоднешнего Макарьевского храма в Дивном.

— Эта церковь действующая?

— Нет. При советской власти там был склад, мастерская. Погост полностью уничтожили. Внутри сохранились некоторые фрески. Местами церковь обрушилась. Но купол и маковки целы. Может быть, когда-нибудь и церковь восстановят. Вот видите, Петр Валентинович, многие люди старшего поколения никак не могут смириться, что советская власть исчезла. А для верующих это благо. Кончилась эпоха воинствующего атеизма, как это бесчинство назвал вождь большевиков Ульянов. Потихоньку церкви, монастыри возвращаются, восстанавливаются. Вера возрождается. Вот и в наших местах Святой Макарий какою великий след оставил после себя, и дело его продолжается.

— Откуда вы это знаете? Вы же всего лишь священник.

— Священнослужитель многое должен знать. Потом я ветлужанин в широком смысле этого слова, то есть с реки Ветлуги. Ветлугай. Мы испокон веков себя именовали ветлугаями. Люблю эти места, изучаю. Что касается церковных дел, это я обязан знать. Пройдя почти по всей Ветлуге, преподобный Макарий недалеко от устья Керженца на берегу Желтого озера построил себе келью. Потом преподобный Макарий упросил помочь основать на Желтых водах монастырь с целью распространения христианства среди черемисов, мордвы и чувашей. Места там были глухие. Но люди пошли к Макарию. Он просвещал их,

многих лечил. Тогда и получил свое первое имя Чудотворца Желтоводского. Но татары разорили обитель, самого Макария увели в плен. Татарского хана поразила величественная осанка и святость преподобного Макария и он отпустил его. А Макарий добился у него освобождения большинства пленников – своих прихожан. Хан согласился, но при условии, что уйдет из тех мест. И Макарий увел всю свою христианскую паству около 400 человек на Унжу. Они прошли более 300 километров, и ни один ребенок в том тяжелом походе не заболел и не умер. До Унжи он не сразу дошел. Сначала основал Макарьев-Решемский монастырь в нынешней Ивановской области. А вот уже третий свой монастырь он основал в 15 верстах от нынешнего города Макарьева-на-Унже. И там своими чудесами снова был отмечен. За подвиг своей жизни он получил ещё одно имя – Унженского Чудотворца. Основал Макарьев-Унженский мужской монастырь. Везде Святой Макарий просвещал, учил, лечил, помогал. Прожил 95 лет и до самой смерти был крепок и активен.

— А мне ведь надо в Макарьевском монастыре побывать.

— Зачем?

— Княгиня Ольга Сергеевна, правнучка князя Голицына Льва Сергеевича, просила меня заехать туда, помолиться за неё и её семью. Князь в 1913 году побывал вместе с царем в этом монастыре. Она сказала, что это святые места и святость Макария особенная. Теперь мне понятно.

— Да. Редко какому подвижнику нашей православной церкви дают не по местопребыванию, а по делам два имени, а преподобному Макарию дали четыре имени и причислили к лику святых. В Поветлужье каждый четвертый храм раньше назывался в его честь или стоял в нем посвященный Макарию престол. Два города Макарьева, два Макарьевских уезда, две макарьевские ярмарки – в Нижегородской и Костромской губерниях, ещё пять сел: Макарий, Макарье, Макарьевское, Макаров, Макарово. Пять Макарьевских монастырей. Более двадцати различных икон с изображением святого Макария и Макарьевская икона Божьей Матери. Вот они деяния и достойные по ним воздаяния в памяти верующих и церкви.

— Спасибо, отец Александр, за ваш прекрасный рассказ. Не знал, куда еду, а оказывается в святые места.

— Воистину святые. Красота неописуемая. Реке Ветлуге в тех местах писатель Короленко два своих восторженных рассказа посвятил. И ещё эти места – здоровые. Издавна ценились они для лечения малокровия и туберкулеза сосново-пихтовыми и кедровыми фитонцидами смешанными с воздухом лугового разнотравья и зарослей ивняка. Ну, а мерная ветлужская стерлядь издавна была желанной на столах петербургской и московской знати. Сколько гостей собираетесь в Дивном?

— Наверное неделю.

— Туда надо приезжать не меньше, чем на месяц. Чтобы отдохнуть и край этот прекрасный познать... А скажите-ка, Петр Валентинович. Вот за многие годы, что я здесь служу, к этому необычному кресту знаю, приходит только один человек. Это Володя Баторин, чернобылец. Я с ним несколько раз разговаривал. Но он молчун. Больше слушает. Вы первый после него, кого я видел у этой могилы. Хотя очень многие прохожие останавливаются поглядеть на этот необычный крест. Что означают эти листья на кресте? Наверное знаете?

— Знаю. Это длинная история.

— Ничего. Мне очень интересно. Таких крестов никогда не видал. Он сделан с великой любовью. Расскажите.

Мы присели на скамью и я поведал батюшке историю короткой жизни и трагической гибели Маши. Потом в нескольких словах рассказал и о встрече с Леной, но умолчал, что сбежал. Отец Александр внимательно слушал, не проронив ни слова, только изредка покачивал головой. Когда я закончил говорить, меня вдруг осенило, что мой рассказ похож ещё на одну исповедь, как тогда у княгини Ольги Сергеевны в Новом Свете. Только опять не в церкви, но на этот раз священнику.

Выслушав меня отец Александр сказал:

— Не знаю, почему вы так долго не приходили сюда. Я не судья вам. Но вы пришли. Это не случайно. Вы пришли и покаяться. А искупление – это вся наша жизнь за совершаемые нами грехи и грехи наших предков. Вы на верном пути. Идите с миром и вам зачтется! И ещё. Поздравляю вас с наступающим

праздником Преображения Господня, который будет завтра. Его называют ещё Яблочным Спасом. Приходите в церковь. Спаси вас Господь!

Отец Александр встал, перекрестил меня своим крестом, дал мне поцеловать его и, не спеша, удалился.

Я смотрел на удаляющуюся фигуру священника и ещё долго стоял пораженный услышанным. Это была моя первая личная встреча со служителем церкви...

Володя

Когда я вернулся, тут же увидел подходившего к своему дому Володю. Я окликнул его. Он остановился. Медленно огляделся, и наконец, заметил меня. Не узнал. Я подошел ближе.

— Володя! Не узнаешь?

— А-а! Это вы, Петр Валентинович? Будете богатым, не узнал вас. А я думаю, кто это меня кличет.

— Богатым уже никогда не буду. Поздно. Ну здравствуй.

— Здравствуйте, Петр Валентинович.

Мы крепко обнялись и долго стояли обнявшись, похлопывая друг друга. Так встречаются давно не видевшиеся ветераны на похоронах своих сослуживцев. Сзади раздался голос Зины:

— Ну вот, сцепились, как будто больше не увидите. Вовочка, пошли ко мне. Я обед приготовила, яблочник твой любимый. Пошли, Петр Валентинович.

Я отступил на шаг, оглядел Володю. Он здорово похудел, осунулся, поседел, не брит. От того молодого здоровяка, какого я знал раньше, ничего не осталось. Только огромные руки болтались, как плети.

— Ты сильно изменился.

— Что делать, Петр Валентинович, старею. Вы тоже не очень-то сохранились.

— Да, время уродует. Вот только Зиночка молодеет.

— А вы откуда её знаете?

— Познакомился, пока ты отсутствовал. И накормила, и напоила, и спать уложила. Смотри уведу. Я ведь тоже холостяк.

— А что с вашей женой случилось?

— Ничего. У неё всё прекрасно, и слава Богу. Я уже давно один. Давай пошли к Зине. Заждалась она нас.

— А откуда вы знаете, какой она была раньше?

— Видел в доме фотографию. Сейчас Зиночка и симпатичнее, и привлекательней, чем раньше. К тому же стряпуха великая. Клад, а не девка!

Я посмотрел на Зину и подмигнул ей. Она вся зарделась, как юная девица на выданье. Володя тоже обернулся к Зине и виноватым голосом быстро заговорил.

— Сейчас, Зинуля. Только занесу свой скарб в дом. Знаешь, хорошо поторговал. Всё, что повез с собой, продал... Петр Валентинович, я ведь теперь не работаю. Вот торгую.

— Зиночка мне всё рассказала, в деталях.

— Вот и хорошо.

— Ты молодец. И сам руки не опустил, и Зине помогаешь. Я горжусь тобой.

— Спасибо, Петр Валентинович.

Сели за стол. Обед был роскошный. Володя своими огромными ручищами сразу же заграбастал один пирог целиком и начал не есть его, а глотать кусками.

— Вовочка, сначала суп...

Я остановил Зину, показав, мол, не надо останавливать. Зина понимающе мне кивнула. Володя переспросил Зину:

— Зинуля, ты что сказала?

— Кушай, Вовочка, кушай, дорогой.

Володя перестал жевать, поднял голову и внимательно посмотрел на Зину. Та, подперев голову рукой, нежно глядя на него, другой рукой потихоньку подвигала к нему тарелку с супом, картошечку, маринованные маслята, соленые огурчики, помидорчики, сметанку...

Я глядел на них обоих и сердце моё радовалось. Какая пара! Теперь я и сам поверил, что у них будет всё хорошо. Они ведь никому не нужны, только друг другу и Степашке. Это и есть семья.

Володя посмотрел на Зину. Та на него. Взгляд Зины выдавал её с головой. Володя, молча встал и ушел к себе домой.

— Ну вот, теперь он сегодня не придет, — сказала грустно Зина. — Когда он так уходит, значит день закончен.

— Н-да. Нелегко тебе с ним.

— Ой-да, нелегко. Вы к нему сейчас пойдете?

— Нет. Пусть побудет сам. Можно, Зина, я у тебя останусь ночевать, чтобы Володю не тревожить?

— Так только у меня и надо остаться. У него же в доме такой бедлам! Там сначала надо капитальную уборку делать, а потом уж гостей принимать.

Стало темнеть. Зина пошла заправлять мне постель, а я отнес в дом самовар, прибрал стол. Перед тем, как лечь спать, выглянул в окно. У Володи света не было. Ну что ж, утро вечера мудренее.

ЛАВИНА

А утро, действительно, мудреным оказалось. Я встал поздно. Под одеялом было тепло и покидать постель не хотелось. В окно светило солнце. Его лучики, пятнышками пробивавшиеся сквозь тюль, медленно перемещались по стене, картинам, фотографиям. Где-то на кухне изредка раздавался звон посуды. Как в детстве: лежу, делаю вид, что сплю, а мама нарочито стучит посудой на кухне. Как надоест ей ждать, когда я проснусь, она кричит из кухни: «Петруша, вставай! Прогони свою лень, а не то проспишь весь день!»

В чуть приоткрытую дверь просунулась голова Зины. Увидев, что я не сплю, она осторожно вошла в комнату

— Всё, я уже выпался. А где Володя?

— Не знаю. Я встала, как обычно, в шесть. Пока по хозяйству занималась, всё время на его дом поглядывала. С вечера в окнах света нет. Постучалась к нему, не открывает, дверь заперта. У крыльца валяются его поделки, с которыми он обычно ездит в Киров. Ничего не пойму. На рынок явно не уехал и в доме нет. Куда подевался? Я волнуюсь.

— Успокойся, Зина. Разберемся. Иди стряпай. Всё равно он когда-нибудь придет. Я сейчас зарядку сделаю и приду.

— Измоталась я с ним.

За спиной Зины в дверях появился Володя. Это был другой человек. В пиджаке, белой, правда, мятой, рубашке, а глав-

ное! – в руках он держал сделанный из расщепленной лозы и тончайших листиков бересты большой букет огромных белых роз. Чтобы такой букет соорудить, надо много дней и ночей корпеть над ним. Такое можно создать только от большой любви и за долгое время. Руки Володи от волнения дрожали. Я расплылся в улыбке.

— Зиночка, а ты не нервничай. Обернись, и будешь счастлива. Думаю, навсегда

— Да что вы смеетесь... – и осеклась, увидав Володю, держащего в вытянутой руке свой сказочный букет.

— Это тебе, Зинуля... Вот сделал... Для тебя...

— Для меня?..

— Для тебя...

— Боже, какие прекрасные розы! Как живые!

— Это... Зин... Ты не против?

— Чего не против, Вовочка, милый мой?

— Это... выйти замуж... за меня...

— Замуж! – и с криком – Володька! Родненький! Любимый! – Зина бросилась ему на шею и стала целовать неистово, исступленно, чуть не сломав розы.

Я вскочил с дивана, осторожно вынул из Володиной руки этот удивительный букет, чтобы Зина не поломала его и положил на стол. Она висела на Володиной шее и не могла успокоиться. А он тоже целовал её. Это был обвал лавины! Я схватил брюки, рубашку и выскочил из комнаты, чтобы оставить их наедине.

Выбежал в сад, оделся и стал прохаживаться между деревьями. Вот так, так! Я и сам разволновался от увиденного. Сорвал самое красивое, как мне показалось, яблоко и сел за стол. Вспомнилось, как мы ели яблоки с генералом Резетдиновым. Сколько свадеб там на моей родине за эти годы сыграли бы молодые, здоровые юнаки та дивчата⁵⁶. Почти двадцать лет понадобилось Володе идти к своему новому счастью. А ведь он когда-то его держал в руках и ничего не сулило беды. Один миг –

⁵⁶ Юноши и девушки. (с укр. яз.)

и трагедия. Один миг – и счастье. А сегодня праздник – Яблочный Спас. Как всё одно к одному!

Не помню, сколько времени прошло, сколько яблок я съел, когда вышли во двор мои молодые. За ручки держатся. Зина разругалась. У Володи бледность спала. Сели молча за стол. Улыбаются, переглядываются. Зина толкает Володю:

— Ну, говори, Вовочка... Ну...

— Петр Валентинович... Мы это... решили пожениться... Просим вас на нашей свадьбе быть посаженным отцом. За моих и Зинулиных родителей. У нас никого нет. Мы хотим, чтобы вы стали нашим родителем не только на свадьбе, но и навсегда. Я так обязан вам. Если бы не вы, не знаю смог ли бы я признаться Зине. Вы мне когда-то говорили, мечтали, чтобы у вас была дочь, но не случилось. Но теперь есть, вот она – Зина. А я буду вашим сыном. Ведь неважно оформлено это в ЗАГСе или нет, главное, что вы для нас теперь и отец, и мать, а мы ваши дети....

— Спасибо вам, Володя и Зина, за ваши слова. Это баллам на моё сердце и всю оставшуюся жизнь.

— Петр Валентинович, не думайте, что я какой-то ненормальный, просто я боялся нарушить слово, когда-то данное Маше... Я должен это сказать. Когда-то дал слово Маше, что кроме неё у меня никогда не будет другой жены. А вчера вы меня очень сильно смутили. Я растерялся. Думал, вы довольны, что я остаюсь верен Маше. Но вчера мне показалось, что вы хотите, чтобы я сошелся с Зинулей. А как же Маша? Я не знал, что делать. И тогда я пошел к отцу Александру. Несколько раз он со мной беседовал, а я всё отмалчивался – просто мне трудно было говорить. Но вот вчера почему-то мне захотелось у него спросить совета – как жить дальше? До утра просидел у него. Мы долго разговаривали. Он рассказал о вашем разговоре с ним. Сказал, что вы просили прощение у Маши и просили её отпустить меня. Спасибо вам, что поняли меня.

— А вы на свадьбу сможете приехать? – спросила Зина.

— Всегда и с удовольствием.

Мы позавтракали. Зина и Володя пошли в ЗАГС. А я опять вышел в сад, посидеть, подышать свежим осенним воздухом, яблочным духом и радостью этого дня.

Вот ведь как получается! Бывает достаточно маленького, манипушенького, как говаривала наша каширская Ирочка, камушка, чтобы сошла большая лавина. Что мой приезд? Ничего особенного. А оказался он этим самым незаметным камушком и лавина невысказанной любви, накопившейся за многие годы, наконец сошла. Конечно, Володя когда-нибудь все-таки сделал бы предложение Зине. Но когда это было бы? А тут сегодня. И в Святой день! А я ещё и стал очевидцем удивительного чуда – признания в любви.

Глава 21.

НАПЕРЕКОР

28 августа 2006 года.

В Шарье в автобусе до Ветлуги рядом со мной сел человек лет семидесяти, Познакомились. Он оказался бывшим ветлужским учителем. Разговорились о житее бытие в этих краях. Мне всё было интересно. Потом Серафим Павлович спросил меня:

— А к кому едете, если не секрет? К родственникам, друзьям, сослуживцам?

— Ни к тем, ни к другим, ни к третьим.

— Как же так? Говорили в гости.

— Еду к одному человеку. Только один раз его видал. А к другому в деревню поблизости – с тем два раза общался. Стал он мне почему-то родным, что потянуло вместо ответа на письмо самому заявиться. Написал, сначала к Игнатьичу ехать.

— Загадочная у вас история. Кто же вас в Ветлуге ждет?

— Да не ждет он. И даже не знает, что я сейчас свалюсь на его голову. Волнуюсь – какой прием будет?

ДЁМИН

— Так к кому же едете?

— К Демину Василию Игнатьевичу. Знаете?

— О, это известная личность! Лечиться к нему?

— А он что врач?

— Народный целитель. Да ещё какой! Скольких людей на ноги поставил. Но суровый.

— Значит, не примет меня.

— А другой ваш приятель, из какой деревни?

— Из Дивного.

— Ну, тогда не волнуйтесь. Примет Василий Игнатьевич и сам отвезет в Дивное.

— Так Николай и написал в своем письме.

— Ну, а вы боитесь. Демин на своей даче в Дивном селит только друзей. А друзья его друзей – его друзья. Это все у нас знают. Сколько его сослуживцев здесь перебивало!

— Он что в армии служил?

— Служил не то слово. На Семипалатинском полигоне облучился. Приехал к нашему деду Оханычу, тот его на ноги поставил. Демин к деду пристал, обучи – у меня целый взвод мучается. Мол, парни его болеют, а командир здоровым не имеет права быть. Потом Демин сменил деда и всех своих вылечил. Методы у него такие же суровые, как и он сам. Дед Оханыч не умел заставлять. А этот любого заставит. Сердце у него доброты преширокой, а воля командирская. Так что не волнуйтесь, примет вас, как своего. А если чем болеете, будет лечить и никуда вы не денетесь. Приедем я покажу, как к нему пройти. Его у нас все здесь знают. Провожу вас, мне как раз по пути.

ПРИЕМ

Дом Василия Игнатьевича находился в глубине двора. Деревянный забор со старинными воротами на кованых петлях был настолько высок, что даже крыши дома не было видно. Под козырьком у калитки находилась кнопка звонка, а ниже щель в ящик для корреспонденции. Позвонил три раза, ждал несколько минут. Калитку открыл Василий Игнатьевич. Взгляд его был суров и неприветлив.

— Что нужно?

— Здравствуйте, Василий Игнатьевич! – робко начал я. – Вот я приехал.

— Вижу.

— Я – друг Николая Уварова. Он написал мне, что можно приехать к нему. Но сначала надо заехать сюда. Мы с вами знакомы. Может быть, помните, ехали вместе в ...

— Помню. Николай говорил. Проходи.

Он пропустил меня во двор, запер калитку и, не говоря ни слова, пошел вперед к дому. «Однако неразговорчив Игнатъич», — подумал я. Я молча последовал за ним. Дом у Демина был деревянный, рубленый, добротный. Пятистенок с мезонином в старинном стиле и множеством пристроек. Карнизы и наличники резные, вычурные, с узорами и петушками, да разноцветно раскрашенные. Чувствовалась хозяйская рука. Следом за Деминым я проследовал в просторную прихожую. Навстречу вышла невысокого роста полненькая женщина.

— Знакомьтесь, — сказал Василий Игнатьевич. — Моя жена, Дарья Степановна, — и, не дав нам сказать слово, scomандовал. — Ты, Петр, будешь спать в детской. Завтра с утра поедем в Дивное.

— Вы помните моё имя? — удивился я.

— Что тут помнить. Про тебя Николай мне все уши прожужжал. Ужинаем в шесть вечера.

Я прошел в выделенную мне детскую. В комнате стоял топчан и старый одно-тумбовый стол, на котором лежали стопки книг и различных папок, среди которых затерялся небольшой монитор и клавиатура компьютера. Несмотря на хаос, было видно, что за этим столом регулярно работают и пользуются компьютером. По стенам расположились стеллажи, в углу стоял старинный книжный шкаф. Всё было завалено разными книгами. Особенно много было всяких справочников, всевозможных словарей, атласов. Судя по видневшимся корешкам книг, литература была самых различных направлений: медицина и география, сельское хозяйство и лесоводство, астрономия и геология, военное дело и социология. Да, эта комната давно уже перестала быть детской. Очень уж походила на кабинет исследователя.

Я прилег и задремал, чуть не проспал ужин. Проснувшись, быстро прошел в зал. Это была небольшая комната практически без мебели. Только по стенам в три ряда висели фотографии и картины, судя по всему местных художников. Посередине стоял большой прямоугольный стол, застеленный белой в цветочках скатертью. По бокам стояли лавки, на торцах стола — по одной табуретке. Во главе стола сидел Василий Игнатьевич, напротив, в другом конце стола — Дарья Степановна. Я сел недалеко от

Василия Игнатьевича. Он сурово посмотрел на меня и тут же встал. За ним встала Дарья Степановна. Поднялся и я. Хозяин прочитал молитву, перекрестился и пригласил отведать, чем Бог послал. Еда была простой, но вкусной. Ели молча. После ужина, когда Дарья Степановна убрала всё со стола, Василий Игнатьевич наконец заговорил:

— Надеюсь, ты уже кое-что понял? Лечение началось с того момента, как ты зашёл в этот дом. Не знаю, на какое время ты, Петр, приехал, но коль приехал, то будешь лечиться. О лечении расскажу потом, постепенно. Кое-что расскажет Николай. Уже мне помогает. Он теперь будет жить долго. Хотя ещё немного побаивается прогноза врачей. Теперь этот бред не сбудется, потому что Николай захотел жить и почувствовал, что такое жизнь, а не существование, суета и борьба за выживание

— А что же тогда жизнь, по-вашему? – спросил я.

— Жить для других. Заниматься своим здоровьем, чтобы были силы и время помогать другим. Очищать свою душу, чтобы помогать другим, и чтобы у них души становились добрее и чище. Для начала хватит. У нас здесь всё подчинено распорядку и определенным правилам. Если хочешь быть здоровыми, соблюдать не сложно. Только ленивому всё не так.

Полигоны

— Василий Игнатьевич, а как вы попали на Семипалатинский полигон?

— После военного училища, лейтенантом. Полк, в котором я был командиром взвода участвовал в обслуживании штолен и закладке в них ядерных зарядов. Однажды что-то у курчатовцев пошло не так. Нас послали на позицию. Тут, как шархнет! Получился нештатный незатомпированный взрыв атомной бомбы. Радиация вышла наружу и весь мой взвод накрыло. Хорошо были ещё далеко, в трех километрах. Иначе погибли бы, как те, что были ближе и внутри. Но всё равно облучились. Ехали на открытой машине. Место ровное, укрыться некуда. По степи распластались да поздно. Всех списали на гражданку.

— Мне Серафим Павлович говорил, что вы весь свой взвод вылечили? – спросил я.

— Ну не весь. Тех, кого нашел и кто приехал. Вообще-то, я не лечу. Моя задача создать условия для оздоровления и мотивировать желание избавиться от недугов. Без желания и любви никакие способы лечения не помогут. Пустая трата времени, энергии и средств. Остальное сделает организм, в котором есть все лекарства, а чего уже нет, помогаю, чем умею. А полигон создали ещё в 1948 году специально для проведения испытаний первой советской атомной бомбы. Потом там провели более 500 испытаний.

— Все под землей? – спросил я.

— Не только. Полторы сотни испытаний наземно и в воздухе. Но их прекратили ещё в 1963 году. Строители построили под землей около 200 километров туннелей и штолен. Площадь полигона более 18 тысяч квадратных километров.

— Это почти шесть чернобыльских тридцатикилметровых зон, – быстро прикинул я.

— Да и зона радиационного поражения от семипалатинского полигона, – продолжал Демин, – оказалась по моим подсчетам сопоставима с чернобыльской. Из-за того, что роза ветров там господствовала в основном на восток, радиационно зараженными оказались не только Павлодарская, Карагандинская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская области Казахстана, но и в России Алтайский край, Алтайская республика, Новосибирская и Кемеровская области. Семь областей! Однако наше правительство это почему-то не признает. Отдельные зараженные участки находятся за 900 километра от полигона, аж за Новосибирском. Я подсчитал около 50 тысяч квадратных километров зараженной территории.

— Это одна четвертая от чернобыльского поражения, – сказал я. – И в два раза больше Кыштымского следа.

— После 1991 года полигон закрыли. На его месте создали Казахский национальный ядерный центр. А в 97 году со спутника обнаружили на четверти территории полигона аномальную термальную зону.

— Это что-то новенькое! – удивился я.

— Да такого ещё нигде не было. Постоянно в этой зоне температура держится на 10 градусов больше, чем за её пределами. Эта земля никогда не покрывается снегом, даже зимой.

— А почему, разобрались? – спросил я.

— Нет, пока не ясно. Но превалирует одна версия – термальные явления произошли из-за изменений по линиям тектонических разломов на границах антиклиналей и синклиналей, то есть выпуклых и вогнутых пластов горных пород. Семипалатинский полигон ведь находится на восточных отрогах невысокого горного хребта, называемого Казахским мелкосопочником. Протяженность Мелкосопочника почти полторы тысячи километров с востока на запад шириной от четырехсот до тысячи километров. Высота хребта местами превышает 1300 метров над уровнем моря. Переходит в высокогорный хребет Тарбагатай, пролегающий между Алтаем и Тянь-Шанем. А вдоль Иртыша с севера-запада на юго-восток проходит несколько тектонических разломов по молодым горным плитам неглубокого залегания. Пол-тысячи взрывов сделали своё дело. Особенно подземные. Они всегда сопровождались землетрясениями силой до 3-х баллов. Думаю в них причина геотермальной активности.

— Ну, Василий Игнатьевич, вы глубоко копнули! – сказал я восхищенно. – Заслушался я вас. Вы кто по профессии?

— Инженер-энергетик. Профессия тут не причем. Если человек окончил институт, учился добросовестно, он потом может освоить любую профессию. Лишь бы у него сильный интерес был. Я просто собираю информацию. Хочется знать, что и почему там, где бывал-жил раньше и сейчас.

— Василий Игнатьевич, а вы не интересовались, на Новой Земле есть такие же изменения, как на Семипалатинском?

— Мой однокашник по училищу служил там. Тоже облучился. Приезжал ко мне лечиться, потом товарищей своих присылал. Он мне много чего рассказал. Протяженность архипелага тысячу километров, ширина до 140. При подготовке островов к ядерным испытаниям на материк с Новой земли было выселено все ненецкое население, порядка 300 человек, все промысловики-охотники и геологи. На южном острове в 1953 г. был произведен впервые в мире термоядерный взрыв авиацион-

ной водородной бомбы. Через два года – первый в СССР подводный ядерный взрыв.

— Подводный взрыв? Сколько же рыбы глушанули!?

— Не только рыбы. В полста километрах от южного острова находится остров Вайгач. Там была рыболовецкая артель. Тоже пострадали. На Новой земле и Вайгаче было много лежбищ моржей и нерпы. Центр Вайгачского района поселок Амдерма, он на материке находится, в переводе с ненецкого так и означает – лежбище моржей. Всё погубили.

— Знаете, сколько ядерных испытаний было осуществлено на Новой земле? – поинтересовался я.

— Больше 130. Где-то треть из них подземные, как и под Семипалатинском, только в условиях вечной мерзлоты. Пять взрывов сделано на воде и под водой, остальные наземные и воздушные. Подземные взрывы стали проводить только с 1964 года. С 1954 г. полигон назывался «Объект-700», сейчас Государственный центральный полигон № 6. В связи с мораторием с 1990 г. взрывы не производятся. Центром полигона является поселок Белушья Губа. Кстати несколько ядерных взрывов произвели меньше чем в десяти километрах от этого поселка.

— Ну ладно. Заморил я вас. Давайте ложиться спать. Завтрак будет в семь утра. Даша, накроешь в столовой, поедешь с нами в село. Выезд в восемь. Отбой. Спокойной ночи.

Глава 22.

ОБРЕТЕНИЕ

4 сентября 2006 года.

Утром позавтракав, мы сели в старенький ГАЗ-69 военного образца и ровно в восемь утра выехали из ворот деминского дома. По разбитой отвилке от магистральной дороги въехали в деревню и остановились у церкви, о которой рассказывал свечинский отец Александр.

Х Р А М

Храм я увидел ещё издалека. Вблизи же он изумил своими размерами. На просторном четверике первого яруса с колоннами, поддерживающими портики над входами, взметнулся ввысь

элегантный барабан в виде восьмерика, венчаемый внушительным куполом с обезглавленной маковкой. По углам четверика на круглых барабанах полностью сохранились ажурные маковки, но без крестов. Придел нижнего яруса по переходу соединен с роскошной, того же стиля, четырех-ярусной обезглавленной звонницей. Растерзанная Макарьевская церковь всё равно выглядела величественной и несдающейся, несмотря на свой нынешний удручающий вид.

Село было небольшим, всего домов двадцать. Издалека я увидал, как из одного дома справа от церкви вышел Николай, любопытствовать, кто приехал. Следом за ним на крыльце показалась фигура высокой худошавой женщины. Когда Николай увидел меня, побежал навстречу. Мы обнялись. Стали знакомиться. Высокая женщина оказалась женой Николая Люсей. Мое внимание сразу привлекли её веселые глаза и смешливая речь. Когда подошел Игнатич, ставивший машину в гараж, Николай закричал во все горло:

— Я же говорил, Петро приедет! Я же говорил!

— Не говорил, – спокойно сказал Демин, – а кричал.

— Какая разница. Главное – Петро приехал! Я знал, что ты приедешь, сердце подсказывало. Люся тоже верила.

— Попробуй тебе не поверить, – улыбаясь сказала Люся, – кричать начнешь.

— Знаем, наслушались ещё год назад, – сказал Игнатич. – Никак его не отучу орать. Говори спокойно. Люди будут лучше тебя понимать.

— Так ты же не верил!

— Ну, теперь поверил. Даша, пойди, полежи немного. Не суетись, время есть. И помощница у тебя теперь есть. Всё успеешь. Обедать будем в саду, в четырнадцать. Люся, а ты иди заготовь травы. Два комплекта такие же, как и Николаю. В одиннадцать начнем прием. А сейчас я экскурсию проведу. На родники Николай ты их поведешь, я в это время баней займусь. Всё.

Тут Люся как заорет:

— Вольно! Развод окончен! По местам! – и под смех окружающих деревенских ребятишек пошла карикатурным строевым шагом к дому.

- Люська, не дурачься! — крикнул ей в след Николай.
- Лучше пусть дурачится, — неожиданно заулыбавшись, сказал Василий Игнатьевич, — чем твой крик слушать.
- Ну, донял ты меня! Я скоро шепотом буду говорить.
- Крик, Коля, другим людям нервную систему расстраивает, а свою активирует без надобности. Кроме того, высокие и громкие частоты подавляют психику, повышают давление, не дают нормально мыслить и возбуждают низменные порывы.
- Слышишь, Петро. На любой вопрос у него есть ответ, причем научный.
- Поживешь с моё, сам будешь таким же в глазах более молодых. Ладно хватит лясы точить. Пошли на экскурсию.
- Василий Игнатьевич, — обратился я к Демину, — а я уже знаю почему ваша церковь Макарьевской называется. Мне об этом и про Макария Унженского рассказывал отец Александр, который на станции Свеча служит.
- Так вы знакомы? Это очень хорошо. Он наши места лучше меня знает. А что в Свече делали?
- Навещал знакомых. Они в Свече живут.
- Это хорошо, значит ветлужане.

Мы обошли храм со всех сторон. От приходского кладбища осталась только одна могила некоего блаженного Герасима, местного старца-отшельника, умершего лет двадцать тому назад. Вокруг храма ничего нет. На входе в церковь сохранилась красивая двупольная кованная решетка. Вошли в храм. Огромное внутреннее пространство совершенно пустой церкви поразило еще больше. Как ни странно почти все окна были застеклены. Пол прибран. Внутри сухо. На каждый наш шаг храм отзывался печальным эхом. Не сговариваясь, мы перешли на шепот. И этот шелест наших губ мне показался гулом толпы верующих, некогда приходивших сюда на моление. Стены нижнего яруса были покрашены. На втором и третьем ярусах сохранилось несколько огромных фресок на новозаветные сюжеты. Фрески четвертого яруса сохранились полностью. Со стороны придела на уровне его крыши и во всю ширину раскинулись деревянные хоры. По узкой каменной лестнице, устроенной внутри стены, мы поднялись на этот балкон, откуда фрески можно было рас-

смотреть поближе. По сохранившимся фрагментам отчетливо было видно, что фрески прекрасны и выполнены явно не рядовым мастером. Но сам придел был в ужасном состоянии. Крыша обвалилась и очень давно, внутри росли деревья возрастом, как сказал Демин, не меньше лет тридцати.

Пройдя в звонницу, я не удержался и решил забраться наверх. Николай сказал, что уже был там, вид восхитительный. Не спеша, помогая друг другу, мы поднялись с ним на сохранившийся четвертый ярус. Венчающий, холостой пятый и куполок с крестом над ним, были снесены на уровне верха четвертого яруса. Колоколов конечно же не было. В одном простенке были выбиты кирпичи, видимо, для того, чтобы сбросить самый большой набатный колокол.

Я посмотрел по сторонам. От храма вдоль глубокого оврага вела красивая березовая аллея к крутому берегу Ветлуги.

— Петро! – сказал Николай. – Посмотри вверх по течению Ветлуги. Вон там за излучкой впадает речка. По ней проходит граница с твоей Костромской областью.

— Ну, Николай, ты стал экскурсоводом!

— С Игнатьичем всему научишься. Вот человек! Как я тогда окрысился на него в поезде! А он оказался совсем другой.

— Помню, Коля, помню. И ты, и Игнатьич так поразили меня, что та встреча здорово запала в душу. Спасибо тебе, Николай за тот разговор, и за то, что вытащил меня сюда.

— Это ты сам вытащился. Думали ли мы с тобой, Петро, что встретимся в третий раз и где? – в самом сердце России.

— Согласен. Благодать какая вокруг! Как у Цветаевой:

*И льется аллилуйя
На смуглые поля.*

— Каждый, где живет, о своём месте и поёт. А вот мы с Игнатьичем и ещё двое сегодня к обеду подойдут – приезжие. А о том же поем. Верно, везде здесь *«льется аллилуйя»!*

СВЯЩЕННЫЕ СЛУЖИТЕЛИ

Когда мы спустились вниз Василий Игнатьевич начал знакомить меня с историей храма и села.

— Храм назван в честь преподобного Макария Желтоводского и Унженского Чудотворца. Храм построен в 1826 году на деньги прихожан. Трёхпрестольный. Приход Макарьевский был самым крупным в Костромской губернии – 29 населенных пунктов входило в него и 6 000 прихожан, в два раза крупнее следующего за ним прихода. И приход большой, и церковь вровень ему – просторная. В храме служили три священника, дьякон и три псаломщика. Это большой штат. Хотя в самом селе жило чуть более ста душ. Волостным центром была деревня Скрябино. Там находилось волостное начальство и соответствующие волостные службы. А храм был здесь. Потому Дивное называлось селом, и волостной базар находился в здесь же. Было две школы: женская церковно-приходская и мужская земская. В приходе были ещё три земские школы. Все мужские. Среди священников Макарьевского храма, двое были выдающимися деятелями нашей православной церкви. У нас здесь служил выпускник Костромской духовной семинарии Петр Александрович Сперанский.

— Не из знаменитого ли рода придворных Сперанских?

— Боковая ветвь. После Петербургской духовной академии, которую блестяще окончил со степенью магистра богословия, был привлечен служить в походной церкви императрицы, а потом до самой своей кончины был священником Большого придворного собора Императорского Зимнего дворца, пользовался большим доверием государей Николая Первого, Александра Второго и их Августейших супругов. По рекомендации Сперанского приехал сюда служить его младший брат Алексей да и остался на всю жизнь до самой своей смерти в 1882 году. У него родилась дочь, которая вышла замуж за священника этого же храма Василия Викторовича Поздеевского, тоже выпускника Костромской семинарии. Приехал он в 1868 году и служил здесь до революции. Дальше сведений о нем не имеется. У него было десять детей: восемь девочек и два мальчика. Третий ребенок в семье, Александр, стал вторым великим человеком села.

— И чем же велика эта фигура?

— Александр Васильевич Поздеевский сначала был ректором Тамбовской духовной семинарии, потом ректором Мос-

ковской духовной академии и последним после революции настоятелем Московского Свято-Данилова монастыря до его возрождения. Имел сан архиепископа, магистр богословия. Родился в 1876 г. в нашем селе. Окончил Макарьевское духовное училище, Костромскую семинарию, Казанскую духовную академию. Затем постригся в монахи и получил имя Феодор. Во время репрессий пострадали все священнослужители из рода Поздеевских, больше сорока человек. Отец Феодор и его дядя причислены к Лику Священномучеников.

Василий Игнатьевич повернулся к храму и, троекратно перекрестился. Мы, молча, разглядывали порушенный храм.

— В общем, жил народ, — задумчиво заговорил Николай, — и не гадал, не чаял, что придет новая власть, наобещает всего, а потом отберет и перемелет всю исконно российскую жизнь до неузнаваемости так, что восстановить ничего не удастся..

— Удастся, только не всё, а то, что нужно, — сказал Демин. — Вот монастыри, что наш преподобный Макарий на Желтых Водах и на Унже основал, татары разрушили, а народ поднимал их из руин. А сколько разоряли другие монастыри, церкви, села, деревни? Всё равно восстанавливали. Не паникуй, Николай, и здесь восстановим. Делай своё дело для себя и других, очищай себя и вокруг себя. И как говорил Стива Облонский, всё образуется.

— Игнатьич, так мы же чистим. Вон видишь, вокруг церкви бурьян, мусор убрали, из храма битый кирпич, упавшую штукатурку вынесли, каждую неделю прибираемся, остекление восстановили. Может когда-то и престол поставят.

— Поставят. Если заслужим.

— Тогда это не скоро.

Демин пристально посмотрел на Николая, повернул голову к храму, помолчал и, улыбнувшись какой-то своей затаённой мысли, задумчиво произнес:

— А может быть и скоро...

Потом Игнатьич, словно очнувшись, посуровел и покомандирски отрубил:

— На этом всё. Экскурсия закончена. Николай, своди гостя на наши святые источники здорового духа и тела. Возьми-

те посуду для воды. А я пойду баней займусь. Сегодня много людей будет.

РОДНИКОВЬЕ

Мы подошли к деминскому дому, взяли по две посудыны и пошли по тропинке в сторону оврага. Пройдя мимо кустарников с ярко-красными спелыми плодами шиповника, обогнув клеверное поле, начали спуск по узенькой тропинке в овраг. Николай остановился, подождал, когда я подойду и начал свою экскурсию:

— Посмотри вниз. Видишь сооружение пирамидальной формы? Под ним наш самый главный родник. Имени Феодора Поздеевского, о котором Игнатич рассказывал

Подошли к роднику, возле которого на деревянной стойке была укреплена металлическая коробка со стеклянной дверцей. Внутри на задней стенке висела икона, как сказал Николай, Федоровской Божьей матери, а ниже – фотография мужчины, похожего на священника. Перед иконой висела лампадка и стояла недогоревшая свеча.

— Чья эта фотография? – спросил я.

— А это и есть народный святой Феодор Поздеевский. Как сказал Игнатич, местнотчимый святой. Кто его фото сюда поместил, не знаю. А молятся ему и Богородице наравне.

Рядом стояла воткнутая в землю палка, на ней висела кружка. С одной стороны пирамиды была дверца. Николай открыл дверцу. В проёме виднелось углубление, в которое поступала родниковая вода. Мы попробовали воду – она была вкусна необыкновенно.

— Когда зачерпывал воду, – спросил Николай, – ты обратил внимание, что написано внутри?

Я стал на колени и просунулся внутрь. С левой стороны небольшого внутреннего пространства был вмонтирован камень, на котором высечена надпись:

иером. о. Данило,
памяти Макарьевского святого
еп. Феодора (Поздеевского)

— Вот это да! Ваш Феодор Поздеевский Святой!

— Нет, – сказал Николай, – владыка Феодор причислен, только к Лику Священномучеников. Это народ посчитал его святым. Эту надпись сделал иеромонах Даниило, считая своим долгом перед преподобным Феодором и Богом оставить в памяти народной это имя. И люди ходят сюда, молятся. Церковь разрушена, поругана, осквернена, молиться негде. А родник отец Даниило освятил и стало это место священным для многих ветлужан и паломников. Всего здесь семь родников. Все освящены, обихожены, поставлены памятные знаки или кресты. Потому и место это называют Семиродниковьем. А правильнее бы – Родниковье. Видишь шалаш. Это паломники здесь от ненастья укрываются.

Внизу прямо на ручье, вытекающем из родника, стояла крытая купальня. Поодаль – большой стол с лавками.

— И родник, и купель освящены, – сказал Николай. – А место здесь вдвойне святое. Вон видишь, землянка. Правда она наполовину обвалилась. Здесь жил более сорока лет старец-отшельник Герасим. Ты видел его могилу у Макарьевского храма. К нему ходили за советом, на исповедь.

— Он был монахом? – спросил я.

— Нет. Просто ушел из мира и поселился здесь. Поставил крест, повесил на него икону Спасителя и молился, чтобы Бог простил нашу землю и отпустил нам наши и чужие грехи. Я каждый день принимаю здесь омовение. Чувствую, становлюсь здоровее. А Игнатийч ещё разными травами поит, заваренными только на воде из этих родников. Вот откуда здоровье идет. Он так их и называет – источники здорового духа и тела. Давай пройдем по всем родникам. Посуду оставь. На обратном пути наберем воды.

— Как же оставлять? Кто-нибудь заберет.

— Никто не заберет, – успокоил меня Николай, – эти места святые. Здесь аура такая, что никому в голову не придет неблаговидный поступок совершить. Пойдем.

Когда возвращались, Николай посвятил меня в Деминские порядки и его систему оздоровления.

— Скажи, Николай, а дети у Василия Игнатьича есть?

— Нет. Демин детей не заводил, знал о последствиях. Он тебе рассказывал о Семипалатинске?

— Да. Вчера. Здорово удивил меня своими знаниями. И о Новой земле сколько знает.

— Игнатьич часто удивляет. А по внешности не скажешь. Демин вырастил шестерых приемных детей. Во как! Все мальчишки. Четверо разъехались, имеют семьи. Живут своей жизнью, но каждый что-нибудь постоянно присылает отцу, чего здесь нет, а необходимо. Понимаешь, каждый продолжает помогать отцовому делу. Двое младших остались в Ветлуге. Тоже имеют свои семьи. Занимаются своими делами и учатся у отца целительскому мастерству. Мы все вместе и соседи решили, будем потихоньку восстанавливать церковь. Вон в Ветлуге мужики сами купол возвели в Троицком храме, часовню святого Александра Невского целиком разрушенную восстановили. Что же мы не сможем?..

Вот оно что! Значит, не система лечения, а система жизни! И не Семиродниковье, а РОДНИКОВЬЕ. Само Дивное – Родник жизни. Не пропадает дело преподобного Макария.

Что же это за сила такая, что несмотря ни на какие беды и напасти, поднимает людей заново и заново отстраивать не только своё жилье, а порой и прежде всего место своего культа?.. Да-да! Культа! Конечно, культа! Правильно Демин сказал, от него, от религиозного верования наша культура. Нормальный человек не может остаться без своей культуры, которую он воспринимал с молоком матери, в семье, в быту, среди людей, в церкви.

Люди из пепла и себя поднимали, и свою религию, и свой уклад, и страну. Вот и из пепла Чернобыля надо подняться и других поднимать.

Точки отсчета

Перед обедом мы с Николаем пошли прогуляться по окрестным местам. Он уже так много здесь знал, что стал ка-

заться местным жителем. Под конец нашей прогулки я спросил его:

— Неужели тебя не тянет домой?

— Нет, не тянет.

— Там же твоя родина, там твой род.

— Где мой род, я не знаю – советская власть так всё перемешала, что род мой мне неизвестен. Теперь моя родина здесь. Где родился и вырос, трудился и жил, я никому не нужен. Родина для меня сейчас – это место, где моей и Люсиной душе всего роднее. Главное ведь жить в любви и быть полезным. Слышь, Петро, а ты не собираешься сойтись с кем-нибудь?

— Коля, не сыпь соль попусту.

— Да не переживай. Здесь есть одна женщина, Анна Петровна, – специально для тебя присмотрел – прелесть, не пожалеешь. Давай познакомлю.

— Не надо, Коля.

— А чего это не надо? Анна Петровна лет на десять моложе тебя, в теле, вдовая, бойкая. С такой не соскучишься.

— Эх, Коля-Коля. Да у меня своя вдовушка есть.

— Ты женился? Ну, молодец! Что же молчал. Надо отметить такое дело. Почему с собой сюда не взял?

— Николай, успокойся. Не женился я.

— Не женился и ладно. Хоть вместе живете и то хорошо.

— Не живем... Я сбежал от неё...

Николай понимающе взглянул на меня и тихо спросил:

— Что стерва? Довела? Петро, выкинь её из головы. Что мы такому красавцу женщину не подберем?!

— Да на хрен мне нужна твоя женщина! – вдруг вскрикнул я. – Лучше моей Лены на свете никого нет! И не доводила она меня! Это я бросил её.

— Да успокойся! Чего разорался? Если она такая, зачем сбежал? Если жалеешь, вернись, и не ори.

— Извини, Николай, не сдержался. Знаешь, обидно, столько лет без женского тепла, а тут вдруг, когда уже и думать о том перестал, и крест на себе поставил, встречаю такую женщину. Если бы ты видел! Я же сейчас из Крыма приехал. Там случайно с Леной столкнулся. Мы не виделись с ней с самого

Чернобыля. И закрутилось, закружилось, проснулось моё сердце. А зря. Лучше бы не просыпалось. И Лену разбудил зря.

Лицо Николая стало суровым, чем-то даже похожим на Игнатъича. И заговорил вдруг как-то отстраненно, сухо:

— Почему зря? Любовь нельзя гнать. К ней надо идти, искать её, ждать, а когда надо, то и добиваться. Ну конечно, по добром, по добровольности, по взаимной любви. А тебе счастье выпало, вновь встретиться, – Николай помолчал, а потом продолжил. – Петро! Любовь редкая птица, не каждому удастся её поймать. Симпатии, увлечения, страсть, секс, похоть – это *нелюбовь*. Это зря потраченные сила, энергия, чувства. У Нелюбви есть подруги: Ненависть, Злость, Интрига, Ревность, Зависть, Расчет. А у Любви – только Добро и Дружба. Если нет добра, значит любви-то и не было. Когда без любимого жить не можешь, потому что это твоя половинка, твоя самая дорогая частичка, как ребро адамово, и ты без этой половинки никуда – это и есть любовь. От любви бежать – великий грех, преступление. Перед Богом, природой и перед самим собой.

— Получается, я – преступник.

— Если от такой любви бежал, значит да. А если понял, то образумься и возвращайся. Вот это и будет точка отсчета, кто ты на самом деле.

— Эх, Коля!.. Мосты сожжены, обратного пути нет. ..

— Такого не бывает. Для любви мосты не преграда. И обратный путь всегда открыт. В своей жизни мы сами за себя отвечаем. Потому с себя и спрос.

Мы возвращались молча. Николай больше не задавал вопросов. А на меня нахлынули воспоминания. Перебирал в памяти все события последних недель. Где и когда я допустил ошибку?.. Господи, да какая разница – допустил или не допустил! Что с того? Всё равно ничего не вернуть. Всё. Точка.

Так молча мы и подошли к храму. Посреди площади перед ним стоял Игнатъич и что-то писал в записной книжке. Увидев нас, отругал, что опоздали на обед.

ЗАВОРОЖЕННОЕ МЕСТО

Вечером была баня, я бы сказал – «баня по-демински». Оказалась серьезной оздоровительной процедурой.

Само здание бани, как обычно, состояло из трех помещений: предбанник, моечная, парилка. А вот всё остальное по-другому. В моечной по бокам две лавки, бак с холодной водой и огромная кастрюля с отваром на двенадцати травах для мытья головы. В тазах отмачиваются веники: березовые, пихтовые, дубовые и крапива с лопухом. Аромат божественный...

Я полагал, что после баньки будет ужин, по рюмочке пропустим за встречу и знакомство. Но губенку-то я зря раскатал. По системе Игнатъича ужин после бани не положен. Надлежало лечь в постель, хорошо укрыться и спать до утра.

Утром я почувствовал необыкновенную бодрость. Хотелось прыгать, бегать, петь и свистеть. Бродил по полю, по опушке леса. Вдыхал воздух по-новому, как будто это был другой, неизвестный мне воздух, волшебный. Наконец-то увидел природу, о существовании которой совсем забыл в беге по кругу своих проблем. Как же отчаянно прекрасно в этом заброшенном очаровательном уголке!

Постепенно начал погружаться в Дивносельскую жизнь, деминскую систему. И мне это понравилось. На пятый день уже стало казаться, что я жил здесь всегда. Какое-то замороженное место! И как люди красят его своими добрыми делами, радушием, любовью!

Люся с соседками затеяли капитальную уборку в доме. Потом пошли отмывать полы и деревянные хоры в храме. А на другой день и мы, мужики, вынесли мусор из алтарной части, очистили аллею, ведущую к реке. Собрались почти все соседи на поляне у крутого берега Ветлуги, где были вкопаны по кругу четыре лавки. Мы сидели долго-долго, неспешно ведя беседы под треск разведенного посередине костра. Пели песни...

Неожиданно я ощутил в самом себе ту самую ниточку из прошлого, зыбкое трепетание которой чувствовал при общении с княгиней Ольгой Сергеевной. Не прошло и двух недель, как в Новом Свете я размышлял о разрыве этих ниточек, связывающих нас с давно прошедшими временами. Теперь же я ощутил эту ниточку и в себе. И понял! – у каждого есть эти ниточки,

связывающие нас с прошлым. Надо только больше узнавать прошлое и передавать другим свою память. В этом, наверное, и смысл моего дневника.

ВЕНЧАНИЕ

Накануне днем Василий Игнатьич уехал в Ветлугу вместе с женой. Приехал на следующий день к завтраку. Когда сели есть, он сделал сообщение:

– Послезавтра, в Ветлуге состоится венчание моего старшего сына. Наконец-то созрел. Вы ребята, бывали на венчании?

– Как-то не доводилось, – за всех сказал Николай.

– Стоит побывать. Пригодится. В общем, мой сын с его женой и я с Дарьей Степановной приглашаем вас на венчание. Конечно, если вы не против. Я хотел в нашей церкви, но пока нельзя, надо привести её в полный порядок и освятить, а для этого необходимо положительное решение архиепископа Георгия и передача от него антимины. Это будет, я в этом уверен. Но это не главное.

– А что ещё, Василий Игнатьич, – спросила Люся. – Нам что-то делать там надо?

– Причаститься и взирать. А главное привыкать к церкви. Потому что лечение без веры в Бога и без Храма не впрок.

– Значит и в церкви будем лечиться, – произнес Николай.

– Духовное лечение, Николай, и есть главное лечение. – При этом Игнатьич косо посмотрел на меня, Николая, Люсю – своих как бы пациентов, и продолжил. – Кто почитает Христа, Любовь тот обязательно придет к Богу. А всем нам необходимо попросить помощи и заступничества у иконы Веры, Надежды, Любви и маыушки их Софии. Сделать же это в день венчания – значит подпасть под особую благодать.

Утром на четырех машинах мы и наши соседи поехали в Ветлугу. Троицкая церковь была ещё не полностью восстановлена, в правой части шел ремонт, звонница в лесах. Около церкви стояла временная колокольня в виде п-образной конструкции, на которой под треугольным навесом висело два подзвонника и два малых колокола. Несмотря на это, всё было красиво!

Я впервые участвовал в обряде венчания. Одно это уже было для меня необычным. Новый иконостас сверкал позолоченными окладами и лаком, торжественно блестели зажженные паникадила, пение на голоса приходского хора звучало волшебным и воздушно, в воздухе благоухал аромат счастья и смирения.

Когда за спиной настоятеля храма, отца Бориса, облаченного в расписные парчовые одежды, показалась фигура отца Александра, я обомлел. Он заметил, что я его узнал, и слегка кивнул мне головой. Обряд был изумительно праздничным. Радость наполняла меня. Счастливая невеста сияла от восторга в пышном подвенечном платье, которое где-то достал Демин, а Дарья Степановна весь вечер перешивала его. Жених был бледен и очень волновался.

Для меня всё происходившее было, как из какой-то очаровательной сказки. Я смотрел на невесту и на её месте вдруг увидел Лену и даже будто бы услышал, как она говорит: «Согласна!». Минута и видение пропало, оставив в моей душе тоскливое облачко воспоминаний...

После венчания ко мне подошел отец Александр.

— Добрый день, Петр Валентинович!

— Да, воистину сегодня очень добрый день, отец Александр! – приветствовал я его. – Как вы здесь оказались? Не думал, что свидимся так скоро.

— Это всё Василий Игнатьич. Позавчера позвонил мне, просил срочно освятить Макарьевский храм в Дивном и провести там венчание своего сына. Но так быстро храмы не освящаются. Надо готовиться, паству собирать, и не моя это епархия.

— Строги порядки в церкви.

— А как же. Иначе церковь не выжила бы. Строгость дух и веру укрепляет. Я отказал Василию Игнатьевичу, но предложил ему посоветоваться с отцом Борисом. Мы с ним вместе учились в духовной семинарии. Потом позвонил отцу Борису, спросил, была ли речь о венчании. Он мне и сказал, на когда назначил обряд. Вообще я собирался через две недели навеститься к родителям в Ветлуге. Но решил приехать раньше. Хотелось и с вами повидаться. Демин по телефону сказал о вас, что вы очень грустны, неразговорчивы, о чем-то думаете. Он меня рас-

тревожил относительно вас. Сегодня я наблюдал за вами. Особенно глаза вас выдают. Печаль в них великая. Что-то тревожит вас, не дает покоя? Верно ли, Петр Валентинович?

— Трудно от вас укрыться... Как вам это удастся?

— Как не каждый может быть музыкантом, инженером, учителем, садоводом, так не каждый может быть и пастырем. Мои наставники учили угадывать душу человеческую. Мне до них ещё далеко. Не хотите ли исповедоваться?

— Вы же меня в Свече исповедовали.

— Это был разговор. Но если вы посчитали ту нашу беседу исповеданием, я рад.

— По крайней мере, у меня до сих пор осталось такое ощущение, отец Александр.

— Конечно. Вы же мне каялись. А покаяние, это и есть исповедь, одно из семи христианских таинств, установленных самим Иисусом Христом. В нем по православному учению исповедующий свои грехи перед священником при видимом получении от него прощения как бы невидимо разрешается от грехов самим Христом и снова делается невинным и освященным, как после крещения. Но для действенности таинства исповедания необходимы искреннее сердечное раскаяние и твердое намерение исправить свою жизнь. Мне помнится, вы были в тот раз искренни. Но до конца ли тверды ваши намерения?

— Тверд, отец Александр... Хотя... Нет, пожалуй, не во всем..., и не до конца...

— Пойдемте прогуляемся, Петр Валентинович.

— С вами с огромным удовольствием.

Мы прошли за ограду храма, повернули направо и, свернув за старинными торговыми рядами, вышли на крутой берег Ветлуги, вдоль которого вытянулся неброский, но уютный парк. Высокие раскидистые березы стояли в несколько рядов, между ними тоже рядами — кустарник, обрамляя собою тенистые аллеи. Почти у обрыва мы сели на скамейку. Перед глазами открылась даль противоположного низкого берега Ветлуги. День был ясный. Песчаные отмели, старицы, заросли ивняка, островки желто-зеленого леса создавали неповторимый вид. Опять

торжествовала золотая осень, как тогда в Чернобыле и как в прошлом году.

— Петр Валентинович, мне кажется, вам что-то мешает определиться, — продолжил начатый у церкви разговор отец Александр. — Человек только тогда тверд и решителен, когда выбор сделан, и он о нем не жалеет. По-моему вы или колеблётесь в выборе, или сожалеете о сделанном шаге.

— Вы правы. Как ни прискорбно, но это так. Удивительно, но вы очень точно сказали... И то, и другое...

— Петр Валентинович, знаете, как много людей завели себя в подобные тупики? Надо из них выходить.

— Надо. Надо...

И я рассказал всё о Лене, о нашей первой встрече, и второй, о Новом свете и моем побеге. В общем, рассказал всё, что утаил от него в предыдущий раз. Отец Александр слушал внимательно, а когда я закончил, он встал, за ним поднялся и я.

— Большой грех вы совершили, Петр Валентинович. Вы убили любовь. А любовь — это главное в жизни, это от Бога. Вам казалось, что, убежав, вы спасаете Лену. На самом деле не исключено, что вы её погубили. Вы сделали выбор за неё, а такого права вам никто не давал, и дать не может. Вы даже ни слова не сказали ей, обманным путем сбежали, оставив её в неведении и страдании. Грех ваш велик. И его вам надобно исправить.

— А если Лена не любит меня так, чтобы нянчиться со мной? А если она мне теперь не простит мой побег? Значит, останется грех?

— Она сумела найти вас по телефону, значит, вы ей нужны. А выдержит она или не выдержит жить с вами, это ей решать, а не вам. Свой грех искупить вы можете только сами.

— Как?

— Церковь лишь вразумляет, наставляет и помогает страждущим. Как идти и каким путем, выбирает каждый человек сам. Вы пришли к храму, исповедовались, сделали первый шаг. Если душа и сердце ваши чисты, они подскажут вам верный путь. Прислушайтесь к Богу и вашей совести. Господи, помилуй Вас! Идите следом, завещанным нам Творцом, Иисусом и

следом святого Макария Желтоводского и Унженского Чудотворца. Идите и не оглядывайтесь! Храни вас Господь! Аминь.

Отец Александр перекрестил меня и, не прощаясь, быстрым шагом пошел назад к Троицкой церкви. Опешивший от резко прекращенной исповеди, я смотрел вслед отцу Александру пока он не скрылся за торговыми рядами. Потом я долго стоял на берегу реки, вглядываясь в заречную даль, где над лесным горизонтом меж облаков то проявлялся, то исчезал подернутый дымкой нечеткий образ моей... или не моей?... Лены

Вот также строго говорил со мной Николай, а я отмахнулся. Теперь опять посрамлен, но ещё и потрясен...

Вечером сыграли в Дивном селе свадьбу. Пришло всё село. Весело было и радостно.

А на следующий день я спешно уехал, никому не сказав причину своего скорого отъезда.

Провожали меня тепло. Демин мне предложил переехать насовсем в Ветлугу. Все обнимали меня, целовали. Даже в последний момент продолжали уговаривать остаться. Только Николай понимающе смотрел на меня, будто догадавшись, из-за чего я так заторопился. А может и действительно догадался?..

Напоследок Николай сказал:

— Жду тебя у нас в любое время. Езжай, Петро, и помни, что бы ни случилось, — ты не один на свете. Надо жить.

ВСЁ ТОТ ЖЕ ПОЕЗД

До Шарьи доехал на автобусе, а там пересел на поезд Хабаровск — Москва. Это был тот же поезд, на котором почти год назад я ехал из Костромы в Москву. Как та поездка и последующие события перевернули мою жизнь! Круг замкнулся. Как на Комсомольской площади, по кругу трех вокзалов которой, пролегла моя жизнь.

За окнами мелькали завораживающие осенние пейзажи. ПоЯрко-желтые деревья, как невесты, на фоне зеленых елей и сосен ещё более выделялись и радовали глаз.

На душе было светло и спокойно, потому что наконец принято решение. Я размышлял о последних событиях, о своей судьбе, о нас с Леной. Единственно, что меня беспокоило, что

поезд не проезжает через Макарьев-на-Унже. Ну что же, придется в другой раз специально поехать туда и исполнить просьбу княгини Ольги Сергеевны. А вдруг... и вместе с Леной?

Каким удивительным был прошедший год. Всего лишь год. А вместились в один этот год вся жизнь. Интересно, начал ли я идти по макарьевскому следу или нет?

Вокруг вижу, что *следы*, оставленные на Земле святым Макарием и тысячами подобных ему праведников и подвижников, всё чаще проявляются среди людей и всё больше проникают в канву нашей сегодняшней жизни.

Эти *следы* действительно помогают пробиться сквозь обволакивающий туман суеты и безразличия, политиканства и бескультурья, избавиться от удушающих пут лжи и тайн, обмана и честолубия, а мне наконец освободиться от въедливого запаха пепла Чернобыля.

Постепенно приходит Просветление. Наступает Осмысление бытия и Осознание себя в нем. Мир начинает проясняться. Всё постепенно определяется

Серое небо становится голубым, ухабистая дорога – ровной, несвежий воздух – чистым, грязный салон – опрятным, озабоченные уставшие и грустные пассажиры – приятными и добрыми людьми. Перестукивание колес, как метрономный отсчет, напоминает о бурно пролетающей жизни. Я всматриваюсь в себя, пытаюсь приподняться над миром и задаюсь вопросом, а какие следы останутся после меня.

Чем стал для меня лично Чернобыль? Испытанием растянувшимся на двадцать лет? Кажется, я обретаю дух жизни.

Может быть, это тот самый дух, который вывел Василия Игнатьевича на новую дорогу жизни? Тот же, что потерял Николай, но благодаря новым друзьям обрел вновь тягу к жизни. Тот самый, что помог Татьяне удержаться в этой жизни и не покинуть её. Тот дух, который помогает моим каширским друзьям жить, преодолевая свалившиеся на них несчастья. Дух, приведший княгиню Ольгу Сергеевну под конец жизни к истокам своего рода. Тот самый дух, который несли людям Святой Макарий, народный Святой Феодор, отшельник Герасим.

Как мне кажется, я понял главное — всё можно преодолеть, если преодолеешь самое трудное — самого себя. *«В себе несем своё изгнание мы»*, — писал Максимилиан Волошин. Воистину, нет врага опаснее для человека, чем он сам для самого себя. Мне кажется, пройти через испытания, не значит потом достичь более высокого уровня благосостояния, карьеры или престижа. Пройти через испытания — значит очиститься, как стремился снять грех со своей семьи Николай Уваров, как прошел через очистные сооружения Федор Петрович Портнов.

Бог дал возможность очищаться на Земле посредством исповеди и покаяния, прощения и искупления. После телесной смерти очищение возможно только в аду. Стоит ли ждать геенны огненной? Не лучше ли подготовиться к встрече с Вечностью и предстать, как сказал Илья Кузьмич, чистым и праведным. Предстать покаянным и искупленным. Вот с такими мыслями я и приехал в свою Кострому.

Сойдя на перрон, сразу же пошел в здание вокзала... в кассы. Людей не было, и заспанная девушка оформила мне билет на завтра до Москвы, а оттуда до Симферополя. Решение принято, отступлений больше не будет. Спасибо за науку, мои дорогие наставники: отец Александр, Николай, Ольга Сергеевна, Илья Кузьмич.

Уже около восьми утра зашел в квартиру, разулся, пошел на кухню... Стоп, стоп, стоп... Что-то не так... Вернулся в коридор, огляделся, прошелся по комнатам, возвратился на кухню. Чисто, прибрано, везде вытерта пыль. А это что? Кастрюли блестят, розовые занавески на окне, новая скатерть... и цветы в вазе на столе!

Нет, ну это вообще ни в какие ворота! Гретта Витальевна! Я не просил наводить порядок! Только брать почту и протирать полы! Всё. Порядок я сам навожу. Ну, соседка! Что я совсем безнадежен? Нет, нее надо меня хоронить! Сейчас разберемся...

Рассердившись, я вышел в общий коридор и позвонил в дверь соседки. Она открыла дверь, но увидав меня, вскрикнула:

— Господи! Петр Валентинович приехал! Подождите, у меня гости. Потом принесу почту, — и не дав мне и слова сказать, захлопнула дверь перед самым моим возмущенным носом.

Во дела! Какие гости в восемь утра? Я вернулся в квартиру. Нет, решительно в таком порядке я не привык жить ... Переоделся и стал вынимать вещи из своего походного чемоданчика.

Раздался звонок. Я не стал спешить – пусть теперь соседка постоит под дверью. А то, надо же, захлопнула передо мной дверь! Делов-то, отдать почту. Минута. Взяла и отдала. Только после третьего звонка, как в театре, не торопясь, я пошел к двери, чтобы устроить маленький спектакль Гретте Витальевне.

Но... перед дверью с пачкой газет в руках стояла... Лена. Сзади неё из-за соседской двери улыбалась Гретта Витальевна.

— Вам почта нужна, Петр Валентинович? – дрожащим голосом промолвила Лена.

— Не-е-ет!.. Мне нужна ты!!!...

Вот собственно и всё.

Продолжать этот дневник больше не имеет смысла.

Разговоры с самим собой сделали своё доброе дело.

*Когда ударит гром
и в дом придет беда,
когда взорвется мир
от чьей-то снеси,
не дайте злобе победить,
когда собой горда,
не дайте Правду потерять
когда исчезнет в прессе.*

*Когда потери жгут
тебя и всех вокруг,
когда дрожит рука,
трепещет разум,
не дайте от себя бежать,
когда ослабнет дух,
не дайте душу озлобить,
когда Добро не сразу.*

*Когда не будет сил
качать по телу кровь,
когда не будет сил
жить так, как прежде,
не дайте руки опустить,
когда умрет Любовь,
не дайте Веру потерять
когда умрет Надежда.*

Нас ведет тот путь, который мы выбираем сами.

Петр Русенко. 14.09.2006 г.

СВ

«А что останется после нас?».

Послесловие Виктора Акатова

Прошло более тридцати лет после аварии.

И ничего не случилось, о чем мечтал Русенко.

Ликвидаторы так и остались ликвидаторами, уважение к ним и забота о них так и не прибавились. Непрофессионализм, безответственность и беспечность всё ещё являются характерной особенностью руководителей предприятий, различных служб и чиновничества. Власти откупаются от ликвидаторов юбилейными медалями и грамотами.

Как часто происходит то, что уже было!

Как часто печальный опыт не становится уроком!

Как часто повторяется то, что не должно повторяться!

Виктор Акатов

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Стр. 6 – «Памяти Валерия Ивановича Ходымчука, оставшегося навсегда в чреве Чернобыльского реактора».
- Стр. 90 – «Грехи и грешники».
- Стр. 184 – «Диптих. Двойной портрет академиков, трижды Героев Социалистического труда А.П. Александрова и А.Д. Сахарова».
- Стр. 229 – «Аллегория».
- Стр. 257 – «Скорбь. Плач по Чернобылью».
- Стр. 260 – «Сомнения совестливого».
- Стр. 360 – «А что останется после нас?»
- Стр. 362 – «Автопортрет автора».

Об авторе

Виктор Акатов – лит. псевдоним поэта, прозаика, художника-графика, энергетика, ученого, общественного и государственного деятеля Романца Павла Викторовича. Он автор трех поэтических книг, романа «Точка невозврата», четырех сборников рассказов, нескольких сказок для детей, альбома графики, девяти персональных художественных выставок, иллюстрировал 11 книг. В сфере науки – более 300 публикаций, профессор, академик Международной академии информатизации при ООН, Заслуженный экономист РФ, Почетный строитель Байконура. Член Союза российских писателей, Творческого союза художников России (ТСХР), Русского географического и Российского военно-исторического обществ. Участник одного из первых десантов на Восточном БАМе, спасательных операций после Ташкентского и Спитакского землетрясений, аварии на Чернобыльской АЭС. Создатель «Музея сохраненной памяти Верхнеунжья». Лауреат Премии «Чернобыльская звезда», Премии им. Павла Флоренского, Международного конкурса рассказов им. А.Куприна; награжден Золотой и Серебряной медалями ТСХР, медалями «Светлый дар Ефима Честнякова», «За заслуги в культуре и искусстве».

Член Союза российских писателей, Творческого союза художников России (ТСХР), Русского географического и Российского военно-исторического обществ. Участник одного из первых десантов на Восточном БАМе, спасательных операций после Ташкентского и Спитакского землетрясений, аварии на Чернобыльской АЭС. Создатель «Музея сохраненной памяти Верхнеунжья». Лауреат Премии «Чернобыльская звезда», Премии им. Павла Флоренского, Международного конкурса рассказов им. А.Куприна; награжден Золотой и Серебряной медалями ТСХР, медалями «Светлый дар Ефима Честнякова», «За заслуги в культуре и искусстве».

Кавалер Ордена Мужества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вместо предисловия</i>	5
ЧАСТЬ I. СЛЕД ГОРЬКОЙ ПОЛЫНИ	7
Глава 1. Всплеск. 18.08.2005 г.	9
Пробуждение. Кошмарный порядок. Допрос с пристрастием. Мрачные подсчеты. Последнее пристанище. Неожиданное возвращение.	
Глава 2. Тот первый день. 23.08.2005 г.	28
Напутствие. Круговорот. Дневник. Шрамы. Не всё потеряно! Начало.	
Глава 3. Розовый след. 26.08.2005 г.	40
Полет. Война. Черногородский. Легасов. Овчаров. Мертвый город. Последний сторож. Grimасы судьбы. Афиши и лозунги. Розовые видения.	
Глава 4. Зов прошлого. 30.08.2005 г.	63
Борщ. Землячка.	
Глава 5. Сети неведения. 2.09.2005 г.	68
Магический чай. След горькой полыни. За ребят! Сорняки. Инфекция. Исчезнувшие сети. Включение.	
Глава 6. Несостоявшийся роман. 4.09.2005 г.	85
Царский подарок. Вдвоём.	
ЧАСТЬ II. ОТЧАЯННЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	89
Глава 7. Люди и звери. 6.09.2005 г.	91
Посиделки. Братья меньшие. Зуд нации. Плесень. Взломщики. Торговля смертью.	
Глава 8. Черный джин. 9.09.2005 г.	113
Оговорка. Опять арифметика. Рыжий лес. Раскоряка. Жаргон. Необыкновенная парочка. Демон.	
Глава 9. Седьмое небо. 14.09.2005 г.	130
Встречи. Ночные сирены. Зарево. Игнатенко. Резетдинов. Вылазка.	
Глава 10. Очищение. 18.09.2005 г.	147
Грехи и судьи. Раскаяние. Пельмени. Смоленка. Легенда о настоящем директоре.	
Глава 11. Прощание. 28.09.2005 г.	172
Последняя прогулка. Маша. Встреча. Мой грех. Прощай, Каширка!	
ЧАСТЬ III. CAUSA CAUSALIS	183

Глава 12. Советская тайна. 12.11.2005 г.	185
Год отрезвления. Свидетели. Секретная драматургия. Режиссеры.	
Глава 13. Страх. 23.12.2005 г.	193
Пожар! Невыученные уроки. Просчеты в расчетах. Всем молчать! Маховик.	
Глава 14. Дезинформация. 12.02.2006 г.	206
Зеленая папка. Не стоит беспокоиться! Оболванивание. Пленники. Заполнение пробелов. Вымученные признания и бездействие. Обвинение.	
Глава 15. Лишние. 26.04.2006 г.	235
Заметание следов. И пепла не останется. Забытое спасибо.	
Глава 16. Отсчет. 29.05.2006 г.	243
На распутье. Трусливый выбор. Предыстория. Корень причин. Самоотверженные. Мой приговор.	
ЧАСТЬ IV. МАКАРЬЕВСКИЙ СЛЕД	259
Глава 17. Вещий сон. 17.06.2006 г.	261
Курортник. Незнакомки. Несостоявшаяся поездка.	
Глава 18. И это не всё. 30.06.2006 г.	277
Неожиданное объяснение. Каберне. Мистическая реальность. Розмовлялки. Стихи. Под зонтиком.	
Глава 19. Новый свет. 28.07.2006 г.	296
Романтический отпуск. Последняя ниточка. Фотография. Вместе. Феерия. Выздоровление. Княгиня. Всё стерто!	
Глава 20. Яблочный Спас. 19.08.2006 г.	315
Письмо. Побег продолжается. Свеча. Исповедь. Володя. Лавина.	
Глава 21. Наперекор. 28.08.2006 г.	334
Дёмин. Прием. Полигоны.	
Глава 22. Обретение. 4.09.2006 г.	340
Храм. Священные служители. Родниковье. Точки невозврата. Завороженное место. Венчание. Всё тот же поезд. Решение.	
 <i>Послесловие Виктора Акатова</i>	361
<i>Перечень иллюстраций</i>	362
<i>Об авторе</i>	362

Виктор Акатов
(П.В. Романец)

ПЕПЕЛ ЧЕРНОБЫЛЯ.
Дневник ликвидатора

Роман в четырех частях

Автор благодарит за помощь и поддержку в работе над романом Владимира Николаевича Леоновича, Нину Федоровну Басову, Наталью Ивановну Панину, Надежду Сергеевну Головкову, а также признателен за помощь Эдуарду Григорьевичу Клейну, Ирине Халидовне Тлиф, Наталье Алексеевне Дружневой, Инне Викторовне Хазовой, Алевтине Алексеевне Водовой, Ксении Родионовой. Особо автор выражает свою благодарность замечательным семьям Бурлуцких и Бесслер, моей дорогой жене, помощнице и первому критику, Любовь Ивановне Потемкиной, и моим детям, все вместе создавшим необходимые условия для работы над книгой.

Редактор –
Компьютерный набор вёрстка, дизайн – Романец П.В.
Иллюстрации, фото – автор Романец П.В.
Корректор – Панина Н.И.

Сведения об издательстве и типографии: